

Издание осуществлено при поддержке
Санкт-Петербургского научного центра РАН
и Социологического института РАН
в рамках серии «Памяти ученого»

23—25 марта 2007 года
Санкт-Петербург

УДК
ББК

Сборник подготовлен к печати О. Б. Божковым, Б. О. Божковым.

Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008. — 272 с.

ISBN

Сборник включает тексты докладов, представленных на первые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства, которые состоялись 23–25 марта 2007 года в Санкт-Петербурге.

Тематика чтений представляет круг научных проблем и интересов В. Голофаства (1941–2004) и руководимого им сектора СИ РАН. Книга адресована обществоведам, в первую очередь социологам, культурологам, историкам. Рекомендуется студентам и аспирантам.

Российская академия наук
Социологический институт
Леонтьевский центр
Европейский университет в СПб
Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС)

Социологические чтения
Памяти **Валерия Борисовича Голофа**ста

Социология вчера, сегодня, завтра

23—25 марта 2007 года
Санкт-Петербург

ВАЛЕРИИ ГОЛОФАСТ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сергей Самуилович РАПОПОРТ (*Вильнюс*)

ЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В марте 2001 года я отослал Валерию Борисовичу Голофасту «глубокое удовлетворение по поводу того, что некогда мне посчастливилось приблизиться, т. е. пересечь черту, отделяющую его так называемый ближний круг — от миллионов совершенно посторонних людей, которые согласились прикинуться имеющими крайне интересные для него — т. е. Валерия Борисовича — тайны, на разгадку которых он не пощадил лучшие заливы отведенного ему моря жизни». Тут, в принципе, все сказано; остается — в контексте 2007 года — немного прокомментировать вышесказанное.

20 с лишним лет назад я (живьем, а не заочно — как с автором) познакомился с Валерием Борисовичем Голофастом на «социокультурной территории», куда пробились люди, преодолевшие частную жизнь; попасть в клан профессиональных ученых означало жизненный успех. Симпатичное своеобразие этого «гетто научности» заключалось в том, что объектом мышления собравшихся там людей было поведение множества анонимных жителей, раскинувшихся «за забором» во всей остальной жизни.

Передо мной — стажером из тогдашней провинции — Валерий Борисович предстал в своей теперь «канонизированной» ипостаси — как социальный мыслитель, культуролог, автор ученых текстов и заведующий сектором социологического института в Ленинграде.

Начальный этап знакомства означал преодоление цензовых преград, обязательно отмеченных клановой престижностью — обменом публикациями, так или иначе преодолевавшими банальность и застойность тогдашней правящей идеологии, текстами и идеями, которые ни в коем случае не могли быть тогда опубликованы и т. п. Без этого формального условия у меня не было бы практически никакого шанса наткнуться на Валерия Борисовича среди хаоса его и моей жизни.

Дальше уже началось неосознаваемое преодоление этой публичности — по направлению к индивидуализации встречи и частным отношениям.

Научность стала внешностью, оформлявшей наше сопричастие и сомыслие; точнее говоря, качество работы его головы, которым я наслаждался, было неотделимо от вкуса этого совершенно конкретного частного человека. Впрочем, публичные проявления Валерия Борисовича не имели характера назидательного, были импровизациями и открытиями — и для себя, и для окружающих. Теперь, после того, как наши размышления на социокультурные темы приобрели индивидуальный характер, я и в его опубликованных текстах слышу тембры и отзвуки его частности. Кстати, он

в своих публикациях и размышлениях часто занимался обобщениями частной человеческой жизни.

Так вот, в первой, официальной ипостаси житие Валерия Борисовича превращалось во вклад в публичную культуру, т. е. склад его работ и замыслов, адресаты-реципиенты которых предусматриваются самим фактом публикаций или — невнятно материализуются, в частности, в голосах на этой конференции. Вторая его ипостась, о которой я тут распространяюсь, это был он сам, его участие-присутствие в культуре живой, творящейся здесь и сейчас, безотносительно к эху дальних, незнакомых воспринимателей, учеников, конкурентов и ученых авторитетов. Результаты того, как Валера переживал и понимал жизнь, в которой ему довелось жить, оказывались устными сиюминутными текстами, рассчитанными на конкретного адресата, присутствовавшего рядом или на расстоянии электронного письма.

Понятное дело, все эти предположения распространяемы на всех участников тогдашнего питерского дружеского круга, кто готов согласиться с ними.

Остается заключить, что Валерий Борисович Голофаст в первом описанном выше воплощении перешел в распоряжение памяти публичной культуры и тем самым стал бессмертным.

Только частная жизнь предусматривает неизбежную смерть. Восьмого декабря две тысячи четвертого года описанное выше непосредственное культурное событие прекратилось; частный человек Валерий стал достоянием ветшающей памяти нескольких исчезающих граждан.

Борис Зусманович ДОКТОРОВ (*США, независимый исследователь*)

ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЯХ И БИОГРАФИИ В ИСТОРИИ

На этом жизнь кончается моя.
Исчезнет все со мною без меня.

В. Голофаст, начало 60-х, Ленинград

<http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>

Название статьи для чтений памяти В. Б. Голофаста возникло давно, и на тот момент оно не только отражало опыт работы нескольких лет по историко-научно-ведческой тематике, но и содержало импульс к рассмотрению новой проблематики, связанной с методологией биографического. Казалось, что нескольких месяцев будет достаточно для выстраивания подхода к анализу проблемной коллизии, присутствующей во взаимоотношениях биографии и истории. Естественно, замысел касался не поиска общетеоретических конструкций, но лишь той предметной области, которая интересует меня в последние пару лет, — истории российской социологии постхрущевского периода и судеб первых поколений советских социологов. Однако прошедшие полгода заметно изменили мои представления о сущности биографии как индикаторе истории и источнике исторического материала; сложилось четкое ощущение, что мое видение этой проблемной области будет меняться и далее. Потому ограничусь краткими замечаниями по заявленной теме, лишь очерчивающими общее пространство анализа «взаимоналожений», или «взаимовложений», биографии и истории.

В середине февраля 2007 года в Москве прошли чтения памяти Г. С. Батыгина, обоснованно включавшие проблематику истории российской социологии, начиная с дореволюционного периода, и биографического метода. Участие в упомянутой конференции, а также мои многолетние дружеские отношения с Геннадием Батыгиным и Валерием Голофастом позволяют мне высказать ряд соображений, касающихся их вклада в развитие биографического метода.

Прежде всего замечу, что Батыгин и Голофаст являются одними из первых, кто в современной российской социологии обратил внимание на возможности этого приема анализа социальной реальности и кто начал систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Это их роднит. Но что их различает?

Для Батыгина и Голофаста биографический метод был приемом познания прошлого. Однако если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаст — обращался к прошлому людей, т. е. к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека и его биографию. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии (не только советской, им, к примеру, написан очерк о Пауле Лазарсфельде), а второй — историей ряда поколений советских людей.

Представляется, что Батыгина в первую очередь интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки, в частности его последние работы касались

этих проблемных сфер. Таким образом биографический подход становился у него одним из методов исследований функционирования социального института. Голофастан более интересовала частная жизнь людей, потому в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием.

Что еще объединяет обоих, так это то, что они оба были лишь в начале своих поисков, и поэтому трудно сказать, в каком направлении они бы их продолжили...

Я подошел к изучению истории советской социологии, имея определенный опыт историко-наукоеведческих исследований прошлого, настоящего и будущего, занимаясь опросами общественного мнения в США. Вместе с тем я опирался на работы, в которых обсуждаются вопросы истории советской социологии: коллективная монография «Социология в СССР», вышедшая в конце 1990-х под редакцией В. А. Ядова, книга о российской социологии 1960-х годов, подготовленная Г. С. Батыгиным, монография Б. М. Фирсова по истории советской социологии и ряд других.

Определенный импульс самого общего, философско-методологического плана мне дал Валерий Голофастан. В настоящее время я начинаю все отчетливее ощущать в моих рассуждениях влияние того подхода, который А. Н. Алексеев уже много лет ищет и отстаивает в своей «Драматической социологии». Прежде всего я имею в виду принцип ауторефлексии.

Мои собственные рассуждения и выводы относительно истории в биографиях и биографии в истории базируются на работе по четырем направлениям, параллельно развиваемым мною в настоящее время.

Первый проект — это изучение творческой биографии Джорджа Гэллага и становления американской технологии опросов общественного мнения. В рамках данного проекта, отраженного в серии статей и двух книгах, изучено значительное число биографий участников этого почти трехвекового процесса. Второе направление моих историко-биографических исследований касается зарождения и становления классической американской рекламы. В этом случае также оправданно говорить о множестве участников и продолжительности периода наблюдений: от начала XIX века до середины прошлого столетия. Оба эти проекта разрабатываются уже свыше пяти лет. Третий проект возник недавно; я называю его оперативным историко-биографическим исследованием. Оно фокусируется на биографиях выдающихся полстеров второй половины XX века, и его первые результаты представлены на страницах журнала «Социальная реальность», издаваемого Фондом «Общественное мнение». Наконец, четвертый проект связан с историей российской социологии советского периода. Сейчас он прежде всего раскрывается в серии биографических интервью, проведенных по электронной почте с российскими социологами разных поколений. Главное отличие этой работы от исследований американской локальности заключается в том, что предметом анализа является развивающаяся реальность. Динамика этого проекта отражена в значительном числе публикаций в петербургском журнале «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований».

Четыре названных проекта охватывают разные предметные области, сосредоточены на разных временных интервалах, погружены в разные культурные и политические среды. Это создает многомерность видения темы «Биографии и история» и

позволяет надеяться на вычленение общего рода методологических проблем и обнаружение достаточно универсальных решений. Теперь закономерен вопрос о том, что их связывает, что у них общего.

История науки — это, прежде всего, анализ динамики идей, концепций, методов, теорий, приемов и т. д. Все это можно изучать и без привязки к конкретным персоналиям, так сказать, абстрактно, просто как развитие мысли.

Биографии людей, поколений, тех или иных общностей являются предметом социологических исследований различной направленности. Назову: образ и качество жизни, механизмы передачи традиций, групповые, в том числе — семейные ценности, процессы социализации в различных средах и т. д. Есть и задачи более камерного характера. Отсюда и проистекает высокий интерес к биографическому методу. И чем выше общество ценит, чем глуже оно осознает роль человека, личности, тем более внимательно оно к биографиям. Многолетний интерес советских читателей к серии книг «Жизнь замечательных людей», популярность мемуарной литературы — индикатор стремления людей знать больше о других и искать в их опыте ориентиры собственной жизни.

Задача моих исследований — соединить, синтезировать эти научно-изыскательские направления. Цель — история (предмет может конкретизироваться), а итогом биографического анализа участников тех или иных процессов становится не описание жизни того или иного субъекта деятельности, но развитие тех или иных идей, методов, способов отражения окружающего мира.

В рамках этого подхода мне представляется возможным выделить два главных направления теоретико-эмпирического анализа: история в биографиях и биографии в истории.

В настоящее время оба этих аналитических направления разрабатываются при исследовании истории советского этапа российской социологии и судеб советских социологов.

История в биографиях — это то, каким представляется прошлое российской социологии в воспоминаниях первых поколений социологов. Скажу иначе: история в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии советской социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят свое прошлое.

Исследование биографий в истории — это изучение того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Когда я задумываюсь о Валерии Голофасте, я вижу в нем яркого представителя третьего поколения российских социологов постхрущевского периода. Уверен, что если мне придется обстоятельно анализировать особенности этой профессиональной когорты, то обращение к судьбе Валерия может оказаться крайне плодотворным для понимания роли этого поколения в становлении советской социологической науки.

Я благодарен О. Б. Божкову за то, что после смерти Голофаста он переслал мне большое число писем, которыми мы с Валерием обменялись за несколько лет. В моем электронном архиве многого не сохранилось.

11 июля 2003 г. Валерий писал мне:

«На филфаке я учился в 1960—1965. Когда я приехал в Ленинград, у меня еще был поэтический период. В 1960—1961 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзозов. Ушел по личным мотивам — меня завалили по языку, — а это было хана пребыванию в Ленинграде. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Замечу, Константин Кузьминский — человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андерграунда конца 1950-х — начала 1960-х, человек феноменальной памяти на стихи, выпустивший в Америке пятитомную «Антологию новейшей русской поэзии у Голубой лагуны».

Я ответил тогда Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы входили с ним в пересекающиеся дружеские компании. Уже после смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он мне ответил, что считает стихи Голофаста гениальными и указал сайт¹, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихов.

Мне кажется верным, если на конференции прозвучит и сказанное Кузьминским о Голофасте, и хотя бы пара стихотворений Валерия.

«Голофаст. Он тоже входил в нашу «школу», хотя не был биологом. А филологом... Голофаста встретили мы осенью 1960-го в ЛИТО у Наденьки Поляковой...

Так вот, для Наденьки Голофаст был открытием. Родом из Днепрпетровска, Валерий Голофаст был, как и я, 1940-го года рождения. Стихи, с которыми он пришел, были — уже — написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность — вот философичность-то, по-моему, Голофаста и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. Стихи его восхищенная Наденька потащила в «Неву» Всеволоду Рождественскому. Рождественский восхищение разделял, но печатать отказывался...

Конечно, хорошо, что Голофаста не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем — дошел бы до полного самоотрицания. А так — хоть подышал. Но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит — за многих....

Рукописи Голофаста утеряны нынешней израильской гражданкой Эстер Вейнгер, и то, что привожу я здесь, осталось — чудом — в моей памяти.

---

¹ У голубой лагуны. Анталогия новейшей русской поэзии: Том 5. <http://kkk-bluelagoon.nn.ru/tom5a/zub_goloflast.htm#1>.

Единственное или два хокку из книги «Триста трехстиший». И стихи. Голофаста я встретил перед отъездом в «Сайгоне», поблекшего, усталого и голодного. Дал ему телефон. Он не позвонил. Жалко.

Что сказать о поэте?... двадцать лет прошло уже, и сейчас Голофасту — 40. Я ошибся, он на год был старше меня, или же, наоборот, на год моложе.

И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он — потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи.

...И ведь о Голофасте, даже когда был знаком, дружен был — не удосужился узнать ничего. Описывать же — я не мастак. Зрительной памяти у меня нет. Только стихи и помню. По полицейским приметам — росту он был чуть выше среднего, голова с чуть раскосыми бровями и украинским носом с горбинкой, подбородок острый, но сильный. Наблюдалась некоторая угловатость в лице, причем голова, при сильном же туловище, выглядела как-то тяжелее. Какая-то птичьесть наблюдалась в нем, особенно, когда встретил его 15 лет спустя, голодноватого и в поношенном костюме. Как-то кости все обострились. Волосы были темно-русые, усов не носил, бороду брил. Прическу имел вроде как кок, но затылок не стриженный. Я все пытаюсь представить его, вижу, но описать не берусь. Не мое амплуа это. Говорил он с легким южно-русским акцентом, поскольку был из Днепропетровска. Учился на философском, знал французский язык, это я точно помню. В 1962 году писатель Л. В. Успенский выбросил на помойку кучу книг, в том числе французских, и я все искал Голофаста, чтоб разобраться. Не нашел. В общезжитии я у него никогда не был, встречались в ЛИТО и у меня. Казался он мне почему-то гораздо старше, может, потому что сам я был щенком? Но ощущение большего знания — у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас.

Что стало с человеком? Куда и почему он пошел? И сколько таких, много же?».

Баллада, написанная в дороге

*Чувство дороги рождается сразу,
С первого разу, на первом пороге,
Чувство дороги — оно неизменно
И долго мерещится вгорячах,
Как чувство тревоги, как чувство обрыва,
Манит и тянет, и мучит тебя.
Едва ты встал осторожно на ноги,
Шатаясь, отнял руку от стула,
Это значит — чувство дороги,
Чувство тревоги тебя захлестнуло.
Ну, так да здравствует дорожное братство!
Чувство дороги — да будет прославлено!
Мне ничего не стоит собраться.
И эта баллада — в дороге составлена.*

* * *

*Там голубые звезды на мели
Оставлены медлительным отливом.
Там далеко проходят корабли.
Там скалы светятся серебряным отливом,
Когда луна высветливает мир,
И ночь огромна, как огромна ночь
Над морем, если в море тишина
И только ты сидишь на берегу.
Я поднимаюсь снизу по камням.
Мы долго молча смотрим друг на друга,
И так сидим. И берег нам скамья.
И я дрожу от твоего испуга...
Не надо слов — пусть будет взгляд сухим.
В такую ночь, под звездами такими
Пусть каждый будет тверд перед другими,
Перед его законами нагими.
Законы мира... Я смотрю в глаза
Твои. Их буря — бесконечной ночи.
Мир только наш! Ты слышишь? Я сказал:
Он только в нас с тобой сосредоточен!
Утри глаза. Пусть будет взгляд сухим.
Дай руку. Здесь, на этом берегу,
Пусть каждый будет тверд перед другим!..
— Пойдем вниз. Здесь можно оступиться.
Держись за меня.
Я помогу...*

Я познакомился с Голофастом году в 1973-м или 1974-м, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах академической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но, по-моему, лишь из приведенного выше письма я узнал, что в юности Валерий писал стихи, и только после этого я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Голофаст скоропостижно скончался 8 декабря 2004 года. И даже в том (а, может быть, именно в том) случае, когда человек уходит мгновенно, особо значимыми для понимания его внутреннего мира оказывается сказанное им в конце жизни. 1 ноября того года при обсуждении стиля научных статей он писал: «...а меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик...». А вот завершающий абзац последнего письма, полученного мною от Голофаста (6 декабря 2004):

*«Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, ста-
тьи. Он — философствующий историк. Любимый жанр».*

Да, то, что наблюдал Константин Кузьминский в 20-летнем Валерии Голофасте, присутствовало в нем всегда.

В некрологе, написанном через пару часов после получения сообщения о смерти Валерия от его дочери Оксаны, я отметил:

«Четверть века назад была опубликована небольшая книга Голофаста «Методологический анализ в социальном исследовании», детали некоторых его теоретических построений уже забылись, но во мне хранится ощущение эмоциональной приподнятости, возникавшее при чтении этой книги. Так, как писал Голофаст, дано немногим...».

Это было сказано без какого либо преувеличения.

А завершался этот текст словами:

«Я посмотрел мои публикации последних лет... чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо, Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит и все остальное будет серее...».

Так и оказалось...

ЭТОС НАУКИ В ПЕРСПЕКТИВЕ В. ГОЛОФАСТА¹

Светлой памяти
Валерия Борисовича Голофаства

Данная статья представляет собой попытку реконструкции системы взглядов известного питерского социолога Валерия Голофаства (1941–2004) на этос научного сообщества, в основе которой лежат его статьи, интервью, ответы на вопросы экспертного опроса, а также реальные поступки, отраженные в воспоминаниях коллег.

Несомненно, что теоретические изыскания социального мыслителя приобретают большее звучание, если коллега-социолог может почерпнуть из них не только аргументы, действующие в сфере специализации автора, но и новые идеи, которые неожиданным образом начинают работать и в других областях социологии. Внимательное чтение статей Валерия Борисовича дало импульс к рождению нескольких тезисов, которыми я обязана исключительно его теоретическому наследию.

На наш взгляд, В. Голофаству удалось зафиксировать ряд ключевых проблем этической составляющей жизни ученых, выявить нервные узлы в не всегда явных и поддающихся вербализации этических практиках научного сообщества со всеми их амбивалентностями, противоречиями, сложным смещением конформного и девиантного поведения. Вместе с тем самое его служение научной истине на перекрестье этоса науки и этоса идеологии, трагическая история с неопубликованной книгой, его желание сохранить свободу мысли и быть свободным от старых и новых догматик служит своего рода case-study, поучительной иллюстрацией постоянного напряжения, мучительного противостояния между идеальными нормами и реальной жизнью.

Какие же уроки мы можем вынести из теоретического и биографического наследия В. Голофаства?

Мораль и профессиональный этос

Прежде всего, в работах В. Голофаства обращает на себя внимание новая концептуализация терминов морали и этосов профессиональных сообществ. Так, Валерий Борисович рассматривал мораль *«как фундаментальное свойство локального общезития, особенно если локальное обжито, обустроено, опривычено, свое»*². В свою очередь, профессиональные этосы, по его мнению, обладают двумя

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Этос науки академического сообщества России в эпоху реформ»), проект № 07-03-00187а

² Голофаств В. Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаств; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 365–385. Также опубликовано в «Телескоп: наблюдения за жизнью петербуржцев». 2004. №2. С. 2–11.

ипостасями, порожденными отношениями как внутри сообществ, так и во взаимодействии с внешним обществом. Он полагал, что *«этические системы профессионалов неизбежно двучастны: отношения внутри профессиональных сообществ регулируются иначе, чем окружающим обществом (включая клиентов, если они явно не определены). Иначе говоря, такие этосы не выходят за пределы традиционной формулы «мы — они». Это означает, что они являются не столько формой морали, сколько частными, прагматическими идеологиями, ориентирами специализированных действий и особых отношений»*¹.

В этих словах звучит явная переключка с его ответами на вопрос анкеты 2004 г. с просьбой описать существующие в научном сообществе этические нормы и табу: *«Эти нормы конъюнктурны. Их слишком много, чтобы описывать. Даже табу. Я считаю, что эти нормы выходят за пределы обычной этики и составляют все время меняющуюся (адаптивную) прагматическую идеологию ученого. Удерживать индивида в их поле может только профессиональное сообщество. Оправданием служат обычные признаки достижений — публикации, поездки, выступления, круг коллег «здесь» и «там», где еще активен индивид или где он признан. Есть еще внешнее — социальное признание, которое важно в основном для карьеристов или для научной элиты в старости»* [см. приложение].

Этическая автономность и независимость

Один из наиболее ярких фрагментов тезисов В. Голофаства — это рефлексия по поводу того, как сложно и подчас невозможно человеку сохранить этическую автономность и независимость от своего профессионального сообщества, а в более широкой перспективе — советского общества. Рассуждая о системе этических координат с его «нулем» — общепринятыми моделями этических практик и моделями, лежащими на оси в точках близких к «-» и «+» бесконечности, В. Голофаств отмечал, что *«есть такая средняя полоса, где действует всеобщий конформизм принятых правил поведения, и есть края, есть откровенные негодяи. Их имена известны в нашей истории. И есть, с другой стороны, отчаянные люди, которые даже в самых немыслимых ситуациях пытались проводить классическую логику порядочного человека, обладающего моральным суждением, моральной автономией, выбирающего поведение в каждой конкретной ситуации, в своем каждом конкретном поступке»*. И это поведение было неразумно не только с точки зрения системы, но даже с точки зрения близких людей.

¹ Голофаств В. Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаств; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 365—385. Также опубликовано в «Телескоп: наблюдения за жизнью петербуржцев». 2004. №2. С. 2—11.

Затрагивая тему этоса советского человека и его естественное продолжение — этос россиянина, он отмечал, что *«социальная система значительно сильнее человека. И если очень незначительное меньшинство в состоянии укрыться [от] социальной системы, уйти во внутреннюю изоляцию, сохранить свой собственный моральный этос и моральные убеждения, то это исключение. Это исключение для тех людей, которые выброшены из общества. А люди, которые, так или иначе, принимают правила игры социальной системы, вынуждены конформировать достаточно глубоко, вплоть до своего глубинного двойного, тройного сознания»*¹.

Он полагал, что *«простой советский человек, если под ним понимать не просто человека улицы, не просто любого представителя рабочего класса, но и любого интеллектуала, любого представителя интеллигенции — он так или иначе был встроен в рутину, у него не было выхода. У него не было морального выбора, у него не было моральной автономии». Более того, «те, кто пытается уйти во внутреннюю изоляцию, вести себя пассивно, не причиняя вреда и так далее, — даже эти люди испытывают огромные трудности в регуляции собственного поведения...»*².

В. Голофаст: в скрещении этоса науки и этоса идеологии

О том, как В. Голофаст понимал этос советской, а затем и российской науки, могут говорить не только его публикации, но и реальные дела. Большую часть своей научной карьеры он провел в скрещении этосов науки и этосов идеологии (последняя концепция принадлежит советскому-американскому социологу Дмитрию Шалину). В своей статье 1979 г. «Между этосом науки и этосом идеологии», он внимательно проанализировал то постоянное напряжение, неослабевающий конфликт между идеологической и научной повестками дня, присущими жизни советских ученых в 1970—1980-е гг.³.

Помимо Мертоновской концепции «этоса науки» (1942, 1957), он использовал концепцию «этоса идеологии», вводя ее как дополнение к классическим императивам Р.К. Мертона. Если Мертоновскую систему норм идеального академического научного сообщества можно записать в качестве акронима CUDOS по первым буквам следующих императивов:

¹ Там же, С. 373—374

² Галина Саганенко, Валерий Голофаст: «Мы, беспартийные, пришли на открытое собрание и дали бой...» // Сайт Международной биографической инициативы. Интервью записано 25 апреля 1990 г. в Бостоне (США). http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html. Также опубликовано в Галина Саганенко, Валерий Голофаст «Беседа о русской интеллигенции» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №2. с. 6-17. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2008&id=555

³ Там же

C — Communalism — Communism — Всеобщность научного знания,
 U — Universalism — Универсализм,
 D — Disinterestedness — Незаинтересованность (бескорыстие),
 OS — Organized Skepticism — Организованный скептицизм¹, с прибавлением к
 ним двух позднее добавленных норм:

Originality — Оригинальность,
 Humility — Скромность²,

то система норм советской социологии, по Дм. Шалину, выглядела так:

«Научный изоляционизм, научный национализм» (privatism),
 «Классовый империализм, монополия одного класса» (imperialism),
 «Партийность» (partisanship) — поддержка учеными интересов той или иной
 партии, группы людей»,
 «Организованная травля, коллективное осуждение» («organized ostracism»),
 коллективный остракизм, направленный против тех, кто позволил себе неправильную
 точку зрения»³.

По мнению Дм. Шалина, этос науки в советской социологии слился с этосом
 идеологии, причем последний имел явный приоритет. Дух идеологии противостоял
 «этосу науки», в той мере, в какой он поощрял партийность в науке, классовый под-
 ход, преимущество интересов одного класса и боролся против тех ученых, которые
 отходили от генеральной линии партии⁴.

К вышесказанному стоит добавить слова Валерия Голофаства, что *«всякая идеология редактирует мораль в интересах «мы» и «они». Редактирует, значит, отбирает из морального поля традиции удобные элементы и интерпретирует отобранные принципы к ситуативным требованиям сегментарных интересов»*⁵.

В предисловии к книге «Социология семьи. Статьи разных лет», вышедшей уже
 после его ухода, О. Божков и Т. Протасенко приводят выписку из текста «приговора»
 в адрес Голофаства-ученого, последовавшего как наказание за его книгу и ярко
 иллюстрирующего проявления этоса идеологии — жесткого редактирования этических
 правил науки в интересах «мы» и «они»: *«За недостаточно ответственное
 отношение к доработке рукописи, отсутствие должной принципиальности*

¹ Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. and with an Intro. by Norman W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. P. 268–269

² Там же. С. 293–305.

³ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 286–287.

⁴ Из личного e-mail сообщения Дм. Шалина Н. Деминой, 7 декабря 2007 г.

⁵ Голофаств В. Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаств; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 369.

и исполнительной дисциплины, что выразилось в нежелании прислушиваться к критическим замечаниям и слабой доработке отдельных положений монографии в идеологическом плане объявить выговор с занесением в учетную карточку»¹.

Коллеги отмечают, что «Валерий Голофаст не был неистовым борцом, не любил конфликтов», «для него самой большой ценностью была среда обитания, сам процесс научного общения», но в этом противостоянии этоса науки и этоса идеологии Голофаст старался сохранить независимость и твердость духа. Попытка удержать баланс между независимостью и конформизмом окончилась трагически — по словам коллег, история с запрещенной книгой надломил его, внеся в его характер ранее не чувствовавшуюся душевную усталость² (подробный анализ разумности формального конформизма и пределах морального компромисса см. в статье Д. Шалина³).

Локальное—глобальное в этосе науки

Говоря о проблемах морали, Голофаст полагал, что «мораль как бы вычищается из глобальных контекстов, от нее остается едва ощутимая пленка внешних приличий, столь же неопределенная, как внешний вид, признаки личной культуры...»⁴.

Эти слова, пожалуй, нельзя отнести к этосу научного сообщества, который обладает уникальными чертами: он глобален, един для всех ученых, но вместе с тем пронизан нитями локальности.

Локальность и глобальность этических практик ученых взаимно влияют друг на друга, но при этом глобальность получает явный приоритет. Более того, можно сказать, что чем больше локальности, тем меньше науки: чем чаще звучат ссылки на необходимость учета местных контекстов и непереводаемость научных результатов на другие языки — тем больше оснований подозревать, что полученные результаты не являются научными.

По отзывам многих опрошенных мною экспертов, активно интегрированных в мировое поле науки, этические принципы науки едины, отличаясь лишь оттенками. Общение же с коллегами, менее включенные в мировую науку, показывают, что в их ответах преобладают указания на локальность этических норм ученых, их зависимость от специфики географического региона, научной дисциплины и даже научного института.

---

¹ Божков О.Б., Протасенко О.Б. // Социология семьи. Статьи разных лет / В.Б. Голофаст; под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006. (Серия «Российская социология»). с. 7.

² Там же. С. 8.

³ Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №2. с. 18-24. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2008&id=563

⁴ Голофаст В.Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В.Б. Голофаст; под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 366.

Ученые экстра-класса, участвующие в конференциях по всему миру, публикующиеся в лучших рецензируемых журналах, являются своего рода «glocals» — представителями той самой глокализации, они способны и могут «думать глобально, а действовать локально». Для российских ученых, особенно тех, кто работает в области дисциплин, в течение многих лет пребывавших под гнетом идеологического давления, этические практики до сих пор во многом подчинены требованиям локальности.

Для описания этих опирающихся на местные традиции и поэтому партикулярных практик крайне полезны замечания В. Голофаства, который безотносительно к проблемам этоса науки отмечал, что *«локальный контекст держится на сложившихся формах организации и на постоянно возникающей, возобновляемой обиходом или действительно новой самоорганизации, у которой практически нет границ, кроме морали. Локальность — это пространство устойчивой солидарности, взаимного понимания и гарантированного удовлетворения как личных, так и коллективных интересов, потребностей или стремлений»*¹.

И далее: *«свобода поведения индивида в локальном контексте опирается на традиции и сложившийся групповой обиход. Традиции рассматриваются как общее наследие локальности, как бы они не были размыты, они сохраняют роль надежных для реакции других (предсказуемости) ориентиров, они дают готовые линии действия и взаимодействия, а поддерживающие традиционные формы ритуалы всегда позволяют подготовить групповой контекст или спасти его от случайного сбоя или неудачи. Традиции расставляют многое по местам... Групповой обиход партикулярен, он учитывает привычки и способности каждого, но и дает простор индивидуальной импровизации, выдумке, юмору и иере. Интеграция локальности это коллективный групповой процесс, который никогда не заканчивается, но и никогда не осуществляется на пустом месте. Свобода эмоционального самовыражения связана не только с фазами группового процесса (регулируется ритуалом), но и с личной компетентностью относительно локального контекста, генерализованным статусом в сообществе (престиж, репутация) или взятой на себя инициативой»*².

Отмечая важную роль традиций в воспроизводстве этических практик, организации морали и давлении общества в отношении тех, кто традицией пренебрегает В. Голофаств полагал, что *«воспроизводство обихода, локальности требует усилий от всех участников, неспособных страхуют другие, взаимопомощь и координация усилий выступают просто естественным моральным долгом, никто не рассматривает потраченные усилия на весах расчета, выгоды или прибыли. ... Мораль может эффективно действовать только при более или менее ясной ретроспективе прошлого и взаимной перспективе будущего, то есть в лоне, хотя бы рыхлой, но традиции. Традиции можно пытаться «переписывать» неоднократно, но ею нельзя пренебречь вообще. Делаящий вид, что никаких традиций нет, немедленно оказывается в категории исключенных, со всеми*

¹ Там же, с. 367.

² Там же. С. 366.

неизбежными последствиями для него и для самоорганизующегося в ответ на это поведение группового процесса (Н. Д. — здесь Голофаст дает отсылку на статью Elias N., Scotson J.L. 1965¹). Действующий всегда находится в зоне риска и игры, но, с другой стороны, он всегда ощущает фон обихода и традиций, коллективных ориентиров, признаков и правил»².

Он справедливо полагал, что многие люди в повседневной жизни решают не проблемы «можно/нельзя», рационально взвешивая на внутренних весах последствия возможных способов поведения, а действуют так, чтобы быть как все, не выбиваться из общего контекста: «Приличия — фундамент морали, даже если они оставляют широкий простор для стилистических или индивидуальных вариаций. Потому что приличия — это не просто демонстрация, не сюита для одного инструмента, но пьеса для маленького ансамбля. Правильность игры удостоверяется коллективными реакциями, опирается на традицию, уместность, оценивается на адекватность»³.

Рассуждая о том, так сообщество с его локальными практиками отвечает на атаки внешних сообществ, вмешательство более глобальных этических норм, В. Голофаст отмечал: «Локальный контекст поддерживает спонтанные формы коллективности и игры благодаря сложившимся и признанным, законным культурным ресурсам локальности, причем это верно не только для гладких, гармоничных форм взаимодействия, но и для конфликтных, кризисных форум или для оборонительных действий в непредсказуемом или чуждом окружении локальности. Любое вмешательство постороннего порождает ответные шаги, коллективное действие, оно стратегически выверено, запускается без колебаний, гарантирует, по крайней мере, проверку и поддержку солидарности в локальном сообществе. Возбуждается коллективный ансамбль чувств и мобилизаций — от осторожного внимания до поощрения или всего спектра допустимых агрессивных форм, включая демонстративное безразличие, бойкот и другие формы исключения»⁴.

В. Голофаст о ценности свободы мысли и незаинтересованности

Перестройка и последовавшие преобразование сделали многое, чтобы сместить бремя идеологии с плеч российских ученых. Голофаст получил возможность много ездить по миру, выступать на научных конференциях, свободно общаться с колле-

---

¹ Elias N., Scotson J. L. The established and the outsiders: a sociological enquiry into community problems. London: Sage publications, 1965 (2nd ed. 1994).

² Голофаст В. Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетей, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 368—369

³ Там же. С. 376.

⁴ Там же. С. 366—367.

гами из различных стран мира. Он, наконец, получил то, о чем он говорил в своем Гарвардском интервью 1990-го года: *«Что мне нужно, это свобода, поездки, мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне, чтоб я мог общаться, чтоб я мог публиковаться»*¹.

Ценность свободы мысли, в том числе от догм, для него была абсолютной. В. А. Ядов вспоминал, что В. Голофаства отличала *«истинная интеллигентность, т. е. независимость мышления, отсутствие самоцензуры в годы, когда это встречалось не часто»*². Наряду с несомненно позитивными тенденциями в российской науке В. Голофаства обращал внимание коллег на опасность нового догматизма. Анализируя состоявшиеся на сайте «ФОМ-Клуба» виртуальные дебаты между молодыми социологами, он отмечал, что *«в период противостояния легко было различать красных и белых. Потом вроде наступило время плюрализма (знаете, как Ядов пропагандировал его, а я к нему приставал в вопросе, что же Вы делаете, а он в ответ — пусть освобождаются). И вдруг новый догматизм, который даже не подозревает пропасти разногласий и колебаний на мировой социологической сцене»*³.

Он полагал, что вечная дилемма социологии такова — «стоять между людьми без голоса, денег и понимания происходящего с одной стороны, и циниками чистогана, захвата или высокомерия с другой». В. Голофаства настаивал на важности ценности незаинтересованности ученого в конечном результате и коммерческого интереса к его работе: *«Если поле зрения социолога искривляется в угоду индивидуалистическому порыву, а тем более, если социолог помещает себя в позицию обслуживания его страстей, весь исторический багаж социальной мысли обесценивается, спускается по цене, предлагаемой «здесь и теперь»*⁴.

В. Голофаства о всеобщности научного знания

Еще одним ярким проявлением выполнения классических норм науки в жизни В. Голофаства была его готовность делиться своими научными результатами: не важно в публикациях ли или в работе мысли. В своих воспоминаниях о В. Голофастве В. А. Ядов сделал важное замечание: *«Правду сказать он не очень стремился*

¹ Галина Саганенко, Валерий Голофаства: «Мы, беспартийные, пришли на открытое собрание и дали бой...» // Сайт Международной биографической инициативы. Интервью записано 25 апреля 1990 г. в Бостоне (США). http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html. Также опубликовано в Галина Саганенко, Валерий Голофаства «Беседа о русской интеллигенции» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №2. С. 6–17. http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2008&id=555

² Ядов В. А. Валерий не скупился на разбрасывание идей // Pseudology.org, 9 декабря 2004 г. http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm

³ Божков О. Б. Памяти друга // «Социологический журнал». 2005. № 1. С. 172–173.

⁴ Голофаства В. Б. Отвлечение Социологии по поводу публикации в «НЗ» доклада Лорана Тевено // ФОМ-Клуб, 12 октября 2004 г. <http://club.fom.ru/entry.html?entry=1790>

немедля публиковать результаты своих исследований, пока не обдумает их со всевозможных сторон. Такова определенно особенность «понимающей» социологии и такова, по всей вероятности, его индивидуальная особенность. Зато Валерий не скупился на разбрасывание интереснейших идей в ходе наших споров, причем не припомню случая, чтобы он напоминал кому-либо из коллег свое авторство. А между тем «разработчиков» голофастовых идей было немало и среди нас и среди студентов»¹.

Б. З. Докторов, выделяя прекрасную память В. Голофаства, его эрудированность, знание нескольких иностранных языков и профессиональную компетентность, четкую ориентацию в мире специальной литературы, владение всем багажом истории социологии и многих методико-инструментальных разделов социологической науки отмечал, что «импульсом к познанию было само желание знать. Одновременно Голофаств любил делиться знаниями и делал это мастерски. Дискуссии с ним завязывались быстро и могли продолжаться бесконечно...» Он вспоминает семинары-беседы в секторе Голофаства в первой половине 1980-х гг., когда только эти свободные беседы о науке возвращали ученых «из мира социальных грез в мир социальных реалий»².

Возможно, именно об этих диалогах в годы застоя с коллегами В. Голофаств писал, говоря о том, что диалоги являются «важнейшей особенностью любого взаимодействия». В них он видел «драматическое измерение коммуникации, обихода, социального порядка, даже если его многослойная структура искажена, подмята, деформирована до неузнаваемости авторитарным слоем социальных отношений»³. Как видим, ценность свободной научной дискуссии, ценность существования полноценной научной среды — два важных императива из этического багажа В. Голофаства.

Почему монография стала требованием для защиты докторской диссертации?

Уметь удивляться казалось бы знакомому и входящему в общепринятый ритуал, ставя его под сомнение — еще один признак настоящего ученого. Один из вопросов экспертного интервью (см. приложение) породил у В. Голофаства реплику об абсурдности, путанице и параллелизме ученых степеней и званий, должностей в советской и российской науке, а в частности, об одном непонятно откуда взявшемся требовании (его введение В. Голофаств датировал концом 1970-х гг.) по обязательной публикации монографии перед защитой докторской диссертации.

¹ Ядов В. А. Валерий не скупился на разбрасывание идей // Pseudology.org, 9 декабря 2004 г. http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm

² Докторов Б. З. Валерий Борисович Голофаств 1941–2004 // Pseudology.org, 8 декабря 2004. http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm

³ Голофаств В. Б. Глобализация и место морали // Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаств; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетей, 2006. (Серия «Российская социология»). С. 275.

В этой связи В. Голофаст отметил: *«Жаль, что умер Батыгин — эта задачка была как раз для него, выяснить, как возникла эта ВАКовская и практическая норма. А публикация книги — это апофеоз публичности. Знаете ли вы, что во многих западных странах ничего подобного не было и нет! Книги появляются после защиты PhD, а не до защиты, да и то, только у тех, кто может переделать материал докторской для публикации в книгу, чьи результаты достойны опубликования в такой форме. Достойны с точки зрения критериев научного результата, а не по формальным требованиям. А просто книги, как правило, не принимаются в зачет при защите. Ибо [там] доминируют внутренние для науки требования к защите, а не внешние, государственные или коммерческие, рыночные или ведомственные».*

Мини-опрос, проведенный среди ведущих российских ученых, показал, что В. Голофаст был совершенно прав. Михаил Гельфанд, кандидат физ.-мат. наук, доктор биол. наук, заместитель Директора Института передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, отметил, что, например, в Германии для хабилитации вовсе не обязательно публиковать монографию. В Нидерландах PhD — вообще не самостоятельный текст, а перепечатки опубликованных статей плюс находящихся в печати и отправленных в редакции, сопровождаемые небольшим вступлением и заключением.

Доктор физ.-мат. наук, проректор Независимого Московского университета, старший научный сотрудник НИИ Системных исследований РАН, декан-организатор факультета математики ГУ-ВШЭ С. Ландо подчеркнул, что ему *«несколько раз приходилось выступать оппонентом на западных защитах степени PhD (Франция, Швеция). Диссертация состоит из сшитых вместе статей (как правило, впрочем, опубликованных), которым предпослан короткий текст, объясняющий, что в этих статьях написано и как они склеиваются вместе. Ни о каких монографиях речь не идет».*

В свою очередь, микробиолог Егор Базыкин, защитивший PhD в Принстонском университете, отметил, что не знает никого в США, кто бы опубликовал монографию до защиты PhD, к тому же аналога нашей докторской степени там просто не существует.

Доктор физ.-мат. наук, зам. директора Отделения теоретической физики Петербургского института ядерной физики РАН, зав. сектором теоретической физики высоких энергий, Дмитрий Дьяконов также отметил, что для защиты диссертаций на Западе *«опубликованных монографий, безусловно, не требуется. Даже для habilitation в Германии. Говорю уверенно, потому что был оппонентом (по ихнему external examiner) в разных странах — Великобритании, Германии, Бельгии, Дании».*

Кандидат политологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Владимир Гельман заметил, что *«PhD диссертации в США (по крайней мере, по социальным наукам) никогда не публикуются до защиты. Другое дело, что после защиты те, кто далее строит карьеру университетского преподавателя, почти всегда стремятся в течение нескольких лет пуб-*

ликовать монографии на базе своих диссертаций — без этого практически невозможно получить *тепиге*. В некоторых странах, однако, докторские диссертации по социальным наукам непосредственно перед защитой издаются в виде монографий ограниченным тиражом. В частности, такая практика существует в Финляндии и Швеции, а возможно, где-то еще».

Его коллега по Европейскому университету, защитивший две диссертации: на степень доктора по философии в Страсбургском Университете (Франция) и на степень Ph.D. по политологии в Мичиганском Университете (Энн Арбор, США), Артемий Магун заметил, что публикация монографий принята только в Германии и Финляндии, «и эта практика довольно бессмысленная, т. к. диссертацию в читабельный вид еще надо привести. У нас с публикациями больших проблем, по-моему, нет — и дураки, и гении публикуют, что хотят. Другое дело, что надо стимулировать высококлассные и конкурентные академические серии публикаций, где проходят анонимное рецензирование, есть научный редактор» и прочие элементы научной экспертизы.

Профессор химического факультета МГУ, доктор химических наук, Галина Цирлина поддерживает коллег: до защиты PhD публикуются только статьи. Во многих странах эти статьи просто подшиваются в единую книжку и представляются на защиту. В других странах пишутся дайджесты статей и до защиты издаются в виде книжки, но это является не монографией, а короткой диссертацией с ограниченным тиражом. «Разница между, к примеру, норвежской и голландской диссертацией по объему и формату значительна, норвежская больше смахивает на нашу, но еще больше на нашу похожа индийская...»

Вопрос о монографии и величине диссертации, на ее взгляд, вторичен, «главный вопрос ведь в том, что следует за диссертацией, для кого она пишется — для самосовершенствования или для занятия позиции? позиции всегда лучше занимать просто по набору статей, а диссертацию писать для самоконтроля, можешь ли обобщить полученные результаты. А будет ли это монографией или 4–6 экз. для своих коллег — никакого значения не имеет».

Как видим, теоретическое наследие В. Голофаства может дать новый взгляд как на теоретические аспекты этоса науки, в частности, проблемы сохранения автономии и независимости ученого в тоталитарном и авторитарном обществах, глобальные и локальные свойства этических практик научного сообщества, так и заставить задуматься над тем, насколько обоснованы уже устоявшиеся правила и ритуалы научной аттестации в России.

Приложение

В качестве приложения к данной статье привожу ответы В. Б. Голофаства на вопросы моей анкеты 2004 г.

История появления этих ответов такова. В 2004 году я начала проводить экспертный опрос по теме «Этос науки в социогуманитарных науках», проводя полуформализованные интервью в обычном, «живом» режиме, а также рассылая анкеты с

вопросами по электронной почте. В то время я ждала ребенка и не могла ездить в командировки, поэтому общение даже с питерскими коллегами проходило по электронной почте. 9 июня 2004 г. такой опросник был послан (по предварительной устной договоренности) и О. Б. Божкову.

6 июля 2004 г. я получила ответ не от Божкова, а, к своему удивлению, от его друга — Валерия Борисовича Голофаства, заведующего сектором социально-культурных изменений Института социологии Российской академии наук, Санкт-Петербург. Его электронное письмо было датировано 3 июля, в нем вместе с заполненной анкетой было следующее примечание:

«Уважаемая Наташа, вот мои ответы на Ваш опрос. Чертовски жаль, что он — вообще. Я понимаю боязнь конкретности, но все же... Готов общаться и дальше».

9 июля 2004 года, в 15:15, я послала В. Б. Голофаству ответ:

«Добрый день, Валерий Борисович, большое спасибо за содержательные и глубокие ответы. Обязательно обращусь к Вам с дополнительными вопросами, только через некоторое время. Я скоро собираюсь родить ребенка (2–3 дня до этого) и поэтому ни о чем другом не думается... Желаю нам всем удачи!»

А ближе к вечеру того же дня у меня начались схватки и меня, так желавшую посмотреть последнюю передачу «Свобода слова» на НТВ с Савиком Шустером (ее в тот день закрывали), повезли в роддом. Мой сын Данилка родился через 4 часа, в 00.05 10 июля 2004 г., и первые месяцы трудно было голову поднять от ребенка и текущей работы — редактированием сайта МВШСЭН, так что заниматься наукой и продолжить исследование было просто некогда.

8 декабря 2004 года пришла ужасная новость о смерти человека, ум, юмор и глубину мысли которого я успела понять даже из одного письма. Так что продолжить интервью не позволили, пожалуй, две единственные вещи, которые простительны даже для несуществующего идеального ученого. В качестве извинений он не примет ни болезнь, ни усталость, ни незнание иностранного языка, но остановится перед словами «жизнь» и «смерть». Задать дополнительные вопросы помешали две вещи: сначала рождение моего сына, а потом кончина В. Б. Голофаства.

Так что эта статья — своего рода дань памяти человеку, с которым я была знакома лишь виртуально, а теперь узнала о нем больше из его статей, интервью и воспоминаний друзей, некоторые из которых уже после его ухода стали и моими друзьями.

Ответы на вопросы анкеты по этосу науки

— **Ваши ФИО?**

— Голофаств Валерий Борисович golofast@mail.ru.

— **В каком городе Вы работаете?**

— Петербург.

— **Ваши научные степени и звания?**

— Кандидат философских наук, старший научный сотрудник.

— *Существуют ли на Ваш взгляд, какие-то негласные нормы поведения современного российского ученого? Не могли бы Вы его описать? Существуют ли какие-то негласные табу? Что можно, а что нельзя делать ученому, на Ваш взгляд, чтобы оставаться ученым?*

— Эти нормы конъюнктурны. Их слишком много, чтобы описывать. Даже табу. Я считаю, что эти нормы выходят за пределы обычной этики и составляют все время меняющуюся (адаптивную) прагматическую идеологию ученого. Удерживать индивида в их поле может только профессиональное сообщество. Оправданием служат обычные признаки достижений — публикации, поездки, выступления, круг коллег «здесь» и «там», где еще активен индивид или где он признан. Есть еще внешнее — социальное признание, которое важно в основном для карьеристов или для научной элиты в старости.

— *Вы как-то реагируете на возможные нарушения норм научного этиоса? Каким образом?*

— Моральная и научная реакция. Последняя состоит в признании или использовании результатов других. Или в их решительном игнорировании. Когда был идеологический навес над советской наукой, действовали нормы демонстрации лояльности или недопустимости афронта. И все. Но все все равно знали, на чем стоит наука — только было труднее провести границу между реальными и ложными достижениями. И тогда были книги, которых никто никогда не цитировал, их большинство как бы не замечало.

— *Как Вам кажется, эти нормы как-то отличаются от норм поведения западных ученых? В чем?*

— По сути своей нормы и идеологии более или менее одинаковы (имею опыт в разных странах, очень разных)

— *Какую роль, по Вашему мнению, играет защита кандидатской диссертации для российского научного сообщества (в наше время)? Как Вам кажется, зачем сейчас люди защищают кандидатскую диссертацию? Какие мотивы ими движут?*

— Скажу об одном выводе, который я вынес из многих случаев. Всюду, у нас и везде на Западе, без защиты трудно участвовать в публичном научном процессе (но можно внутри науки). Степень важна для той публики, которая включает и посторонних для науки. Если наука самозакрывается от общества (а так было частично при советской власти), то можно было жить и без степени. Любые удары по статусу науки в обществе, требуют больше усилий по подтверждению индивидуального статуса и внутри, и вовне.

Есть другой важнейший аспект. Для ученых — есть-нет степени, это только для предварительной ориентации, важен конкретный вклад, мнение, результат, публикация, выступление.

Но в более широком плане, что такое степень? Это институциональное устройство, которое призвано гарантировать вовсе не научный, а только образовательный, воспроизводственный процесс. Человек, получивший любую степень, приобретает право и обязанность учить других. Нормам науки в более широком плане, чем только

этика. И технология. И история — все! А значит, из этого вытекает вся совокупность требований к защите, к диссертации, к числу степеней, к процедурам защиты и степени вовлечения в эти аспекты государства, как посторонней гарантирующей силы, и профсообщества, как силы внутренней и основной.

Заметьте, абсурдность и путаницу и параллелизм степеней, званий, должностей — доцент, профессор, с.н.с. и доктор, и пр. Все это возникло исторически из-за непонимания, что чему служит, как развести разные научные и институциональные требования, как дисциплинировать индивида, как его мотивировать, чем.

— ***Об уровне защищаемых сейчас кандидатских диссертаций (по сравнению с советским временем): вырос ли он? снизился? остался неизменным? В чем причина, на Ваш взгляд?***

— Слышали ли Вы, что сейчас новых вузов и их филиалов в три раза больше, чем раньше? Разумеется, это не касается числа советов по защите, лицензий и пр. Дело в вынужденности формирования рынка образования для опущенных реформами образованных людей и не поглощаемых нормальным рынком труда молодых людей (плюс еще угрозы армии, дискриминация молодежи и образованных новичков на рынке и на новом месте работы). Другой аспект путаница и нерешенность проблем с нострификацией дипломов, ученых степеней и пр.

— ***Какую роль, по Вашему мнению, играла защита докторской диссертации для научного сообщества в СССР?***

— Хотя это зависит от конкретных научных дисциплин, но докторская — это была просто калитка в карьере. Для науки она имела очень малое значение. Кроме одного очень поздно сформировавшегося требования (по моему опыту, только к концу 70-х) — обязательной публикации монографии. Жаль, что умер Батыгин — эта задача была как раз для него, выяснить, как возникла эта ВАК-овская и практическая норма. А публикация книги — это апофеоз публичности. Знаете ли вы, что во многих западных странах ничего подобного не было и нет! Книжки появляются после защиты PhD, а не до защиты, да и то, только у тех, кто может переделать материал докторской для публикации в книгу, чьи результаты достойны опубликования в такой форме, достойны с точки зрения критериев научного результата, а не по формальным требованиям. А вот просто книжки не принимаются, как правило, в зачет при защите. Ибо внутренние для науки требования к защите доминируют, а не внешние, государственные или коммерческие, рыночные или ведомственные.

— ***Приходилось ли Вам бывать на защите диссертаций в других странах? В какой стране (странах)? Не могли бы Вы описать процедуру наблюдаемой Вами защиты? Вы были зрителем, оппонентом, соискателем, научным руководителем? Расскажите, пожалуйста, чем процедура защиты отличается от процедуры в России?***

— Да, бывал зрителем, консультантом. В большинстве стран, университетов, академических центров требования к диссертации определяются на уровне самих этих учреждений, ибо это их прямая продукция, по ней определяется их статус (а индивиды — само собой). Но есть и страны, где государственное давление на требования очень формальны и сильны. Защита же всюду — более скромная, более

интимная, но и более ясная по исходу, чем у нас. Там нет ученых советов. Они образуются ад хок, для каждой защиты, посторонние не имеют голоса решающего. Разная и степень публичности защиты. В общем — контроль научного сообщества более экспертизирован, а контроль внешних сил может остаться чисто бюрократическим, либо даже отсутствовать на этапе защиты вообще. Внутреннее дело организации — университета, центра и пр.

— ***Как Вам кажется, стоит ли оставить, как есть или необходимо как-то изменить процедуру защиты диссертации в России? Какие бы изменения Вы могли предложить?***

— Отменить докторскую, скорректировать кандидатскую. Но проблем здесь слишком много. Тем более, что все это связано со структурой макронауки в стране и за ее пределами. Для этого нужны особые коллективные многолетние проектировочные исследования. На мнения малой группы экспертов, а тем более бюрократов, нельзя полагаться. Вспомните, сколько лет потребовалось, чтобы отладить систему АН СССР после ее нового запуска в середине 30-х годов! То же относится и к системе наших вузов. Коммерческий сектор действует уже более 10 лет. И что? В Польше на деньги диаспоры студенты ездят за границу уже более 25 лет, и что?

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Олег Борисович БОЖКОВ (СПб, СИ РАН)

ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ О ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СТАТУСЕ В СОЦИОЛОГИИ

Социология в первой трети XIX века начиналась как наука об обществе и обществах. Проблема человека в ней возникла несколько позже. В марксовой социальной теории человека, как самостоятельного субъекта, еще не было... Пожалуй, одним из первых на проблему человека и на его статус в социологии серьезное внимание обратил Макс Вебер в связи с непростым вопросом о социальном действии.

Этот вопрос оказался настолько непростым, что вынудил великого немца делать разъясняющие оговорки относительно специфики социологического познания. В частности о том, что социология должна быть *понимающей* наукой, и о том, что в качестве специфического инструмента познания (в том числе и социального действия) социология должна использовать *идеальные (или чистые) типы*.

Если методологическое значение концепции чистых типов было практически сразу положительно воспринято современниками Вебера, то проблема понимания была понята, пожалуй, слишком прямолинейно, а потому и неверно. Не случайно автору пришлось неоднократно разъяснять, что его *понимание* отличается от понимания психологического.

Проблема человека и его статуса в социологии стала одной из приоритетных и содержательных, и методологических проблем для Валерия Голофаства. Можно сказать, что она проходит своеобразным рефреном в его методологической рефлексии — на протяжении более чем двадцати лет он постоянно и с разных сторон рассматривал ее. Его позиция по этому вопросу и будет предметом моего анализа.

В книге «Методологический анализ в социальном исследовании» (Л., «Наука», 1981) Валерий дает блестящий, на мой взгляд, анализ двух принципиально различных теоретических подходов к проблеме поведения. «Существует, по меньшей мере, — пишет он, — два вида концептуальных систем, претендующих на статус теорий деятельности. Первый вид концепций для удобства будет именоваться Ц-теорией, второй — Ф-теорией»¹. Автор отмечает, что обе эти концепции имеют «почтенную историю и широкое распространение». И несмотря на их «почтенный возраст», он разбирает их, что называется, «по косточкам», и убедительно демонстрирует методологическую ущербность как одной, так и другой.

---

¹ В. Б. Голофаст, Методологический анализ в социальном исследовании. Под ред. В. А. Ядова, Л., «Наука», 1981. С. 85.

Коротко. Ц-теория строится на четырех постулатах:

- всякое действие имеет цель, которая принимается данной;
- все элементы действия осознаются действующим субъектом;
- всякое действие рационально (постулат рациональности);
- четвертый постулат «редко формулируется в явном виде. Он означает, что субъект располагает полной (...) информацией об условиях, средствах и некоторых других элементах, имеющих отношение к действию или входящих в его состав»¹.

Выводы, к которым приходит В. Голофаст, таковы. «Ц-теория во всех ее формах принципиально является теорией *изолированной деятельности изолированного субъекта* (курсив мой — О. Б.). Она имеет отчетливо выраженный нормативистский, проектировочный, плановый характер. Как всякая нормативная теория, она имеет ограниченные объяснительные возможности. В частности, она бессильна в объяснении неуспеха². И далее. «Действия людей не всегда направляются целями, они, а также другие элементы действия, *не осознаются* (курсив мой — О. Б.) в значительном числе случаев. Это поднимает вопрос, является ли Ц-теория достаточно удовлетворительной моделью реальных процессов. Исходя из Ц-теории, деятельность возможна, если для данной цели существуют адекватные ей и критерию рациональности средства, но люди постоянно преследуют цели, которые в данных условиях объективно недостижимы. Эту ситуацию можно описывать в терминах разумного-неразумного, но невозможно объяснить в терминах Ц-теории. Далеко не все действия людей могут быть признаны рациональными (независимо от принимаемого критерия рациональности)³».

«В понятиях Ф-теории всякая деятельность личности рассматривается как часть процесса воспроизводства и развития социальных отношений, как неотъемлемый компонент исторического порождения и развития и самой личности, и общества. Основные понятия Ф-теории принадлежат к более высокому уровню абстракции, чем сопоставимые понятия Ц-теории. Это затрудняет их интуитивное понимание и приводит к сложным философско-теоретическим и идеологическим вопросам⁴». Одним из центральных понятий Ф-теории оказывается понятие функции.

В. Голофаст обращается к концептуальному анализу ключевых понятий Ф-теории деятельности, произведенному Р. Мертоном и приводит его итоговые определения. «Функция — это те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы. Дисфункция — это те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы. Существует также эмпирическая возможность нефункциональных последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы⁵».

¹ Там же, С. 86.

² Там же, С. 90.

³ Там же, С. 93.

⁴ Там же, С. 100.

⁵ Мертон Р. К. Явные и латентные функции. // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968. (Информационный бюллетень ССА, № 6. вып. 1. С. 126.

«Эти определения неприемлемы — пишет В. Голофаст, — по крайней мере по двум причинам. Во-первых, ограничение результатов деятельности *наблюдаемыми* (курсив автора) последствиями. Речь должна идти безусловно об объективных последствиях деятельности человека в социальной системе. Во-вторых, что, пожалуй, еще важнее, определение функций как последствий, способствующих адаптации системы, ставит данное понятие в зависимость от ошибочной социально-философской догмы теории социологического функционализма»¹. (Здесь В. Голофаст совершает некоторые обязательные для того времени идеологические реверансы).

Фундаментальная проблема Ф-теории — это соотношение объективных и субъективных интересов личности, ее социальных функций и личных потребностей. В какой мере общественная деятельность личности есть в то же время процесс, функциональный для ее существования и развития?

Завершая концептуальный анализ теорий деятельности, автор констатирует: «Разумеется, философский уровень анализа немедленно обнаруживает ограниченность и Ц-теоретических, и Ф-теоретических построений, одновременно конкретизируя те границы, в пределах которых конкретно-научное использование этих теоретических средств оказывается уместным, если и не вполне адекватным. Так, прояснение нормативного характера Ц-теорий выдвигает вопрос о специфике нормативного научного знания в целом, <...> о взаимодействии науки и здравого смысла, обыденного, практического сознания. Или другой аспект, связанный на этот раз с принципами Ф-теории. Понимание неустрашимости проблем явного-латентного, функционального-дисфункционального недвусмысленно ограничивает претензии науки, очерчивает ее место в структуре культуры, указывает на необходимость других, вненаучных (нравственных, культурных, эстетических и т. п.) предпосылок практического действия»².

Да простит меня читатель за столь «плотное» цитирование, но здесь выделены самые существенные, на мой взгляд, элементы анализа, который чрезвычайно актуален и по сей день. Жаль только, что мало кто сегодня явно занимается анализом такого рода. Валерий Голофаст не раз и не два возвращался к этим сюжетам. Приведу еще одну его работу, в которой он (уже не столь явно) он размышляет над проблемой человека и его статуса в современной социологии. Это текст его доклада, сделанного в апреле 2003 года на чтениях памяти Вениамина Иофе «Концепции индивида и пространство биографий»³. Здесь автор выделяет, по меньшей мере, четыре более или менее отчетливо артикулируемых теории, через призму которых современная наука пытается рассматривать человека.

1. Теория субъекта, то есть теория *инструментального разума*, рефлексии и выбора, манипуляции и успеха. Она возникла более двух с половиной тысяч лет

¹ В. Б. Голофаст, Методологический анализ в социальном исследовании. Под ред. В. А. Ядова, Л., «Наука», 1981. С. 101.

² Там же. С. 111–112.

³ В. Голофаст, Концепции индивида и пространство биографий. // Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. — СПб.: Алетейя, 2006. — (Серия «Российская социология»), С. 355–364.

назад. Как теория тождества субъекта и объекта... Это Прометеева модель человека. Составной ее частью является герметический универсализм. Она лежит в основе неоллиберализма и индивидуализма европейской культуры.

2. *Дискурс идентичности*, то есть признания первичной реальностью групп и категорий в процессе борьбы и утверждения власти, достоинства и ценности. Этот язык стал популярен в последние десятилетия...

Основной порок дискурса идентичности — это редукция культуры к этносу и натурализация этнических свойств. Между тем этнические свойства не природны, а культурны по происхождению, они функционируют в среде материальной, символической и институциональной культуры, которая отменяет онтологию борьбы и выживания и смягчает давление власти.

Дискурс идентичности игнорирует и личный, и безличный аспекты социальности. В личных отношениях он признает только шаблонное, стереотипное отнесение к категориям, или, в лучшем случае, противостояние индивида с его самостью стереотипизированной группе (ее конкретному представителю, выделенному на основе шаблона).

3. *Теория отношений* в приватной и институциональной среде современности. При этом имеется в виду, что действуют не спонтанные бессознательные процессы ориентации индивида, не расчет выгод, потерь и рисков (теории рационального выбора), не правила и следование правилам. В основе этого подхода — выделение модельных (а, может, лучше — базисных) отношений, которые качественно различны, взаимны и обладают нередуцируемой глубиной и устойчивостью как при освоении культуры, так и в социо-культурных изменениях.

Взаимность модельных отношений означает их открытость, освоенность для участников с обеих сторон, бездонную глубину опыта скоординированного сосуществования, общий дискурс, практически освоенный репертуар поведения обеих сторон, так что агента нельзя рассматривать в отрыве от его контрагента независимо от того, был ли опыт освоения модельных отношений только символическим (обучение, распознавание, наблюдение, любопытство, внимание), или практическим.

В конфуцианской традиции выделяют пять модельных отношений: муж—жена, родитель—ребенок, старший—младший ребенок, правитель—министр, подданный, друг—друг. Все эти отношения подразумевают личный элемент. Эти пять отношений считались эталонными. Все другие отношения редуцировались к их свойствам или приводились в качестве идеального, нормативного или негативно-го фона.

4. Отдельный подкласс образуют *теории диалога* как отрицание индивидуализма, самождественности и онтологии борьбы, как простейшая модель любых модельных отношений, модель моделей.

Модельные отношения могут включать природную основу, но строятся над ней, нейтрализуя (или даже реконструируя, перевоссоздавая) некоторые ее проявления и добавляя бесконечный спектр новых качеств. Модельные отношения осваиваются с раннего детства, они образуют остов, внутреннее строение любой культуры. Инди-

вид, часто не сознавая этого, все свои действия строит и выверяет с опорой на них, используя ресурсы культуры как средства импровизации, выдумки, защиты или спасения в трудных ситуациях.

В тривиальных же условиях они настолько само собой разумеются, что целиком освобождаются от рефлексии и контроля. В них просто не возникает необходимости. Этот аспект подчеркивается в моделях габитуса (Норберт Элиас, Пьер Бурдьё и др.).

Социальность, особенно большая социальность — с властью, развитой иерархией, формализацией, идеологией и манипуляцией — часто строится в отрыве от модельных отношений, она «выпрямляет» их и тем самым опустошает, подминает глубину и естественность их использования. Таковы вообще все бюрократические, административные и формальные организационные системы.

Человек в такой социальности не только превращается, но и чувствует себя «винтиком». Или переживает трагический разлад, живет «двоемыслием», — для себя и близких и для других и посторонних, для социальной сцены. Разрывы в единой ткани социальности губительны не только для индивида, но и для группы или сообщества в целом.

Латинская Америка сделала радость совместного существования центром своего мировосприятия (карнавал, музыка и танцы, улыбка любому встречному, фамильярность даже между незнакомыми людьми).

Арабский мир подарил человеку сосредоточенность, переходящую в фанатизм. У христианских отшельников или у буддистов идеалом была отрешенность.

Во всяком случае сегодня ясна необходимость глобального поиска всех ресурсов индивида и социальности. Европоцентризм или тем более американоцентризм — губительны. А некритический патриотизм ослепляет.

Заметим, ни одну из концепций автор не признает вполне удовлетворительной. Однако общая его интенция (отнюдь не симпатия, и не пристрастие, и не «вкусовщина») — в признании приоритета надиндивидуальной природы человеческого поведения — «модельных (а, может, лучше — базисных) отношений».

Не случайным представляется обращение Валерия к проблеме социально-культурных изменений и вообще его обостренный интерес к проблемам культуры и ее роли в современном обществе. Этот интерес в той или иной форме проявляется практически во всех его публикациях и заметках последних лет. На мой взгляд, к вопросу о статусе человека в социологии прямое отношение имеют и два следующих рупочисных наброска, сделанных Валерием в 2004 г.

«Рутинная составляет большую часть повседневности, ее важнейшую часть. В рутине мотивация имеет акцидентальный характер. То есть социальная надобность в ее прояснении возникает при конфликте, недоразумении, подозрении. В норме к мотивам нет интереса. Мотивы само собой разумеются всем ходом дел, но остаются феноменом внутреннего мира, не имеющим интереса для других. Да и сам человек, следуя культурным формам, редко отдает себе отчет о своих мотивах, редко задумывается о личном или социальном смысле своих действий. Субъективное остается субъективным.

Отсюда важное следствие: только культурное усилие обрабатывает субъективное, делает его открытым себе, и при особых обстоятельствах, и другим. Благодаря

обиходу как коллективной практике мотивы остаются на периферии внимания до тех пор, пока прямо не сталкиваются взаимные претензии, пока другой или другие не избегают этих столкновений как ненужных, небрежных, случайных или намеренных осложнений жизни. «Выяснение отношений» возбуждает вопрос о мотивах для одного или для двух или для всех участников (иногда только для третьих, свидетелей). Собственно, вопрос о мотивах всегда является вторичным, производным, поскольку первое, что привлекает внимание, это вопрос о «направлении» действий, об их направленности, то есть о том, находятся ли действия еще в рутине, или выпадают из нее, и в каком направлении, кто деформирует рутину или чем она деформируется и в чьих это интересах, чей мотив стоит за этой деформацией, если деформация намеренна. Если все в порядке, вопрос о «сдвиге в свою сторону» просто не возникает. Эгоизм и расчетливость индивидуальных действий — это их социально-историческое качество, это результат культивирования и особой направленности действий, которое возникает в самой рутине, как ее особое качество. Это следствие масштабных структурных изменений, особого типа ситуаций.

Мотивы — это почти всегда инструмент оправданий, а догадка о них — это сплошь и рядом инструмент обвинений. Но в таких случаях, они уже готовы как элемент социально-культурной ткани повседневности. Они стандартны и составляют часть ритуальной, церемониальной игры (вежливости, грубости, наглости, хитрости, глупости, неосторожности и т. п.). Мораль — это составная часть ритуальной игры, в которой перебор вариантов осуществляется до тех пор, пока не восстанавливается взаимный контекст понимания и сатисфакции для тех участников обихода, которые почувствовали двусмысленность ситуации, ее неясность или угрозу для себя или для других.

Мотивы — составная часть статусной игры, то есть структура коллективных действий и отношений включает право сильного, иерархию, приоритет его интересов, но одновременно мотивы — часть диалога с его перебором готовых контекстов отношений. Бунт одного из участников может быть принят или отвергнут, он может и игнорироваться во всех своих последствиях в надежде на затухание или подавление в будущем.

Если такие свойства социально-культурных регистров даны, даже заданы как условия поддержания коллективного обихода, *то индивидуальные намерения, стремления, мотивы остаются внутренним делом автора* (здесь и далее курсив мой — О. Б.), если только он не делает специальных усилий представить их особо на фоне или в контрасте с социально-культурным каноном. Но даже и в этих случаях словарь мотивов ограничен и, как правило, перечислим, легко разгадывается или принимается партнерами, да и самим действующим агентом. Обнаружить особый мотив или их неожиданное взаимосплетение, значит сделать культурное открытие. За таким обнаружением обычно следует психологическое потрясение, возмущение, протест, негодование. Обнаружить особый мотив, значит — указать на девиантную форму поведения, значит, как минимум, воззвать к совести, то есть прямо поместить действие в моральный контекст, призвать свидетелей для его особой оценки. В этом плане мотивы — это обычно *коллективный продукт, результат диалога*, вза-

имных уточнений и переформулировок, их привязывания к конкретному контексту посредством игры «типичных слов».

Уверенные догадки окружающих могут быть оценены или уточнены по мере диалога. Но надобность в них возникает только в особо маркированных ситуациях. *Конгруэнтность перспектив уже установлена обиходом как взаимной привычной коллективной практикой, общей культурной формой.* При встрече незнакомцев в игру вступает проба известных им репертуаров культурных форм, вплоть до разных субкультур или даже различных культурных контекстов. При этом различение действий и слов приобретает особый характер. Зона неопределенности, неясности охватывает, прежде всего, слова или паралингвистические элементы поведения, если сами действия не несут прямой угрозы. Случается, люди сосуществуют в особых культурных контекстах бок о бок годами, как бы не замечая этого плюрализма и мультикультурализма, закрывая на него глаза. Аналогичный характер имеет сосуществование в одних и тех же ситуациях различных статусных стандартов (панибратство и высокомерие к одним и почитительность, и заискивание перед другими). Но это уже примеры устойчивых культурных рисунков, которые, как говорится, выявляют моральный облик и характер соответствующих лиц. Эти варианты «заложены» в самих статусных различиях. Они обычно образуют тактику взаимодействия, диалога при данных условиях»¹.

Второй сюжет — это фрагмент текста, посвященного методологическим аспектам анализа личных текстов, но также тесно связан с обсуждаемой здесь проблемой. С другой стороны, этот сюжет на новом уровне возвращает нас к обсуждению Ц- и Ф-теорий, к обсуждению места и роли поведения индивида в социологической теории.

«Проблематизация социо-культурных характеристик производителя личного текста, контекста и ситуации его порождения, и, наконец, явное указание на горизонт плотного описания (избранный для изучения слой культуры, регистр, код, теорию) вводят в социологию целую систему социо-культурных координат социального взаимодействия. Тем самым отступают в тень модели поведения, социального действия и процессов, которые выстроены в отвлечении от культурных условий их существования, которые их только молчаливо подразумевают как инвариантные рамки происходящего.

Психика, сознание, цель, установки *не являются ключом к действию, в лучшем случае они могут оказаться оправдательным аргументом.* Коммуникативные и практические намерения автора входят в определение структуры текста (или действия), но это его периферия по сравнению с обиходной структурой, на которую он вынужденно опирается. Вписанность текста (поведения) в тот или иной дискурс (институциональный контекст), структурность, диалогичность (интерактивность, взаимность, иерархия), обусловленность социокультурным пространством-временем, —

¹ В. Голофаст, Субъективное и социально-культурные формы повседневной рутины. (неопубликованная рукопись 2004 г. из архива сектора социально-культурных изменений СИ РАН)

все это образует множество объяснительных моделей, пространство интерпретаций, в которых субъективное просто испаряется в своей малозначимости, подчиненности, вторичности, вспомогательности. Оно если и нужно, то только для предварительной ориентации постороннего наблюдателя. Для участников же оно, само собой разумеется, или, напротив, находится за пределами внимания, понимания и непосредственной заинтересованности.

Основой общезития является давление (использование) социо-культурной формы жизни, ее повторяемость, гладкость, непрерывность (преодоление разрывов и пустот), ее полнота и значимость, осмысленность, *а не субъективные догадки, смутные ощущения и запредельные эпифеномены души другого.*

Внутренняя основа действий человека — это забота о его собственном присутствии в обществе, о его собственных возможностях, способностях, обязательствах, долге и страхах, надеждах и фантазиях, *которые все — суть внутренние проявления внешних социо-культурных средств его существования. Все эти средства человек получает от других в обществе и именно им он обязан своей человечностью, они дисциплинируют его волю и тело, стоят на страже его чувств и мыслей.* Автономия человека это социальная сила, благодаря которой он может противостоять своей собственной природе, как и прочим силам природы, в лице конкретных других или анонимных «слепых» сил и обстоятельств. Но автономия человека — это его *культурная вооруженность.* Даже основные техники тела культурно специфичны, выучены и освоены в общественном окружении, в лоне обиходных моделей тех групп, в которых индивид «вращался», в которых индивид добровольно или вынуждено, был интегрирован в своей прошлой жизни. Конечно, они имеют и индивидуальный (локальный, географический и т. п.) коэффициент, что может оказаться важным для некоторых контекстов»¹.

* * *

Тексты Валерия многоплановы и многослойны. Их можно и нужно читать не один раз, и при каждом новом прочтении открываются новые повороты мысли. И вместе с тем в его текстах есть определенный стержень, на который и нанизываются новые факты, новые мысли и идеи. Одним из таких стержней была и остается мысль о приоритете общества перед индивидом, мысль о «первичности» социального в Человеке.

В его последних публикациях и заметках «для себя» Валерий все чаще обращался к проблематике (и к феномену) культуры и доминирующей роли культуры в формировании Человека. Наиболее отчетливо эта позиция (этот стержень) проявилась в небольшом эссе Валерия, в его реплике по поводу дискуссии в журнале «Неприкосновенный запас».

---

¹ В. Голофаст Парадоксы субъективного (неопубликованная рукопись 2004 г. из архива сектора социально-культурных изменений СИ РАН)

«Если мы все, социологи, займемся «актерами», кто же будет думать о справедливости, порядке или прорыве, предках и потомках, конфликте, войне или экологической гармонии?»

Сосредоточенность социологии на проблемах социального действия, или, в современной версии, на проблемах «актера» — это буржуазное, давнее *obsession, preoccupation*, совсем не случайно связанное с именами Вебера или Вальраса. Она означает не что иное, как встроенность профессии в рыночную угодливость индивидуалистическим запросам денежной или любой иной элиты.

Такое отвлечение социологии от происходящего на планете забавляет своей наивной хитростью, отработанной ловкостью приема. Перестановки контекстов происходят так непринужденно, как будто у этой карточной игры нет зрителей и болельщиков, посторонних участников и коллег из соседних профессий»¹.

---

¹ Интернет-ресурс:<http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011133>; (Отвлечение социологии)

НОВАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ ИЛИ КАКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАМ НУЖНА

Социология в своем эмпирическом формате в последней четверти XX века начала коренным образом менять свой облик: в ее пространстве громко заявила о себе альтернативная — качественная методология социологического исследования. Кажется, в лице качественной методологии воплотилась давняя мечта А. Шюца о возврате «забытого человека» в лоно социальной науки¹, в результате чего социология действительно становится принадлежащей корпусу гуманитарного знания. Этот забытый классической методологией человек, его конструкты, его «повседневные теории», теперь самым непосредственным образом участвуют в процессе производства знания. Правда при этом они занимают *разные позиции* в тех или иных направлениях качественных исследований: от положения на равных с исследователем в рамках научного направления до лидирующего в границах гуманистического и ситуационного направлений, когда голос исследователя едва слышен или отсутствует вовсе².

Слом в этой методологии старых властных субъект-объектных отношений, характерных для классической методологии, когда изучаемый человек лишь безымянный носитель массовых социальных процессов, которому в эмпирическом исследовании остается только вписываться в конструкции, разработанные исследователем, рассмотрение мира смыслов изучаемых людей как «верховной социальной реальности», делают социологию гуманистической *в методологическом отношении*. Из этих «повседневных теорий» изучаемых людей как из почвы вырастает теоретическая концепция социального явления в исследованиях, главная цель которых концептуально описать социальный феномен (научное направление качественных исследований). Реальный человек, «маленький человек», чьими усилиями и взаимодействиями и создается живая социальная ткань, взятый в контексте его повседневной жизни, его поведение и сознание — вот главный объект интереса социологии, главный источник исследовательских интерпретаций.

Гуманистична она и *в традиционном значении* этого термина: в одном из направлений (собственно гуманистическое) во весь голос заявляют о себе доминируемые, замалчиваемые социальные группы, чьи голоса, как правило, не слышны в публичном дискурсе³. Здесь переживание людьми своего депривированного состояния, мира их смыслов имеют самостоятельную ценность, значительно большую, нежели теоретические построения исследователя. Так уникальная книга питерских социоло-

¹ Шюц А. Социальный мир и теория социального действия / Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. — М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. с. 100.

² Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 133—142.

³ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 134.

логов «Расскажи свою историю» не содержит исследовательских интерпретаций: в ней собраны только истории российских бомжей, рассказанные ими самими¹. Тем не менее, эти бесхитростно рассказанные истории при всей их неповторимости и своеобразии выступают «универсальным единичным», «тотализированным и универсализированным своей эпохой» в терминах Ж.-П. Сартра² и тем самым активно участвуют в конструировании проблемы бездомности в России последней трети XX века.

Вместе с тем возможна, и сегодня, на мой взгляд, востребована и *другая грань* гуманистической направленности социологии: помощь конкретному человеку, пытающемуся найти себя, обрести идентичности в сложном, фундаментально неопределенном мире, получить ответы на экзистенциальные, жизненно важные вопросы. Причем этим человеком может быть и сам социолог³. Вспомним точные слова Н. Н. Козловой: «Мы не говорим за других или от их имени. Мы — это они»⁴. Каким образом качественная социология может помочь самому социологу?

Теоретически, возвращая исследователя как *конкретного человека* в единстве его рациональной и эмоциональной ипостасей в исследовательское поле (прочь от «частичного» субъекта познания классической методологии, исследователя-функции, движимого только познавательным интересом), можно утверждать, что реальность качественного социологического исследования практически на любом его этапе может быть для социолога полем экзистирования, где возможны прорывы к себе, к само-бытию, то есть возможно экзистенциальное движение к подлинному в себе.

Мой опыт эмпирических исследований, в частности качественное социологическое исследование, проведенное мной в 2005 году, где в качестве объекта исследования выступили профессиональные социологи — преподаватели и исследователи, а также студенты и аспиранты социологического факультета Самарского госуниверситета, подтверждает это. Общий объем целевой выборки составил 25 человек. Целевой отбор интервьюируемых осуществлялся в соответствии с единственным критерием: опытом участия в качественных исследованиях независимо от того, подключался ли социолог к исследованию только на одном из его этапов или участвовал в исследовании от начала до конца. В круг информантов вошли как те социологи, для которых участие в качественных исследованиях привычная практика, так и те, для которых такое участие — первый исследовательский опыт. По итогам исследования оказалось, что возраст опрошенных колеблется в пределах от 20 до 45 лет, а стаж работы в качестве социолога-качественника соответственно от 0 (первый исследовательский опыт) до 10 лет. Метод сбора информации в исследовании — глубинное интервью, дающее возможность держать исследователю тематическую перспективу

¹ Расскажи свою историю. Санкт Петербург: изд. дом «На дне», 1999.

² Ж.-П. Сартр Идиот в семье. Постав Флорет от 1821 до 1857. СПб.: Алетейя, 1998. С. 7.

³ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 266–278.

⁴ Козлова Н. Н. Как работать с «советским архивом» / Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Материалы Летней Школы. — Самара: Самарский университет, 2000. С. 91.

с одной стороны, а с другой — предоставлять значительную свободу информантам в выражении своих мыслей и чувств.

Исследование показало, что выбор тем для исследования довольно часто бывает связан не столько с познавательным интересом социолога, сколько с *поиском ответов на вопросы, экзистенциально для него значимые*. В этих ситуациях исследование становится способом поиска своих жизненных ориентиров, определения себя в мире. Так молодой социолог начинает изучать смыслы свободы в современной России, потому что это его собственная проблема: «Я переживаю за судьбу России, переживаю за наших людей, за наше общество и за себя, конечно. .. В этом смысле мне важно, что по этому поводу думают люди... И в этом смысле люди ... давали ответ на этот вопрос» (Р., мужч., 26 лет). Девушка-студентка, выросшая без отца, выбирает тему, связанную с изучением матерей-одиночек, пытаюсь понять мотивы женщин, сознательно выбирающих материнство без отца. Интервью с женщинами, решившимися на такой шаг, помогает ей понять сложность жизни, «понять свою маму, которую раньше не понимала», утвердиться во мнении, что «есть сильные люди, которые не по глупости, а имея весомые причины идут на такой шаг» (К., женщ., 20 лет).

Другая начинает изучать этничность, потому что ее собственная этническая идентичность — «плавающая..., текущая переходящая, мама русская, папа татарин» (З., женщ., 24 года). Для нее эта половинчатость — тяжелая, мучительная проблема: «мне всегда было трудно отнести себя куда-то... В разные моменты я склонялась то к одному, то к другому». Эта этническая половинчатость всегда ощущалась ею болезненно: «мне всегда казалось, что я кого-то предаю, то одних, то других». В этой ситуации качественное исследование выступает *способом ответа* на «проклятые вопросы», поставленные самой жизнью, *продолжением того экзистенциального поиска*, в котором она постоянно находится в своем стремлении обрести устойчивость, определенность своей этнической идентичности: «Я хотела посмотреть как это (этничность — А. Г.) у других получается» (социолог в качестве объекта исследования изучала Санкт-Петербургскую диаспору армян).

Исследование показало также, что попытка *определить свои жизненные принципы*, стремление выбрать свою жизненную стратегию из репертуара возможных, *получить ответ на то, как жить*, — достаточно распространенная практика социологов, попадающих в пространство качественного исследования. Так социолог, много общавшаяся с инвалидами, неоднократно возвращаясь со свободным интервью к одним и тем же людям, говорит: «Они меня учили жить. Я как учитель никакой была для них... Дома у них я сидела и смотрела, как они реагировали на какие-то вещи, и до меня доходили правила жизни, правила отношений с людьми, представление себя в обществе» (В., женщ., 32 года). Эти сильные люди многое дали социологу: «понимание важности сохранения здоровья, ...не ожидание помощи, ...а брать и делать самому». Другой молодой социолог, изучавший проблему адаптации россиянок к изменяющимся социальным условиям, сталкивается в исследовании с людьми, которые в трудных условиях «не рассыпались, стали что-то делать» (Р., мужч., 26 лет). «Для меня это тоже важно, — полагает он, — а как мне быть в этой ситуации, в этом смысле, я понимаю, да, мир несправедлив, но это не значит, что нужно опускать

руки, а означает, что есть возможность себя найти, действовать, не умирать, продолжать искать». Девушка, социолог, изучая восприятие денег в современном российском обществе, сталкивается в исследовании с женщиной, которая не успешна в материальном плане, но успешна в плане эмоциональном: «Ты, когда заходишь туда, разговариваешь, понимаешь, что здесь живут счастливо. Ты понимаешь, вот счастье, какие деньги...» (Н., женщ., 26 лет). И как результат: «Мои ценности, в которых деньги присутствуют, подверглись самому сильному удару».

Анализ интервью с социологами показал, что качественное социологическое исследование может стать и *пространством профессионального самоопределения* социолога, когда это утверждение своей профессиональной идентичности становится прорывом к подлинному в себе, бытийно значимым. Здесь профессия становится не столько институционально заданной ролью, которая хорошо (или плохо) исполняется, сколько формой реализации жизненной задачи, способом придания жизни смысла, выражением его отношения к миру. Не случайно латинский термин «profession» переводится не только как род деятельности, но и как «выражение»¹. В моем исследовании есть ряд подтверждений этому. Вот, например, одно из них: «...видя все это, я укрепились, что мне нравится социальная работа... мне нравится помогать людям, что-то делать, чтобы им стало легче жить» (В., женщ., 32 г). В целом, подведя итог анализу, подчеркну, что взятые у социологов интервью убедительно показывают не обязательность, но возможность, высокую вероятность экзистенциального прорыва социолога в процедуре качественного исследования².

Вместе с тем новая функция социологии, которая в полной мере может относиться лишь к качественной парадигме, состоит в первую очередь в помощи *конкретному «человеку с улицы»* в терминах А. Шюца, нуждающемуся в социологическом знании. В самом деле, в классической социологической методологии с ее характерной для научного познания в его нововременной форме «заряженностью» на преобразование мира, на овладение им, основной адресат прикладных выводов — власть, использующая их для собственных целей. Социолог здесь, как известно, играет роль врача, ставящего диагноз социальной ситуации и выписывающего «рецепты» для ее выздоровления.

Качественная методология, провозглашая индетерминизм, рассматривая социальную ситуацию как гибкую, ситуативно определяемую ее участниками, как некий кубик Рубика, каждый раз новый, противопоставит жесткости социального порядка, а значит и управлению, направленному на его поддержание. Она принципиально отвергает *перспективу управления*, свойственную классической методологии, в рамках которой, как пишет З. Бауман, социология стала рассматривать общество как

¹ Дворецкий И. Латино-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. С. 622.

² Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 278–299.

объект манипуляции, внутренние свойства которого нужно лучше узнать, чтобы он стал податливее и восприимчивее к той форме, которую ему захотят придать»¹.

Вместе с тем, антивластный пафос качественной социологии кажется мне сегодня скорее отголоском давних баталий за место под солнцем первых качественников, борющихся с социологическим истеблишментом, как правило, обслуживающим власть: социологическая практика показывает, что качественные исследования в ряде случаев вполне успешно помогают власти принимать эффективные решения. Так, мой исследовательский опыт последних лет, связанный с изучением социально-экономической адаптации населения Самарской области к кардинально меняющимся социальным условиям, показывает, что власть вполне адекватно воспринимает результаты качественных социологических исследований, используя их для действительного изменения ситуации к лучшему (правда, это может быть, тот редкий случай, когда заказчик исследования — прежде всего ученый, перешедший во власть).

Д. Берто, выделяет еще одного актора, который мог бы использовать социологическое знание в интересах преобразования общества: это *гражданское общество*, заинтересованное в снятии завесы секретности и лжи, которой, по мнению французского социолога, себя окружает государственная власть², в «расколдовывании» ее деятельности. Качественная социология могла бы помочь социальным общностям (например, экологическим, гендерным и другим) в их борьбе за реформы в той или иной сфере общественной жизни, за признание прав определенных категорий людей.

Вместе с тем, качественная методология все-таки *по-иному* расставляет приоритеты: на авансцену выходят конкретные люди, нуждающиеся в социологическом знании. Кажется, вот-вот сбудется мечта В. Голофаства о том, чтобы социальная наука не столько формулировала рекомендации власть предержащим, сколько стремилась стать «институтом социального обслуживания читающей публики»³. Что означает здесь словосочетание «социальное обслуживание», что может дать качественная социология «человеку с улицы»?

Прежде всего, видимо, возможность заглянуть за горизонты собственного опыта, познав другие возможные интерпретации, казалось бы, знакомых сторон жизни. Социология может подтолкнуть человека к критическому осмыслению тех верований, которые до сих пор были вне всякой критики, привить вкус к самоанализу, подтолкнув к переоценке своего опыта. Здесь исследовательская интерпретация того или иного явления или процесса выступает еще одним вариантом видения, конкурирующим или дополняющим его собственные «повседневные теории».

---

¹ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 235.

² Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии /Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. — СПб., 1997.

³ Голофаств В.Б. Ветер перемен в социологии /Голофаств В. Социология семьи. Статьи разных лет. - СПб: Алетей, 2006. С. 282.

Вместе с тем, качественная социология может не только приводить человека к переосмыслению собственного опыта, к более глубокой рефлексии, но в лице так называемой *помогающей* (или *побуждающей* — *evocative*) *автоэтнографии* оказать ему и эмоциональную поддержку в тяжелой жизненной ситуации¹. Здесь история исследователя, простое описание им пережитого, прочувствованного «куска жизни», то есть простое описание личного эмоционального опыта способно побудить читателя к эмоциональному отклику, в конечном итоге оказывающем на него благотворное воздействие, помогающее ему: читатель, погружившись в сходный опыт переживания исследователем аналогичной ситуации, вписывает историю исследователя в свой эмоциональный опыт, получая одновременно заряд оптимизма. Следствием такого эмоционального отклика, как правило, выступает переопределение ситуации, стимулирующее и другое поведение. Не случайна самая распространенная исследовательская практика такого рода — нарративы болезни, написанные людьми, как правило, победившими болезнь². Их главное назначение — ослабление стигматизации и маргинализации больных людей, сопротивление идентичности жертв, беспомощных людей, столь характерной для больных.

Качественная социология способна помочь «простому человеку» и привлекая его к участию в исследовании в качестве рассказчика истории собственной жизни (замечу, что «история жизни» — довольно часто используемая стратегия качественного исследования). Рассказывание исследователю истории жизни — почти всегда поиск себя, способ решения своих экзистенциальных проблем, всегда попытка связать воедино разрозненные элементы своей жизни, найти в ней смысл, увидеть (сконструировать) причины и следствия тех или иных ее поворотов: «рассказанное — уже понятное. Рассказать — уже объяснить»³. Рассказывая историю своей жизни, человек наделяет и рутинные и кризисные ее моменты значением, связывая со значением жизни в целом, восстанавливая тем самым ее непрерывность и согласованность.

Используя *принцип объективной ошибки*, впервые обозначенный М. Мамардашвили и А. Пятигорским⁴ и детально проанализированный самарским философом Ю. Разиновым⁵ в качестве теоретической схемы объяснения, можно утверждать, что рассказанная жизнь воспринимается в естественной установке сознания как изначальная и самодовлеющая реальность. Она связывает человека с обстоятельствами его жизни, выступая *объективной и необходимой формой*, которая имеет своим следствием структурирование самой жизни, придание ей целостности и связности⁶. «Мир действия конфигурируется повествователь-

¹ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 194.

² Kleinman A. The illness narratives. — Copyright by Basic Books, 1998.

³ Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 39.

⁴ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сохнании, символе и языке. Иерусалим.

⁵ Разинов Ю. Я как объективная ошибка. Самара: Самарский университет, 2002.

⁶ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 182.

ной деятельностью» — утверждает П. Рикер в своей известной работе «Время и рассказ»¹. Поэтому кодирование событий в рассказе, которое всегда осуществляет рассказчик, — всегда превращение неизвестного в известное. В противном случае «деятель-актор оказывается в хаосе непонятности собственного существования»². Видимо, поэтому информанты, только что рассказавшие в интервью свою жизнь, часто говорят «спасибо» исследователю. Я думаю, что дело здесь не в простой вежливости — исследование здесь способ приостановить «погоню за жизнью» (термин Н. Козловой), принуждение со стороны времени и сроков, не дающих возможности человеку задуматься.

Что означает для самой социологии смена ее целевых приоритетов? Прежде всего, как мне кажется, это выход ее из *цехового, рассчитанного только на коллег коридора* на просторы читательского спроса рядовых людей. Для социологов это означает публикацию материалов не только и не столько в узко специальных журналах, но и в массовых изданиях, ориентированных на широкую читательскую аудиторию. В свою очередь, это означает и то, что сами социологические журналы существенно расширяют свою целевую группу, включая в нее «читающую публику». Такое расширение потребителей социологического знания конечно не может не сказаться на языке социологии.

Мы здесь сталкиваемся с определенным противоречием: с одной стороны, изучение социальных связей и отношений, не данных непосредственно, познание типического в социальном мире, на которое претендует социология, схватывается на *языке научных терминов*, по большей части принципиально отличающихся от естественного языка повседневного общения людей. С другой стороны, особый язык науки вряд ли может быть легко понят «человеком с улицы». Видимо, выход может быть найден на пересечении этих двух языков, когда научные понятия и концепции дополняются семантическим объяснением, то есть растолковываются, разъясняются в социологическом тексте на языке, понятном потенциальному читателю. Впрочем, в такого рода тексте может и не быть концепций вообще, если исследователь работает в гуманистическом или ситуационном направлении качественных исследований³.

Не означает ли это, что социология теряет свою автономность, особость, превращается в род журналистики — наиболее часто встречающаяся претензия еще со времени выхода печально знаменитой статьи Г. Батыгина и И. Девятко «Миф о качественной социологии». Недавно ее озвучил М. Соколов: «журналисты занимались тем, что социологи и этнологи называют полевой работой задолго до того, как это словосочетание было выдуманно»⁴. В рамках такого понимания качественная методология не обладает ничем особенным, что могло бы помочь ей выжить, сохранить

¹ Рикер П. Время и рассказ. СПб, 2000.

² Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 39.

³ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-Групп, 2004. С. 135.

⁴ Соколов М. Виктор Воронков и последний крестовый поход /http://www.nz-online.ru/print.

свою автономию: все, что она делает, легко могут сделать журналисты, политологи, специалисты по семье и т. д.

На мой взгляд, социология не растворяется в журналистике, хотя в некоторых направлениях грань между качественной социологией и литературой, журналистикой действительно становится тоньше. Все же задача социологии, во всяком случае, в ее качественной разновидности в отличие от журналистики, описать, проанализировать *социальный контекст индивидуальной жизни, отдельного явления*, хотя «высота» контекста может быть и разной. Социологическое мышление — это мышление теориями и концептами в отличие от мышления журналиста, оперирующего образами. В то же время понятно, что смена целевых ориентиров, выход к «простому человеку», нуждающемуся в социологическом знании, потребует от социолога и новых талантов, прежде всего умения писать ярко, точно, понятно. В противном случае есть шанс не быть услышанным.

КОММУНИКАЦИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ КАК УСЛОВИЕ ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Современный интерес к проблеме коммуникации обусловлен изменением ее места и роли в различных общественных сферах. Люди, сообщества и само общество немислимы вне коммуникативных практик. Коммуникация как одна из основ человеческой и общественной жизни становится инструментом конструирования социальной реальности, репрезентирует различные формы отношений, включая отношения по поводу производства и применения нового знания. Особенно актуальной в данном контексте выглядит постановка проблемы относительно коммуникации внутри и вне научного сообщества, а также роли самого исследователя в этом процессе.

Никлас Луман в поисках «общества общества» — некоторой сверхструктуры — пишет об наиндивидуальности коммуникации. Согласно Луману, коммуникация не персональна, но функциональна, поскольку функциональна сама персона, личность, субъект. Решаемая коммуникацией задача — последовательность подсоединений. Коммуникация рассматривается Н. Луманом как синтез трех селекций: информации, сообщения и понимания¹.

Нельзя не согласиться, что коммуникация как информация и сообщение далеко не всегда предполагает обращение к некому адресату, но процесс понимания персонифицирован. Это всегда понимание кем-то, Другим, соотнесение себя и автора-отправителя, взаимоопределение смыслов. В этом случае коммуникация не может носить только функциональный характер, она эмоционально окрашена, целенаправленна и персонифицирована, детерминирована личностными характеристиками отправителя и получателя.

Понимая коммуникацию как смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия, можно рассмотреть соотношение личного и индивидуального начала в коммуникации. Наиндивидуальность, понимаемая как «сверхличностное», предполагает отсутствие динамики, статичность. Однако надо учитывать тот факт, что процессы понимания постоянно трансформируются в зависимости от сопутствующего дискурсивного мышления субъекта (понимания им контекста) и цели, с которой он вступает в коммуникацию. В рамках обращения к деконструкции и анализу текстов эту концепцию развивает Ж. Деррида: текст не статичен, он изменяется в результате постоянной деконструкции обращаясь к нему субъекта². Мы обращаемся к текстам Э. Дюркгейма, М. Вебера вовсе не по той причине и не с той же целью, что их современники. В этой ситуации происходит «смерть автора» (в терминологии Р. Барта), но одновременно состоится и его «второе рождение».

Наиндивидуальность, понимаемая как «межличностное, интересубъективное», становится одной из основных характеристик коммуникации. Такое видение пробле-

¹ Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Логос., 2005. С. 7, С. 267.

² Деррида Ж. Письмо и различие. — СПб.: Академический проект., 2000.

мы представил Э. Мунье — родоначальник французского персонализма. Согласно концепции персонализма, общество индивидов не существует, существует общество личностей. Коммуникация есть первичный опыт человека, и мы владеем лишь тем, что отдаем другим: «я существую только в том случае, когда я существую для другого». Иначе говоря, французский персонализм вместо смерти автора повествует о его бессмертии¹.

Вся наука Нового времени стремилась к тому, чтобы низвергнуть автора с пьедестала. Естественнаучный подход способствовал этому как нельзя лучше. Объективной и «чистой» могла быть только наука, избавленная от личностного начала — только та теория могла считаться научной, в основе которой лежат обезличенные и всеобщие законы, формулы, доказанные положения. Альтернативная наука постсовременности — это наука как коммуникация. Ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть отторгнуты от той ситуации, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия, где каждый участник коммуникации взаимоориентирован на общение, а каждый акт коммуникации нагружен интенциональными смыслами. Наука соткана из множества живых, диалогических нитей — как со своими современниками, так и со своими предшественниками. Научное знание оказывается направленным взаимодействием различных актов полагания смысла. Участие в коммуникации ученых причащает их считаться с мнением других, сообразовывать свое мнение с мнением коллег, искать согласие, достигать общей точки зрения².

Функция коммуникации в этом случае не сводится только к сообщению или передаче информации, она ставит перед научным сообществом проблему легитимации нового знания в науке. Коммуникация становится основой легитимации нового знания в науке, иначе говоря — признанием валидности некоторой теории или результатов исследования данным научным сообществом.

В процессе коммуникации происходит «рождение» автора, исследователя, ученого, его персонализация. Он предстает как личность, которая в своем взаимодействии с другими достигает некоторой автономии, в то же время — не теряя своих «корней», то есть соотношения с влиятельной группой представителей «научного сообщества». Отныне это знание, становясь легитимным, неразрывно связано с его именем. Являясь общедоступным, оно имеет источник, что позволяет погрузить само знание в социокультурный контекст, который способствовал его появлению и становлению.

Понятие «научное сообщество» приобретает вполне определенный смысл и становится ключевым положением теории Т. Куна. Согласно его представлениям, научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью. В несравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. — М.: Изд-во «Республика», 1999. С. 478.

² Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций).// <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm>

сходное образование и профессиональные навыки, в процессе обучения усвоили одну и ту же учебную литературу.

В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая обучение учеников и последователей. В таких группах, по мнению Т. Куна, коммуникация бывает относительно полной, а профессиональные суждения — относительно единодушными. Поскольку внимание различных научных сообществ концентрируется на различных предметах исследования, то коммуникации между обособленными научными группами иногда затруднительны¹.

Изучение исследовательских сообществ способствовало выделению небольших сплоченных групп теоретиков, деятельность которых предопределяет и вызывает крупные успехи и изменения в направлении исследований той дисциплины, к которой принадлежит данная группа. Связи между учеными и общей структурой научной коммуникации могут быть обозначены четырьмя типами — каждый тип фиксирует социальные отношения, постоянно встречающиеся в науке. Эти отношения выражаются в серьезном обсуждении текущих исследований; соавторстве как более тесной форме ассоциации, когда ученые вместе сообщают о результатах исследований; наставничестве, когда ученик проходит подготовку под влиянием своего учителя; коллегальности.

Большинство ученых, если они вообще ведут исследование, связаны каким-либо из этих отношений. В течение своей интеллектуальной жизни активный ученый, продолжающий принимать участие в структуре коммуникации, устанавливает и разрывает связи, к тому же его исследовательские интересы могут за этот период меняться несколько раз. Установление и разрыв связей, которые образуют общую структуру коммуникации, есть непрерывный процесс. Пары «учитель-ученик», соавторы оставляют о себе свидетельство навсегда, независимо от того, активны ли они в данный момент².

На сегодняшний день связь «ученик—учитель» трудноосуществима в той мере, в какой это необходимо для развития социологии. Эта связь слабеет, что во многом определяет отсутствие взаимопонимания между представителями разных поколений в науке. Соавторство и коллегальность присутствуют постольку, поскольку они актуальны, и имеют, как правило, краткосрочный характер сотрудничества.

Несмотря на успешные попытки построить модель сетевых взаимосвязей в профессиональном сообществе социологов на основе контент—анализа исследовательских биографий³, внутренние механизмы установления таких связей остаются пока за рамками научных работ в этой области.

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. — М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 227—228.

² Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии. <http://courier.com.ru/pril/posobie/mull.htm>

³ Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. — М. 2004. http://www.i-u.ru/biblio/archive/gradoselskaja_setevie/04.aspx

Открытым остается вопрос о том, насколько эмоциональная идентификация способствует установлению и сохранению коммуникативных связей¹. Если рассматривать сотрудничество как взаимоотношение личностей, то эмоциональная идентификация должна составлять неперенное условие установления таких отношений. Тогда не вполне понятно, каким образом будут сохраняться связи, если сотрудничество перейдет в конфронтацию.

Отношения конфронтации и сотрудничества становятся необходимыми в процессе конструирования сообщества. Конфронтацию можно определить через призму «конфликта поколений» в современной науке вообще и в социологии в частности. Проблема возникает прежде всего на фоне установления полипарадигмальности в современной социологии. Полипарадигмальность выражается в смене приоритетов: от классической (количественной) методологии в социологическом исследовании в сторону качественной. Какую из существующих одновременно в науке парадигм принимать или отвергать — это, по сути, экзистенциальный выбор самого исследователя. Однако столкновение различных полей академического пространства представляется неизбежным.

П. Бурдые, исходя из трактовки социального пространства, соотносит единообразие решений с тем, что агенты, занимающие сходные позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики². Позиции представителей разных поколений в науке неодинаковы. Прежде всего потому, что их социализация (и профессионализация) происходила в принципиально различных условиях, в результате чего возник не только альтернативный опыт, но иное мировоззрение самих исследователей.

Представители разных поколений расходятся в своих взглядах не только на решение исследовательских проблем, но и на формирование образа ученого, ангажированность получаемого им знания, участие в исследованиях, финансируемых госструктурами или частными компаниями. Ведутся бесконечные дискуссии о том, насколько публичность исследователя отражается на качестве его работы.

Участие в жизни сообщества, которое, подобно многим другим, является «воображаемым»: а именно — существует лишь постольку, поскольку участвующие в нем люди воспринимают себя именно в качестве членов сообщества³, делает его реальным для них. Объективация сообщества для всех остальных осуществляется после того, как будут институционально закреплены нормы и правила среди участников⁴. Сотрудничество и конфронтация позволяют определить группу индивидов, реализу-

¹ Погорелов Ф. А., Покровский Н. Е. Судьба социологического образования в России: глазами студента и профессора. // Социологические исследования. — 2003, № 8. С. 81—90.

² Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 71.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 4—5.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Изд-во «Медиум», 1995. С. 98.

ющих сходные практики, как сообщество, где коммуникация выступает универсальным инструментом и необходимым условием его объективации.

Принадлежность к некоторому сообществу дает его участникам право говорить от имени своих коллег, обеспечивая поддержку и оправдывая претензии на экспертный уровень научного знания по отношению к обыденному. После чего оно может быть воспринято окружающими как руководство к действию или бездействию. В этом случае обозначившаяся личностная позиция исследователя приобретает особое значение. Проблема состоит только в том, настроен ли исследователь представить свою личностную позицию, готов ли он ангажироваться для выхода за рамки экспертного сообщества.

Понятие «ангажированность» происходит от французского «engager» — приглашать, вовлекать, предлагать. Само по себе понятие ангажированности не предполагает наличия негативного контекста. И производное от него понятие «ангажемент», как найм специалиста для выполнения работы (в оригинале — актера в театр), не может быть осмыслено как негативное. Кто захочет нанять или пригласить посредственного сотрудника? Нанимают или приглашают кого-то, наделенного особыми качествами, обладающего талантом и навыками, скорее специалиста, нежели дилетанта.

Ангажированность у Т. Адорно в политическом и культурном смысле имеет своей целью изменение условий существования, а не ограничивается внесением одних лишь предложений и высказыванием благих пожеланий¹. В таком случае можно считать ангажированность априорной характеристикой деятельности социального ученого.

Ангажированность социолога — это проблема, корни которой уходят в социальную обусловленность получаемого им знания. Знание, которое он черпает в обществе, само по себе обладает характеристиками вовлеченности — исследователя в исследуемый им фрагмент социальной реальности. Там, где биографическая позиция заменяется научной, исследователь не чувствует, не переживает, не отождествляет ситуацию со своей собственной. Такая деперсонализация социолога в количественном исследовании сменяется его включенностью и как следствие вовлеченностью в события, отношения, действия в качественном исследовании, где «понимание», являясь условием познания социального, требует отождествления, сочувствия, переживания, соотнесения смыслов.

Социальное знание должно быть признано группой ученых, принадлежащих данному научному сообществу, иначе его нельзя назвать легитимным. Стремясь достичь легитимности полученного знания, исследователь предоставляет его результаты членам как своей собственной, так и других групп — «открывает исследовательскую кухню» и тем самым объективирует и легитимирует полученное знание внутри сообщества. После этого само знание становится доступно не узкому кругу, а многим. В том числе представителям не только академического поля, со всей его автономностью, но

---

¹ Адорно Т. Эстетическая теория. М: Изд-во «Республика», 2001 <http://culture.niv.ru/doc/aesthetic/adorno/149.htm>

и политикам, предпринимателям, агентам СМИ и пр. В этом случае можно сказать, что знание тоже становится «ангажированным». Итак, проблема ангажированности самого ученого напрямую связана с ангажированностью социального знания.

О необходимости выхода науки в сферу публичного, подчеркивая двойственность такой аккредитации, пишет Ив Мишо¹. Необходимо, чтобы научный мир и общество в целом находились в контакте в рамках постоянных форумов (стоит напомнить, что научный мир составляет часть общества и не находится ни вне его, ни вне общественного контроля). С этой точки зрения, деятельность исследовательских комиссий, центров мониторинга, научных агентств, многочисленные доклады, сделанные известными учеными по общественному заказу, постоянные ссылки на мнение экспертов являются проявлением социальной рефлексивности. Это Мишо называет «презентабельной» и приемлемой стороной нынешнего положения вещей. Но существует и обратная сторона этой рефлексивности — постоянные опросы общественного мнения, призывы к общественности, исследования, более или менее управляемые заказчиками, многочисленные феномены демагогии, которые также характеризуют общество.

Глобализированная наука является благодаря существованию научного сообщества — многочисленного и могущественного. У него есть свои институты утверждения и признания (среди которых Нобелевская премия — лишь наиболее заметное проявление), свои способы оказания давления. Она работает в атмосфере любопытной смеси кооперации и конкуренции: существует прекрасное международное научное сотрудничество, но и жестокое непрекращающееся соперничество между научными коллективами.

Существование «научного сообщества» оказывает влияние на процесс построения коммуникации с внешним по отношению к нему миром. Возникает воображаемая граница между теми, кто производит знание, и теми, кому оно предназначено. Границы можно трактовать как нечто, что способно помешать чужим выйти. В действительности, они служат также и тому, чтобы помешать выйти. Основная функция социальных границ — помешать доминирующим выйти, стать вульгарными, уронить собственное достоинство. Помешая обособленно, их заставляют чувствовать свое превосходство². Такое иллюзорное превосходство можно расценить как бессилие. Бессилие представителей эпохи постмодернити, где критика социального мира, являясь прерогативой социального ученого, становится бессмысленной и бесполезной, если сам ученый только критикует. У З. Баумана современное «индивидуализированное общество», открытое критике, приобретает своеобразный «иммунитет» и потому глухо к ней³.

¹ Мишо И. Общество познания и формы коммуникации.// Неприкосновенный запас., 2002, № 5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/misho.html>

² Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений.// Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 8—31.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос., 2005, С. 126.

Наука как социальный институт теснейшим образом взаимодействует с политикой. Несмотря на это представители обеих сторон находятся в постоянном противоборстве по поводу собственной автономии с заключением временного «договора о невмешательстве» в дела друг друга. Однако нельзя отрицать, что представители науки, являясь «доминирующими среди доминируемых», не могут молчать, когда становятся свидетелями политических манипуляций сознанием. А их молчание — такое же вмешательство и повод к соответствующим дискуссиям. Это как раз тот случай, когда молчание может быть не менее красноречиво, нежели публичное выступление.

П. Бурдые подчеркивает одно из свойств политики: отчасти она вырабатывается именно исследователями. Вопрос для него в том, могут и должны ли те, кто благодаря своим научным познаниям способны предвидеть пагубные последствия этой политики, сохранять молчание? Не заключается ли в этом уклонение от помощи тем, кто оказался в опасности? Не должны ли ученые покончить с той сдержанностью, которую традиционно накладывают на себя¹?

Политические агенты как доминирующие, в лучшем случае стремятся обрести поддержку в лице научных школ, а в худшем — к осуществлению постоянного контроля над их деятельностью.

Понятие «университетской доксы», которое вводит П. Бурдые, как нельзя лучше отражает эту взаимозависимость и провозглашает нерелефлексивную конформность ученого в качестве необходимого условия таких отношений: «В любой момент времени мы утверждаем, считаем нечто само собой разумеющимся, полагаем как достигнутое, предполагаем массу вещей о социальном мире.... Докса — это отношение непосредственного согласия с миром»². Он видит основу такого непротиворечия в особенностях социализации ученого, а именно: обучения и кооптации.

Таким образом, проблема ангажированности исследователя не менее тесно связана с ангажированностью его опыта. Человек познает мир социально опосредованно, находясь в кругу носителей некоторого повседневного знания, которое затем эмпирически подтверждает или отвергает на протяжении всей жизни³.

В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая представляется совершенно губельной: раскол между *scholarship* и *commitment* (в терминах П. Бурдые), между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто ответственно выносит свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление — искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того

¹ Бурдые П. За ангажированное знание. Неприкосновенный запас., 2002, №5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

² Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.

³ Шюц А. Методология социальных наук / Пер. с нем. и англ. // Шюц А. Избранное: мир, священный смысл. — М: Росспэн, 2004. С. 37–38.

чтобы производить легитимно ангажированное знание и вводить это знание в практику. Такое знание рождается только в ходе работы, подчиненной правилам научного сообщества¹.

Выстраивая образ социальной науки, В. Б. Голофаст обращал внимание на те крайности, которые свойственны мыслителям в периоды общественных трансформаций. Реакционный мыслитель циничен, современник реформ — чрезвычайно самонадеян, вплоть до осознания своего мессианства. Однако с прогрессом научной социальной мысли становится возможным понимать ангажированность социального мыслителя как конкретную историческую обусловленность и смысл его занятий. Амбивалентность его позиции становится методологическим инструментом уточнения конкретных связей социального ученого и общества, социального ученого и других деятелей культуры, построения перспективы применения получаемого им социального знания².

Методологическое сознание социолога как понимание собственной позиции, цели и задач научной деятельности в настоящий момент находится в стадии становления, а особое внимание к проблеме научной рефлексии становится основой его формирования. Понимание социологом собственной априорной ангажированности порождает ответственность за предоставленное и сокрытое им знание, персонализирует исследователя в глазах широкой общественности и объективирует научное сообщество, с которым он отождествляется, способствует осмыслению предназначения социальной науки в жизни общества представителями других сфер культурного производства.

Коммуникация как легитимация нового знания в науке включает в себя взаимодействие между членами научного сообщества, между научным сообществом и политическими агентами, между исследователем и различными влиятельными группами и т. д. Другими словами, она приобретает характер разнонаправленных взаимосвязей, в ходе возникновения или разрыва которых происходит преобразование как участников коммуникативного процесса, так и самой социальной реальности.

---

¹ Бурдые П. За ангажированное знание. Неприкосновенный запас., 2002, №5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

² Голофаст. В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. — Ленинград: «Наука», 1981. С. 64.

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Елена Петровна ЕВДОКИМОВА (*СПб, СИ РАН*)

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНДИВИДА

В последние годы глобализация стала не только одной из самых популярных, но также и одной из самых конфликтогенных тем научного и политического дискурса. Ее сторонники и противники сталкиваются и за круглыми столами, и на улицах крупных городов в обоих полушариях.

Попытки перейти от оценочных суждений к содержательным ставят в первую очередь вопрос о новизне происходящего процесса и масштабах его социальных последствий. При этом даже самые беглые попытки анализа приводят к выводу о сложном, комплексном, многослойном характере глобализации, включающей разные явления, разные процессы, протекающие в разных сферах общественной жизни разными темпами. При этом в зависимости от того, какие из этих процессов считаются ключевыми, самому процессу глобализации отводится от пятидесяти до пятисот лет (Therborn, 2000; Wallerstein, 2000).

Исследователи отмечают, что глобализация имеет по крайней мере такие разнообразные проявления как формирование единой экономики; кризис различных социальных институтов; новое положение национального государства в отношениях со своими гражданами и другими государствами; культурная стандартизация и гибридизация; глобальные экологические проблемы (Therborn, 2000). Затрагивая столь различные сферы социальной реальности, глобализация вторгается в повседневную жизнь людей, изменяя их непосредственные условия существования и правила поведения. Повседневность как «плави́льный тигль» (Вальденфельс, 1991) перерабатывает практики, установки, модели, возникающие на самых различных уровнях организации социума. При этом сама повседневность по своей природе заведомо локальна, конкретна, специфична, глобализация же вторгается в повседневность, изменяя и переструктурируя ее.

Понятно, что конкретные локальные явления по-разному реагируют на такое вторжение, это усиливает плюрализм и мозаичность процессов, собранных под общим названием глобализации, что дает основание для введения такого понятия как «глокализация» (Robertson, 1995). И, как представляется, пока еще недооценива-

ется глубина воздействия идущих трансформационных процессов именно на эти повседневные реалии. А речь здесь идет об изменении самых базовых понятий человеческой жизни, определяющих картину мира, к числу которых можно отнести такие понятия как пространство и время.

Для анализа этого еще слабо исследованного процесса представляется уместным использовать понятие жизненного пространства индивида как многомерного психологического пространства, обладающее свойствами социального и психологического поля. Важным качеством жизненного пространства индивида является его привязка к физическому пространству и времени.

Понятие «жизненного пространства» принадлежит К. Левину. В статье 1943 года (см.: Левин, 2000) он выделяет две зоны — собственно жизненное пространство, т. е. человека и психологическую среду как она существует для него, и так называемую «пограничную зону» — части физического и социального мира, которые оказывают воздействие на жизненное пространство индивида в конкретный момент времени. За пределами этой зоны находились множество процессов физического и социального мира, которые не оказывали влияния на жизненное пространство индивида.

Технический прогресс радикально меняет физические параметры пространства. Увеличение скоростей передвижения и коммуникации вызывает сокращение времени на преодоление заданного расстояния — фактически «сжатие» пространства. Впрочем появление новых технических средств лишь потенциально делает различные точки пространства ближе и доступнее. Для реализации этого потенциала необходимо включение этих средств в социальную организацию пространства — точки должны быть соединены трассами, регулярными рейсами, кабельными сетями, сотовой связью. Обустройство различных путей коммуникаций, собственно, создает реальную конфигурацию социального пространства.

В то же время социум не только «обживает» пространство, делает его более комфортным и доступным. Заборы, шлагбаумы, границы — тоже неотъемлемый вклад социума в организацию пространства. Причем если барьеры не являются непреодолимыми, то организационные факторы (т. е. организация процедуры преодоления барьеров) вносят существенный вклад в пространственную картину. И поскольку подобные процедуры постоянно меняются — то упрощаясь и ускоряясь (за счет технических приспособлений, новых организационных технологий, политических и юридических решений и т. д.), то усложняясь и замедляясь (в частности, из-за появления новых проблем, рисков и опасностей, от которых и призваны оградить социально созданные барьеры) — это делает структуру пространства зыбкой, изменчивой, подверженной постоянным колебаниям и неожиданным трансформациям.

Процесс трансформации социального пространства является постоянным и непрерывным, свойственным всем стадиям развития общества. Однако, по-видимому, в нынешних условиях этот процесс переходит в какое-то новое качество.

Прежде всего увеличение скорости перемещения предметов и особенно информации, приводящее к «сжатию» пространства, упирается в естественный предел, когда пространство как бы исчезает, сжимаясь до одной точки. Оказываются «рядом» и вступают в контакт (прямой, хотя и опосредованный техническими средствами)

люди, находящиеся за многие километры друг от друга. «Исчезновение» пространства проявляется в том, что реальное расстояние (в ределах планеты, «глобуса») при этом совершенно неважно. Значимые события, интересующие людей в разных местах Земли, происходят для них одновременно, как если бы все они собрались в одной точке пространства.

«Отрываясь» от привязки к конкретному месту в физическом пространстве, события перемещаются в пространство виртуальное. Адрес электронной почты, интернет-сайт, номер мобильного телефона, телевизионный канал — вот константные координаты точек в этом пространстве. Причем в отличие от уникального физического пространства, виртуальное не является ни единым, ни уникальным — множественность и параллельность виртуальных пространств есть их изначальная характеристика.

Сокращение времени на незаполненные событиями перемещения в пространстве, ускорение течения событий также приводят к новому качеству. Меняется темп не только повседневной жизни — более «сжатыми» становятся масштабные исторические трансформации. В результате темпы исторических перемен сближаются с темпами человеческой жизни — человек начинает непосредственно жить не только в повседневном, но и в историческом времени. Кстати, в этом же направлении работает и удлинение средней продолжительности человеческой жизни, фиксируемое демографами за последнее столетие. Человеческая биография вмещает разные исторические события, становится уже невозможным жить «не в эпоху перемен», «в неинтересное время». И сложное переплетение реальных и виртуальных пластов также увеличивает многослойность человеческой жизни.

Биосоциальная человеческая природа задает определенные рамки бесконечному размножению виртуальных миров и расслоению реальности. Условием свободы путешествий человека в виртуальных пространствах являются достаточно комфортные условия в конкретной точке пространства физического — именно той, где находится его биологическое тело. С другой стороны, даже при самых благоприятных условиях, человек может воспринимать одновременно ограниченное число объектов и проводить полноценные действия лишь с одним из них — таковы свойства человеческой психики. Технические, организационные, инструментальные приспособления создают возможность существования дополнительных «реальностей» как фона, входящего в сферу сознания человека по мере актуализации. Но «реальностей» становится слишком много для одного человека — разные «реальности» существуют в сознании разных людей.

Можно сказать, что под влиянием технического прогресса, создания множества виртуальных миров, жизненное пространство индивида и прежде всего его пограничная зона расширились до глобальных размеров. Хотя это конечно не означает исчезновения третьей категории — процессов, НЕ влияющих на жизненное пространство конкретного индивида. Однако пограничная зона не просто становится более обширной, она включает в себя события, происходящие в самых разных местах Земного шара — и в этом смысле она оказывается глобальной, а пространство процессов, безразличных для жизненного пространства индивида, в свою очередь, становится

фрагментарным. Но если говорить о собственно жизненном пространстве, то его расширение — скорее потенциальное. В реальности же вступают в действия различные ограничения локального характера — можно выделить несколько групп факторов ограничения жизненного пространства индивида, о которых и пойдет речь ниже.

Физические ограничения связаны с тем, что многие процессы, составляющие существо повседневной жизни, принципиально непереносимы в виртуальное пространство. Они протекают в реальном пространстве и подчиняются его законам. А законы реального пространства таковы, что физическое тело может находиться одновременно только в одной точке этого пространства, а на перемещение между двумя точками требуется время, которое зависит от расстояния между ними. Причем можно сказать, что апологетами виртуализации явно недооценивается количество и разнообразие таких процессов.

Прежде всего, в реальном пространстве протекают все витальные процессы, составляющие биологический базис социальной жизни — дыхание, питание, секс и т. д. И все они зависят от физических условий в конкретной точке физического пространства, от их пригодности для жизни и комфортности. Процессы жизнеобеспечения являются основой повседневной жизни, и именно они определяют ее изначальную локальность, привязку к конкретной точке пространства/времени.

Следующий блок процессов, протекающих в реальном пространстве — это все *процессы, связанные с человеческим телом* — охрана здоровья, физическая культура, рекреация, различные виды ухода за телом и т. д. Все эти процессы занимают не просто большое место в сегодняшней жизни — как индивидуальной, так и общественной. Сегодня сфера этих процессов расширяется, включая в их обслуживание все больший круг людей, создавая новые сферы приложения труда и вложения капитала — такие как новые области медицины, различные виды туризма, фитнес, различные направления косметической промышленности и индустрии моды и т. д.

Важнейшую роль в развитии виртуального пространства играет коммуникация: развитие таких технических средств как интернет или мобильная телефония призвано обеспечивать именно *общение*. И создается впечатление, что уж коммуникация-то может полностью сосредоточиться в виртуальном пространстве, протекать в реальном времени и не зависеть от расстояния, разделяющего людей. То есть именно эта сфера человеческой деятельности протекает в глобальном пространстве, свободном от локальных барьеров и границ.

Однако даже если оставить в стороне социальную организацию технических средств, предоставляющую разным людям неравные возможности для включения в виртуальное пространство общения (об этом пойдет речь ниже), необходимо отметить, что полноценное человеческое общение также включает телесный контакт и большой арсенал невербальных средств коммуникации, не поддающихся передаче по виртуальным сетям. Стремление передать эти невербальные сигналы является одним из стимулов развития коммуникационных систем, и в этом направлении достигнуты весомые результаты — телефонная связь позволяет передать тембр и интонацию человеческой речи, а видеоизображение дает возможность воспринять информацию,

заключенную в мимике и пантомимике. Тем не менее, информация, распространяемая по виртуальным сетям пока носит аудиовизуальный характер и адресуется двум сенсорным каналам — зрительному и слуховому. В то же время, личный контакт не просто позволяет включить в процесс коммуникации дополнительные анализаторные системы (тактильную, обонятельную, кинестетическую). Именно сочетание, взаимное согласование сигналов, воспринимаемых разными системами обеспечивает целостный образ другого — и целостную же реакцию на него, т. е. полное включение в процесс общения, в отличие от частичного включения, проходящего по виртуальным каналам.

Фактически даже в бизнес-коммуникации виртуальное пространство играет важную, но вспомогательную роль — важнейшие сделки совершаются в ходе личных встреч и переговоров. Причем такие встречи проходят в глобальном пространстве — в том смысле, что места деловых встреч могут располагаться в разных частях земного шара. Но требования к локальным условиям таких встреч делает это пространство крайне фрагментированным. Мало того, что вся территория, пригодная для такого рода деятельности, сосредоточена в так называемых «мегагородах», но даже в этих городах эта территория ограничена определенными районами, оставляя большую часть площади города вне зоны такого «глобального» пространства.

Досуговая деятельность, полноценная рекреация также происходит в реальном пространстве. Конечно, существует немало видов досуга, располагающихся в пространстве виртуальном — это и традиционный просмотр телевизора или кинофильмов, и такие новые формы досуга как компьютерные игры или интернет-общение. Собственно, виртуальное пространство своим развитием обязано прежде всего индустрии досуга, активно предлагающей людям все новые и новые развлечения. Однако, как и общение (а возможно в еще большей степени), «виртуальный» отдых, не включающий человека целиком, во всей его полноте и телесности, оказывается неполноценным, требующим последующих физических упражнений для восстановления сил и работоспособного состояния.

Наконец, казалось бы, виртуальное пространство является идеальной средой *интеллектуальной коммуникации*, обмена мыслями, мнениями, идеями. Именно в виртуальной среде идеи, мысли, образы могут выделиться из реального контекста, нагруженного эмоциями, сопутствующими обстоятельствами, конкретной вещественной оболочкой и т. д. — и предстать, так сказать, в чистом виде. Интернет-форумы и переписка по электронной почте — это способы обмена информацией и мнениями, требующие четкого вербального выражения. При общении такого рода у человека обычно больше времени на обдумывание ответа, чем в «живом» разговоре. И в то же время оперативность электронной связи позволяет сохранить логику и поддержать естественный темп коммуникации. При этом электронные сети связывают людей, находящихся не только в разных точках физического пространства, они достаточно безразличны и к параметрам социального пространства, объединяя людей вокруг общего — интеллектуального — интереса.

Представляется, что в этом виде человеческой деятельности преимущества глобализации и множественности виртуальных миров приносят наиболее ощутимые

плоды — в виде новых сообществ, новых форм общения, новых идей и новых решений. И именно в этой сфере «виртуальное» общение представляется вполне реальным, поскольку, хотя оно и предполагает, как любое опосредованное общение, частичное включение, но построено на реальном материале обмена в этой сфере — идеях и мнениях.

Однако есть немало свидетельств того, что и интеллектуальная коммуникация не может полностью протекать в виртуальном пространстве. Что даже в этом виде деятельности сетевое общение может дополнять, но не заменять реальное живое «локальное» общение. Так, например, такой известный способ решения проблем как метод мозгового штурма все же требует объединения участников этого мероприятия в едином физическом пространстве, живой и динамичной коммуникации между ними, дополненной не только эмоциональным взаимодействием, но и обменом невербальной информацией, трудно поддающейся учету и анализу, но также зачастую весьма значимой.

Многочисленные научные, научно-практические конференции, конгрессы, семинары и т. д. также являются необходимой частью творческого процесса в интеллектуальной сфере. Такие формы общения выступают определенной организующей силой научной работы, важным инструментом институционализации результатов индивидуального исследовательского процесса. Но они также являются катализаторами научного творчества, полем интенсивного обмена идеями.

Видимо, не случайно интенсификация интеллектуальных контактов, пересекающих и как будто игнорирующих, даже отменяющих границы локальности, сопровождается повышенным интересом к роли локальной интеллектуальной среды в стимулировании инновационной активности и продуктивности (Тамаш, 2002).

Все сказанное подтверждает, что общение в виртуальной среде дополняет и активизирует, но не заменяет реального общения. Т. е. даже в тех сферах человеческой деятельности, которые казалось бы наиболее комфортно и естественно располагаются в виртуальном пространстве, остаются участки, недоступные виртуализации, разворачивающиеся в локальном и реальном физическом мире, подчиняющиеся его законам, подверженные его ограничениям.

Технические ограничения жизненного пространства связаны прежде всего с логикой инновационного процесса, имеющего как универсальные, так и локальные черты. В частности универсальной чертой можно считать то, что освоение инноваций не происходит мгновенно и повсеместно, а представляет собой процесс, растянутый во времени и пространстве. Сейчас это наиболее наглядно можно увидеть на примере развития российского интернета, в частности его территориальной организации (см., например, Перфильев, 2002). Именно такое развитие инноваций создает деление как индивидов и социальных групп, так и регионов на «продвинутые» и «запаздывающие» в отношении освоения той или иной инновации.

Еще одна причина неравномерных технических ограничений жизненного пространства заложена в самом принципе функционирования средств связи. Коммуникационное пространство организовано по сетевому принципу — т. е. состоит из узлов, связывающих их линий и «свободного» пространства между ними. По тако-

му принципу устроены транспортные сети, прочие системы жизнеобеспечения, телефонная связь и интернет и т. д. Даже различные формы телекоммуникаций, чья организация максимально приближена к форме поля (поскольку только такая пространственная модель обеспечивает выполнение основной функции телекоммуникации — освобождение от привязки к стационарным установкам), в действительности представляют собой сети ретрансляционных установок, образующих зоны уверенного приема, неуверенного приема, а также зоны отсутствия связи.

Технические ограничения тесно связаны с *социально-экономическими* ограничениями жизненного пространства. Поскольку любое коммуникационное оборудование и коммуникационные услуги стоят денег, нетрудно обнаружить прямую связь между экономическим положением индивида и размерами и масштабами его жизненного пространства.

В исследовании адаптации населения к проходящим изменениям, которое проводилось с 1993 года (Повседневность..., 1999; Новые потребности..., 2001), мы могли наглядно наблюдать дифференциацию жизненных пространств индивидов в зависимости от успешности или неуспешности их адаптации. Мы фиксировали расширение жизненного пространства тех, кто успешно вписывался в происходящие процессы — улучшение жилищных условий, интенсификацию повседневных поездок, освоение новых зон отдыха, в том числе ранее недоступных, расширение коммуникационных и информационных возможностей, освоение виртуального пространства интернета. С другой стороны, происходило сужение жизненного пространства аутсайдеров — резкое сокращение числа поездок, как поездок на отдых, так и внутригородских, обрыв контактов, сокращение переписки, сокращение информационных возможностей (доступа к печатным СМИ), угроза существующим жилищным условиям — деградация жилой среды и задолженность за жилищно-коммунальные услуги. (Подробнее см.: Порецкина, 2001; Евдокимова, 2001; Задолженность..., 2000)

Политические барьеры достаточно жестко структурируют физическое пространство, задавая в каждый момент времени конкретную конфигурацию жизненного пространства конкретного индивида — это и государственные границы, и институт переписки и т. д.

Политические механизмы структурирования виртуального пространства не столь очевидны, поскольку отдельный индивид имеет дело с конечным результатом — существующим виртуальным пространством, а не с процессом его создания, в котором и проявляются политические барьеры. Однако понятно, что создаваемое виртуальное пространство отражает баланс сил — и прежде всего сил политических — на данный момент времени.

Из **культурных** факторов наиболее значим в плане влияния за жизненное пространство языковой барьер. Знание иностранных языков расширяет жизненное пространство — как реальное (облегчение путешествий и коммуникаций), так, естественно, и виртуальное. С другой стороны, можно сказать, что именно культурные факторы, выраженные в частности в культурном капитале и габитусе как его интегрированной форме (Бурдьё, 2002) не просто ограничивают, а во многом определяют и объем, и структуру, и содержание виртуального пространства конкретного индивида.

Глобальные и локальные факторы организации жизненного пространства индивида по-разному взаимодействуют в различных сферах повседневной жизни.

Самые широкие возможности выбора глобализация открывает в сфере досуга — это путешествия, как в реальном пространстве, так и во множестве виртуальных. В то же время эти путешествия открывают возможности соприкосновения с другой локальностью — реальной или виртуальной, ее включения в жизненное пространство индивида. Но как раз в этой сфере можно наблюдать действие всего спектра ограничений — и технических (зависимость от транспортных потоков и технических средств коммуникации), и экономических (зависимость спектра возможностей досуга от экономического положения индивида), и политических (визовые преграды в реальном пространстве, политика СМИ — в виртуальном), и культурных (определенность выбора способа проведения досуга социокультурными параметрами индивида), и собственно физических, связанных с местом проживания индивида.

В сфере *информационного поведения* (потребления и использования информации) локальные барьеры не столь наглядны, в то же время и здесь существуют технические, экономические и политические ограничения в доступе к различной информации. Кроме того здесь особенно заметно действие культурных факторов, способствующих или препятствующих корректной интерпретации полученной информации и ее адекватного использования.

В сфере *потребления* глобальные факторы создают сложную композицию унификации и диверсификации потребительских стереотипов с одной стороны, расширяя спектр потенциально доступных товаров и услуг, а с другой — навязывая стандарты потребительского поведения, общие в разных точках земного шара. Основным барьером в этой сфере, естественно, выступают социально-экономические ограничения. Но и культурные факторы также вносят свою лепту в конкретную конфигурацию сложившихся паттернов потребительского поведения.

Наконец, в сфере *занятости* происходят самые глубокие преобразования, поскольку поведение в этой сфере во многом определяет возможности, существующие в других сферах. Но именно здесь изменения происходят медленнее и зачастую не столь очевидны. Достаточно сказать, что несмотря на активное развитие трудовой миграции и дистантных форм занятости, все-таки основным местом приложения трудовых усилий подавляющего большинства населения остаются локальные рынки труда, ситуация на которых сильно различается. В то же время, разные профессиональные группы в разной мере и в разной форме включаются в глобальные процессы, так что в этой связи также можно говорить о роли культурных факторов во взаимодействии глобального и локального в этой сфере (Кастельс, 2000).

Таким образом, можно сказать, что глобализация воздействует на жизненное пространство индивидов, меняя систему его координат, прежде всего на его пограничную зону, которая по существу становится глобальной. Глобальное и локальное, выступая «контекстами» повседневной жизни (Голофаст, 2002), вступают в сложное взаимодействие и зачастую противодействие друг с другом.

В то же время повседневность, играя роль «плавильного тигля», перерабатывает эти взаимодействия, образуя сложную композицию, уникальную для каждого

индивида. Сталкиваясь с глобальными «мегамашинами» (Голофаст, 2005), индивид вырабатывает (сознательно или бессознательно) способ адаптационного поведения, опираясь на сложную композицию доступных ему ресурсов — индивидуального, локального и глобального уровня.

Глобализация выступает катализатором различных инновационных процессов, которые в свою очередь включаются в механизмы социальной дифференциации. Поначалу многие инновации предлагают дополнительные ресурсы для решения существующих проблем, причем эти новые ресурсы не всегда наиболее выигрышные и эффективные. На каком-то этапе комбинация новых и имеющихся ресурсов увеличивает разнообразие возможных способов решения проблем, предоставляя индивидам возможности выбора оптимального сочетания ресурсов. Но по мере внедрения в жизнь инновации становятся значимым фактором переструктурирования социального поля, часто обесценивающим другие ресурсы. В результате «аутсайдеры» в освоении таких инноваций вытесняются на периферию соответствующего поля, рискуя попасть в число «исключенных».

Изменения, происходящие в повседневной жизни под воздействием процессов глобализации, непосредственно воздействующие на индивидов, приводят к «индивидуализации» проблем и ответственности за их решение (Бек, 2001). Это размывает действующую социальную структуру, ослабляет социальные связи, разрушает социальную солидарность. При этом локальные факторы могут выступать не только барьерами, но и катализаторами воздействия глобальных явлений на повседневную жизнь индивидов, что особенно наглядно видно, в частности, в сфере занятости.

По всей видимости, взаимодействие глобальных и локальных факторов в организации жизненного пространства индивидов протекает различными путями. С одной стороны, очевидно, можно видеть факты прямого включения индивидов в глобальные процессы (которое можно рассматривать как феномен упрощения и в этом смысле деградации социальной структуры). С другой стороны можно наблюдать и факты опосредованного воздействия процессов глобализации на индивидов — через различные социальные группы и институты, а также создание новых форм социальной организации — иногда вместо существующих, но чаще в дополнение к ним. При таком действии глобальный уровень организации надстраивается над существующими социальными уровнями, усложняя и развивая социальную структуру. Вопрос о преобладании того или иного механизма воздействия глобальных факторов на повседневную жизнь людей остается открытым, открывая простор для дискуссий и поле для исследований.

Литература

- Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity and Heterogeneity // M. Featherstone et al. (eds) Global Modernities. London, 1995. P. 25–44.*
- Therborn Goran. Globalizations: Dimentions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology Volume 15, Number 2, June 2000. P. 151–179.*

- Wallerstein Immanuel.* Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System // International Sociology Volume 15, Number 2, June 2000. P. 249–265.
- Бек У.* Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология, 2002, Т. 3, № 5. С. 60–74. www.ecsoc.msses.ru.
- Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос, М., «Прогресс», 1991. С. 39–50.
- Голофаст В. Б.* Глобальное и локальное как контексты и контрасты // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2002, № 1. С. 2–8.
- Голофаст В. Б.* Мегамшины и повседневность // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2005, № 1. С. 54–55.
- Евдокимова Е.* Средства массовой коммуникации в повседневной жизни населения Санкт-Петербурга середины и конца 90-х // Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / Отв. ред. И.И.Травин. — СПб.: Норма, 2001. С. 73–98.
- Задолженность населения за жилье (социологический анализ). / Под ред. Н. Р. Корнева. СПб., Норма, 2000.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Левин К.* Определение «поля в данное время» // Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., «Речь», 2000. С. 64–80.
- Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / Отв. ред. И. И. Травин. — СПб.: Норма, 2001.
- Перфильев Ю.* Территориальная организация российского интернет-пространства // Интернет и российское общество / под ред. И. Семенова, Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2002. С. 21–47.
- Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев / Отв. ред. к.ф.н. И. И. Травин, проф. Ю. Симпура. СПб, «Европейский дом», 1999.
- Порецкина Е.* Рекреационная активность в сфере досуга как дифференцирующий фактор // Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов / Отв. ред. И. И. Травин. — СПб.: Норма, 2001. С. 174–188.
- Тамаш П.* Высокие технологии: глобализация и локализация (мировой опыт) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XVIII. Материалы XVII сессии Международной школы социологии науки и техники. Под ред. проф. С.А.Кугеля. СПб, «Гидрометеиздат», 2002. С. 19–31.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

«Глобализация означает, ...что внутренняя динамика социума больше не определяет его историю».

В. Голофаст (по Г. Терборну)

Идет глобализация

Идет, грядет... да не грядет, давно идет глобализация. По В. Голофасту, это поток, который обходит (обтекает) национальные плотины и затопляет все, от повседневной жизни до культуры в целом, политики, все ставит на рельсы... а если следовать водной метафоре — на лайнеры коммерциализации, стирает грань между добродетелью и пороком. И в первую очередь глобализация затопливает национальное производство, притом без шума, без политических конфликтов; никто и не замечает, что он уже сидит в глобальном «контексте». Притом люди, страны и Россия в т. ч. бегут навстречу наводнению. Так, мы настойчиво стучимся в двери ВТО, и только консерваторы американцы, парадоксальным образом не пускают нас (а может быть — как раньше бы сказали — не выпускают на Россию «гидру империализма»). Что будет с нашим производством (меня, как «закоренелого производственника», конечно, в первую очередь волнует его судьба), разрушенном и ранее на 50% (а некоторые отрасли и на 80%) «структурной перестройкой», экономическим кризисом, дележкой-переделом собственности, объявленном ожившим, растущим, хоть глаз и не верит? Не станет ли для него поток глобализации девятым валом, сметающим остаточные островки? Что будет с нашим сельским хозяйством и стоящим за ним сельским населением, крестьянами, которое — вот тут я и без статистики вижу — находится в процессе скорее обратном оживлению? В потоке глобализации концепция либерализма составляет, несомненно, идеологическую составляющую; каковы перспективы приживания, «пригодности» этой идеологии в постсоветских условиях? Судя по некоторым дискуссиям (в т. ч. одной из «академических», состоявшейся недавно в Леонтьевском центре в СПб), даже понимание отчетливое либерализма не выработано, не говоря уже о способности либерализма «боротся за реализацию идеалов подлинного гуманизма»¹. И попутный вопрос — о шансах сохранения какого-то своеобразия России. Ставит ли глобализация жирную точку в многовековом споре между западниками и славянофилами? Ну и наконец простенький вопрос — а так ли страшен зверь? Ведь есть же анекдот, что если бы нас победила Германия, мы давно

---

¹ Истягин Л. Г. Либерализм в российской социально-политической системе: кризисные тенденции // Либерализм, социал-демократизм, коммунизм. Академическая дискуссия. М.: Ленанд, 2005. С. 39

бы жили в обществе потребления, а может быть и в том постмодернизме, который еще выше, хотя и понятен лишь посвященным.

В знак уважения

Эти риторические вопросы я поставил, и вообще всю статью пишу в дань уважения В. Б. Голофасту, в контексте материалов чтений его имени с целью оттенить некоторые его мысли, конкретизировать их применительно к России, может быть где-то их развить... и даже не согласиться с ними, хотя автор уже не может возразить. Не знаю, ради ли был бы он такому уважению... Привязываюсь при этом к одной из статей В. Голофаста о соотношении (взаимодействии, даже борьбе) глобального и локального, о глобализации производства — наиболее близкого мне по роду занятий¹. Я даже стиль старюсь сделать похожим на голофастовский.

Но я не рискую влезать в глобальную проблему глобализации в целом, по которой написаны эвересты литературы, а намерен ограничиться вопросами и материалами, которые ставит и дает Голофаст, и опираться главным образом на свой собственный исследовательский опыт и держаться в основной сферы производства. Ну, может быть, чуть коснуться проблемы сохранения своеобразия России. Голофаст говорит о глобальном в целом, я касаюсь отдельных аспектов.

И еще одну оговорку надо сделать. Полагаю, не будет особым искажением смысла, если я антиномию: глобальное/локальное буду понимать (иногда) как соотношение интернационального, мирового, «западного» и — национального, российского. «Мне о России надо говорить!» — как в свое время с пафосом написал поэт С. Прокофьев. Я конечно не поэт и не Прокофьев, но иногда все же кажется, что «я словно бы Россию на себе тащу, за все и всех переживальщик, и чем дурней живет страна, тем тяжелее ноша; живут же люди, спят спокойно! Едят и пьют...»

Что это за зверь — «глобализация»?

Я уже заявил, что не буду влезать в глобальную проблему глобализации, а принимать последнюю как существующую данность (да и как я могу сомневаться, если сам Голофаст даже вопрос о существовании не ставит?!). Но мне нужно обозначить как-то этого зверя, видеть, выделить, отделять от вполне локальных российских безобразий. Ведь отрицающие существование какой-то особой сегодняшней глобализации ссылаются и на то, что ее невозможно увидеть, она не наблюдается эмпирически. Появление ТНК (транснациональных компаний)? Так еще сто лет назад в Россию приходили «Зингеры», разные «Мобилы», а бакинскую нефть качали, кажется, исключительно иностранцы. Даже советская власть вначале практиковала концессии. Компьютеры, интернет? Так, когда-то пришел телефон, телеграф в т. ч. международный... В данном случае я поступаю просто. Вслед за Голофастом я считаю глоба-

---

¹ Голофаст В. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // Телескоп, 2002, № 1. С. 2–8.

лизацией все же то, что приносят (в Россию) ТНК, которые являются ее агентами, «движущими силами»¹, конкретными организациями, зримыми, хотя и не выставляющими свое устройство, свои «дары для России» напоказ, но и не скрывающими их под завесой военной тайны, не чуждые и порекламиривать себя, особенно в начале вторжения, для создания благоприятного имиджа. Это новые способы организации труда и производства, особенно — управления персоналом, новые товары, стандарты потребления, иногда даже идеологии жизни (во всяком случае — внутрифирменной). В каждой из названных форм можно выделить отдельные, конкретные виды деятельности (например, в организации труда, трудовых отношений — перестройку в области оплаты труда, отношений с профсоюзами, социального страхования и т. п.). Сосредоточение на ТНК обусловлено и тем, что именно этим опытом я достаточно владею. Разумеется это не вся глобализация, да наверное и не все «блага» ТНК можно отнести к явлениям глобального.

Какова специфика России?

Теперь зададимся вопросом — а какова специфика России, российского производства? Наверное, нет необходимости ставить вопрос, есть ли она вообще; она видна невооруженным глазом, хотя бы по спецодежде российских рабочих, имеющих чаще всего не «синие воротнички», а материю неопределенного, серо-грязного цвета (вида). Но насколько своеобразие велико, устойчиво, какие имеет корни — менталитетные, или это просто отсталость? Если российское быстро тонет в потоке глобализации, то «был ли, собственно, мальчик»? Соответственно, стоит ли стенать по поводу того, что он утуп? Может быть, радоваться надо, что иностранцы одели российских работниц даже не в синие, а светло-голубые (чистенькие!) спецовки?

Конкретно я буду касаться этого далее, сейчас только заявляю, что по моим наблюдениям существенное российское своеобразие существует. Например преобладание индустриального труда, сохранение социальной деятельности производственных организаций (предприятий), формальность защитных организаций и т. д. Известным примером национального своеобразия, не побеждаемого глобализацией, является, конечно, Япония. Правда, в предыдущих разговорах приходилось слышать от Голофаства, что производство интернационально по своей природе. Трудно, действительно, вообразить национальную технику, технологию. Но когда дело доходит до организации труда, трудовых отношений, так называемого «человеческого фактора», своеобразие проявляется даже в уже глобализированных странах, снова можно сослаться на пример Японии (английский автор Ч. Макклеллан показывает, что особенность японского производства не только в управлении трудом, о котором чаще всего говорят, но и в управлении и организации в целом и определяемым этим технике, видах продукции, маркетинге, тесно переплетенными с заимствованными западными мето-

---

¹ Голофаств В. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // Телескоп, 2002, № 1. С. 2.

дами¹. Участники совместного российско-германско-канадского исследования трудовых отношений в России, где руководителем с российской стороны был В. А. Ядов, приводят специфические российские черты этих отношений (например, расширенный сектор теневых отношений)², при этом ссылаются на теоретические положения концепции Г. Хофштедта, полагавшего, что ноу-хау по-разному адаптируются в различных культурах³; отмечают, что в Германии развитие трудовых отношений подвержено влиянию социально-ориентированной рыночной экономики, в Канаде системе присущ элемент противостояния между работниками и менеджментом⁴. В. А. Ядов приводит выводы А. Турена, что если в Латинской Америке эффективна «участвующая» социология, то в России она не давала ожидаемого эффекта⁵. М. Киблицкая показывает, что существуют национальные особенности даже инновационного мышления: российские инновационные решения отличаются половинчатостью, надеждой на «авось»⁶.

Значит, нам есть что терять (локальное) и что приобретать (глобальное). Другое дело — что из этого выходит на практике. К анализу опыта и перейдем.

Красивый приход ТНК

Рассмотрим приход ТНК в Россию, с которых начинает и Голофаст. Случаи прихода мне довелось наблюдать на нескольких примерах, в процессе выполнения двух грантов — от Д. Сороса и от МОТ, когда я целенаправленно искал предприятия, взаимодействующие с иностранными фирмами или входящие в них («Филипп Моррис», «Катерпиллар», «Юнилевер», «Ленвест», «Саламандра», ТНК по производству лифтов и др.), всего более полутора десятков. Особенно детально я проанализировал, по методу кейс-стади, опыт «Северного сияния», вошедшего в ТНК «Юнилевер».

Впечатления (представления) о ТНК были достаточно противоречивые. Тогда шел рост числа предприятий с иностранным участием. Надо отметить, что уже тогда, можно сказать в начале процесса, транснациональные компании нередко изображали в виде спрута, высасывающего кровь (жизненные силы) из тела российской экономики. На слуху была смертельная схватка российского профсоюза в российских филиалах фирмы «Макдональдс» с администрацией («смертельная» — здесь совсем

¹ Маклеллан Ч. Японская промышленная система. М.: Прогресс, 1988.

² Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004.

³ Цит. по Становление трудовых отношений...

⁴ Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004.

⁵ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: ИнтерСоцис, 2006. С. 83–85.

⁶ Киблицкая М. Особенности национального инновационного мышления // Инновации в постсоветской промышленности. Часть 1. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 2000. С. 207–217.

не фигуральное выражение, т. к. были, кажется, даже реальные человеческие жертвы).

Но, по моим наблюдениям, ТНК в начале их вторжения в Россию производили в основном благоприятное впечатление. И они действительно приносили в российское производство много положительного, прогрессивного. Вероятно играла свою роль первоначальная забота фирм о благоприятном имидже. Как правило, это была модернизация оборудования, технологии, совершенствование организации, методов труда, улучшение его условий, расширение социального страхования и др. Недаром иностранных партнеров называли «инвесторами» — они действительно вкладывали немалые средства в российские предприятия, чаще всего натурой — оборудованием, материалами, технологиями, иногда — финансами. Производство оживлялось, заработная плата росла, появлялись перспективы устойчивой работы, уверенность работников в завтрашнем дне, соответственно, повышалась удовлетворенность предприятием. Так, «Северное сияние» целиком «продалось» иностранцам, и условия этой самопродажи выглядели по российским меркам небывало выгодными. Каждый работник за проданные акции получил вознаграждение, равное заработной плате за 1–1,5 года. Была смонтирована новая технологическая линия, установлена модернизированная вентиляционная система. Компания капитально отремонтировала бытовые помещения, начиная с туалетов, произвела второе (двойное) остекление главного корпуса, представляющего собой тип аквариумного здания. Особенно впечатляющими были улучшения по части медицинского обслуживания, что для женского трудового коллектива имело важнейшее значение. Зарботная плата рабочих поднялась до уровня в 2–3 раза выше среднегородского, у ИТР — в 5 и более раз. Соответственно, работники считали, что им «крупно повезло». Фирма проводила политику приоритетного внимания к «человеческому капиталу», обеспечивала занятость, повышение квалификации, продвижение кадров, сохранение социальной сферы и т. д. Фирма вела себя законопослушно, исправно платила налоги. Примечательно, что ТНК имела и прокламировала свою идеологию, при этом не только в области производства, трудовых отношений, но и в более широком плане, где упоминались «миссия в Центральной и Восточной Европе», «удовлетворение ежедневных потребностей людей», «способствование развитию личной инициативы своих сотрудников», «чтобы они получали удовлетворение от своей работы и гордились достижениями компании» и т. п.¹

Более прозаическое продолжение

Приход иностранных инвесторов считался тогда и считается до сих пор большим благом. Инофирмы встречали с распростертыми объятиями, создавали им льготные условия, закрывали глаза на приобретение ими российских предприятий через

---

¹ Максимов Б. И. Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием. СПб.: Общ-во им. М. М. Ковалевского, 2000. С. 117–178.

подставных лиц. Отдельные предприятия сами, по собственной инициативе, также охотно устанавливали связи, сотрудничество с инофирмами. Так, табачная фабрика в Самаре выстроила для совместного производства производственный корпус и отделила его изнутри мрамором (мол, знай наших!). Да и в настоящее время, например в Петербурге и Ленинградской области охотно привечают ТНК, в особенности автомобилестроительные.

В то же время цели прихода ТНК в Россию хотя и не людоедские (спрутовские), но вполне прагматичные — что отмечает и В. Голофаст, говоря о «движущих силах глобализации». Это получение хороших прибылей при использовании относительно дешевых ресурсов, рабочей силы, завоевание необъятного российского рынка; можно отметить — экспансия как внутренний импульс развития компании, завоевания (и удержания) жизненного пространства (не обязательно выражающегося в виде физической территории). Этим целям подчинены все действия компаний. Притом Голофаст обращает внимание: при сложившейся структуре производства авангардами глобализации и потребителями выгод от нее выступают страны триады (США, Западной Европы, Японии)¹, ввиду чего процесс приобретает империалистический характер и вызывает зримый яростный протест антиглобалистов. В России гегемония этих ТНК не очевидна, но в мире, вероятно, она налицо.

Так, упомянутая «Юнилевер» при декларировании «удовлетворения ежедневных потребностей людей во всем мире», не скрывала, что ее интересует российский рынок, и именно этой цели она подчинила все свои производственные шаги. Иностраннный менеджер: «Российский рынок имеет огромное значение для успешной деятельности и процветания компании. Компания быстро растет и развивается на новых рынках. Мы хотим, чтобы наша компания заняла первое место в списке инвесторов. Мы докажем, что можем приносить прибыль, добьемся успеха и будем быстро развиваться на нашем российском рынке (обратите внимание, российский рынок он называет «нашим»)). Под видом расширения производственной базы компания приобрела еще фабрику в Москве, где-то в Сибири, стала создавать опорные точки в странах СНГ. Как и в Петербурге, предприятия были модернизированы. Но, выждав определенное время, ТНК приступила к превращению производственной базы в маркетингово-сбыто-торговую. На питерском предприятии производство отечественной продукции постепенно было заменено (вытеснено) якобы «подработкой» (сортировкой, выбраковкой) завезенного из-за рубежа (с других, не российских предприятий) товара. На самом деле операция «подработки» состояла в основном в замене наклеек. Отечественная продукция вытеснялась. Основное место заняли шампунь. Профильные же отечественные духи и одеколоны либо заменялись так называемой «туалетной водой» (иногда с тем же названием), либо просто снимались с производства, становились достоянием (экспонатом) фабричного музея под логичным предлогом: «Нелепо выпускать духи в России, когда у нас есть аналогичная фабрика во Франции». Как-то я поинтересовался, зашел в известный парфюмерный магазин на Невском. Популярные ранее духи «Ландыш серебристый», «Красная Москва», «Ассоль» и др. исчезли; вместо них в

¹ Голофаст В. С. 2.

изобилии были представлены роскошные французские духи, мечта женщин, правда, в 5–10 раз более дорогие; но «если хочешь сделать подарок любимой женщине» — как шикарно взять французскую марку! «Ведь любимая этого достойна!»

Заменой продукции дело не ограничилось. Производство вообще начало сворачиваться. По прошествии года, в течение которого действовало обещание «не трогать численность», прошло первое сокращение кадров (примерно, на 1/3), затем второе... Таким же трансформациям подверглись и предприятия в Москве, Сибири. Правда, надо отметить, что для смягчения шока сокращений компания выплачивала увольняемым солидную, по российским меркам, компенсацию, в размере заработной платы на год вперед. Некоторые работники с удовольствием брали компенсацию и уходили сами; в целом против увольнений никакого протеста не происходило. Уже в период исследования, ТНК с целью расширения сети продаж создавала торговые представительства в 40 регионах России, а также в странах СНГ.

Я не располагаю собственными аналитическими материалами о приходе ТНК в сельское хозяйство и не встретил публикаций на эту тему. Возможно, социологи не добрались до процессов глобализации в российском селе; не исключено, что оно оказалось вообще никому не нужным.

В. Голофаст приводит вывод К. Валескиса об устранении конкуренции на местных уровнях и господстве принципа «победитель забирает все». В случае с «Юнилевером» это видно совершенно наглядно. Конкуренция была уничтожена физически, при этом без киношных перестрелок нанятых киллеров, боевиков под видом охранников воюющих компаний. Случай с Макдональдсом был, возможно, одним из редких исключений.

Можно привести конкретные иллюстрации к высказыванию Голофаста, что решающим условием открытости всех рынков является ориентация национальных правительств (а также региональных) в пользу принятия неолиберального курса в политике и, главное, в снятии препятствий для корпоративных и частных действий агентов производства и обмена¹. Кроме упомянутых благосклонных (пожалуй, скорее даже пафосных) позиций руководства СПб и Ленобласти, ярким примером является так называемая «тракторная война», которая велась между отечественными предприятиями сельскохозяйственного машиностроения (в т. ч. Кировским заводом в СПб) и ТНК «Джон Дир» с американской штаб-квартирой. Компания действовала именно через правительство (общероссийское), подготовила (и подписала у как будто бы прогрессивного премьер-министра Е. Примакова) контракт на поставку в Россию такого количества импортной сельхозтехники (на 1 млрд долларов в первый заход, на 3 — в следующий и на 7 — при разворачивании системы технического обслуживания в России), которое делало совершенно «излишним» отечественное сельхозмашиностроение, и без того «лежавшее на боку» (так, гигант Ростсельмаш стоял, Липецкий тракторный стоял, тракторное производство на Кировском заводе, сократившееся в 25–30 раз, можно было закрывать). Курировал, проталкивал сделку вице-премьер по сельскому хозяйству Г. Кулик, который и сейчас ведает теми же вопросами в Гос.

---

¹ Там же.

Думе (можно только предполагать, сколько подобных джондировскому контрактов он протолкнул с того времени!). У всех, в т. ч. журналистов, существовало тогда стойкое мнение, что не обошлось без «личной заинтересованности». Предполагать ее на таком уровне было как-то дико, но другого объяснения поведения высших государственных руководителей не находилось. И только нешуточная борьба локальной территории (СПб) и локальных предприятий (Кировского завода, в первую очередь; его рабочие готовы были сесть на трактора — «Кировцы» — и двинуться маршем в Москву, разбираться с правительством) вынудила правительство приостановить контракт (тогда на слуху был поход румынских шахтеров на столицу, где они наделали шороху). Можно привести конкретный пример рабочего давления. Г. Кулика при его визите в СПб. пригласили на Кировский завод посмотреть производство, а на территории рабочие, мобилизованные профсоюзом, окружили правительственный лимузин и дали понять, что Кулик не выедет с завода, пока не даст обещания аннулировать контракт с «Джон Диром». Однако «Джон Дир» потом, уже без шума и без своих громких заявлений о желании «поднять Россию» и опираясь на покровительство губернатора В. Сердюкова, проник все же в Ленобласть и даже намеревался открыть альтернативное Кировскому заводу производство тракторов в его же Тихвинском филиале (кажется, бывшем); пришлось головному предприятию срочно налаживать изготовление комплектованных на своей основной площадке (вместо тихвинского филиала).

Петербург является собой конкретный пример опорного центра глобализации, важность которых отмечает В. Голофаст. Кроме множества мелких совместных предприятий, в окрестностях города возникли опорные предприятия таких ТНК-гигантов как «Пепси-Кола», «Катерпиллар», «Форд», «Ниссан», «Судзуки», «Дженерал-Моторс» и др. Упомянутая «Юнилевер» начинала действовать, используя в качестве опорного центра именно Петербург (и Москву). Здесь же в первую очередь реализуется продукция фирм. Менеджер по персоналу отмечает, что «такой город как Санкт-Петербург создает широкие возможности в плане рабочей силы, мы не испытываем трудностей при подборе персонала, предприятие находится в благоприятных условиях». И оно использует эти условия, подбирает лучшие кадры, молодежь, с уже имеющимся образованием, квалификацией. Город используется также как определенная социальная среда. Неясно только, преобладают ли в Питере предприятия «стран триады», а также происходит ли процесс деиндустриализации (по Голофасту). Такое впечатление, что осадившие Питер ТНК приносят скорее именно индустриальный труд, а отнюдь не производство с высокими технологиями (например, электронное).

В виду этого важнейшим моментом является то, что глобализация, по Голофасту, представляет собой не односторонний, а двусторонний процесс, встречает ответные действия локального, способствующие интернациональному, модифицирующие его влияние, иногда, в России, видоизменяющие последнее до неузнаваемости (так сказать, «дающее достойный отпор»). «Глобальное враждебно локальному» (и подавляет его), но иногда оно встречает именно отпор. Результаты столкновений разнообразны. Российские работники, вопреки сложившимся представлениям, быстро входят в строгие иностранные режимы, дисциплинарно-распорядковые и технологические (например, перестают опаздывать, выполняют все и точно технологические

операции — российскому рабочему свойственно «экономить на мелочах», отчего и страдает в первую очередь качество); правда, среди женщин учащаются нервные заболевания. На упомянутом «Северном сиянии» работники при самопродаже испытывали сложный комплекс чувств, названных мной «угнетенностью прекрасными перспективами». Перспективы были, действительно, прекрасными, начиная с названной высокой цены акций. Однако основная часть рабочих, почти половина специалистов и примерно 1/3 руководителей испытывали настороженность, беспокойство, неуверенность в реализации обещанных перспектив. Особенно неуверенно чувствовали себя рабочие, в большинстве не обладавшие акциями и полагавшие, что не внесшие свою долю собственности будут первыми кандидатами на сокращение (далеко не все рабочие приобрели акции до приватизации, до вхождения в ТНК). Работники в дальнейшем охотно входили в системы повышения квалификации, аттестации, продвижения, демонстрировали лояльность, откликались на мероприятия патерналистского характера (типа встречи Нового Года всем коллективом (персоналом) в ресторане отеля «Палас»), но сохраняли скрытые настороженность, отчужденность, держали дистанцию по отношению к иностранцам. Рабочие отмечали непривычное чувство сильной личной зависимости и обращение с ними «как с роботами» (формальное). В ответ на расчеловечивание человеческих (социально-трудовых) отношений, складывалась двойная система: одна — с иностранцами, другая — «со своими». Первая — формальная, индивидуализированная, вторая — более «теплая», коллективистского характера. В качестве защитной реакции отмечается, что когда в цехе появляется иностранный менеджер, рабочие стараются стусеваться, «пригнуться», не попадаться на глаза. Конфиденциальность в оплате труда, вводимая иностранцами с помощью выдачи зарплаты в конвертах, тут же разрушается — работники обмениваются информацией о содержании конвертов. Как известно, российский менеджмент приспособил иностранную конфиденциальность для сокрытия заработной платы от налоговых органов. По поводу посещения ресторана один работник отметил: «На вечеринки в ресторан я хожу, но стопроцентным юнилеверцем все равно не стану».

Неясно, нужно ли отнести на счет глобализации такие явления как рейдерство (например, захват Фарфорового завода им Ломоносова), «большой обман» при приватизации, односторонность (классовость) трудового законодательства, нетерпимость к участию в управлении, к профсоюзам. Если такие вещи и приносились с Запада, они были подхвачены российской стороной.

Я долго пытался понять, присутствует ли на российских предприятиях, вошедших в ТНК, отмеченная Голофастом фрагментация трудовой карьеры. Ведь иностранцы проводят целую политику именно построения карьеры, обещая заботиться о человеке даже после его выхода на пенсию. Потом осознал, что карьера не только фрагментируется, она рушится полностью, по крайней мере, в рамках данного предприятия у тех работников, которые оказываются «излишней численностью» при переходе предприятия в другое качество — опорных маркетингово-торговых центров; даже остающиеся работники вынуждены переqualificироваться или деqualificироваться, начинать профессиональную карьеру как бы вновь, например, в качестве сортировщика продукции. На слом идет и материальная производственная структура (например,

технологическая линия). Видимо, у ТНК — это просто издержки (накладные расходы) адаптации к российским условиям (в издержки входят и профессиональные карьеры работников).

Так что ж — девятый вал?

Итак, конкретизация положений В. Голофаства подтверждает их справедливость и показывает, что локальное в российском производстве с приходом ТНК отстает перед глобальным. Я еще показал далеко не все; например, политика заработной платы в «Юнилевере» изначально устанавливает глубокую дифференциацию между социально-профессиональными группами и внутри них. Так, тарифные коэффициенты среди рабочих специальностей разнятся в 4 раза, уровень оплаты служащих в 3 раза выше, чем рабочих, зарплата руководителей может быть в 30 раз выше, чем рабочих (а мы ужасаемся большому российскому децильному коэффициенту!) Так что ж — действительно — девятый вал? По отношению к своеобразному — пожалуй, да. В отличие от Японии, мы в основном не успеваем (не стремимся?) вписать глобальное в наши национальные традиции, переварить западный опыт на российский лад (напоминаю, что я осмеливаюсь говорить только о производственной и даже более узкой сфере — социально-трудоустройственной). Но нас-то интересует, прежде всего, вопрос выживания отечественного производства, Бог уж с ним, со своеобразием! В этом плане ответ далеко не однозначен. Замена духов туалетной водой — не смертельна (если именно последняя пользуется спросом; жалко конечно, «Серебристый ландыш» и другие классические духи; конструкторы духов рассказывают, что создание нового сорта — это целая поэма; мастер месяцами настраивается на нужный оттенок, читает художественную литературу, слушает музыку, вводит себя в особое состояние и пробует, пробует, пробует... тысячи раз! и теперь все это творчество в музей!). Но что-то не слышно протестов женщин. Замена российских Жигулей (когда-то — итальянских) — японскими, американскими моделями — менее безобидна, хотя говорят о создании новых рабочих мест; фирмы обещают в перспективе перейти от «отверточного производства» к изготовлению комплектующих в России, до 40–60%. Но все это, понятно, на фоне сокращения отечественного выпуска и существующих рабочих мест. «Джон Дир» со своей поставкой полностью готовой продукции несет просто конец отечественному сельхозмашиностроению, хотя и эта ТНК мотивирует свои действия, как упоминанием, заботой о «поднятии России»¹.

Однако... Я чувствую себя неподготовленным, когда слышу радостные сообщения, в т. ч. из уст губернатора, о приходе очередного инвестора в СПб (например, последнего — японскую «Ниссан») — что-то я, очевидно, не понимаю. Существовало представление, что оккупация иностранным капиталом российского производства означает попадание последнего в зависимость, страны — в сырьевой придаток. Видимо, это представление устарело. Даже для сельского хозяйства вступление в ВТО как будто бы безопасно — (его защитят таможенными барьерами, увеличатся дотации). Удель-

¹ Говорят рабочие питерских заводов. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1999. С.

ный вес совместного глобализованного (транснационализированного) производства, несмотря на распростертые объятия питерского и др. губернаторов, остается пока небольшим. Вообще, производство, как мы слышим, совсем не загибается, а даже растет. Важен еще вопрос о критериях. С точки зрения потребителя никогда в России не было такого изобилия товаров и услуг, вплоть до самых изощренных. Правда чем-то мы рассчитываемся за мерседесы, квартиры в центре Лондона и т. п. Государству стало деньги некуда девать. А самое главное, как отмечает и Голофаст в заключении своей страшноватой статьи: «силы локальности, несмотря на круговой натиск (в т. ч. изнутри — Б. М.), не исчезают, они становятся основой воспроизводства и существования человека, солидарности людей, которая естественна среди близких, но не менее живуча среди малознакомых или даже совсем друг другу чужих»¹. Е. П. Евдокимова, показывая, как глобальное вторгается в жизненное пространство индивида, (в т. ч., вероятно, и индивида-работника), отмечает, что расширению жизненного пространства до глобальных размеров или поглощению его глобальным препятствуют вступающие в действие различные локальные, как бы естественные ограничители: физические, технические, социально-экономические, политические, культурные и др.². Вероятно, такие ограничители действуют и в сфере права. На сопротивление самой жизни и можно, вероятно, уповать.

Сочетание глобального с локальным

В связи со свойством локального к сопротивлению хотел бы подчеркнуть значение возможного плодотворного подхода при взаимодействии процессов мировизации и сохранения национального своеобразия. Это сочетание глобального с локальным, интернационального с российским. Этот путь присутствует в практике, входит в качестве одного из принципов поведения ТНК «Юнилевер» (по крайней мере провозглашаемого). «Учет национальных особенностей, уважение к российским традициям и особенно законодательству» — такие установки декларируют иностранные менеджеры. Сами привносимые ими порядки аккумулируют национальный опыт разных стран. Сочетание на практике применялось в области оплаты труда — здесь были сохранены традиционные российские квалификационные разряды, различные доплаты, отдельные виды премирования; сохранен был (традиционный) российский профсоюз, который стал фактически объединением российских работников в противостоянии иностранной части администрации; проявлено лояльное отношение работодателя к социальной сфере и поддержание ее материальными ресурсами; участие в управлении не отброшено — трансформировано в «участие в делах предприятия» (внесение вклада в преуспевание компании); сохранение компенсаций за вредные условия труда. Правда, «Юнилевер» являл собой положительный образец поведе-

---

¹ Голофаст В. С. 8.

² Евдокимова Е. П. Глобальное и локальное в жизненном пространстве индивида. // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти В.Б.Голофаста. СПб., 23—25 марта 2007 г. Материалы чтений. С. 12—13.

ния иностранной фирмы, и вообще этот «сказочный», по словам одного работника, мир, оказался разрушенным.

И все же сочетание является магистральным путем движения глобального. Образцом могло бы быть предприятие, где созданы условия для высокопроизводительного труда и вместе с тем для функционирования «теплой человеческой среды», где люди чувствуют себя не живыми роботами, а личностями. Пример предприятия, тоже использующего соединение российского и западного опыта, приводят В. И. Ильин и М. А. Ильина. Иностраный капитал в предприятии ЛПК использует традиционные местные формы организации трудовых отношений, не ломая сложившуюся структуру управления трудовыми ресурсами, а контролируя лишь основные показатели производства. Директора молча принимают колдоговор, не противодействуют сохранению элементов социальной политики, даже восстановлению профсоюза. Правда, замечают авторы, трудно прогнозировать, как поведут себя западные инвесторы, когда в их руках окажется контрольный пакет акций¹.

В политико-экономической сфере, полагает Л. Г. Истягин, основным путем воплощения в жизнь либеральных социально-этических и политических идей может стать тесное сотрудничество здоровых сил либерализма с совокупностью левых и неосоциалистических течений². (т. е. не безраздельное господство либерализма).

Л. Я. Косалс и Р. В. Рывкина, рассматривая проблему заимствования западных моделей, с иронией отмечают, что «главное достижение — компромиссный характер рыночных реформ»³. Но, на мой взгляд, это действительно достижение, хотя реформаторы и не стремились к нему.

А. С. Ахиезер полагает возможным существование в либеральных странах анклавов традиционализма и наоборот — в традиционалистских странах очагов либеральной культуры⁴.

Проблема определенного баланса мирового и российского опытов, очевидно, не может быть решена чисто рыночным путем. Законы рынка безжалостны и им нет дела до российского своеобразия (разве что в качестве потребления экзотики). Поэтому нужны сознательные усилия участников взаимодействия в виде проявления толерантности (и не только с российской стороны) постепенности (без шока, ломки) перехода к новым формам, адаптации последних к российским условиям. Использование старых форм при наполнении их новым содержанием.

С надеждами на «добрую волю», благополучные перспективы и остается, очевидно, относиться к по-видимому неизбежному потоку глобализации.

¹ Ильин В. И., Ильина М. А. Живучесть советской модели: трудовые отношения на крупном предприятии с участием иностранного капитала (на материалах лесопромышленного комплекса) // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием. СПб.: Общ.-во им. М.М.Ковалевского, 2000. С. 92–102.

² Истягин Л. Г. С. 39.

³ Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 42–55.

⁴ Ахиезер А. С. Общее и особенное в динамике российского общества. // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 31–37.

МЕТОДОЛОГИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лариса Алексеевна КОЗЛОВА (Москва, ИС РАН)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИОЛОГО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

В российской ситуации полезно обратить внимание на одну практику, распространенную в некоторых странах... Если хотите, это фокус-группы в области биографических исследований. При таком способе человек не конструирует только свою версию и своим опытом, силой, властью или своим значением утверждает ее. Особенно это полезно при интересе к локальной истории или к важному, но крайне многозначным историческим событиям. Нужно прослушать многих... Затем все это фиксируется и анализируется опять-таки нередко разными людьми. Такими приемами надеются обнаружить связи между «малой» и «большой» историей.

Валерий Голофаст. Концепции индивида и пространство биографий

Особенности, характеризующие современную российскую социологию, — это проекция истории социологии и общественной истории на сегодняшний день. Чтобы понять эти особенности, представить, как отечественная социология будет развиваться в дальнейшем, нужна реконструкция ее исторического прошлого, служащего генетической основой настоящему. Эти истины лежат на поверхности и не вызывают сомнений. Проблема лишь в том, какими средствами можно добиться эффективного и адекватного знания современной ситуации в российской социологии. Для этого институциональный анализ, преобладающий в отечественных науковедении и социологии науки, совершенно недостаточен. Необходимы познавательные средства, способные соединить историческое, социологическое и биографическое видение. Сейчас, в условиях ослабления институционального регулирования науки, важно понимать неинституциональные, микроуровневые составляющие производства социологического знания и функционирования сообщества социологов, установив таким образом

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-03-00188а).

связь между «локальной историей» — временным срезом российской социологии — и «большой историей» науки и общества. И здесь никак не обойтись без изучения личностной ретроспективы, то есть жизненного, социального и профессионального опыта членов социологического сообщества. Перечисленное и составляет *предмет* социолого-биографических исследований, на важности которых для изучения нынешнего состояния российской социологии мы остановимся. В таком исследовании социальная ситуация в науке предстает как проекция ее прошлого, сведения о котором получены по каналам личных биографий ученых.

Вначале — небольшая ремарка, поясняющая смысл нашего определения рассматриваемого типа исследований — «социолого-биографические». Очевидно, что они предполагают объединение познавательного арсенала социологии (точнее, социологии науки) и биографического подхода. Предмет исследования — нынешнее состояние российской социологии в его различных проявлениях, входящих в предметную сферу социологии науки. Это и взаимодействия ученых внутри профессионального сообщества, и их отношения с обществом, властью, другими социальными институтами — весь комплекс объективных и субъективных факторов, влияющих на характер и результаты производства научного знания. Предмет и задачи исследований, которыми занимается социология науки, достаточно хорошо описаны в литературе. Соединение социологии науки и биографического подхода придает исследованию определенную оптику — оно усиливает индивидуальную, субъективную составляющую научного производства, помогает перейти на личностный план его исследования. Интерес к личностному плану давно уже перестал быть сколько-нибудь оригинальным. Так называемый «культурный», или «антропологический» поворот в западных общественных и гуманитарных науках готовился уже с 1960-х годов, а 1980—1990-е годы можно считать его завершением. Прежде всего этот поворот связан со стремлением к выявлению различий, изучением особенного в общественной жизни. В российской социологии он наиболее отчетливо дал о себе знать в 1990-е годы — в виде интереса к антропологическим, этнографическим, биографическим исследованиям (который, кстати, вылился в бурно обсуждавшуюся антитезу качественных и количественных методов, ныне, кажется, преодоленную). Наша попытка обратиться к индивидуальному плану российской социологии ни в коей мере не является данью увлечению. Такой подход представляется нам наиболее адекватным для исследования нынешнего состояния российской социологии. На аргументации этого утверждения остановимся чуть позже.

Итак, речь пойдет о социолого-биографических исследованиях, спроецированных на изучение российской социологии. Иными словами, мы будем говорить о биографических исследованиях в области социологии российской социологии. Такие исследования, для большей методологической определенности, нужно отграничить от «историко-биографических», которые посвящаются реконструкции истории социологии в целом или ее этапов, то есть генезису науки. С их помощью можно изучать и «генезис» личностей в науке. Социолого-биографические исследования направлены на изучение не генезиса, а состояния науки, временного среза ее развития и, как отмечалось, лежат в дисциплинарной сфере социологии науки, или, точнее, социологии российской социологии. Несмотря на то, что различие двух названных типов ис-

следования в известной мере условно, оно необходимо, чтобы конкретнее обозначить интересующее нас предметное поле «социолого-биографических» исследований и методологические подступы к нему. Эти типы в той же мере автономны и соотносительны, в какой автономны и соотносительны история и социология.

Рассмотрим отечественный опыт последних лет, когда сама отечественная социология становилась предметом биографического или культурно-исторического анализа. Заметим, что социологи и науковеды сторонятся изучения социальных наук как таковых и их микроуровней в частности; более-менее описаны только макропроцессы. Почему так происходит? Об этом поразмыслим чуть ниже. Опыт биографических исследований социологии тем более небогат и может быть легко описан полностью. Это исследование Г. С. Батыгина, завершившееся изданием книги под его редакцией «Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах»¹, посвященной исторической реконструкции одного из важных периодов развития социологии через автобиографические воспоминания социологов старшего поколения. Кроме автобиографий, в книге опубликованы документальные архивные материалы, свидетельствующие об институциональных процессах в социологии, ее взаимосвязях с обществом и властью. Это пока единственное историко-биографическое исследование социологической науки, которое можно считать относительно завершенным.

Историко-биографические исследования российской социологии с начала 2004 г. ведет Б. З. Докторов, который опубликовал ряд статей и биографических интервью в журналах «Телескоп» и «Социологическом журнале»; совместно с Дмитрием Шалиным он разрабатывает российско-американский онлайн-проект «Международная биографическая инициатива»². На сегодняшний день на их сайте представлена наиболее полная база материалов, содержащая не только биографии и автобиографии, но и юбилейные заметки, документальные биографические источники, воспоминания коллег, некрологи; статьи по истории российской социологии и биографическому методу; списки научных работ социологов и т. д. Здесь же представлены рассуждения и дискуссии, касающиеся применения биографического метода для изучения истории российской социологии.

Внушительная база биографических интервью с известными отечественными и зарубежными социологами создана В. В. Козловским в Санкт-Петербургском «Журнале социологии и социальной антропологии». В секторе социологии науки Института социологии РАН также накоплена значительная база, состоящая из автобиографических полужоформализованных интервью. Часть их опубликована в «Социологическом журнале» и названной книге Г. С. Батыгина.

Итак можно сделать вывод, что к настоящему моменту историко-биографические исследования российской социологии находятся в стадии, характеризующейся созда-

---

¹ Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Яромлюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

² «Международная биографическая инициатива»: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.

нием эмпирической базы, поисками теоретико-методологических оснований и методического инструментария. Пополнение базы биографических интервью будет продолжаться, хотя нельзя сказать, что сейчас имеются заметные достижения в области их анализа и интерпретации. Думается, что основная проблема здесь — в неразработанности теоретико-методологических оснований биографических исследований науки вообще и социологии в частности, неопределенность границ и познавательных возможностей биографического метода в названной сфере.

Если говорить о социолого-биографических исследованиях, то их опыт еще более скромнен. По своей методологической задаче к ним относится статья Г. С. Батыгина и Г. В. Градосельской «Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий», опубликованная в «Социологическом журнале»¹. Н. Я. Мазлумянова провела исследование карьер российских социологов (российско-швейцарский проект сектора социологии науки Института социологии РАН «Реструктурирование интеллектуальных элит, социальные науки и изменения в посткоммунистическом дискурсе»)². На базе сравнительного анализа биографий она описала основные стратегии построения профессиональных карьер с учетом принадлежности к определенной поколенческой группе, типа ценностных ориентаций, структуры мотиваций, уровня достижений и др. Развитием и продолжением этой работы являются два социолого-биографических исследования сегодняшней российской социологии, которые начинаются под руководством автора этой статьи: «Особенности профессиональных карьер обществоведов в период социальных трансформаций в России, 1990-е - начало 2000-х годов» и «Научоведческий анализ теоретико-методологических предпочтений российских социологов в постсоветский период». Об их результатах говорить пока преждевременно.

Вернемся к вопросу, почему же отечественные науковеды и социологи науки неохотно изучают современную российскую социологию. Особенно это относится к эмпирическому исследованию ее микроуровня. Исторически сложилось, что классическая социология науки выросла из исследований естественных и точных наук. И у нас в стране ведутся науковедческие исследования, работает Институт истории естествознания и техники, но анализ развития социальных наук также не входит в его предметную сферу.

Мнение Б. Латура и С. Вулгара о предпочтительности социологического исследования естественных и точных наук связано со следующим утверждением: доказательство тезиса о зависимости науки от идеологического и культурного контекста — основного тезиса классического науковедения — выглядит гораздо убедительнее на материале, например, математики, нежели истории.

¹ Батыгин Г. С., Градосельская Г. В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1.

² Мазлумянова Н. Я. «Жизнь в науке»: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свидерски. М.: Академический Проект, 2005.

Для нас эта версия представляется и поверхностной, и недостаточной: известно, что тезис о зависимости науки от идеологического контекста одинаково убедительно (особенно в известные периоды общественной истории) доказывался на примере фактически всех советских наук — как естественных, так и социально-гуманитарных. Возможно, у наших исследователей есть другие мотивации, отстраняющие их от микроуровневого изучения социологии и других общественных наук. Здесь есть некая запретная зона, некое моральное табу. Социологу как эксперту по социальным взаимодействиям и отношениям нелегко обращать критический анализ на себя самого, своих коллег, систему производства социологического знания в целом. Можно провести этическую аналогию с ситуацией в сообществе юристов, в котором суд, например, должен вынести вердикт в отношении судьи или прокурора. Такие ситуации возможны, но в них есть что-то противное самой природе внутрипрофессиональных отношений.

Когда же социологическое исследование российской социологии все же проводилось, как правило, входила в силу презумпция идеологической зависимости социологии, главный акцент делался на подавляющем влиянии власти, идеологии и каких-то еще сил, непременно институциональных и непременно внешних по отношению к самому социологу. Конечно, влияние социальной среды на науку не отрицается не только в классической социологии науки, но и в каких-либо более поздних социологических и эпистемологических концепциях. Однако в последние 15–20 лет нам становится все труднее апеллировать к внешним силам административно-идеологического плана: уже нет КПСС, многочисленным партиям и другим структурам, борющимся за удержание власти и привилегий, как правило, нет дела до социальных наук. Интерес к ним возникает разве что эпизодически, когда надо легитимировать то или иное принимаемое решение. Даже в экспертный корпус ученые в последнее время допускаются менее охотно. Предполагается, что лучшими знаниями об обществе сейчас обладают практики — управленцы, политики, бизнесмены и т. д. Одним словом, сейчас уже трудно ссылаться на то, что ученые-обществоведы вынуждены работать в фарватере власти, под ее неусыпным оком. Если это происходит, то как результат более свободного (чем ранее) выбора исследователя. Конечно, при этом социальные влияния на науку не отменяются вовсе — изменяется их характер и ослабевает принудительная сила. Значит надо апеллировать и к себе самим, а это всегда нелегко. К тому же у нашей социологии имеется, хотя и не лишнее оснований, но болезненное самосознание репрессированности в прошлом и невостребованности, непрестижности в настоящем. Отсюда, возможно, и нежелание детально вникать в собственную судьбу и тем более обращаться к микроуровню исследований. Это настроение усиливается и разобщенностью внутри социологического сообщества, и этическими проблемами, связанными с изучением профессиональной жизни своих коллег.

Поставим ключевой вопрос статьи: почему сейчас нужны социолого-биографические исследования российской социологии? Общий ответ такой: потому, что современное состояние российской социологии, ее болевые точки слабо изучены, потому что следует развивать концептуальный аппарат и процедуры, которые могли бы сделать социологические исследования социологии более эффективными, и наконец потому, что сейчас важно изучать микросоциальный уровень науки.

На чем основано последнее утверждение, рассмотрим чуть подробнее. Сначала, отвлекаясь от результатов социологических исследований социологи, обозначим *причины неудовлетворительного состояния социальных наук*, лежащие на поверхности и констатируемые многими наблюдателями. Это:

1. **Трансформации российского общества**, возникновение новых социальных реалий, которые требуют значительных изменений в предметно-методологической области социологии, поисков адекватных теоретических подходов и инструментария исследований. Такие изменения пока не произошли.
2. **Трансформации, касающиеся самой науки**: снятие идеологического давления; крушение марксистской парадигмы (по крайней мере, декларируемое), «открытие шлюзов» для западных теорий, приспособляемых для исследования российской социальной реальности без учета ее предметной специфики; разобщение научного сообщества, изменение характера финансирования науки и т. д.

Перечислены внешние проявления и одновременно причины сегодняшнего трансформационного состояния социологии. Но их учет недостаточен для адекватной оценки этого состояния. Еще одна важная причина заключается *во внутренней позиции социолога* по отношению к тому, что происходит в науке и обществе. Мы сейчас не намереваемся говорить о необходимости активной социально-политической позиции ученого и его обязанности непосредственно преобразовывать общество, считая этот тезис сомнительным, потому что главная задача исследователя — решать познавательные задачи, добывать объективные знания об обществе. Поэтому следует подумать о том, сказывается ли внутренняя ценностная позиция социолога неудовлетворительным образом на его познавательных возможностях и познавательных результатах? Влияют ли на познавательную и организационно-институциональную ситуацию, которая сейчас характерна российской социологии, профессиональные биографии социологов, и если влияют, то как?

Постановка таких вопросов, на наш взгляд, правомерна. Нельзя отрицать, что в силу социальных перемен последних лет произошли большие изменения в ценностном и научном сознании исследователя. Представляется, что изучая именно эту сферу, можно приблизиться к пониманию механизмов той ситуации, которая сложилась в современной российской социологии, разумеется не сбрасывая со счетов и влияние макроуровневых процессов. Возникает необходимость обратиться к субъекту научной деятельности, а именно единичному исследователю. Сейчас очевидно нарушение нормативного каркаса науки. А потому многое в ней, как и социуме в целом, стало прерогативой личного выбора и личной ответственности.

На наш взгляд, хорошим материалом для исследований может стать именно автобиография социолога. Такие (правда, немногочисленные) примеры уже были в науке, но не в социальной и не у нас в стране. Так, в 1970—1980-е гг. участниками американской Ассоциации исследователей устных историй был проведен ряд проектов по изучению медицины. Они были вызваны достижениями, произошедшими на памяти еще жившего тогда поколения медиков. Ощущались пробелы в информации о специфических деталях развития отдельных областей медицины, создания новых клиник, практического освоения новой техники. Записывались автобиографические

рассказы пионеров в некоторых областях медицины. Подобные проекты привели к общему выводу, что аналогичные исследования рассказов, в том числе биографических, наиболее эффективны в тех областях, где происходят существенные изменения и где ощущается нехватка документализированных и институционализированных материалов.

По-видимому, ситуация в нашей социологии близка описанной. Когда нет институционального регулирования или оно недостаточно, как было отмечено, решающую роль начинают играть личностный выбор. В сфере научного производства можно выделить по крайней мере институциональный, коммуникативный, эпистемический и этический типы выбора. *Институциональный выбор* может быть связан со следующим: карьерные перемещения (это выбор институции, научного направления, школы, наконец выход за пределы научной сферы), выбор типа научного производства (например, академическая наука, так называемая независимая, альтернативная, коммерческая); *коммуникативный выбор* связан с предпочтением тех или иных научных связей; *эпистемический выбор* — это выбор предметной области, теории и методологии исследований; *этический выбор* может определять многие аспекты жизни в науке, в том числе и ключевые, как например, работа ради приближения истины или работа ради денег.

Каково предметное поле социолого-биографического исследования социологов? В данной области мы выделяем два подхода, различающиеся по степени их обобщенности и характеру предметной фокусировки. Соответственно, они связаны с двумя типами задач. Мы бы назвали эти подходы «индивидуально-биографическим» и «социально-биографическим».

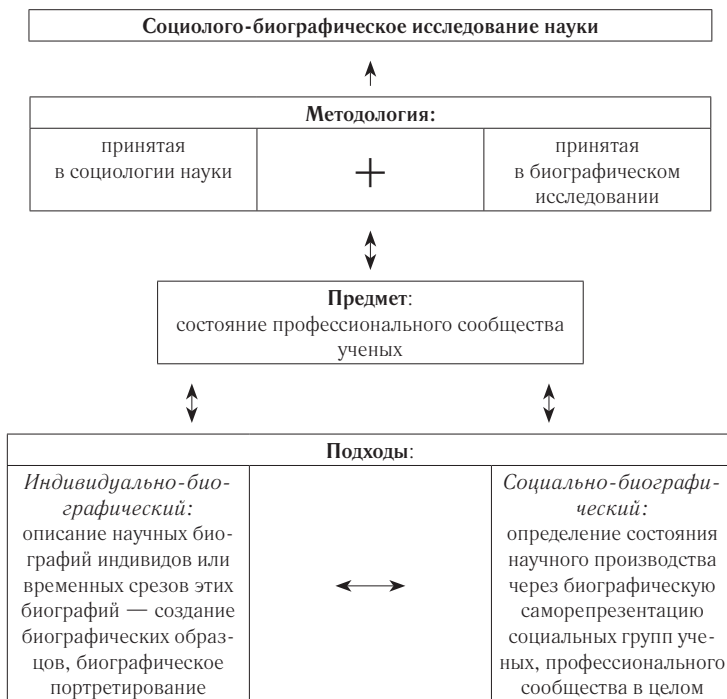
При «индивидуально-биографическом» подходе, если он осуществляется в сфере социологии, индивид может рассматриваться в качестве исторической личности или рядового человека (как, например, в исследованиях повседневности). При таком подходе происходит задание биографических образцов или *биографическое портретирование* соответственно. Исследуются социальные влияния на профессиональную жизнь ученого, а также его обратное влияние на развитие науки как социального образования. Этот исследовательский ракурс («индивидуально-биографический») предназначен для изучения жизни и деятельности видных ученых, которые внесли общепризнанный вклад в науку или оказали на нее большое организационное влияние. Жанр подобного исследования аналогичен предпринимаемому в серии «Жизнь замечательных людей». Крупные фигуры и их путь в науке задают культурные образцы профессионализма и научного служения. Однако думается, что такое видение ближе к историческому, нежели социологическому, хотя историческое и социологическое как таковые не всегда поддаются разграничению. Если все же говорить о социологическом измерении, то «индивидуально-биографические» исследования можно условно отнести к сфере социологии личности.

«Социально-биографический» подход, предполагающий «массовидные» исследования (если не брать в расчет исследования случая — case study, фокусирующиеся на социальном индивиде), как правило, нацелен на реконструкцию характеристик общества (группы) или эпохи, а не жизни и облика отдельного человека, хотя и здесь

используются биографические материалы. Они дают возможность обобщения, описания социально-типических, массовидных процессов. В биографических проектах, претендующих на высокое качество результатов, эти подходы могут объединяться, но не должны смешиваться.

С помощью «социально-биографического» подхода, объектом которого становятся не только значимые, но и рядовые фигуры в науке, можно изучить микроуровень научного производства — коммуникацию, социализацию, эпистемические ценности, когнитивные особенности — разного рода внутренние механизмы научной жизни социологов, основанные на личностных мотивациях, предпочтениях и выборах. Такой угол зрения для наглядности можно соотнести с дисциплинарной областью социологии групп, или, точнее, социологии профессиональных групп.

Теперь, когда мы описали структуру социолого-биографического исследования социологии, представим ее в более наглядном графическом виде:

Вот некий, неисчерпывающий, перечень возможных тематик массовидных биографических исследований применительно к современной российской социологии: 1) карьерные траектории индивидов в науке; 2) миграции внутри науки и за ее

пределы; 3) ценностные установки на работу в социологии, в том или ином ее направлении; 4) социализация в социологии; 5) самоидентичность социолога; 6) предпочтения в области теории и методологии, предметной сферы исследования; 7) система коммуникативных предпочтений, выражающихся в сотрудничестве, феноменах «учительства» и «ученичества», признании или непризнании авторитета, сетях научного взаимодействия; 8) формы и способы исследовательского труда социолога; 9) формы быта и повседневности в социологии; 10) слагаемые личного успеха или неуспеха в профессиональной деятельности; 11) механизмы внутренней адаптации социолога к трансформациям в науке и др. Вкупе эти знания могут помочь понять внутренние механизмы, формирующие интеллектуальную и социальную жизнь российского социологического сообщества.

Несмотря на относительную молодость биографических исследований российской социологии, вокруг них уже возникло немало проблем этического свойства. Некоторых коллег интересует обоснованность отбора биографий, иные усматривают в этом личный интерес. Такая реакция осложняет биографические исследования, но ее нельзя не считать вполне естественной. Ведь наука часто бывает ареной человеческих амбиций и борьбы интересов, причем интересов не только научных. С наибольшей определенностью по этому поводу высказался Пьер Бурдьё, усматривающий в социологии социологии значительную идеологическую подоплеку: «Для чего нужна социология науки?.. Нужно обратиться на субъект научного дискурса те вопросы, которые ставятся по отношению к его объекту... Одним словом, нужно спросить себя о том интересе, который приводит к занятию социологией социологии или социологией других социологов. К примеру, было бы легко показать, что социологические исследования о правых интеллектуалах почти всегда делаются левыми интеллектуалами, и наоборот. Частичная истинность этих объективаций связана с существованием интереса к тому, чтобы видеть истину своих соперников, видеть то, что их детерминирует...»¹. Очевидно российскую социологию не следует абсолютизировать как арену идеологической борьбы и корыстных интересов. Но очевидно и то, что социолог, проводящий биографические исследования своих коллег, должен располагать инструментарием, методиками и концептуальным аппаратом, которые гарантировали бы научную незаинтересованность исследования и безупречность его этических оснований. Как считает Бурдьё, задача социологии социологии — ориентироваться на познание того, «как исторически формировались проблемы, инструменты, методы, понятия, которыми пользуются».

В заключение заметим, что для эффективного использования автобиографии ученых в социолого-биографическом исследовании социологии и других наук необходимы теоретико-методологические разработки, основанные не только на принципах социологии науки, но и на культурно-историческом и герменевтическом анализе, концепциях, применяемых в социологии знания и социологии культуры.

---

¹ Бурдьё П. За социологию социологов // Пространство и время в современной социологической теории / Отв. ред. Ю. Л. Качанов. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–6.

СЕКСУАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ: СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СОМНЕНИЯ

В данном докладе, опираясь на результаты биографических исследований сексуальности, проведенных нами в России, в Армении и в Таджикистане в 1996–2006 годах, мы рассмотрим некоторые методологические и методические проблемы такого рода исследований.

В фокусе нашего исследования находилась женская сексуальность, женские роли и практики в приватной сфере. Задачей являлась реконструкция сценариев сексуальности и их трансформация в различных культурных контекстах. Результаты исследования показали, что в постсоветских обществах возрастает вариативность межличностных сценариев (т. е. устойчивых структур, регулируемых определенными правилами, организующими практики в конкретных социальных контекстах), существуют тенденции к относительной либерализации женской сексуальности и формированию партнерских отношений. Одновременно сохраняется традиционализм и гендерные границы «женского» и «мужского» мира. В Таджикистане жесткий контроль над сексуальностью осуществляется на протяжении жизненного цикла со стороны патриархальной семьи, хотя он перестает быть безусловным. В Армении в образованных городских кругах легитимируются более свободные образцы сексуальности, однако они не получают распространения во всем обществе. В России женская сексуальность становится автономной сферой жизни, хотя во многом сохраняется структурное гендерное неравенство и патриархатная идеология.

В первой части доклада я опишу стратегию исследования и массив данных. Затем я обращусь к наиболее распространенным вопросам, которые постоянно обычно академическая аудитория при обсуждении результатов биографических исследований сексуальности. Реакция аудитории показывает, что проблемными являются практически все фазы исследования — от выработки методологии и способа сбора данных до их интерпретации. Я также обращаю внимание на позицию феминистского исследователя, которая была актуализирована в данном исследовании.

Описание стратегии исследования и массива данных

Данное исследование включало четыре этапа.

(1). Первый этап исследования был осуществлен в совместном российско-финском проекте «Культурная инерция и социальные изменения» в России. В С.Петербурге в 1996-1997 годах были проведены сорок шесть интервью о сексуальной биографии с городскими образованными жителями¹. Интервью включало следу-

---

¹ В этом исследовании был также проведен репрезентативный опрос населения города (2081 человек, 1996), конкурс сексуальных биографий (47 биографий)

ющие темы: детство, студенческие годы, брак, развод, вдовство, параллельные сексуальные отношения, отношения со стабильным партнером (партнерами). Задавались вопросы, касающиеся разговоров о сексе с партнером, о любви, об отношении к адюльтеру, о сексуальном насилии, о сексе под давлением, о детском сексуальном опыте, о ревности, о контрацепции, об абортах, о деторождении, о менструации (для женщин), о поллюциях (для мужчин), о климаксе (для женщин), о венерических заболеваниях, о сексуальных техниках, о теле, о гомосексуализме. На этом этапе исследования априорная выборка включала три возрастные группы — старшую, среднюю и младшую. Данные возрастные группы соответствовали трем периодам сексуальной политики — репрессий в отношении сексуальности, «приватизации» сексуальности /поведенческой сексуальной революции и либерализации / дискурсивной революции, и трем сексуальным поколениям — «умолчания», «индивидуализации» и «артикуляции» (Здравомысова, Темкина 2003, Кон 2005, Lapidus 1977, 1978, Rotkirch 2000.). На основе анализа интервью в разных поколениях были реконструированы различные сценарии сексуальности.

Т а б л и ц а 1. Распределение информантов (46) по полу и возрасту: Россия, С.Петербург, 1996-97

Периоды сексуальной политики	Сексуальные поколения, г.р. и возраст	Формативные годы (сексуальная социализация)	Число женщин	Число мужчин
Период репрессий или умолчания сексуальности (1930–1956)	Поколение умолчания (51–76 лет) 1920–1945 г.р.	1935–1960	6	7
«Приватизация» сексуальности, поведенческая революция (1956-86)	Позднесоветское поколение персонализации (31–50 лет) 1945–1965 г.р.	1960–1980	10	7
Либерализация, сексуальная революция в публичной сфере (1986–	Постсоветское поколение артикуляции (19–30 лет) 1965 г.р. -	1980–	9	7
Всего			25	21

(2). Следующий этап исследования был осуществлен в Армении в г.Ереване при поддержке фонда МаКартуров в 2004 году. Он включил сорок два биографических интервью по адаптированному к местному контексту путеводителю (при помощи армянских социологов семь интервью были проведены на армянском языке) и тринадцать экспертных интервью. Путеводитель содержал общие темы, касающиеся сексуальности, которые обсуждались в России. Однако, учитывая особенности локального

контекста, мы делали больший акцент на семейные и романтические отношения. Пилотные интервью выявили важнейший поворотный пункт в женской сексуальной биографии, связанный с моментом вступления в брак, и значимость контроля над добрачной девственностью. В путеводитель был добавлен блок вопросов об отношении к девственности, о сексе в первую супружескую ночь (такие вопросы в России во многом лишены смысла), о выполнении ритуала «красное яблоко»¹, подтверждающего целомудрие невесты¹ и об отношении к нему, а также о взаимоотношениях внутри патрилокальной семьи (в частности со свекровью) и некоторые другие. В качестве информантов были выбраны городские жители с высшим образованием. Старшая возрастная группа соответствовала российскому позднесоветскому поколению. В младшей группе выделено две подгруппы. У первой подгруппы формативные годы пришлись на первую половину 1990-х, — т.е. на годы кризиса и блокады. Вторая подгруппа, формативные годы которой приходятся на более стабильные 2000-е, проблематизировала сексуальные и гендерные практики, которые ранее осуществлялись как рутинные. В результате биографического исследования был реконструирован ключевой культурный код гендерных и сексуальных отношений — сохранение добрачной девственности, выражающий контроль семьи и общества над женской сексуальностью при вступлении в брак.

Т а б л и ц а 2. Распределение информантов (42) по полу и возрасту: Армения, Ереван 2004

Поколение / возрастная группа	Формативные годы	Женщины	Мужчины
Позднесоветское поколение 40–50 лет (1954–1964 г.р.)	1974–1984	9	3
Поколение переходного периода и кризиса 25–39 лет (1965–1979 г.р.)	1985–2000	10	4
Поколение проблематизации сексуальности 19–23 года (1981–1985 г.р.)	2000-е	13	3
Всего		32	10

(3). Третий этап исследования был осуществлен в Республике Таджикистан в г.Худжанд. Было сделано двенадцать биографических и три экспертных интервью. Данное исследование проводилось только в одном регионе Таджикистана, региональные различия не рассматривались. Исследование в Таджикистане было связано с погружением в контекст со значительной культурной дистанцией, как в национальном, так и в гендерном смысле. Учитывая контекст, я обращалась только к замужним

¹ Данный ритуал связан с контролем добрачной девственности, сохранение которой в символической форме подтверждается передачей красного яблока свекровью матери невесты после первой брачной ночи.

женщинам, понимая нерелевантность вопросов о сексуальной жизни для незамужних. После пилотных интервью, которые были проведены в С.Петербурге и Москве, в путеводитель были добавлены новые темы — критерии выбора супруга(и) родителями, влияние ислама на гендерные практики, распределение гендерных ролей на разных фазах жизненного цикла, отношение к многоженству, к занятости женщины в публичной сфере и к внешнему виду. На этом этапе оформилась идея реконструкции парадигмального культурного сценария, который детально регламентирует разные фазы жизненного цикла¹. Ключевым культурным кодом гендерных отношений является брак по договору родителей, который означает патриархальный контроль старших над младшими, мужчин над женщинами.

Таблица 3. Распределение информантов (12) по полу и возрасту: Таджикистан, Худжанд 2004

Поколение /возрастная группа	Формативные годы	Женщины	Мужчины
Позднесоветское поколение 45–55 лет (1950–1960 г.р.)	1970–1980	4	1
Поколение переходного периода 24–35 лет (1970–1980 г.р.)	1990–2000	6	1
Всего		10	2

(4). Последний этап исследования сексуальности осуществлен в России в 2005 году (при поддержке фонда Форда и гранта Корпорации Карнеги). Его целью являлся анализ трансформации сексуальных практик в наиболее молодой группе, которая «физически» не могла быть включена в исследование середины 1990-х годов. На данном этапе мы ввели некоторые дополнительные параметры, был скорректирован как объект, так и предмет исследования. Этот этап исследования в России имел диахроническое (в отношении к ситуации середины 1990-х годов) и синхроническое (в отношении как к разным социальным слоям, так и к другим культурным контекстам) измерение. Выборка включила представителей не только среднего, но

¹ Д. Кандиоти, вслед за Е.Джейнвей (Kandiyoti 1988, Janeway 1980) применяет термин «парадигма» Т.Куна (принятая модель, образец - Кун 1977) для исследования гендерных отношений. Они полагают, что широко распространенные идеи и практики в сфере сексуальности действуют как сексуальная парадигма, устанавливая правила «нормальности» в определенный период времени. Когда существующие правила перестают действовать, а «аномалии» невозможно игнорировать, сексуальная парадигма становится уязвимой. Парадигма вписана в патриархальный договор, который имеет «нормальную» и «кризисную» фазу. Во время «нормальной фазы» классического патриархата большинство членов сообщества разделяют его принципы, которые являются основной практической деятельностью. При этом многие женщины не выполняют условия патриархата, например разведенные, бездетные женщины и пр. Однако их наличие расценивается как случайное отклонение. И только тогда, когда такие отклонения обретают систематический характер и оцениваются как систематические, возникают условия для смены гендерной/ сексуальной парадигмы.

и низшего среднего класса. В путеводитель интервью были добавлены темы, касающиеся репродуктивного поведения и безопасного секса, поскольку исследовалась трансформация практик в условиях сексуальной революции и нарастания рисков в сфере сексуальных отношений. Кроме того, мы попробовали проанализировать, как связаны категории этничности /национальности и сексуальности в российском контексте. На этом этапе мы обнаружили рост женской активности и ответственности в организации сексуальной жизни, тенденции к партнерству, а также сохранение границ гендерных миров

Т а б л и ц а 4. **Распределение информантов (30) по полу и возрасту, С.Петербург, 2005¹**

Поколение / возрастная группа	Формативные годы	Женщины	Мужчины
Поколение артикуляции (перестройки) 30–45 лет (1960–1975 г.р.)	1975–1990	8	7
Поколение гендерных изменений 18–25 лет (1980–1987 г.р.)	1995–2005	8	7
Всего		16	14

Исследовательские сомнения

Теперь обратимся к тем вопросам, которые наиболее часто возникают в ходе обсуждения процесса и результатов данного исследования и которые касаются всех его фаз. Разумеется, как к любому качественному исследованию, на всех этапах предъявляются претензии в субъективности, нерепрезентативности, невалидности, предвзятости, но здесь нас в первую очередь интересуют те методические проблемы, которые связаны с исследованием интимной сферы человеческой жизни.

Итак, во-первых, аудитория сомневается в том, что биографический рассказ о сексуальности является достоверным. Среди таких реакций, например, — «а уверены ли Вы в том, что информанты говорят вам правду? Не преувеличивают в одних случаях, и не скрывают — в других свои сексуальные практики?». Или «не стремится ли информант представить себя в наиболее выгодном свете или выглядеть так, как ожидает исследователь?» Такие вопросы возникают и со стороны тех, кто нацелен не на «сбор фактов», а на интерпретацию правил и практик, нарративных структур, идентичностей. Предполагается, что сексуальная биография (в отличие, например, от профессиональной или политической) особо тяготеет к искажениям, преувеличениям или сокрытиям секретов. Однако в нашем массиве имеется большое число

¹ В 2005 году было также проведено четыре контрольных интервью с женщинами младшей возрастной группы в другом крупном промышленном городе, существенных различий не выявлено.

драматических историй, в которых информанты не стремятся представить себя в «положительном свете». Мы при этом полагаем, что в биографиях могут не только происходить утаивания, но из нее могут исключаться большие фрагменты истории жизни (см. Розенталь 2003), и именно они становятся предметом герменевтической реконструкции. Предметом нашего внимания становятся наиболее драматизированные фрагменты, иногда в косвенной форме. Приведем пример такого вопроса — «а есть ли в Вашем массиве подробные личные истории хирургического восстановления девственности? Если нет — то, каким образом Вы делаете вывод о добрачной девственности женщины как о центральном культурном коде гендерных отношения в современной Армении?». Действительно, ни одна женщина в Армении не рассказала о восстановлении девственности как о личном опыте. Такой опыт остается табуированным для публичного (хотя и конфиденциального) рассказа в ситуации интервью. Однако истории, затрагивающие данную тему в армянском массиве, были наиболее аффективно и когнитивно насыщенными. Они воспроизводились в большинстве нарративов, в них описывались детали: цены, организация, объяснялись причины, почему эти операции получают все более широкое распространение. Рассказывались истории об опыте подруг, хотя и они встречались редко. Иными словами, именно рассказ о тщательно скрывааемых и одновременно драматизируемых практиках помогает выявить важнейшие фоновые структуры гендерного порядка, которые далеко не всегда являются транспарентными.

Аудитория высказывает сомнения, касающиеся выбора информантов. Например, — «не приводит ли метод «снежного кома» к тому, что Вы в результате опрашиваете исключительно собственных знакомых, а интервью превращается в кухонный разговор с подружкой?». Другой вопрос о выборке связан с тем, что от информантов должно быть получено согласие на разговор, более того они должны быть заинтересованы в нем. «Не кажется ли Вам, что только люди определенного типа соглашаются говорить на интимные темы, и тем самым ваши данные оказываются искаженными?» или «для того, чтобы говорить о сексуальности, нужен достаточно высокий уровень образования, не с каждым можно говорить на подобные темы». Такие опасности действительно существуют, тем не менее для проведения интервью на интимные темы принципиальным является установление доверия между информантом и социологом. Поэтому знакомые люди, с которыми существуют доверительные отношения, оказались подходящими информантами. Однако в таких случаях еще более актуальными становятся вопросы анонимности и конфиденциальности. Кроме того, существует пролема вербализации сексуальности (Паченков 2002). Многие информанты, особенно старшего возраста, затрудняются говорить о сексуальном опыте, и вне доверительного контекста мы рискуем получить интервью, состоящее не из нарративов, а их ответов «да», «нет», «об этом мне бы не хотелось говорить» (и такие случаи у нас были). Кроме того, важно, чтобы сам интервьюер считал тему сексуальности столь же важной для обсуждения, как, например, неформальная экономика, взятки или уклонение от налогов, и был в состоянии выстраивать заинтересованную беседу.

Слушатели также сомневаются в том, насколько возможна генерализация данных, полученных при интервьюировании преимущественно городского образован-

ного населения (в соответствии с нашей априорной выборкой). Выбор преимущественно образованных мужчин и женщин был связан с тем, что нас интересовали тенденции модернизации, и мы полагали, что именно наиболее образованные слои являются ее носителями. Т.е. , например, если в среде университетских аспирантов в городе Худжанде сохраняются выбор родителями брачного партнера для детей, то он в основном воспроизводится и в сельской местности. При этом в среде университетской профессуры все более прислушиваются не только к мнению сына, но и к мнению дочери по поводу предлагаемой кандидатуры супруги/а.

Следующие критические высказывания связаны с организацией интервью и структурой путеводаителя. Характерный вопрос — «не влияет ли путеводаитель интервью и ваши вопросы на язык информантов и способы, которыми выстраивается описание?», «не повторяет ли информант лексику и логику исследователя-интервьюера?». Эти вопросы особенно справедливы для публично редко обсуждаемых интимных тем. Среди проведенных мной интервью в Армении я обнаружила одно (в процессе интервьюирования оно казалось мне очень удачным), где женщина несколько раз почти полностью повторяет мои собственные высказывания. Психологическая динамика интервью заключалась в том, что информантке, как представительнице более традиционной гендерной культуры, было трудно говорить о сексуальном опыте, и я, отчасти бессознательно старалась ей помочь своими развернутыми вопросами и комментариями, а отчасти следуя феминистскому принципу диалога. Она ухватила за мои «подсказки», и в результате я получила в интервью вариации на тему собственных рассуждений, в прочем небезытересные. В дальнейшем потребовалась проработка более осторожных вопросов и установки на сдержанность в собственных комментариях, хотя это и противоречит феминистской интерактивной перспективе.

Разумеется, путеводаитель влияет на структуру рассказа, однако в данном исследовании мы были нацелены на то, чтобы во многом следовать за логикой информанта и фокусироваться на выбранных из широкого спектра темах, о которых он/а предпочитает говорить. Более того, структура рассказов стала предметом нашего дальнейшего исследования. Различия между ними в России были столь велики, что оказалась востребованной идея сценариев (практик и правил), позволяющих описать разные способы организации сексуальной жизни. И, наконец, в российском массиве существовала уникальная возможность сопоставить наши результаты с неспровоцированной структурой рассказов, полученных в конкурсе биографий, и принципиальных различий не было обнаружено. В Армении в качестве некоторого материала для сопоставления мы использовали результаты сочинений, написанных слушателями на гендерных школах.

Еще одна сторона предзаданности индивидуального нарратива связана с тем, что информанты могут воспроизводить масс-медийные и/или нормативные структуры, накладывая их на свой личный опыт. Эта проблема нуждается в специальном исследовании дискурсов, которым в данном случае мы не занимались.

Методической проблемой является и сама ситуация интервью, в которой пол и возраст интервьюера могут влиять на способы описания сексуальности. Например, мужчина-информант хочет выглядеть сексуально успешным в глазах молодой женщины-интервьюера (были случаи, когда он, спровоцированный темой беседы, хотел

ее соблазнить), или напротив может испытывать стеснение и затруднение в описании своих сексуальных практик в разговоре с лицом противоположного пола. Критическая аудитория высказывает также опасения по поводу того, что степень знакомства с информантом искажает полученные данные (скрываются определенные «компрометирующие» эпизоды, например внебрачные связи лица, состоящего в браке). Эти проблемы были отрефлексированы нами на первом этапе исследования в России, где работала команда интервьюеров. На основе первого опыта был выбран наиболее удобный вариант интервьюирования по полу: «мужчина-мужчина», «женщина-женщина», по возрасту: ровесники, или младшая группа («внуки») опрашивает старшую («бабушек»), но не матерей, поскольку разговоры о сексе наиболее табуированы именно в отношениях дети-родители. При этом в Армении и Таджикистане у меня не было возможности «оптимизации» ситуации интервью по полу и возрасту, я опрашивала информантов всех возрастных групп, и мужчин, и женщин, однако больших затруднений не возникло: (как и в России) многие люди стремились рассказывать о своем сексуальном опыте. По всей вероятности в данном случае помогала и моя принадлежность к другой культуре, которая в известном смысле «лишала» пола и возраста — я была в первую очередь исследователем из России.

Поскольку исследование имело сравнительный характер и проводилась в разных национальных контекстах, часто возникает предположение о влиянии фигуры аутсайдера — «не считаете ли Вы, что ваша позиция аутсайдера искажает результаты, когда информанты пытаются создать картину стереотипического культурного поведения?». Одна информантка в России, узнав о международном характере проекта, объяснила свою мотивацию дать интервью: Я хочу, чтобы наши бабы русские не ударили в грязь лицом перед скандинавскими, вот я чего хочу... Надо, чтобы мы лучше выглядели в этом деле, чем они! ... Поэтому я и решила тебе дать интервью (хохочет). Правда. А то ты поспрашиваешь не тех баб русских, которых надо (46 лет). В Армении также некоторые информанты старались подчеркнуть отличия контекста от России, и очевидным было стремление либо представить «позитивную» картину традиционных женских ролей и практик и показать их преимущества, либо, напротив, показать их драматичность в патриархальном контексте. Однако руд интервью (одиннадцать) был проведен армянскими социологами, и принципиальных отличий не было обнаружено. Кроме того, позиция аутсайдера создает и определенные преимущества — дистанцию и эффект «попутчика», позволяющего говорить более откровенно о сексуальной жизни, а иногда и о ее секретах. Аутсайдер — наивен, сходен в своем знании с «ребенком», у него нет собственного опыта проживания в данной культуре, и потому многие информанты стремятся подробно объяснять национальные особенности и детали организации приватно-интимной жизни. Кроме того аутсайдеру бывает проще (иногда это получается случайным образом) проблематизировать рутину интимной жизни и просить объяснения того, что «считается само собой разумеющимся» или слишком сложным для обсуждения, например, важность брачной дефлорации (Армения) или проблематичность брака по любви (Таджикистан).

В феминистской перспективе утверждается, что исследователь имеет власть в отношениях с информантом (задет направление беседы, выбирает темы, интерпре-

тирует данные и пр., и, в конечном счете, выбирает способ производства определенного знания). В данном исследовании предполагалась возможность интерактивного взаимодействия между интервьюерами и информантами. Такой подход широко обсуждается в феминистской литературе как способ частичного преодоления властных отношений между исследователями и исследуемыми (Oakley 1981. Devault 1990, Смит 2000). В нем утверждается необходимость преодоления субъект-объектных отношений познающего и познаваемого, а интервью рассматривается как дискуссия по различным вопросам. Считается, что без взаимной вовлеченности не возможно установить равноправные доверительные отношения. В исследовании сексуальности мы полагали возможным вести диалог между социологом и информантом, делиться собственным интимным опытом, а не только стремиться исключительно к получению развернутых нарративов в ответ на короткие вопросы. В некоторых случаях интервьюеры рассказывали о своих переживаниях в области сексуальных отношений, об опыте использования контрацепции и пр. Это потребовало рефлексии по поводу анонимности не только информанта, но и интервьюера, а также рефлексии по поводу влияния опыта исследователя на структуру нарратива

Феминистская перспектива высвечивает также и то, что исследователь принадлежит к определенной гендерной культуре, с позиции которой оценивает патриархатные отношения. В сравнительно ориентированном полевым исследовании принадлежность к более эгалитарной российской гендерной культуре¹ породила дополнительные рефлексии по поводу позиции «аутсайдера». Они были связаны со сложным личным отношением к жесткому гендерному контролю, объясняемому особенностями локальной культуры. К таким особенностям относятся ограничения прав передвижения, образования, работы, свободы сексуальной жизни женщин, сужение мужской роли до роли добытчика. Рассказы о семейном сексе-обязанности (иногда близком к насилию), о стремлении и невозможности выйти из-под общинного контроля, о подчинении воле других и в Таджикистане, и отчасти в Армении воспринимались и моими рассказчиками, и мной достаточно драматично. Ко мне часто обращались как к представителю более модернизированной гендерной культуры, в которой с точки зрения местных женщин, соблюдаются права женщин. Довольно часто мне, как исследовательнице из России, говорили: «у вас в России все не так». «Сейчас у Вас в России женщины естественно отстаивают свои права, обоюдное согласие (на брак) должно быть»² (ж, 24 года, Таджикистан). Истории разведенных женщин, которые считают, что жизненные шансы отсутствуют не только у них, но и у их дочерей (поскольку испорчена репутация семьи, которая не компенсируется другими ресур-

¹ В предыдущих исследованиях мы (часто имплицитно) сопоставляли российский гендерный порядок с европейским или северо-американским и потому обращали внимание на патриархатные тенденции в России, на неравенство, нехватку ресурсов у женщин и пр.

² Замечу, что хотя в России, в отличие от Таджикистана, сожителство и смена партнеров — повседневная практика и мужчин, и женщин, однако далеко не всегда и не везде соблюдаются права женщин. Изнасилования в семье, сексуальные домогательства, дискриминация при приеме на работу, сексистские шутки чаще всего даже не считаются нарушением прав.

сами), описываются ими как драматические сюжеты. С другой стороны, российские женщины, не имеющие семьи или в одиночку воспитывающие детей, вызывают жалость и сочувствие. Гражданский брак, отсутствие детей, развод, «избыточная» ответственность женщин из патриархатной перспективы рассматриваются как симптомы «не сложившейся судьбы». Такие взгляды, конечно, оказывают влияние на позицию исследователя, которому постоянно приходится объяснять свою позицию или сознательно уклоняться от объяснений. Патриархатная система предстает как объект критики со стороны образованных городских женщин, которые полагают, что ущемляются их права и свободы, но одновременно признается легитимность половозрастные субординаций, как обеспечивающих безопасность слабых агентов в поле власти. Эта система, поддерживающая вторичный статус женщины, часто оценивается как удобная, и принимается женщинами — об этом феномене писали С.де Бовуар, К.Миллет и другие феминистские исследователи. Поэтому в биографическом исследовании становится особенно значимым анализ стратегий, которыми женщины компенсируют отсутствие прав и ресурсов.

Гендерный контекст столкновения феминистских и патриархатных взглядов порождает и другие вопросы, типа — «а не считаете ли Вы, что ваши исследования подрывают основы семьи и ее устойчивость?», способствуют созданию негативного образа российской (армянской, таджикской) женщины, семьи?». Здесь я не буду воспроизводить подробную аргументацию, замечу лишь, что этот вопрос академическая аудитория задает чаще, чем это можно было бы предположить.

И, наконец, постоянно воспроизводится тезис о том, что все это в целом не является наукой и не может претендовать на статус научности (в отличие от последователей Фуко, которые как раз за «научность» и критикуют исследования сексуальности, которые через опросы и интервью «размножают» и кодифицируют сексуальность, тем самым, умножая средства ее контроля и нормирования). Для ответа критикам не-научности биографического исследования сексуальности нужно специально обратиться к вопросу о том, что считается наукой в начале 21-го века, каковы различия герменевтического, феноменологического, позитивистского, феминистского, постструктуралистского и пр. подходов. Однако часто возникает ощущение, что слушатель не рассчитывает на подробную лекцию или дебат. Просто есть такое «правило игры» — если кто-то говорит о социальном конструктивизме и тем более о феминизме, то кто-то должен определить их как несостоятельные, тем самым воспроизведя известный баланс внутри конкретного сообщества. Но это уже другая тема.

Итак, подведем некоторые итоги на основе размышлений по поводу вопросов критической аудитории. Для нас значимым оказываются три взаимосвязанных перспективы: биографическая, феминистская и перспектива интимной жизни. Они важны на всех этапах исследования, но особенно — на этапе интерпретации полученных данных.

Сфера интимной жизни как фокус анализа усиливает те опасения, которые в целом существуют в качественных исследованиях. Именно здесь ожидается сокрытие и искажение информации, именно эта сфера нагружена эмоциями, часто — болезненными переживаниями, в ней много секретов и пр. В таких исследованиях социо-

лог рискует своим доминированием существенно повлиять на способы интерпретации, особенно в постсоветском контексте, где сфера сексуальности стала открытой для публичного озвучивания относительно недавно, не всегда имеются нарративные средства. Для описания того опыта, который еще недавно считался девиантным.

Феминистская перспектива вызывает и другие проблемы в ходе осуществления исследования. Она позволяет отчасти преодолеть доминирования исследователя, а также закрытость интимных сфер для обсуждения, превращая интервью в диалог и открывая ранее закрытые темы женского (и мужского) опыта. Однако в ее рамках невозможно (и не нужно) избавиться от оценочного отношения к женским депривациям, которые особенно заметны в сфере сексуальности в патриархальном контексте. Очень трудно не относиться негативно, например, к насилию, принуждению, избиению и пр. Однако необходимо понимать — и это также является предметом анализа — что далеко не всегда и не везде независимость женщины признается благом. Напротив, самостоятельно зарабатывающая деньги женщина в определенном гендерной контексте может потерять статус, которые имеет женщина, обеспечиваемая мужчиной.

Биографическая перспектива позволяет отчасти разрешить эти противоречия. В каждом конкретном контексте жизненный цикл (или жизненный путь) женщины (или мужчины) включает набор определенных правил, регулирующих сексуальную жизнь на разных фазах. Анализ биографических рассказов о жизни позволяют выделить наиболее «критические» фазы, в которых ужесточается контроль, и которые наиболее аффективно и когнитивно насыщены в нарративах (Розенталь 2003). После этого мы обращаем особое внимание на стратегии, которые используют женщины для того, чтобы приспособиться к контролю и нормам или для того, чтобы изменить их. Так, например, в случае Армении такой фазой жизненного цикла является вступление женщины в брак и подтверждение добрачной девственности. Стратегии, которые выстраивают молодые женщины, варьируют в диапазоне: выполнение нормы — обман и манипулирование — сознательное и открытое нарушение. Соответственно выстраиваются различные биографические траектории. В случае Таджикистана гендерный контроль ужесточается на этапе заключения брака и подбора брачного партнера, и затем сохраняется на этапе всей репродуктивной активности женщины. Поэтому различные стратегии приспособления осуществляются как при заключении брака, так и на протяжении всего жизненного цикла до достижения статуса свекрови, обретающей власть. В России сексуальность стала относительно автономной сферой жизни, контроль принял диффузные формы. Однако, как показывают интервью, ответственность и активность молодых женщин на начальных фазах сексуальной жизни сталкивается с недостаточностью институциональных средств обеспечения безопасности (недостаточные знания и навыки использования контрацепции, обеспечения здоровья и планирования семьи, отсутствие систематического сексуального образования и доверия к врачам и пр.). Приспособление к данной ситуации выражается в стремлении, с одной стороны, выстраивать жизнь как рефлексивный проект (включая гендерное партнерство) и брать ее под собственный контроль, а с другой — ориентация на ситуацию, судьбу, Бога, партнера, счастливый случай и везение и отказ от собственной ответственности как чрезмерно сложной и трудно осуществимой.

Литература

- Здравомысова Е, Темкина А. (2003). Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. . Социальная история. Ежегодник 2003 Женская и гендерная история / Под ред. Пушкаревой Н М РОСПЭН. С. 436-463.
- Кон И. (2005) Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2 изд. Перераб. и доп. М.: Айрис-пресс
- Кун Т. (1977). Структура научных революций. Москва. Прогресс.
- Паченков О. (2002). К сексуальности — через интервью: этнометодологический взгляд // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, СПб.: Дмитрий Буланин. С 559—587.
- Розенталь Г. (2003) Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью.// Хрестоматия по устной истории /. Сост. М.Лоскутова. СПб : .Изд-во европейского университета в СПб. С. 322-356
- Смит Д. (2000).Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы /Под ред. Е.Здравомсловой, А.Темкиной. СПб: Дмитрий Буланин. С. 29-63
- Devault M.L (1990) Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // Social Problems. V.37. N 1 P.96-116
- Janeway E. (1980). Who is Sylvia? On the Loss of Sexual Paradigms // Signs: Journal of Women in Culture and Society. N 5. P. 573-589
- Kandiyoti D. (1988) Bargaining with Patriarchy // Gender and Society. V 2 N 3. P 274-290
- Lapidus G. (1978).Women in Soviet Society. Equality, Development, Social Change. Berkley, Los Angeles.
- .Lapidus G. (1977) Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // Women in Russia/ Ed. By D.Atkinson, A.Dallin and G.Lapidus. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press. P 115-138.
- Oakley A (1981) Inverveiwng woman: Contradiction in term // Doing Feminist Research. Ed by H.Roberts. Routledge.
- Rotkirch A. (2000).The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. University of Helsinki , Department of Social Policy. Research report 1/2000

МНОГООБРАЗИЕ ПИСЕМ И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПИСЬМА

Название этой статьи навеяно воспоминанием о давней работе В. Голофаста — «Многообразие биографических повествований»¹. В сущности, всякий подступ к предмету исследования начинается с выделения его из всего многообразия реалий мира и с констатации разнообразия его (этого предмета) собственных форм.

Наш предмет здесь — **письмо** (будем говорить также — *послание*), под которым будем понимать определенную форму человеческой коммуникации, к специфике которой (формы) относятся:

- а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);
- б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории — то с прямым обращением (апелляцией...) к целевой аудитории;
- в) вытекающая из (а) необходимость фиксации сообщения на некотором материальном носителе, который может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Послание — от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду, или от группы к группе? А материальный носитель — вещественный, волновой, магнитный?

Чтобы не утонуть в этом море различий, введем некоторые ограничения. Будем говорить о письме в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: «*Написанный текст, посылаемый для сообщения кому-н. чего-н.*»². Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс — это лишь технические подробности. И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся. Сосредоточимся на письме как форме приватной либо общественной связи между людьми.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо «от одного к другому» в предложенной нами ранее модели предстает одной из трех форм коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо при различии адресатов. Этими формами являются: *коммуникация самому себе*, *коммуникация другому лицу* и *коммуникация для других* (см. нашу работу 2000 г.

¹ Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. Труды СПбФ ИС РАН. СПб.: 1995.

² Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994.

«Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации», воспроизведенную в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»¹.

Такое письмо может быть посвящено сугубо личным, даже интимным сюжетам, или иметь деловой характер, или трактовать общезначимые вопросы, но в любом случае оно *моноадресно* (в теории информации такая коммуникация называется *аксиальной*). Письмо конкретному лицу не рассчитано на постороннее восприятие, за исключением случаев *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись), а по существу — *институциональный* источник. То есть из простейшего случая послания «от одного к другому» официальное письмо выпадает.

В свете сказанного, элементарным видом письма является письмо по существу *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность — антитеза *публичности*, когда отправителем является тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (в теории информации — ретинальная коммуникация).

Возможно ли приватное многоадресное письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная комбинация — публичное моноадресное письмо? Такое вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма), но тогда письмо оказывается моноадресным лишь по форме (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано «граду и миру».

Лишний раз оговорим, что в этих различиях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения. Среди таковых мы в дальнейшем будем различать *субъекта-отправителя* (он же — *источник* сообщения) и *субъекта-получателя* (он же — *адресат*) письма.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть и соотнести оппозиции «приватности-публичности» и «моно-» и «многоадресности» мы начали выходить за рамки «коммуникации другому», и обсуждать также «коммуникацию для других». В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден. Вариациями здесь являются «равноправие» и «неравноправие» адресатов: В первом случае письмо адресовано в равной мере множеству людей; во втором — оно имеет «главного адресата», а остальные как бы получают его (письма) *копии*. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является *массовая коммуникация*, где имеет место адресованность анонимным аудиториям.

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является аудитория (уместно также говорить о *целевой аудитории*). Тут мы, по нашему опыту исследования

¹ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003. С. 299–303

массовой коммуникации а также зрелищных искусств, равно как и специализированной коммуникации (разновидностью которой является коммуникация *научная*), будем различать аудитории *потенциальную* и *реальную*. Первая объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено, вторая включает только тех, кого оно реально достигло.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т. д. относится к коммуникации вообще, но это также справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма (послания), как ее частного случая.

Попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма или источник сообщения индивидуализирован. Вариантом жанра «письма» (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются *институциональные* документы, имеющие характер послания. Тут и «обращение к народу», и дипломатическая нота, и даже рекламный ролик... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место *прямое обращение* к потенциальному получателю сообщения (будь то «товарищи», «господа» или «уважаемый господин Президент»).

Понятно что официальное письмо, институциональный документ, может иметь и очень ограниченный круг адресатов, т. е. быть *закрытым* (в отличие от «открытых писем» и вообще публичных текстов). Документы «для служебного пользования», скажем, содержащие коммерческую или государственную тайну, — это тоже «письма». Господствующие социальные институты, различные ведомства и т. д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках Закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность *непрозрачной*.

С другой стороны приватное письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных Законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и неразрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению.

Последние замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию тема как таковых, а к социальным условиям «бытования» письма, что есть отдельная тема.

Наконец, последняя из указанных выше форм коммуникации, имеющей персональный источник: коммуникация самому себе. В наших прежних работах классическим случаем такого «общения» представлен *дневник*¹. Но что такое в сущности дневник, как не своего рода *письмо самому себе*? Дневник выступает таковым если не субъективно (человек может полагать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно.

Укажем еще на различение писем по основанию: *монологичность* — *диалогичность*. Вообще говоря, письмо *par excellence* это *разговор*, оно не монологично, а диалогично. Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель «ждет» этого ответа, рассчитывает на обратную связь («переписка»). Но это предположение ответной (или «встречной») коммуникации может быть либо подкреплено содержанием конкретного письма, либо нет, может быть эксплицировано в тексте, либо

¹ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.: Норма, 2005. С. 51–54

только подразумеваться. Тогда письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в институционализированной, публичной коммуникации, где достаточно отчетлива разница между письмом-*обращением* (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность).

(Заметим в скобках, что в российской институциональной практике, идущей еще от советских времен, под «заявлением» имеется в виду в сущности «челобитная»: «*Прошу* принять меня на работу...», «*прошу* решить мой вопрос...», — пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть «заявление»...).

Итак, «монологичное» письмо — это письмо не претендующее, не рассчитанное на ответ, или же не дающее для ответа повода либо основания. В отличие от «диалогичного» письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей отправителя и получателя.

Напомним, что нами введены следующие различия: моноадресность — многоадресность, приватность — публичность, личностность — институциональность, поименованность — анонимность (адресата), монологичность — диалогичность. Некоторые из этих понятий пересекаются, и порой на пересечениях обнаруживаются специфические типы.

Обратимся теперь к вопросу о *полифункциональности* письма.

Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополнительных момента: *сообщение*, *отображение* и *выражение* (или изъяснение; ср. у Довлатова: литература — изъяснение внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (актеров, коммуникантов), уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации («контента», содержания).

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее — некоторые ее фрагменты. Кем-то кому-то и о чем-то сообщается информация из реалий мира.

И наконец в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъяснено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

(Не следует забывать, что коммуникация — двусторонний процесс, в котором участвуют как минимум два субъекта. Субъективно не только обращение к другому или другим, но в равной мере и восприятие сообщения его адресатом. Это восприятие может быть как адекватным, так и не адекватным ожиданиям адресующей стороны).

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться также как *функции*. При том, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу), отличается от письма, выступающего формой выражения или самовыражения (по преимуществу). Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу).

(Здесь хочется напомнить весьма тонкое наблюдение А. Кетегата о специфике «письма-воплощения», в отличие от «письма-сообщения»; см. извлечение из его рукописи «О письме-воплощении, или «пересекающиеся круги»», представленное в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»¹).

В принципе возможно и «равноправие» указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъявление, как функции письма, могут быть сопоставлены с выдвигавшейся нами ранее, как мы считаем, *системной* (в смысле Р. Баранцева) триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение, познание и творчество*².

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально «о себе» мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме как об *акте общения, документе времени и автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию возможного богатства размежеваний и соединений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности для социальной и психологической характеристики их авторов.

Наверное самые яркие примеры переплетения указанных выше функций и форм письма предьявляет современная «мировая сеть» (интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема вполне приложимы и к анализу таких новейших форм человеческой коммуникации (глобального общения), как «форумы», «блоги», «живой журнал», не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т. д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей общетеоретической темы.

В заключение подчеркнем целесообразность и перспективность специализированного исследования письма для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества — от глубокой древности до наших дней.

¹ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003. С. 303

² Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. С. 507–510

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Биографический фонд Социологического Института РАН был основан в 1989 году в секторе социально-культурных изменений по инициативе Валерия Борисовича Голофаства, размышлениям и исследованиям которого были посвящены эти Чтения. Сегодня Фонд насчитывает около 600 единиц хранения, в числе которых автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких биографических конкурсов¹. Качественные методы, в число которых входит анализ этих «документов жизни», в то время только начинали практиковаться в нашей социологии. И Валерий Борисович с присущей ему философской интуицией одним из первых уловил необходимость перемен в методах социологического исследования и потребность в новом эмпирическом материале, который дают тексты биографического характера не только для анализа прошлого, но и для изучения происходящих в стране кардинальных изменений².

Тексты биографического характера, многие из которых имеют характер повествований, нарративов³, служат источником и материалом многообразных проблематик в рамках широкого круга исследовательских интересов. Когда я начала работу с поступавшими в наш Фонд биографическими материалами, я формулировала проблему их анализа как проблему взаимосвязи идеологии и ментальности⁴. Эта формулировка родилась под влиянием работ социальных историков, ориентировавшихся на традицию школы «Анналов»⁵. Речь шла о том, что для изучения культуры обществ прошлых эпох, недостаточно того материала, который обнаруживается на уровне нормативных документов эпохи. В этой связи необходимо изучать историю «снизу», историю повседневной жизни людей, историю ментальностей, которые представля-

¹ Олег Божков, Константин Дивисенко. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 — 3 (63).

² Об истории и особенностях применения новых методов в социологии см.: Голофаств В.В. «Ветер перемен в социологии» // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб. 2000. Том III. № 4.

³ Термин «нарратив» в переводе с английского — «повествование», «рассказ». Этот термин используется для обозначения любых текстовых данных биографического плана (дневников, писем, разговоров и т.д.), чтобы подчеркнуть качественный характер изучаемого материала. Подробнее о проблемах использования этого термина см.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17.

⁴ Цветаева Н.Н. Идеология и ментальность (опыт социологического прочтения биографических текстов и интервью) // На перелуках истории и культуры. СПб. 1995.

⁵ См., например: Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып.1.М., 1989.

ют собой автоматизмы и привычки сознания, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Было очевидно, что биографические нарративы, в которых непосредственно обнаруживаются привычки сознания и представления людей, дают возможность открыть историю «снизу», историю повседневной жизни людей, историю ментальностей. Но самым продуктивным для анализа нарративов была сама постановка проблемы изучения ментальностей — различать обыденные представления людей, с одной стороны, и нормативные дискурсы, с другой, с тем чтобы прояснить, как эти дискурсы — история «верха» и «низа» — соотносятся между собой, их пересечения и взаимовлияния.

Так сформулированная проблема анализа биографических нарративов во многом была обусловлена и временем, когда создавался наш Фонд. Напомню, это был 1989 год — время перестройки и острой критики советской идеологии, которая на протяжении десятилетий закрывала все проявления повседневной жизни людей единой сеткой застывших идеологем и стереотипов. И для понимания начавшихся тогда перемен особый исследовательский интерес представляла задача открыть «нижние» пласты сознания общества, исследовать, какие привычки сознания и представления людей скрывались под этой сеткой, их пересечения и взаимовлияния с идеологизированным дискурсом советской эпохи. Со временем и по мере того, как в Фонд поступали новые биографические материалы, появилась возможность расширить эту задачу. Я стала анализировать, как вообще происходит изменение социальных представлений в переломные эпохи жизни общества и насколько эти представления могут быть независимыми от господствующих или утверждаемых в обществе идеологических дискурсов. Иными словами я попыталась реконструировать динамику и особенности социальных представлений и, тем самым, прояснить их основания, сделать видимыми процесс «определяющей работы» общества и поэтапную симптоматику социально-культурных изменений, происходящих в нем.

На сегодняшний день я могу рассказать о трех опытах интерпретации биографических нарративов нашего Фонда в этом направлении. Первый опыт — интерпретация нарративов людей крестьянского происхождения, описывающих, как после Октябрьской революции 1917 г. они «пережили» коллективизацию их крестьянского хозяйства и адаптировались к новой, советской, жизни и, соответственно, что сохранила их память об этом времени. Второй опыт — интерпретация нарративов участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» (1994 г.), описывающих, как в их жизни отразились две значимые вехи истории страны — эпоха «оттепели» и эпоха реформ, начатых перестройкой. Третий — интерпретация нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» (2000 г.), подводивших на рубеже веков итоги переменам, произошедшим в их жизни за последние 10–15 лет.

Первый опыт. Противоречия советского биографического дискурса

Непосредственным импульсом исследовать проблему, как происходит изменение социальных представлений в переломные эпохи жизни общества и насколько они могут

быть независимыми от господствующих или утверждаемых в обществе идеологических норм, родилась, когда, читая нарративы, поступавшие в наш Фонд в конце 1980-х — начале 1990-х годов, я обнаружила странные, на мой взгляд, противоречия.

Это были противоречия между описываемыми в нарративе реалиями жизни человека и его оценочной риторикой. Особенно ярко они были видны в нарративах людей крестьянского происхождения 1910-х годов рождения, которые помнили процесс коллективизации их крестьянского хозяйства. Описывая, например, в своих нарративах жестокость этого процесса, они не только не обвиняли порядок, разоривший и искалечивший жизнь их семьи, а напротив, как бы оправдывали произошедшее, используя для этого оценочную риторику советской идеологии¹. (Подчеркну, такие противоречия читались в нарративах не только малообразованных людей, а и людей, имеющих высшее образование).

Сама по себе зависимость лексики нарративов от идеологических клише как основного риторического языка советской эпохи, господствовавшего на протяжении многих десятилетий и понимаемого «всеми», была вполне объяснимым явлением. Трудно было ожидать, что этот язык быстро изменится, хотя, напомним, что это были биографические нарративы, написанные в годы перестройки, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии. Станным мне показалось то, что, несмотря на эту критику и, прежде всего, несмотря на то, что реалии жизни человека противоречили этой идеологии, он не мог освободиться от ее плена и продолжал осмысливать свою жизнь в ее формулах. Именно это натолкнуло меня на исследование проблемы, как происходит изменений социальных представлений и привычек мировосприятия, насколько они могут изменяться в переломные эпохи жизни общества и быть независимыми от основного русла господствующей или утверждаемой идеологии.

Для того чтобы понять обнаруженные в нарративах противоречия — несоответствия между реалиями жизни человека и его приверженностью советской идеологической риторике — я попыталась реконструировать историю возникновения этих противоречий и начала с «истоков» их появления в нарративах. Для этого я отобрала нарративы очевидцев и участников послереволюционных коллизий становления советской власти. В основном это были нарративы городских жителей крестьянского происхождения 1910-х гг. рождения, переживших коллективизацию их крестьянского хозяйства и превратившихся в горожан. Этот социальный слой (полукрестьяне-полугорожане) в мировосприятии которого столкнулась традиционная крестьянская культура и советская идеологическая схема, долгие годы был доминантой социальной-культурной динамики советского общества не только в силу масштабности и мас-

---

¹ Фактически эти противоречия определили методiku анализа нарративов, которой я пользуюсь. Первый шаг — анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в нарративе событиями и используемым автором нарратива оценочным дискурсом. Следующий шаг — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур — следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

совости миграции крестьян в города. Важно и то, что на этот слой ориентировалась пропагандистская модель советской идеологии, что ментальность этих слоев и эта модель развивались как бы параллельно, подстраиваясь друг под друга.

Отбрав нарративы этого слоя людей, я анализировала, как они описывают в своих рассказах адаптацию к новому для них тогда жизненному укладу, в каких случаях и в каком виде употребляют советскую идеологическую риторику, а также почему эта риторика сохраняется в их рассказах и тогда, когда общество подвергает ее серьезной критике. (Напомню, это были рассказы, написанные в годы перестройки — во время бурной критики советской власти). В процессе работы я не ограничивалась рассказами только тех, кто присылал истории своей жизни в наш Фонд, т.е. людей, живущих в это время и переживающих перестройку общества. Ведь любой дискурс, являясь коммуникативным актом и социальным диалогом¹, обусловлен временем и изменяется во времени. Эти изменения я пыталась уловить, сравнивая рассказы, написанные в начале 1990-х годов, с теми, которые сохранились в форме дневников и других личных документов, а также с теми, которые были опубликованы в свое время в этнографических работах по крестьянству.

Все эти материалы дали мне возможность проанализировать генезис появления этих противоречий и характерные особенности биографического дискурса этого социального слоя, в мировосприятии которого столкнулись крестьянская культура и пропагандистские формулы советской идеологии. Проведенный анализ свидетельствовал, что слом привычной самодостаточности жизни крестьян при их столкновении с преобразованиями советской власти не повлек за собой существенных перемен крестьянского мировосприятия. В нарративах отчетливо читались свойства этого мировосприятия — отсутствие навыков отвлеченного мышления и его ситуационная связанность², что, в свою очередь, объясняло, почему со временем советская идеологическая риторика, с ее оторванными от реальной жизни формулами, обрела в мировосприятии этого социального слоя фетишистские формы, родив противоречия между логикой жизни и логикой этой риторики³.

Следуя интерпретативной парадигме качественной социологии, можно сочетать разные подходы и разные схемы интерпретации результатов анализа нарративов, используя эти схемы не как альтернативные, а как палитру средств для описания и анализа проблемы. И к противоречиям в нарративах этого, условно говоря, «крестьянского» слоя я применила нескольких интерпретативных схем. Так, с позиций схемы, которую использовал в своем проекте финский исследователь Пекка Руус⁴ можно

¹ См.: Дейк ван Т.А. Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

² Этот тип мышления психологи называют практическим, ситуационным, отличая его от теоретического, категориального. См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

³ Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

⁴ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2.

сказать, что эти рассказы отчетливо иллюстрировали, как в базовом крестьянском габитусе адаптации и «выбора необходимости» появляются несвойственные ему элементы. «Глубокий реализм» адаптивного габитуса размывается, и в рассказах появляются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить практическую логику своей жизни и логику советской идеологии или, в терминах Рууса, логику истории жизни и логику поля (общества, культуры).

Другая схема — постмодернистская теория дискурса — позволяет объяснить эти противоречия как норму советского дискурса, как результат «политики нормализации» индивида¹. Адаптированный к советскому режиму человек не замечал (должен был не замечать) противоречий между реалиями своей жизни и пропагандируемыми идеологией ценностями, демонстрируя тем самым свою приверженность власти и свою «нормальность» как члена общества. В этом же ключе оказывается объяснение этих противоречий с точки зрения защитных механизмов психики человека, подвергавшегося на протяжении десятилетий тотальному давлению господствующей идеологической схемы. Так образом известный немецкий психиатр Бруно Беттельхейм объясняет деформации сознания в послевоенной Германии, говоря о том, что репрессивный режим способен разрушить личность взрослого человека до такой степени, когда он сможет не знать того, что ему страшно не хочется знать². Наконец, объяснением может быть и позиция П. Бурдые, который считает, что последовательные моменты практики защищены от логики хронологического развития³. Или — М. Полани, который говорит, что человек рационален только в той мере, в какой истинны концепции, к которым он привязан⁴. Однако вне зависимости от схемы, с позиций которой можно интерпретировать эти противоречия, власть советской идеологической риторики над мировосприятием человека читалась в нарративах этого социального слоя отчетливо.

Второй опыт. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи»

Сохраняются ли рассмотренные противоречия в биографических нарративах следующих советских поколений, и появляются ли в них какие-то приметы освобождения мировосприятия человека от формул идеологической риторики. Ответ на эти вопросы я предполагала найти в нарративах тех, кто откликнулся на приглашение биографического конкурса «Гляжу в себя как зеркало эпохи» (проведенного нашим Фондом в 1994 г.) рассказать, как в их жизни отразилась такая значимая века в истории советской общества, как эпоха «оттепели» — 1960-ые годы. Девиз конкурса

---

¹ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

² Беттельхейм Бруно. Просвещенное сердце // Человек, 1992, № 6.

³ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos. 1994.

⁴ Полани М. Личностное знание (На пути к посткритической философии). М. Прогресс. 1983.

возник на фоне начатых перестройкой либеральных реформ, которые активизировали в обществе интерес к эпохе «оттепели» как времени некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина, уже тогда позволившей человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И, прежде всего, свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые, прислав свои биографические нарративы, тем самым признавали значимость этого периода времени жизни страны. Напомню также, что конкурс проводился в 1994 году — во время начатых перестройкой либеральных реформ. И это тоже должно было дать участникам конкурса импульс для рефлексии по поводу периода «оттепели».

На конкурс поступило около 100 биографических нарративов. Чаще всего это были нарративы людей 1930-х годов рождения, т.е. тех, для кого время «оттепели» было временем их активного становления. Среди участников конкурса оказались люди разных профессий и разного уровня образования (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки), что позволяло надеяться, что мы увидим весь диапазон памяти об этом времени. И все участники конкурса, независимо от их социального статуса и характера их воспоминаний об «оттепели», по теме и замыслу конкурса были названы «шестидесятниками».

Самым интересным и несколько неожиданным результатом анализа нарративов участников этого конкурса оказалось то, что их нарративы образовали два совершенно разных дискурса в описании эпохи «оттепели». Один дискурс — литературный язык, язык образованных людей (так были названы участники конкурса с высшим образованием), которые говорили об «оттепели», как правило, используя многие известные из публицистики характеристики этого времени, и определяли это время как эпоху надежд на освобождение страны и личности. Другой дискурс — язык (условно говоря) малообразованных людей (так были названы участники конкурса без высшего образования), которые фактически не выделяли «оттепель» как особую эпоху и не объясняли с этой точки зрения свое участие в конкурсе.

Это различие дискурсов двух групп участников конкурса (образованных и малообразованных) в описании ими «оттепели» предполагало, что признаки освобождения мировосприятия от советской идеологической риторики, прежде всего, надо искать в нарративах образованных участников конкурса. Однако анализ нарративов этой группы участников конкурса показал, что их рефлексия, направленная на анализ советской эпохи и «оттепели», имела довольно поверхностный характер. Несмотря на то, что они в описании этого времени, как уже говорилось, воспроизводили многие известные по публицистике того времени метафоры, представляющие «оттепель» как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*, дальше этих метафор они не шли. Редко кто из них говорил о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т.п.), т.е. в какой-то мере анализировал сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминались, а если и упоминались, то осторожными фразами: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине»*, *«ужасный*

1937 год не коснулся нашего семейства». Интересно было оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями¹.

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т. п.) тоже почти не анализировались. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди узнавали в основном только из официальных источников, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах, и вместе со всеми принимали те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывалась участниками конкурса довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в нарративах этого типа была фраза: «мы работали честно», которой человек как бы снимал с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождал себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем советского времени.

Одним из объяснений уклонения от такого анализа считается своего рода изначальная ангажированность интеллигенции в советскую идеологию, ее близость к власти. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). Эту ангажированность можно было прочесть в нарративах, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохранял «принципиальную верность идее» или считал, что «гнуности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» и что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года». Из нарративов выяснялись и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа были суждения: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

В свою очередь малообразованные участники конкурса (напомню, так условно были названы участники конкурса без высшего образования) в своих нарративах в принципе, как уже говорилось, не использовали каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это, несмотря на то, что они участвовали в биографическом конкурсе, посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появлялись характеристики этого периода времени, они были конкретными и материальными, и это время представляло как

¹ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан. 1993. С. 258.

цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Хрущева: «*перебои с хлебом*», «*вместо привычных культур на полях кукуруза*», «*хозяйки растаивали со своими буренками*». Иными словами, время 1960-х годов вообще не фиксировалась ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность некоторого освобождения страны и личности.

Этот отказ малообразованных участников конкурса «шестидесятников» обсуждать идеологические проблемы «оттепели» и их практическую установку можно интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам, и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Однако в качестве оборотных сторон такого молчаливого приспособления к навязанным обстоятельствам исследователи называют «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев»¹. И эти «оборотные стороны» можно было прочесть в биографических нарративах этой группы участников конкурса. Они проявлялись как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологией и, прежде всего, как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Хрущеву, которого они часто называют уничижительно *Хрущем* и осуждают его действия: «*Хрущ что-то там опять натворил...*». Возможно, что это презрительное отношение наших малообразованных «шестидесятников» и можно назвать их дистанцированием от навязанного им идеологией давления.

Итак, критичность к советской идеологии почти не читалась в нарративах наших «шестидесятников» — как образованных, так и малообразованных. При этом в нарративах как одной, так и другой группы участников можно было встретить такие же (как у «крестьянского» слоя) противоречия между реалиями жизни человека и высказываемыми им оценочными суждениями, которые говорили о зависимости их мировосприятия от советской идеологической риторики. В нарративах малообразованных людей противоречия читались, когда они, с одной стороны, описывали свою трудную и полную лишений жизнь («*жизнь-колотушку*», как говорил один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, несправедливость начальства и т. п., а с другой, оценивали советскую эпоху как время, в котором: «*человек чувствовал себя членом одной большой семьи*», «*все было доступно... не боялись за завтрашний день*», «*твердо знали, что государство не оставит*». В свою очередь в нарративах образованных участников конкурса такие противоречия можно было прочесть, когда «*верность идее социализма*» присутствовала не только у тех участников конкурса, которые «прожили прекрасную жизнь», а и у тех, которые, например, столкнулись со страшными реалиями сталинской эпохи («*где-то кости дяди — 10 лет без права переписки*»), в течение жизни часто преследовались или увольнялись «*по идеологическим соображениям*», не могли поступить в институт и получить после института нормальное распределение и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что биографические нарративы участников этого конкурса говорили об устойчивости формул советской идеологии даже у людей, отве-

¹ Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2. С. 141.

чавших на заданное темой конкурса предложение вспомнить (а значит, и осмыслить) «оттепель» в связи с происходящими в стране переменами. По всей видимости, для каких-то существенных изменений в представлениях и ценностных ориентирах людей, требовался более существенный временной лаг (напомню, конкурс проводился в 1994 году).

Третий опыт. «Жить в эпоху перемен»

Следующий биографический конкурс «Жить в эпоху перемен» мы проводили осенью 2000 года, когда в обществе подводились итоги уходящего века и произошедших за последние 10-15 лет изменений. Участникам конкурса было предложено при написании биографии тоже подвести некоторые итоги тому, как они адаптировались к этим изменениям и как оценивают их воздействие на свою жизнь. Этот тематический акцент конкурса подчеркивало и его название.

Биографические нарративы участников предыдущего конкурса — 1994 года, о котором я говорила выше, тематизировала «оттепель». И то, что в литературе и публицистике были сформированы определенные схемы оценки этого периода жизни общества (по крайней мере, так это было для образованных людей) позволяло структурировать высказанные авторами нарративов суждения. Тему же этого конкурса — «Жить в эпоху перемен» — сопровождала неясность, которая, по всей видимости, сохраняется и до сих пор, к какой нормативной модели общественного устройства привели эти перемены. Точнее, оставалось неясным, какие ценностные ориентиры на уровне повседневной жизни людей должны наполнять ту нормативную модель, которая была обозначена как «рынок» и «демократия»¹.

Проблема фрагментарности и неоднозначности нормативной модели, которая бы объясняла логику жизни человека и, значит, логику формирующихся в обществе ценностных ориентиров, в социологических опросах того времени решалась выяснением соотношения либеральных и советских ценностей, которые люди выбирали из перечня предложенных исследователями ценностных концептов. Однако результаты этих опросов было почти невозможно сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины. Еще одним ориентиром, который, казалось, мог дать исследователям представление о появлении новых ценностей, было изучение мотивации достижения, которая рассматривалась как одна из основных ценностей эффективного рыночного общества². И типологии адаптивного поведения в основном были ориентированы на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека

---

¹ Проблему неприменимости сегодня концептов теории модернизации очень интересно анализирует Капустин Б.Г. в своей статье «Конец «транзитологии»?» // Полис, 2001, № 4.

² См., например: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

в его адаптации к переменам. Но результаты этих типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения «советского простого человека», преобладали пассивные формы адаптации. Выросло число считающих себя «неприспособляемыми», значительно чаще встречался вариант «понижающей адаптации» и стабильно малым был вариант «повышающей адаптации». Отмечалась также сложившаяся ностальгическая переоценка советского прошлого¹.

На фоне этих неутешительных результатов опросов населения, нарративы участников конкурса «Жить в эпоху перемен»², в которых сами люди описывали произошедшие в их жизни изменения и свои практики приспособления к ним, давали возможность прояснить некоторые неясности с формированием новых ценностных ориентиров (и, в частности, с мотивацией достижения). Прежде всего, нарративы давали возможность понять, какой вклад практики повседневной жизни (в том числе и называемые по результатам опросов населения «пассивными») вносят в эти изменения. Описывая содержательные характеристики разнообразных способов адаптации людей к произошедшим изменениям, нарративы иллюстрировали важное положение современной социальной теории. — Происходящие изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни, тактической активности групп и индивидов, адаптируются, становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются³.

Нарративы проясняли и еще одно положение социальной теории. Подходить к анализу адаптивного поведения людей с точки зрения активности и рациональности вряд ли оправданно. «Агенты в некотором роде, скорее, натываются на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»⁴. Это значит, что для объяснения такой ценности, как искомая мотивация достижения, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя иррационально. И мотивацию достижения надо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом⁵.

Нарративы говорили и о том, что адаптивные практики и, соответственно, сопутствующие им ценностные ориентиры нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых в период перемен практик

¹ «Человек советский» 10 лет спустя: 1989—1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг ОМ, 99, 3.

² На конкурс было прислано около 100 биографических нарративов. Его участниками были жители Санкт-Петербурга и некоторых городов Северо-западного региона разного возраста и разного социального статуса.

³ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85.

⁴ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

⁵ Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1.

были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, а затем превратились в массовые и легальные. И, если иметь ввиду их теперешнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если иметь ввиду историю их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже не новые. Такое переплетение старого и нового оказалось значимой характеристикой взаимосвязи практик и ценностных ориентиров. Это позволяло в описываемых респондентами адаптивных практиках прочесть не только историю их появления и мотивирующие их ценности, но и наиболее рельефные «узлы» этого переплетения, переплетения старых и новых практик, старых и новых ценностных ориентиров. И, тем самым, продолжить и дополнить исследование проблемы, как меняются социальные представления в переломные эпохи жизни общества, которая рассматривалась в предыдущих опытах анализа нарративов Фонда.

Анализ биографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» проводился в нескольких направлениях и на нескольких «мини-выборках»¹. Здесь я остановлюсь только на одном направлении — изменении представлений и ценностных ориентиров. Эти изменения наиболее рельефно были видны при сравнении нарративов двух групп участников конкурса — самых старших и самых младших — тех, кому во время проведения конкурса было за 60 и тех, кому тогда было не более 27 лет.

Как и следовало ожидать, нарративы участников конкурса старшего возраста иллюстрировали привычный для старших поколений ценностный порядок советской эпохи с декларированным приоритетом ценностей «высокой» культуры и духовности над ценностями материальными. Это проявлялось, когда в качестве альтернативы материальным трудностям адаптации к переменам они называли *«духовную сторону жизни»*, *«любовь к природе и чистому искусству»*, старались *«забыть материальную неустроенность, посещая филармонию и читая книги»*, кланялись *«нашей культуре — театрам, музеям, концертам»*, видели *«ценность жизни не в покупке нового ТВ, а в дружной и любящей семье»*.

Конечно, эта приверженность духовным ценностям прежде всего объяснялась возрастом наших респондентов, большую часть жизни проживших в другой культурной парадигме, нежели та, которую предложила ориентированная на прагматизм «эпоха перемен». Этот своеобразный идеализм наших респондентов можно было также рассматривать как результат российских «волн Просвещения», просветительских тактик, а не экономических процессов. И тогда его можно было назвать идеологическим конструктором, «привитым воображением».

Понятно также, что во многом эта приверженность духовным ценностям была вызвана разочарованием в произошедших переменах и являлась своего рода защит-

---

¹ Детальный анализ материалов этого биографического конкурса изложен в моих статьях: Практики и ценности в эпоху перемен (Анализ биографических нарративов конкурса «Жить в эпоху перемен») // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4; Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. № 9.

ной реакцией, желанием сохранить смысловую целостность жизни. Не случайно, что острее всего разочарование обнаружилось в нарративах образованных людей. Для большинства из них статусные ценности (престиж образования и профессии), завоеванные в прежнюю эпоху, оказались более значимыми, нежели рыночные, и они часто считали унизительным для себя быть прагматичными, поступаться этими ценностями ради денег. Но даже те из наших респондентов, кто не проявлял особой щепетильности в попытках адаптировать к переменам, часто сталкивался с проблемой тщетности собственных усилий для поддержания прежнего статуса, не говоря уже о серьезных социальных достижениях. Анализ этих попыток говорил о том, что потенциал декларируемых «эпохой перемен» прагматических ценностей натолкнулся на ряд ограничений. Возможности социально продуктивного поведения, которые обнаружались в меняющемся российском обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими из них вопрос о «цене достижения» — зачем «вкльывать».

Но наиболее серьезным ограничением для ценностной адаптации к переменам многих респондентов этого возраста оказалась необходимость нарушать привычные нормы и моральные запреты, так как потенциал самостоятельности и активности в эпоху перемен реализовался в неправовом институциональном пространстве, означающем доминирование неформальных «правил игры» над формальными¹. В этом пространстве в выигрыше часто оказывались не те, кто склонен к честной игре. И в результате даже имеющие востребованные профессии люди, активно принявшие перемены, но не желающие нарушать эти нормы и запреты, говорили о том, что они «не вписываются в рыночные отношения».

В свою очередь нарративы молодых участников конкурса свидетельствовали, что они легче, чем старшие, «вписываются в рыночные отношения». И хотя в их нарративах еще можно было найти романтические формулы, напоминающие идеализм старших (например, когда они говорили о ценности дружбы и любви или, по выражению одной из них, «до сих пор верят в эту скучную фразу — «не в деньгах счастье» и даже про «рай в шалаше»), акцента на противопоставлении материальных и духовных ценностей они не делали. Было достаточно очевидно, что рассказы молодых упорядочивает новая логика, в которой на смену романтизированным советской эпохой ценностям «высокой» культуры приходит жизнь, больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу идеологических конструкций.

Общий фон отношения молодых участников конкурса к переменам характеризовался тем, что жизнь для них стала более откровенной, менее прогнозируемой или, если использовать часто употребляемое ими выражение, «нескучной». При этом они открыто (иногда даже цинично) говорили о своих материальных интересах, что было немисливо для поколения их родителей. Можно ли, например, было представить, чтобы в советскую эпоху кто-то, будучи в возрасте двадцати с небольшим лет, гово-

¹ Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3.

рил о том, что нашел себе «через газету немолодого друга с достатком» и тем самым «решил материальные проблемы», или же о том, что «деньги лишними не бывают и все-таки стыдно быть бедным»¹.

Итак, результаты сравнительного анализа нарративов этих двух групп участников конкурса с очевидностью показали, что произошедшие в «эпоху перемен» изменения в ценностных ориентирах можно обозначить как переход от декларированного в советское время приоритета духовных ценностей (ценностей «высокой» культуры) над ценностями материальными к потребительской культуре, к прагматическим ценностям рыночного общества. Исследователи морали называют это переходом от традиционной морали, основанной на ценностях общности и неразвитости индивидуального начала, к рациональной морали современного социума, в котором поведение индивида прежде всего должно быть эффективным². Проблема, однако, в том, что этому переходу сопутствует не только востребованная происходящими переменами рациональность, но и нарастание таких озадачивающих характеристик морального состояния общества, как цинизм, эгоизм или (если употребить более мягкую форму) моральный релятивизм. О нарастании этих характеристик свидетельствует не только упрощенность прагматичных формулировок участников нашего конкурса, но и результаты целого ряда исследований последних лет. При этом перспективы развития рациональной морали тоже остаются неясными. Во всяком случае, предложение бороться с моральным релятивизмом «систематической моральной критикой рыночной экономики»³ кажется не очень убедительным.

Вместо заключения

Качественное исследование «документов жизни» не предполагает подведения специальных итогов. Представленное им «насыщенное описание» проблемы, иллюстрирующее «живой» опыт людей, окрашенный эмоциями и переживаниями, не настаивает на единственной интерпретации рассматриваемой проблемы и открывает возможность читателю вступить в диалог и продуцировать собственные гипотезы ее понимания.

Хотелось бы только подчеркнуть, что проблема, которую я пыталась здесь описать — это не только проблема «уходящей природы» советского общества. Иначе говоря, она не исчерпывается проблемой устойчивости идеологических конструктов советской эпохи, определявших мировосприятие многих поколений людей. Символическое насилие действует всегда и всегда есть некая норма адекватности индивида

---

¹ Проблема ценностного разрыва между участниками конкурса определялась не только возрастом. Были зафиксированы и другие различия. Например, оказалось, что молодым людям из образованных семей труднее «вписываться в рыночные отношения», чем из семей с низким социальным статусом.

² Бахштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социс. 2003. № 2.

³ Бахштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы. С. 12.

культурному порядку того или иного сообщества. В этой связи опять можно вспомнить положения теории дискурса, говорящие о заинтересованности власти в утверждаемых в обществе классификациях и нормах, о политике нормализации индивида¹. Другой вопрос, что меняется характер давления нормативных стандартов. Социальные и культурные различия все больше и больше оказываются под давлением потребительской культуры, которая тоже (как выясняется) носит репрессивный характер, не говоря уже о проблемах, которые несет глобализация. Социальные мыслители постмодернистской ориентации говорят о кризисе социальности, которую связывают с процессом индивидуализации и распадом структур традиционного общества. Так, Зигмунт Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество» очень точно подводит итоги происходящих сегодня изменений, убедительно доказывая, что в современном «индивидуализированном» обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба*, структурное принуждение².

---

¹ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5.

² Зигмунт Бауман. *Индивидуализированное общество*. М. «Логос». 2002. С. 66.

КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ*

Статья посвящена проблемам создания критериев качества качественного исследования. Предложен конструктивный подход к оценке концептуализации свидетельств информантов в предметной области анализа нечисловых данных. Сформулированы и разъяснены на примерах контекстно-ориентированные структуры кодирования нечисловой информации, позволяющие создать критерии алгоритмической связности аналитических процедур, выполняемых исследователем при концептуализации нечисловой информации. Показано структурное разграничение аналитических действий исследователя и агрегирования их результатов с помощью алгоритмов концептуализации. Критерий алгоритмической связности аналитических процедур представлен в виде семейства древовидных графов.

Анализ качественных данных, критерии качественного исследования, кодирование нечисловой информации

Введение

Одним из способов перевода информации из одного вида в другой является ее концептуализация, которая может осуществляться по-разному. Вот только некоторые примеры: создание аннотаций, резюме, аналитических записок и т. п., т. е. трансформация «длинного текста в короткий»; операционализация исследовательских понятий — доход, возраст, социальное положение и др., т. е. их приведение к виду переменных; замена лексического состава английского языка на его подмножество, названное Globish¹, при сохранении правил английского языка для этого подмножества. И т.д.

Во всех этих и многих других случаях возникает вопрос, насколько удачно осуществлен переход от исходной информации к ее редуцированному выражению. Этот же вопрос возникает в Анализе Качественных Данных (АКД)², но уже с учетом того, что концептуализация выполняется с помощью вполне конструктивного инструментального аппарата — функций кодирования [Kelle; Готлиб, с. 332 и далее; Каныгин, 2007]. Существующие подходы к решению этой проблемы, например, различные версии требования прозрачности, предъявляемого к аналитическим построениям качественного исследования [Готлиб, с. 117 и далее], существенно зависят от мето-

¹ См., например, <http://en.wikipedia.org/wiki/Globish> по состоянию на 12.04.2007 по состоянию на 12.04.2007.

² О предметной области этого исследовательского направления см. [Каныгин, 2007].

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 06-06-80237а)

дологических пристрастий аналитика. В силу такой зависимости сегодня социологи-качественники вынуждены сверять свои теоретические суждения не по научным критериям, а по «рецептам», формулируемым в самом общем виде [Готлиб, с. 118].

Такой провокативно-полемический способ оценивания аналитических процедур АКД делает чрезвычайно актуальным поиск структурных решений, позволяющих приблизить практики качественного исследования к однозначно понимаемым стандартам научности. В поиске подобных решений мною в предыдущих работах проанализированы различные методологические проблемы современного АКД. В публикации [Каныгин, 2007] изложен авторский взгляд на инструментальные средства и теоретические принципы этого направления социальной методологии. В работе [Каныгин, 2006б] проанализированы предложения по развитию конструктивного аппарата АКД, возникающие в рамках прикладного социологического исследования, построенного на объективистских и конструктивистских методах grounded theory.

В монографии [Каныгин, 2006а] центральное место занимает проблема неоднозначности (иначе говоря, многосмысленности) и контекстной обусловленности представлений, которые, с одной стороны, присутствуют в свидетельствах информантов, с другой, — создаются аналитиком в ходе анализа этих свидетельств. Для целей решения этой проблемы в работе впервые предложены контекстно-ориентированные структуры концептуализации — абстрактное понятие и контекстно-фиксированное разъяснение. Эти структуры лежат в основе целого семейства аналитических средств, позволяющих осуществлять детализированное контекстно-зависимое изъяснение разнообразных сюжетов качественного исследования. Преимущества предлагаемых структур в монографии продемонстрированы в виде новых методов анализа нечисловой информации — тезауруса неоднозначных терминов, иерархии контекстов, областей определения понятий, неоднозначных определений и др. [ibid., с. 182–197].

В ходе указанных исследований мною был сформулирован вывод о том, что актуальные проблемы качества качественного исследования обусловлены структурными моделями, которые используются для концептуализации нечисловой информации [Каныгин, 2007]. Так, один из главных конструктивных инструментов концептуализации — текст — наряду с явным достоинством «предметной универсальности» имеет ряд серьезных недостатков его применения для целей социального теоретизирования. Среди них: трудность соблюдения закона тождества для вводимых научных понятий, неясность механизмов метафорического использования словесных конструкций, отсутствие явных средств учета контекстов высказываний и др. [Каныгин, 2006в]

Целью исследования в данной публикации служит разработка методов применения ранее предложенных структурных моделей концептуализации нечисловой информации к созданию «методологически независимых» критериев оценки качества качественного исследования. Эти методы получили название Контекстно-Ориентированного (КО) АКД.

КО АКД представляет собой конструктивное решение проблемы оценки качества, осуществляемое без обращения к социальной методологии, в рамках которой проводится концептуализация. Этот эффект достигается за счет того, что в КО АКД

концептуализация выполняется не на основе традиционных функций кодирования¹, а с помощью более совершенных структурных моделей [Каныгин, 2006б]. Рассмотрим более подробно основания введения и возможности использования конструктивных средств КО АКД для решения проблемы критериев качества качественного исследования.

В своем рассмотрении я сосредоточиваюсь на предметной области АКД, иногда привлекая по мере необходимости другие качественные методы — grounded theory, метод незаконченных предложений и т.д. Такой акцент исследовательского внимания объясняется принципиальной причиной — я считаю АКД безусловно конструктивной методологией качественного исследования [Каныгин, 2007] — именно развитие ее структурных основ является нашей основной целью.

Концептуализация свидетельств информантов в анализе качественных данных

Напомним, что в АКД концептуализацией является перевод нечисловых свидетельств информантов (текстов, рисунков, аудиоматериалов) в форму понятий и отношений между ними, предлагаемых аналитиком.

Аппаратом концептуализации в АКД служит кодирование, т.е. совокупность конструктивных операций, включающих в себя фрагментирование данных, введение новых понятий (кодов), связывание понятий с фрагментами данных, построение иерархических отношений между понятиями, как правило, в виде древовидных графов [Каныгин, 2007].

На рис. 1 показано кодирование нечисловой информации на примере текстовых свидетельств информанта о плюсах и минусах совместного проживания с родителями (см. Каныгин, 2007; интернет-ресурс <http://onlineqda.hud.ac.uk/> по состоянию на 01.04.2007).

Критерии качества качественного исследования

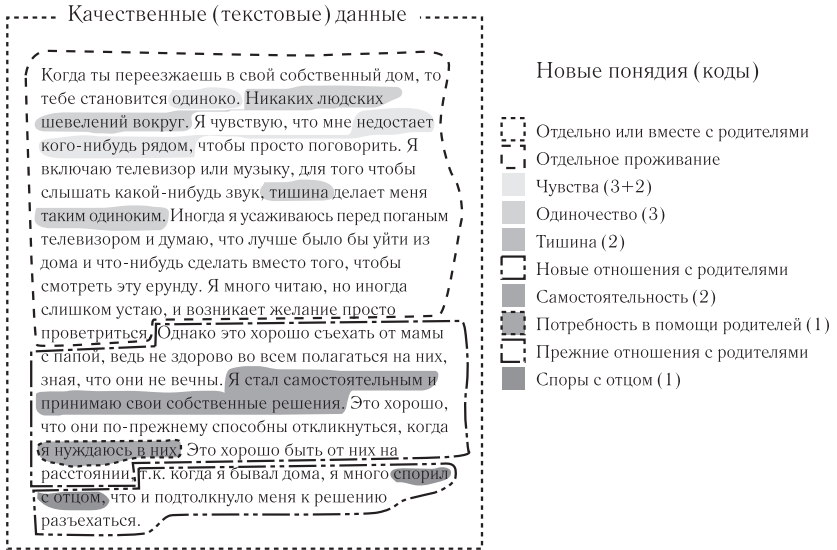
Недостатки функций кодирования

Как определить, насколько успешно проведено кодирование, т. е. насколько состоятельны предложенные аналитиком понятия и отношения между ними?

Свой ответ на этот вопрос я строю на простом наблюдении. В рамках самого АКД не предлагается каких-то специфических критериев качества. Исследователь сам назначает коды, сам связывает их в иерархические отношения, а со стороны аппарата АКД не существует никаких формальных (иначе — аналитических, алгоритмических

---

¹ Которые лежат в основе подавляющего числа компьютерных программ АКД, см. http://www.lboro.ac.uk/research/mmethods/research/software/caqdas_primer.html (по состоянию на 12.04.2007).

Рис. 1 показано кодирование нечисловой информации на примере текстовых свидетельств информанта о плюсах и минусах совместного проживания с родителями

ких) процедур, которые оценивали бы состоятельность усилий исследователя. Так, все понятия, показанные в составе древовидной структуры на рис. 1, равно как и отношения между ними, т.е. само «дерево» придуманы аналитиком. Эта аналитическая работа может быть выполнена как путем использования «карандаша и бумаги», так и с помощью компьютерного пакета, например, NVivo¹ о втором случае программные средства предоставят аналитику ряд полезных ассистирующих сервисов. Например, долговременное хранение и удобный доступ как к исходной информации, так и к вводимым им самим кодам, различные визуальные презентации анализируемых свидетельств, управляемые с помощью введенных кодов, поиск текстовых вхождений с учетом создаваемой древовидной структуры и т. п.

Однако, так же как в случае «карандаша и бумаги», компьютерный пакет оставляет на «методологической совести» исследователя оценку того, насколько оправдано введение именно тех концептов, которые использованы, в какой степени декларируемые отношения между введенными понятиями оказываются «выразительными» для понимания свидетельств информанта и т. п. Другими словами, именно ключевые «содержательные» проблемы концептуализации — научного ядра качественного исследования — остаются без ответа.

¹ <http://www.qsrinternational.com/DemoReg/DemoReg1.asp> (по состоянию на 12.04.2007)

В случае применения компьютерного пакета в составе социологического исследовательского метода такое положение кажется особенно удручающим по двум причинам. Во-первых, возможность полноценной работы с компьютерной поддержкой возникает после выполнения огромной предварительной работы по вводу значительных массивов информации. И отсутствие критериев работы с ней в значительной степени обесценивает этот кропотливый труд. Во-вторых, использование современных вычислительных ресурсов в качестве хранилищ информации без четких представлений о правилах оперирования с хранимыми данными ведет к совершенно справедливым нареканиям со стороны практикующих исследователей (см. [MacMillan and McLachlan]). И социология даже в эпоху бума информационных технологий оказывается на обочине технологического развития.

Критерии прозрачности

В условиях отсутствия аналитических критериев концептуализации нечисловой информации вполне естественным выглядит стремление методологов связывать оценки качества аналитических процедур концептуализации, выполняемых одним актором с мнениями об этих процедурах, высказываемыми другими акторами. Различные варианты реализации этой идеи приводит А. Готлиб [с. 117 и далее]. Например, «восприятие результатов исследования самим информантом» (с. 118), восходящее к постулату адекватности А. Шюца (Шюц, с. 186, цитировано по Готлиб). Другим примером служат «правила ответственных высказываний» [Бауман], требующих, чтобы «вся совокупность процедур, приведших к завершающим выводам и выступающих гарантом их обоснованности, была широко открыта для неограниченного общественного обозрения» [Готлиб, с. 121].

Взаимный контроль акторами, т.е. исследователями, информантами, заказчиками¹ тех аналитических процедур, которые применены для целей выражения «сырых» свидетельств, несомненно, является перспективным инструментом развития методов качественного исследования. Возможность такого контроля может быть названа прозрачностью самого изыскания — необходимым условия других признаков научности: воспроизводимости результатов, возможности их распространения, различных оценок соответствия и т. п.

Терминологическая неопределенность критериев прозрачности

Однако на пути воплощения критериев прозрачности оказывается неясность — в каких понимаемых терминах формулировать такие критерии?

Пытаясь ответить на этот вопрос, заметим, что все выше цитированные исследователи говорят прежде всего о проблемах согласования аналитических процедур, т.е. концептуального аппарата качественного исследования, а не о переводе языка

---

¹ А если иметь в виду практические перспективы развития АКД, то и гражданами, институтами власти, представителями гражданского общества и т.д.

информанта на язык науки. Это и понятно: прежде чем заниматься переводом потока сознания информанта на язык научных представлений, необходимо предложить собственно аналитические (формальные, структурные) средства — таково общее требование научности исследовательской работы.

Однако методолог, стремящийся к созданию подобных средств, сразу же сталкивается с неприятным научным фактом. В современном АКД оценка качества концептуализации находится в явной зависимости от методологических пристрастий исследователя. На сайте <http://onlineqda.hud.ac.uk/> приведены более двадцати характерных подходов, принятие любого из которых обуславливает оценки концептуализации. Среди этих подходов: акторское исследование, аналитическая индукция, биографический метод, конструктивизм, этнометодология, интерпретативный феноменологический анализ и др.

В социальной методологии при анализе проблем концептуализации по-прежнему широко распространены естественнонаучные идеи валидности (validity), надежности (reliability) и обобщаемости (generalisability). Валидность предполагает, что результаты концептуализации действительно отражают явления, наблюдаемые посредством данных. Надежность предполагает, что результаты, полученные с помощью анализа качественной информации, могут быть повторены различными исследователями. Обобщаемость означает возможность переноса результатов анализа, полученных для отдельных случаев, на более широкую совокупность явлений.

Несмотря на обоснованную критику естественнонаучных подходов со стороны представителей качественной методологии (см., например, убедительную аргументацию Б Фливеберга [Фливеберг]), указанные позитивистские взгляды доминируют в практике социального исследования [Charmaz]. Одной из причин этого мне видится конструктивность представлений, на которых они основаны. Эти представления хорошо известны: признаковое пространство, точки-респонденты, исследовательские понятия в виде переменных, однозначные значения переменных, не зависящие от социального контекста и социального актора и т.п. С их помощью удается сформировать исследовательские практики больших научных сообществ, безотносительно к тому, насколько удачно используемая терминология выражает гуманитарную природу сюжетов, описываемых с их помощью.

При наличии таких «научно работающих средств» позиция адепта непозитивистской методологии явно проигрывает, т.к. при отставании своих взглядов он часто (см. [ibid.]) просто отказывается от поиска собственных структурных решений. Конечно, такой отказ компенсируется разработкой собственных исследовательских техник. Так, Б Фливеберг убедительно развивает методологию case-study в исследовательских техниках, основанных на предварительном обучении и последующем использовании эксперта в качестве инструмента получения контекстно-зависимого, но структурно неформального знания. Датский исследователь показывает, что case-study позволяет во многих случаях получить решения, более глубокие в своем выражении изучаемого, чем при классической ориентации на структуры, правила и теории.

Между тем в подобной практике непозитивистского развития есть один нюанс, который, на мой взгляд, недооценивается. Развивая собственные методы, даже избе-

гая разработки для них традиционного аналитического выражения, адепт качественной методологии гипертрофированно воспроизводит в своем подходе позитивистский мотив. Речь идет об установке на существование «объективной истины», подлежащей изучению средствами науки. Дело в том, что особенно в социологии структурные модели нужны не только для того, чтобы, действуя в классическом позитивистском смысле изучать «объективно сущее» на «неограниченную глубину».

В социальных науках не менее важной задачей, в решении которой трудно переоценить роль структурных моделей, является конструирование самой социальной реальности. Одной из наглядных сфер такой конструктивистской деятельности является масс-медиа (см. [Ясавеев]). Эта конструктивистская составляющая современной науки вполне осознана, например, в виде объективистских и конструктивистских методов grounded theory [Charmaz]. В этих условиях приходится думать не только о том, как познать происходящее с помощью экспертов, но и как передать это понимание большому числу лиц, которые никогда экспертами не станут.

В контексте конструктивистского развития качественной методологии критерии прозрачности нужны не столько для того, чтобы свидетельствовать о «научной правильности» аналитических процедур, сколько для побуждения акторов (в первую очередь, конечно, экспертов) к непротиворечивому изложению своих знаний. Ибо без такого изложения, понимаемого другими социальными акторами, в значительной степени обесцениваются усилия по достижению глубокого понимания отдельных случаев и другие предложения качественной методологии.

Мне кажется, что для исправления этой ситуации придется заняться разработкой специальных, ныне не существующих структурных инструментов качественного исследования. В этой связи рекомендации А. Готлиб по повышению требований к стандартам публикаций [Готлиб, с. 121–122], при всей безусловной полезности их воплощения, выглядят не достаточно радикальными.

Информационная природа терминологических трудностей критериев прозрачности

На мой взгляд, «терминологические» трудности, возникающие в рамках качественных подходов, могут быть поняты более конструктивно, если рассматривать АКД в качестве самостоятельной методологии, структурную природу которой следует воспринимать через призму известных проблем работы с информацией. Однако в этом восприятии следует опираться на анализ конструктивных средств, которые оказываются задействованными в практике качественного исследования. В такой редакции «терминологические» трудности аналитиков могут возникать из-за того, что исследователь вслед за информантом оперирует огромными массами представлений [Каныгин, 2007], через которые он пытается выразить сюжеты, оказавшиеся в центре их общего внимания.

Такой информационный взгляд позволяет перейти от эмоционально окрашенного восприятия качественной методологии к более выверенным и конструктивным средствам ее выражения. Обычно проблема качественного исследования осозна-

ется через столкновение «жизненных миров» (языков, смыслов и т. п.) информанта и аналитика, обнаруживаемых последним при его коммуникации с первым. Так, А. Готлиб [с. 281 и далее] убедительно передает психологический шок, который возникает у образованного человека при знакомстве с рассказом простой крестьянки о своей жизни. Попытка осмыслить такой шок с помощью приемов, уже наработанных в собственном жизненном мире аналитика, приводит последнего к осознанию, что типичное суждение информанта не соответствует канонам не только научного, но и литературного языка [ibid.].

Дальнейшее рассуждение о несходстве «жизненных миров» сталкивает социолога-качественника с разрешением дилеммы, кто он «на самом деле»: «практический участник» или «теоретизирующий наблюдатель»? И тут оказывается, что ни поток сознания информанта, ни правильный литературный текст аналитика не являются приемлемыми для социолога-качественника (см. [Готлиб, с. 283 и далее]). Ни то, ни другое не позволяет гуманитария удовлетворительно самоидентифицироваться с процессом взаимодействия «жизненных миров», в который его погружает его же познавательная инициатива. Судя по описанию этого процесса [ibid.], он способствует формированию исследовательских ожиданий относительно возможностей выхода из «потоково-литературной» дилеммы, которые оказываются вполне в духе конструктивистской методологии: учет собственного мнения актора; использование его представлений, а не навязанных неведомым ему культурным контекстом; осознание механизмов противления человека общим стандартам, вменяемым ему другими и т. п.

Осмелюсь думать, что в основе этих ожиданий, обычно связанных с яркими, но далеко не всегда приятными (см. *ibid.*, с. 284–285) эмоциональными оценками, лежит теоретическая проблема, вполне понимаемая в научных терминах. И поток сознания информанта и литературный язык его ученого реципиента сопряжены с огромной неструктурированной массой неожиданных ракурсов и утверждений. И тот и другой актор в процессе коммуникации, прежде всего, обречены на «переживание» невообразимых объемов информации, которую они хранят просто потому, что человек в реальных условиях строит свои действия с учетом огромного разнообразия факторов. Здесь и материальные условия, и социальный контекст, и собственные привычки и многое-многое другое, что далеко не всегда поддается даже упоминанию.

Таким образом, с одной стороны, — человек, с точки зрения информатики, для полноценного описания своей реальной жизни в условиях коммуникации с другим человеком вынужден оперировать огромными объемами информации.

С другой, — человек в тех же условиях осмысленно воспринимает очень небольшое «число позиций», которых явно недостаточно с точки зрения сколько-нибудь адекватного воспроизведения сюжета. Профессиональным социологам хорошо известно, что при анкетировании не рекомендуется использовать шкалы ответов, охватывающие более семи пунктов. Традиционно предпочтительным считается использование трех или пяти позиций, которые описывают возможные реакции респондента при ответе на анкетный вопрос. Такое рекомендуемое ограничение объясняется практическими трудностями одновременного восприятия человеком большего числа альтернатив.

На мой взгляд, эти трудности обусловлены не столько тем, что человек «неполно» воспроизводит сюжет своего внимания, сколько тем, что ему необходимо суметь привести воспринимаемое к виду, понимаемому другим актором¹. Именно решая задачу социальной коммуникации, любой человек (информант, заказчик, чиновник, обыватель и т.д.) оказывается в действительном затруднении, т.к. единственным критерием в решении этой задачи является его собственный произвол. Именно отсюда возникает несоответствие «языков», в основе которого лежит умопомрачительное несходство структур информации: одна из них используется актерами при осуществлении своих действий, а другая применяется для целей их выражения при коммуникации².

Неминуемо оказываясь перед необходимостью согласования языков действия и коммуникации, социолог-качественник попадает в трудное положение. Драматизм ситуации состоит как раз в том, что, владея литературным языком, он не в состоянии указать понимаемые структуры, с помощью которых хотя бы в перспективе станет возможно согласовать «смыслы», «жизненные миры» или другие догадки о том, на основе чего взаимодействуют акторы.

В этой ситуации ему вряд ли могут помочь «большие» социальные теории. Именно отсутствие конструктивных решений сводит на нет многие теоретические прозрения классиков и их адептов. Например, вполне оправданно ожидать, что,

¹ В частности, этим «другим актором» может быть он сам, например, при чтении своих дневниковых записей.

² Таким образом оказывается, что не различие языков, на которых говорят информант и исследователь, следует считать научной проблемой качественного исследования. Такое различие, возникающее в результате несходства культурологических или социальных условий жизни этих лиц, конечно, может приводить к психологическому шоку при знакомстве с миром контрагента по коммуникации. Однако этот шок может разрешаться по-разному, например, обучением респондента или ссылкой аналитика в среду жизни своего информанта. В связи с несходством «жизненных миров» небезынтересно вспомнить литературный язык А. Платонова, например, в романе «Чевенгур». Создается впечатление, что образованный человек оказывается вполне в состоянии воспроизвести «другой язык» информанта. Особенно поучительным выглядит почти полное отсутствие «формально логических» связей в исполнении персонажей. Различные «поэтому», «так как», «если, то» и т. п. оказываются просто не нужными, т. к. поток сознания «идет от сердца». Вероятно, такой поток действительно не структурируется в соответствие с привычками, формируемыми литературным языком и заставляющими актора активно сопоставлять отдельные его части.

Отсутствие в несходстве жизненных миров принципиальной научной проблемы подтверждается также тем обстоятельством, что, несмотря на все отличие «иног культурного мира» [Готлиб, с. 281] от мировоззренческой среды аналитика, последний все же оказывается в состоянии понять «многое из того», о чем свидетельствует первый. При стремлении увидеть в АКД науку мне кажется важным осознать единые трудности информанта и аналитика, возникающие в тот момент, когда они пытаются выразить огромную гамму мироощущений с помощью традиционного конструктивного ресурса — речи, застывающей в тексте. Не столь важно, что в одном случае — это странички из школьной тетрадки, в другом — многотомная энциклопедия. И тот и другой испытывают большие мучения, когда «протаскивают» то, что они хотят сообщить через узкие ворота своего «говорения».

рассматривая качественное исследование как собрание научных методов, мы вправе рассчитывать на соблюдение акторами правил формальной логики (см. Готлиб, с. 120, постулат рациональности А. Шюца). Однако, в каких терминах должна существовать упомянутая логика, если, как свидетельствует практика качественного исследования, аналитик «очень затрудняется» при воспроизведении «культурно иного мира» информанта?

Еще один пример, основываясь на общей идее коммуникационного взаимодействия в качестве основы образования смыслов (вещей, things) [Blumer], методологи разъясняют свое видение проблемы критериев с точностью до таких терминов как «значение интерпретируемого», «корректное толкование», «глубина понимания» и т. п. (см. [Хабермас], с. 44; [Newman]; цитировано по Готлиб, с. 117). Но вновь, как и в случае термина «формальная логика», возникает вопрос, в каких структурных моделях воспроизводить эти теоретические лексемы?

Практика решения проблемы «большого контекста»

Зададимся вопросом, нельзя ли общую идею коммуникационного взаимодействия понять более конструктивно, исходя из научной проблемы несоответствия языков действия и коммуникации?

С точки зрения теории информации, человек в процессе коммуникации применяет слабопропускной (иначе — узкополосный, маломощный) канал связи, очевидно недостаточный для передачи той информации, которую он явно или неявно употребляет при своих действиях в описываемых им ситуациях. Для того чтобы понять это наблюдение достаточно вспомнить практику полевой работы, осуществляемой в качественном исследовании. Бесчисленны примеры того, как информант «укладывает» всю свою жизнь в несколько страниц текста.

Однако актер вынужден это делать, т.к. «обычай, деспот меж людей» предписывает ему использовать аппарат передачи звуков — речь, приспособившая его для целей обозначения понятий (Каныгин, 2007, Работа с понятиями). Выход из этой ситуации для человека «очень прост». Аналогично любой компьютерной программе-паковщику (rar, zip и др.), человек при воспроизведении сюжета шифрует информацию. Наглядным и практически используемым результатом такой шифровальной деятельности повсеместно оказывается текст.

На сегодняшний день развитие АКД происходит в условиях «когнитивной непроницаемости», т.е. невозможности моделировать «шифровальную функцию» человека [Каныгин, 2007]. Поэтому лучшее, на что можно рассчитывать при построении критериев концептуализации в качественном исследовании — введение структур, ориентированных не на выражение «смысла» в существующем тексте, а на его конструирование самим актором в условиях детализации своей позиции. Выражая собой конструктивистские мотивы совершенствования социальной методологии, эти структуры призваны, во-первых, упорядочить процесс шифрования, во-вторых, побудить актора к скрупулезности и систематичности изложения своего мнения [Каныгин, 2006б]. Такие структуры следует рассматривать в качестве конкурента текста —

традиционного инструмента качественного исследования [Каныгин, 2006в]. Сопоставляя предложенную метафору шифрования информации с проблематикой АКД, можно сказать, что текст — это результат шифрования конкретным актором своего опыта¹.

«Концептуальное шифрование»

Призывая к совершенствованию структурных инструментов качественного исследования, я отдаю себе отчет в том, что социальные исследователи вполне понимают важность совершенствования аналитических процедур для развития качественной методологии. Однако, как правило, предлагаемые коллегами решения артикулируются с помощью естественного языка и его конструктивного выражения — текста. Одним из принципиальных недостатков текста в качестве инструмента как изъяснения свидетельств, так и их аналитических обобщений служит его неэффективность при выражении умолчаний [Каныгин, 2006в]. В результате методологические нововведения сами оказываются «концептуально зашифрованными», т.е. структурно неформальными. В таком виде их трудно считать аналитическими процедурами качественного исследования. Прежде чем рассмотреть это утверждение на ряде примеров, отметим, что вербальные приемы «концептуального шифрования», конечно, не ограничиваются этими примерами, а являются неотъемлемой частью всей качественной методологии.

В монографии А. Алексеева [2005, с. 315] читаем: «Предметом социологии является — человек в обществе и общество в человеке.» Здравый смысл подсказывает, что для понимания подобного определения необходимо выполнения, по крайней мере, двух условий. Во-первых, как помыслить («уместить в голове») каждую из отчетливых составляющих определения. Во-вторых, каким образом воспроизвести отношение между ними. В качестве таких составляющих в данном случае служат понятия «человек» и «общество», а ключевое отношение между ними установлено с помощью предлога естественного языка «в».

На мой взгляд, первые же попытки представить выделенные составляющие приводят к оторопи перед их «фантастическим объемом», который предполагает у человека явно завышенные интеллектуальные ресурсы. Эти ресурсы² должны были бы позволить ему воспроизвести множество представлений, которые автор связывает, например, с термином «человек». Тут же возникает вопрос, а как сам автор сумел установить эти ассоциации для себя? Ответом как раз и является «когнитивно непериодицизируемый» механизм шифрования, который скрывает за единственным термином

---

¹ В контексте этой аналогии стоит отметить, что методы шифрования меняются от одной программы к другой, поэтому если есть гаг, то есть и шпга, аналогично с парой zip — unzip. Другими словами, расшифровка информации осуществляется с учетом правил ее шифрования.

² Конечно, если оставаться на почве науки, т.е. стремиться выражать информационные потоки явным образом.

немалый объем концептуальных умолчаний. Вполне очевидно, что автор способен воспроизвести часть из них, но вряд ли стоит рассчитывать на то, что такое воспроизведение удовлетворит читателя. Просто по причине существования заведомо огромной концептуальной лавины, неминуемо обрушиваемой на читателя при «раскопке» подобных терминов.

Кроме того, использование естественного языка, сколь бы «естественным» оно ни казалось автору подобного определения, ставит перед читателем проблему — что значит, например, это «в» применительно к отношению между человеком и обществом?

Сам автор совершенно справедливо считает свое определение метафоричным. Но трудно согласиться с тем, что недостатком этого определения является его неполнота, возникающая как следствие метафоричности [Алексеев, с. 315]. Учитывая, что, согласно классической теореме Геделя любая формальная система является неполной, вряд ли стоит трактовать неполноту социальной теории как недостаток. После результата Геделя это уже факт, на который следует отыскивать адекватную методологическую реакцию.

В этой связи, с моей точки зрения, недостатком подобных определений оказывается отсутствие в них ясного указания на конструктивные средства, с помощью которых неполнота может быть введена в рамки, признаваемые достаточными для воспроизведения сюжета всеми акторами, на которых рассчитано подобное определение.

В современной социальной методологии широко распространена общая идея grounded theory, согласно которой прояснение аналитических процедур может быть достигнуто за счет сравнений отдельных «единиц» (анкет, выводов, гипотез, сюжетов и т.п.) самого исследования. Зачастую такие сравнения артикулируются в виде вопросов, без какого бы ни было предварительного структурирования используемых в них терминов. Например, «являются ли методы исследования соответствующими природе исследовательских задач?» (см. [Silverman, с. 177, цит. по [Готлиб]). Другой пример, в котором указаны самые общие мотивы такого структурирования: «различные вопросы могут основываться на объективистских и конструктивистских основаниях»¹. [Charmaz, с. 19²]

В связи с этой общей идеей проводить «вопросные атаки» мне кажется поучительным иметь в виду характерное утверждение К. Чармас: «процессы кодирования и категоризации формируют для исследователя саму возможность задавать вопросы по поводу анализируемой информации»³ [ibid.]. Характерным оно представляется в виду своей непоследовательности в трактовке проблем конструктивизации аппарата качественного исследования. С одной стороны, отчетливо декларируется первостепенная важность структурного представления сюжета, который подвергается качественному

¹ Different questions can flow from objectivist and constructivist starting points.

² Нумерация страниц дана по копии статьи, любезно присланной мне ее автором.

³ Coding and categorizing processes sharpen a researcher's ability to ask questions about the data.

исследованию. С другой, — смешиваются два по-разному структурированных процесса: кодирование, имеющее вполне ясное формальное представление, и категоризация, описанная в тексте самой американской исследовательницы в виде вербальных разъяснений, противопоставляемых кодированию без предъявления каких бы то ни было структурных моделей.

В такой ситуации структурной неопределенности аналитических процедур качественного исследования его «эмерджентно неструктурированная природа» часто разъясняется с помощью естественного языка. Подобный подход, как правило, развивается на идеях контент-анализа, т. е. существования инвариантного «содержания», перекочевывающего из свидетельств информантов в аналитические построения исследователя [Каныгин, 2007]. Конечно, такое методологическое кредо не может привести к структурным решениям, способным закрыть проблемную критериальную оценку аналитических процедур, выполненных с помощью вербальных разъяснений. Просто потому, что естественный язык — слишком ненадежный инструмент теоретизирования [Каныгин, 2006в]. Однако, увлекаясь конкретным методом, его адепт склонен не замечать, что предписываемые методом действия выполняются в режиме «карандаша и бумаги». Тем самым внимание социолога-качественника отвлекается от проблем совершенствования научного аппарата качественного исследования.

Рассмотрим для примера метод неоконченных предложений (МНП). Вновь подчеркну, что я не оспариваю эвристическую ценность метода [Каныгин, 2007], т. е. его способность наталкивать исследователя на неожиданную вербальную интерпретацию анализируемого текста. Мой анализ направлен на выяснение причин, по которым конкретный метод, рекомендуемый для применения ведущими аналитиками, не позволяет предложить понимаемые критерии научности исследовательских процедур. Ввиду ограниченного объема публикации я формулирую лишь отдельные замечания по ключевым пунктам анализируемого метода, причем соотнося их с предметной областью АКД и проблемами конструктивизации научного аппарата качественного исследования.

Методологические задачи, на решение которых нацелен МНП, традиционны для предметной области анализа нечисловой информации: прояснение смысла высказываний информанта, обоснование аналитических операций, агрегирование отдельных высказываний и т.п. Однако при сделанных выше оговорках вызывает сомнение конструктивность научного аппарата, с помощью которого сторонник метода стремится прийти к их решению. Например, исходная трактовка понятия данных для МНП выглядит так: «слабо структурированные данные — это данные, существующие в текстовой форме, но специально организованные» [Татарова, 1.3, с. 32].

В чем состоит неясность, если попытаться соотнести это определение с тем, как видятся данные в АКД? Главное отличие в безусловной конструктивности представления о данных в АКД и проблематичности такого утверждения относительно МНП. В АКД конструктивная определенность нечисловых данных возникает за счет строгих определений форматов¹. Однако сравнение словесных разъяснений, используемых в контексте

---

¹ Термин «формат» используется и при построении МНП [Татарова, 2004, с. 36, 68, 77, 134 и т.д.]

МНП, с конструктивными определениями систем управления базами данных, не оставляет сомнения, что формат «тут и там» не более чем омонимы. В этом еще раз убеждает следующее определение: «Под форматом (моделью, системой) открытого вопроса автор понимает форму существования и использования некоторого логического конструкта (хотя сам автор этого термина не использует)» [Ibid., с. 134].} полей данных и функций кодирования¹. И эта определенность настолько отчетлива, что выделяет пакеты АКД в отдельный класс программных средств на фоне множества систем управления базами данных (СУБД) — Paradox, Oracle, Informix, Open Access и др., существовавших как специальные машины работы с данными еще до появления программ АКД.

Если следовать тем же стандартам конструктивности, то в определение данных не может быть включено указание на их заведомо слабую структурированность, т.к. расчлененность или структура информации непосредственно возникает в ходе ее анализа². Это достигается за счет действий исследователя, который, вводя все новые и новые коды, превращает данные из «слабо» в «сильно» структурированные. С точки зрения сторонника АКД, зависимость представления о данных от действий аналитика отнимает у МНП функцию системы координат [Каныгин, 2007, функции системы координат], что вряд ли стоит приветствовать при разработке научного метода.

Дело не спасает упоминание о социологических методах как об источнике данных в качестве разъяснения того, что такое «слабая структурированность» [Татарова, 2004, с. 32]. Опять же социологический метод, как правило, излагается в виде словесных рекомендаций, что является явно недостаточным для целей создания конструктивной социальной методологии. Конечно, можно вслед за Б. Глэйзером воскликнуть «все есть данные» [Glaser, 2002], но тогда вновь приходится искать ответ на вопрос, почему *worrisome accuracy problem*³ [Glaser, 2003] так и не была решена отцами-основателями grounded theory и ее многочисленными сторонниками.

Понятна структурная модель текстовых данных, но что такое «специальным образом организованные»? Возможно, что в этом кроется конструктивное определение «слабой структурированности»? Из описания в [Татарова, 1.3] понятно, что «специальным образом организованные» является так называемым «определением вперед», имеющим формальные аналоги в программировании (*forward declaration*). Такие определения обозначают что-то, подлежащее дальнейшему уточнению. И такое уточнение, действительно, приводится в 5.1 и 5.2 при разъяснении МНП.

¹ Поэтому для АКД в принципе не очень важно, для какой информации проводить кодирование, а к нечисловым данным относятся также, например, графические файлы (см. Atlas.ti.) [Каныгин, 2007]

² Кстати, это — одна из основных идей grounded theory — определять данные в ходе самого исследования, что, собственно, и дает название всему методологическому направлению. Но приводит к большим трудностям при конструктивизации предложений, развиваемых на основе grounded theory. Часть этих трудностей указана в [Каныгин, 2006б].

³ На мой взгляд, для этого словосочетания, также как для «grounded theory» трудно найти удобочитаемый и краткий перевод. Из-за неумения указать лучшую версию приведу буквальный вариант: «тревожащая проблема соответствия».

Однако сразу же возникает сомнение в том, что, предложив собственное определение одного из базовых понятий современной социальной методологии и компьютерных технологий, сторонник МНП полностью отдает себе отчет в том, на совершенствование каких научных инструментов он невольно претендует. В подобной ситуации переопределения справедливо ожидать, что метод включает в себя структурные модели, соответствующие существующим мировым стандартам, задаваемым такими классами программных продуктов как СУБД и пакеты АКД.

Посмотрим, насколько оправдывается такое ожидание при анализе собственных понятийных конструкций МНП. В этом рассмотрении я исхожу из простого постулата. Аналитик, стремящийся к развитию научных методов в области качественного исследования, поступит не вполне корректно, если, стремясь выразить мнения других людей, не решит проблем работы с собственными представлениями.

На мой взгляд, в МНП как раз возникают принципиальные проблемы оперирования с собственными терминами. Вспомним некоторые базовые утверждения: элементарное обоснование, совокупность элементарных обоснований отдельного респондента отражает структуру его индивидуального образа, группировка элементарных обоснований в группы, построение пирамиды обобщений и т.п. [Татарова, 5.2]

Общая трудность работы с представлениями МНП состоит в том, что понятия называются, но для их научной экспликации (см. А. Готлиб, с. 28–29) не предлагаются никаких собственных структурных моделей. В результате изображенные с помощью текста термины не позволяют выйти за пределы конструктивных возможностей традиционных техник работы с текстом. В частности, поэтому метод не в состоянии предложить никаких собственных средств работы с большими объемами концептуальной информации, неизбежно появляющейся при изучении нестандартизованных мнений людей.

Отказ от работы с понятиями при разработке собственно МНП создает серьезные трудности при соотнесении этой методологии с существующими наработками. Например, как соотнести пирамиду обобщений с родовидовым наследованием, характерным для построения тезаурусов в математической лингвистике?¹ Неужели объемы элементарных обоснований, выполняемых информантами, так велики, что не хватает мощностей современных компьютеров для выполнения индивидуальных сравнений? И т. д.

Ориентация на естественные языковые ресурсы своего конструирования заметно ограничивает сами эвристические возможности МНП. Например, не вызывает сомнения, что одной из актуальных исследовательских задач, для решения которой предназначен метод, является обоснование встречающихся суждений. В МНП это обоснование осуществляется с помощью единственного конструктивного ресурса — текста. Респондент предъявляет исследователю текстовую конструкцию, которую аналитик в своих терминах считает выражением «субъективного опыта» респондента. Но у аналитика нет структурных моделей, с помощью которых он мог бы для

---

¹ См. <http://project.phil.pu.ru/RussNet/> (по состоянию на 01.05.2007)

целей обоснования сопоставлять субъективный опыт разных информантов. «Совокупность элементарных обоснований отдельного респондента отражает структуру его индивидуального образа, но для сравнения респондентов и разбиения их на группы (однотипных) эти обоснования не пригодны.» [Татарова, с. 144]. Поэтому адепты МНП будут «обрезать» этот опыт, неконтролируемо заменяя многообразие индивидуальных жизненных ситуаций на «пространство» возможностей метода.

Принятие естественного языка в качестве «инструмента моделирования», с помощью которого излагается, в частности, сам метод закрывает для его адепта возможность воспользоваться современными конструктивными средствами. Как и следовало ожидать, «определение вперед» явно не оправдывает возлагавшиеся на него надежды. Это ясно видно из анализа того, что считается недостатками МНП. «Метод неоконченных предложений, как и любой другой метод, имеет свои недостатки. Основные из них: влияние ситуативности на ответы респондентов, трудоемкость процедуры анализа данных. Первый недостаток ограничивает применение метода в массовых опросах, сужая предметное поле его использования. Что касается второго, то уменьшение трудоемкости достижимо при наличии методики анализа и соответствующих пакетов программ.» [Татарова, с. 136]. Я бы считал эти понимаемые трудности следствием отсутствия структурных решений, с помощью которых можно как организовать учет ситуативности, так и устранить неопределенность методики анализа.

Собственное неумение работать с большими объемами информации адепт МНП склонен выставлять в качестве объективной причины, заставляющей его по своему усмотрению модифицировать суждения информанта. Да, при помощи текста практически невозможно оперировать с возникающими концептуальными массами. Но это не значит, что социолог в традиции позитивистской методологии должен стать модератором своего информанта. Во всяком случае, мне ближе качественная традиция, которая готова отстраниться даже от культуры¹, если понимает, что та становится источником насилия (ср. [Готлиб, с. 284]).

Отдельно стоит сказать о надежде на существование «соответствующих пакетов программ»². В современном АКД широкое распространение получили компьютерные программы. Причем не только профессионально написанные коммерческие пакеты, скажем, NVivo или Atlas.ti³, но и большое число мало кому известных «самодельных» разработок. Я вижу две главные причины такого компьютерного бума в области АКД. Бесспорно, таким образом появляются полезные ассистирующие возможности изучения нечисловых свидетельств, выходящие за пределы как методик «карандаша и бумаги», так и возможностей текстового редактора. Однако, не менее важно, что компьютерная программа служит безусловным подтверждением конструктивности

¹ В такой интерпретации разумной выглядит идея использовать для расшифровки текста того же актора, который этот текст создал. Однако еще более привлекательной кажется замена текста на более совершенный инструмент шифрования, отвечающий конструктивистским мотивам развития конструктивных средств качественного исследования.

² Которая, возможно, есть не что иное как совокупность речевых практик, подобных МНП.

³ <http://www.atlasti.com/> (по состоянию на 01.05.2007)

собственного подхода, изобретаемого в области АКД. И многие гуманитарные ученые хотят проверить свои исследовательские взгляды с помощью не вербальной, а научной методологии.

В качестве «соответствующих программ» в данном случае могут выступать и текстовый процессор, и электронная таблица, и система управления базами данных и любая другая программа, в которой поддерживается работа пользователя с текстом.

Если все же рассчитывать на пакет АКД в качестве средства, снижающего трудоемкость анализа текстов, то следует отдавать себе отчет в том, что достижение этой цели возможно только в долговременной перспективе. Сегодняшнее применение программы АКД для изучения текстов также трудоемко как раз из-за того, что пакет способствует вводу в круг внимания исследователя больших объемов информации, в значительной части порождаемой им самим. Но конструктивные ресурсы ее обработки остаются недостаточно развитыми [Каныгин, 2007]. В результате исследователь просто не справляется с отслеживанием контекстов, умолчаний и других естественных языковых неясностей, хотя тратит большие усилия на поддержание непротиворечивости аналитических конструкций.

Снижение трудоемкости качественного исследования на основе компьютерных технологий видится за счет двух главных ресурсов. Во-первых, организации непротиворечивого повторного использования научных представлений. Эти представления могут возникать как в процессе концептуализации уже существующей нечисловой информации, так и непосредственно за счет предоставления самому информанту доступа к аналитическому аппарату. Во-вторых, «распараллеливания» процесса создания этих научных представлений, т.е. предоставления каждому актору конструктивных средств, позволяющих как выражать «собственные обоснования», так и согласовывать их с мнениями других акторов. Однако для развития этой перспективы, в первую очередь, необходим специальный конструктивный аппарат АКД.

Вывод

Проведенные рассуждения позволяют утверждать, что исходной проблемой создания критериев качества концептуализации в АКД является разработка структур кодирования, которые позволяли бы предложить правила, позволяющие индивидуальному актору эффективно отслеживать формируемую им самим массу концептуальных представлений. Анализ конструктивистской ветви развития grounded theory [Каныгин, 2006б] показал, что при таком отслеживании аналитик стремится учесть контексты высказываний информантов, явно проследить умолчания, всегда присутствующие в свидетельствах, а также недвусмысленно соотнести высказывания и человека, которому это высказывание принадлежит.

Выполненный анализ, конечно, не может привести к конкретному виду искомым структур. Поэтому, излагая далее одно из возможных решений, я всего лишь конструирую собственный смысл конструктивистской методологии, а не открываю научные истины.

Структурное совершенствование техник кодирования

В реализации идей внедрения новых структур кодирования в АКД исходно важно осознать преходящую роль текста в качестве коммуникационного ресурса. Современный АКД разделяет роли «информанта» и «аналитика», тем самым отдавая последнему право концептуализации. Однако, учитывая постепенность развития средств социальной коммуникации, полезно помнить социальные условия, при которых только часть людей умела писать или только часть людей читала книги. Эти ограничения доступности информационного ресурса для членов общества оказывались непременно зависимыми от «качества» самого информационного ресурса.

Каждый раз смена инструмента коммуникации происходила в результате появления «медийного конкурента», более эффективного в определенных контекстах использования — письменность вместо устной речи, книгопечатание вместо рукописи, текстовый редактор вместо пишущей машинки и т.д.

Аналогично обстоит дело с текстом — в качестве научного инструмента он живет до поры своей замены более совершенным ресурсом коммуникации. А при такой замене роли «информанта» и «аналитика» унифицируются в единой роли «актора», который не столько «информирует» и «анализирует», подразумевая «общепринятое содержание», сколько конструирует модель своего «жизненного мира».

В попытке создания инструментов такого конструирования, равно как и критериев оценки качества АКД в составе средств самого АКД, мною предложено заменить структуры кодирования, на которых строятся его сегодняшние техники. Двумя базовыми структурами предлагаемого контекстно-ориентированного кодирования являются абстрактное понятие и контекстно-фиксированное разъяснение¹.

Абстрактное понятие

В процессе контекстно-ориентированной концептуализации исследователь при выражении своих взглядов работает не с текстом или кодами, а со специальными единицами, которые рассматриваются в качестве исследовательских концептов. Каждая такая единица имеет одну и ту же структуру и названа абстрактным понятием (АП). Абстрактное понятие — это аналог кода, принятого в АКД в качестве модели исследовательского концепта, но имеющий ряд существенных отличий.

АП — это простейший инструмент теоретизирования, который выполняет три главные функции при решении проблемы многосмысленности и контекстной обусловленности теоретических терминов, которое осуществляется исследователем с помощью действий с понятиями.

Во-первых, сохраняет за понятием его идентичность в различных контекстах использования. Во-вторых, вводит минимальный набор конструктивных свойств, с помощью которых исследователь оперирует с понятием. Например, связывает понятия

¹ Эти структуры введены в [Каныгин, 2006а]. Здесь они разъяснены в новой редакции для связности изложения.

между собой в виде разъяснений. В третьих, поддерживает связь между концептом и актором, который оперирует с ним. Эта связь позволяет актерам взаимно проследивать интуитивный опыт, лежащий в основе их самоидентификации.

КО — концептуализация с помощью АП позволяет имитировать различные стадии развития понятий — от первого упоминания до воплощения в виде данных или других общезначимых свидетельств. Всякое упоминание о понятии содержит представление о минимальном ядре концепта, которое используется любым актором для идентификации понятия вне зависимости от исследовательской ситуации и предметной области, в которых оно применяется. Именно это ядро названо абстрактным понятием.

АП — это компонента понятия, присутствующая в любом исследовательском концепте — ПОЛ¹, ВОЗРАСТ, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ и т.д.

Смысл введения абстрактного понятия в том, чтобы обеспечить вне зависимости от намерений исследователя тождественность термина в любых ситуациях его использования. Это означает, что АП конструктивно выражает собой те свойства, которые не зависят от ситуации или контекста рассмотрения (см.: Каныгин, 2007).

АП обладает гибкостью текста, позволяющего аналитику обозначать любое событие или явление (социальные факты, мнения людей, собственные переживания и т.д.), но в отличие от этого популярного медийного инструмента АП заставляет исследователя отслеживать тождественность однажды введенной «порции опыта» при всех прочих упоминаниях о нем.

АП не нуждается в обосновании через данные (Каныгин, 2007, инструментальные средства). Способ его обоснования состоит в возможности переходить от одних представлений к другим, достигая, наконец, общепринятых терминов². АП связыва-

¹ Словосочетания, написанные заглавными буквами и не являющиеся аббревиатурами, рассматриваются как термины предметной теории, которая задает контекст существования вводимых представлений.

² Учитывая ограниченный объем журнальной публикации, я вынужден сосредоточить внимание на основной схеме КО АКД, опуская важные, но вторичные возможности, возникающие на основе описываемых структурных решений. Одной из таких возможностей является механизм заимствования понятий из одной предметной области в другую. Этот механизм используется, в частности, для придания концептам дополнительных свойств, расширяющих характеристики абстрактного понятия, упомянутые выше. Именно дополнительные параметры абстрактного понятия, такие как свойства целого числа, согласованное конструктивное понимание концепта актерами (недвусмысленно объявленное ими самими) и т.п. позволяют использовать понятия как инструменты совместных действий. Эти свойства оказываются, с одной стороны, чрезвычайно разнообразными, с другой, — не зависящими от актора. Вот эта независимость от актора переводит сугубо индивидуальный концептуальный инструмент — абстрактное понятие — в обычное научное средство. Конечно, каждый раз такой инструмент оказывается подвержен традиционной критике формального аппарата в гуманитарном исследовании — неполный, неverifiedируемый, недостоверный и т.п. Однако структуры КО АКД в каждом случае применения такого аппарата позволяют указать сообщество акторов, которое санкционирует сам аппарат и к которому следует обращаться в случае собственной убежденности в его неполноте и т.п. Кроме того, ясное указание на такое сообщество яв-

ется не с фрагментом данных, а с другим АП, причем с обязательным учетом контекста, в котором осуществляется связывание. Такое связывание понятий, иначе говоря, установление отношений между ними осуществляется в виде оригинальной структуры контекстно-фиксированного разъяснения. Совокупность таких структур, создаваемая аналитиком, решает практические проблемы взаимной идентификации и самоидентификации акторов.

Контекстно-фиксированное разъяснение

Концептуализируя текст, исследователь вводит не коды, которые сам же связывает в древовидные графы, а отдельные разъяснения одних понятий через другие. Каждое разъяснение обязательно снабжается указанием на контекст, в котором аналитик устанавливает «разъяснительные» отношения между понятиями.

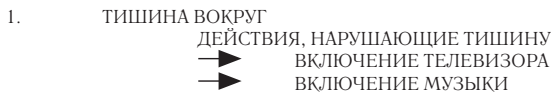
Рассмотрим сначала на конкретных примерах, каким образом возникает контекстно-фиксированное разъяснение. В анализируемом тексте (см. Рис. 1) можно выделить фрагмент:

«я включаю телевизор или музыку, для того чтобы слышать какой-нибудь звук, тишина делает меня таким одиноким».

Концептуализируя этот фрагмент, аналитик может сначала переформулировать его в текстовом виде, обращая специальное внимание на условия осуществления действий, описанных информантом. В результате появится, например, следующий пассаж.

«В условиях тишины в доме информант предпринимает действия, которые ее нарушают. Такими действиями являются включение телевизора и музыки».

По результатам такой концептуализации легко создать элементарную структуру контекстно-ориентированного кодирования — контекстно-фиксированное разъяснение (КФР). В КФР1, показанном на рис. 2, не составляет труда проследить связи между исходным текстом информанта и вновь введенными терминами ТИШИНА ВОКРУГ, ВКЛЮЧЕНИЕ МУЗЫКИ и др.

Рис. 2. Действия информанта, нарушающие тишину.

Смысл замены текста на понятие состоит в том, что при последующем упоминании о тишине с помощью понятия ТИШИНА ВОКРУГ аналитик «нагружается» задачей поддержания тождественности впечатления о тишине, которое у него было

ляется еще одним свидетельством, роднящим развиваемые взгляды с классической наукой, которая развивается по законам парадигмы и всегда предполагает существование ограниченного круга своих сторонников.

при введении указанного термина. Конечно, это впечатление никогда не является исчерпывающим, спорно на предмет своего соответствия «исходному впечатлению» информанта, выраженному в тексте, и вряд ли сообщает что-либо дополнительное по сравнению с мнением автора текста. Однако за счет своих связей с другими концептами, возникающими при концептуализации отрывка, ТИШИНА ВОКРУГ оказывается более «ситуативно привязанной». Возникает даже возможность изменения названия «тишина вокруг», например, на «тишина в своем доме» без ущерба для «смысла» понятия, который как раз и задается его связями с другими концептами и не зависит от текста названия, ассоциируемого с понятием.

Исследователь концептуализирует свидетельство информанта в целом, поэтому ему разрешено рассматривать одновременно несколько фрагментов, вводить любое количество концептов, связывать разные фрагменты с одним и тем же понятием, а разные понятия соотносить с разными частями текста. Однако, при любых операциях в контекстно-ориентированном АКД безусловно необходимо для каждой из них обозначать контекст, в котором она выполняется.

Рассмотрим еще один пример. При рассуждениях о раздельном проживании с родителями, которое может быть обозначено концептом ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ, информант, во-первых, говорит о собственном одиночестве — «когда ты переезжаешь в свой собственный дом, то тебе становится одиноко». Во-вторых, характеризует это новое душевное состояние (ОДИНОЧЕСТВО) через ряд аспектов. Он оценивает свое отдельное проживание словами «хорошо съехать от мамы с папой» (НЕЗАВИСИМОСТЬ), отмечает непривычное отсутствие людей вокруг себя — «никаких людских шевелений вокруг» (ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ В ДОМЕ) и радуется возможности родителей заботиться о нем — «они по-прежнему способны откликнуться, когда я нуждаюсь» (ЗАБОТА РОДИТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ ОТДЕЛЬНО). Заменяя текстовые свидетельства информанта на термины, указанные в скобках, приведенные рассуждения можно представить в виде одного разъяснения — КФР2.

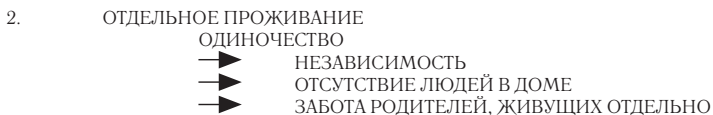

Рис. 3. Что такое одиночество в условиях отдельного проживания

В общем случае контекстно-фиксированное разъяснение, это трехкомпонентное отношение (триада) «один-ко-многим+контекст». Отношение «один-ко-многим», включающее две компоненты «один» и «многие» и широко используемое в системах управления базами данных, мы называем традиционным разъяснением понятий. Третья компонента — «контекст» — введена для обязательной индикации условий, в рамках которых существует само традиционное разъяснение.

Триада КФР всегда имеют одну и ту же структуру, которая не зависит от концептуализированного текста. Она может быть использована для концептуальных построений как для целей анализа свидетельств информанта, так и вне рамок такого ана-

лиза. Так, например, известное социологическое понятие СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС может быть представлено как разъяснение, состоящее из трех других понятий ДОХОД, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФЕССИЯ. Для контекстно-ориентированных решений принципиально важно, что такое разъяснение относится к вполне определенным научным взглядам, характерным, скажем, для проектов, выполненных в 2004 году. Развиваемый подход рассматривает существование таких взглядов как обязательное условие выполненного разъяснения концепта СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС и предписывает явно обозначить такого сорта условие через введение соответствующего концепта, скажем, ИССЛЕДОВАНИЕ 2004.

Рис. 4. Пример разъяснения теоретического понятия

«Содержательно-формальное» связывание разъяснений

В основе предлагаемых решений лежит идея связности, но не «содержания» концептуализируемых данных, а их изложения конкретным информантом. Свидетельства информанта всегда имеют некоторую общую тему, и человек, следуя правилам, усвоенным на школьных уроках литературы, должен раскрыть ее удобочитаемым образом. Последнее предполагает, по крайней мере, две особенности изложения. Во-первых, вводятся только те слова и фразы, которые относятся к теме. Во-вторых, введенные слова и фразы связаны между собой. Как видно, степень детализации изложения, его адекватность некоторому «объективному содержанию» и т.п. целиком зависят от актора и никак не контролируются.

Следуя этой посылке связности изложения¹, исследователь при концептуализации сначала вводит некоторые «тематические» понятия, которые затем кристаллизует через связи с конкретизирующими представлениями. Например, тема выбранного отрывка может быть обозначена понятием ОТДЕЛЬНО ИЛИ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ и дальнейшей задачей исследователя является раскрытие этой темы в терминах, которые отражали бы конкретизирующие свидетельства информанта, встречаемые в тексте.

Конкретизация выполняется как за счет установления отношений «одинко=многим» между понятиями, так и обязательного учета контекстов, в которых вводятся эти отношения. В этом процессе конкретизации аналитик в качестве главного «содержательно-формального» ресурса использует неограниченную возможность введения новых и использования уже существующих понятий. Так, в двух уже введенных КФР понятия ТИШИНА ВОКРУГ и ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ обоз-

¹ По-видимому, для исследователя она является значительно более сильным императивом, чем для информанта. Респондент может не отдавать себе отчет в связности, шифруя свой опыт в виде текста удивительным для аналитика образом (см. [Готлиб, 2004, с. 278-284]).

начают контексты, которые обеспечивают установление отношений между другими концептами — ДЕЙСТВИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ТИШИНУ, ВКЛЮЧЕНИЕ МУЗЫКИ, ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ В ДОМЕ и др.

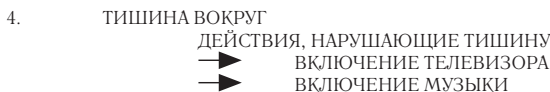

Рис. 5.

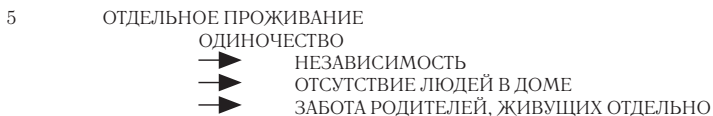

Рис. 6.

Продолжение концептуализации состоит в дополнении этих двух КФР до такой совокупности разъяснений, которые, с точки зрения исследователя, исчерпывали бы тему, раскрытую информантом. Тем самым «содержание» текста окажется выраженным не в виде неструктурированной последовательности символов, а в наборе или системе КФР. Контекстно-ориентированные структуры вводятся и применяются, конечно, не для выражения гипотетического «содержания» [Каныгин, 2007, Основания концептуализации нечисловой информации], а с целью предоставления аналитику эффективных средств, позволяющих артикулировать контекстно зависимые суждения.

Естественно, что вслед за анализируемым текстом возникающая система разъяснений должна быть связной. Принципиально важно, что в отличие от текста контекстно-ориентированное кодирование позволяет выразить связность изложения темы в виде структурных отношений, и эти отношения могут быть построены безотносительно к методологическим воззрениям аналитика.

Для осуществления КО—кодирования у аналитика есть три главных ресурса: неограниченная возможность введения новых понятий [Каныгин, 2007, Работа с понятиями], соблюдение тождества понятий, которые он применяет в различных контекстно-фиксированных разъяснениях (см. Критерии прозрачности), и установление отношений между контекстами, которые исследователь вводит также с помощью КФР [Каныгин, 2007, Неоднозначность исследовательских понятий].

Система разъяснений

Опуская для экономии места другие «разъяснительные» действия¹, приведем их общий результат в виде система разъяснений, показанной на рис. 5. Система разъ-

¹ Более подробно рассуждения, привлекаемые для построения системы разъяснений, изложены в монографии [Каныгин, 2006, с. 143-177] на примере определения исследовательско-

6. { **АКТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС** }
 ОТДЕЛЬНО ИЛИ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ
 → ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ
 → СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ
7. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ЧУВСТВА
 → ОДИНОЧЕСТВО
8. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ОДИНОЧЕСТВО
 → ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ В ДОМЕ
 → НЕЗАВИСИМОСТЬ
 → ЗАБОТА РОДИТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ ОТДЕЛЬНО
9. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ В ДОМЕ
 → ТИШИНА ВОКРУГ
 → НЕЗАЯТНОЕ ВНИМАНИЕ
10. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ТИШИНА ВОКРУГ
 → ОТСУТСТВИЕ ЗВУКОВ, ИЗДАВАЕМЫХ ЛЮДЬМИ
 → НЕ С КЕМ ПОГОВОРИТЬ
11. { **ТИШИНА ВОКРУГ** }
 ДЕЙСТВИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ТИШИНУ
 → ВКЛЮЧЕНИЕ ТЕЛЕВИЗОРА
 → ВКЛЮЧЕНИЕ МУЗЫКИ
12. { **НЕЗАЯТНОЕ ВНИМАНИЕ** }
 ЧЕМ БЫ СЕБЯ ЗАНЯТЬ
 → ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ
 → ХОРОШО БЫ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ
13. { **АКТУАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС** }
 ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ
 → ОЦЕНКА ТЕЛЕПЕРЕДАЧ
14. { **ОТДЕЛЬНО ИЛИ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ** }
 ОЦЕНКА ТЕЛЕПЕРЕДАЧ
 → НИКЧЕМНО
15. { **ОТДЕЛЬНО ИЛИ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ** }
 МНОГО ЧИТАЮ
 →
16. { **МНОГО ЧИТАЮ** }
 ЧУВСТВА
 → УСТАЛОСТЬ
17. { **УСТАЛОСТЬ** }
 ДЕЙСТВИЯ
 → ОТДОХНУТЬ
18. { **УСТАЛОСТЬ** }
 ОТДОХНУТЬ
 → ПРОСМОТР ТЕЛЕПЕРЕДАЧ
19. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 НЕЗАВИСИМОСТЬ
 → СОБСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ
20. { **ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ЗАБОТА РОДИТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ ОТДЕЛЬНО
 → ПОМОЩЬ РОДИТЕЛЕЙ
21. { **СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ** }
 ЧУВСТВА
 → СПОРЫ С ОТЦОМ
 → РОДИТЕЛИ НЕ ВЕЧНЫ
22. { **СПОРЫ С ОТЦОМ** }
 ОЦЕНКА
 → ЛУЧШЕ ИЗБЕГАТЬ СПОРЫ
23. { **СПОРЫ С ОТЦОМ** }
 РЕШЕНИЕ
 → ОТДЕЛИТЬСЯ ОТ РОДИТЕЛЕЙ
 { РОДИТЕЛИ НЕ ВЕЧНЫ }
 РЕШЕНИЕ
24. { **РОДИТЕЛИ НЕ ВЕЧНЫ** }
 РЕШЕНИЕ
 → ОТДЕЛИТЬСЯ ОТ РОДИТЕЛЕЙ
25. { **ОТДЕЛЬНО ИЛИ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ** }
 ОТДЕЛИТЬСЯ ОТ РОДИТЕЛЕЙ
 → ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ

Рис. 7. Система разъяснений свидетельств информанта.

яснений — это итог работы аналитика, в котором собраны все понятия и все контекстно-фиксированные разъяснения, выражающие, с точки зрения исследователя, свидетельства информанта в структурно непротиворечивом виде. В данном случае — результаты контекстно-ориентированной концептуализации рассуждений молодого человека о плюсах и минусах совместного проживания с родителями.

Подчеркнем, что построенная система разъяснений носит иллюстративный характер. Это объясняется рядом причин. Во-первых, излагая новый исследовательский метод — КО АКД — я вычленила основные структурные особенности метода и не стремлюсь к его полноценному методическому использованию. Во-вторых, как

показывают примеры контекстно-ориентированной концептуализации такое использование вряд ли осмысленно без компьютерной поддержки. Наш метод строится на явном выражении «информационного» айсберга, который обычно скрыт с помощью умолчаний различного рода. В-третьих, наличием в самом КО АКД специальных инструментов [Каныгин, 2006а, с. 182–197]. Конструктивистская направленность этих инструментов позволяет значительно повысить эффективность концептуальной работы аналитика, которая в режиме «карандаша и бумаги» остается чрезвычайно низкой.

Каждое из контекстно-фиксированных разъяснений представляет собой концептуальное действие, выполненное аналитиком исходя из сугубо неформальных соображений. Совокупность разъяснений — это формально-неформальная основа контекстно-ориентированного АКД, которая создается человеком в ходе концептуализации нечисловой информации.

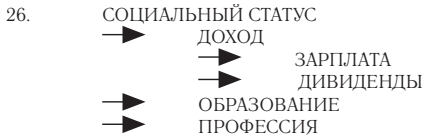
Система разъяснений может рассматриваться как качественный аналог таких основополагающих представлений количественных методов как признаковое пространство или матрица близостей. Аналогия состоит в следующем. В количественных методах, имея признаковое пространство с расположенными в нем точками-респондентами, исследователь получает возможность обратиться к формальным методам его анализа, скажем, шкалированию. Похожим образом, получив в результате действий исследователя совокупность КФР, контекстно-ориентированный АКД позволяет любому актору воспользоваться алгоритмами концептуализации, связывающими разъяснения, выполненные аналитиком, в единые структуры. Ввиду того, что правила, по которым выполняются формальные действия разнятся в двух указанных случаях, методология качественного исследования получает собственный формальный аппарат, который конструктивно отличается от традиционных количественных моделей.

Декомпозиция древовидного графа

В конце статьи приведены древовидные структуры, которые возникают в результате выполнения алгоритмов контекстно-ориентированной концептуализации применительно к построенной выше системе разъяснений. Для того чтобы представить идеи, на которых построены эти алгоритмы, сравним иерархические отношения, возникающие в КО-кодировании, с традиционными древовидными графами. В этом сравнении будем уподоблять понятие и узел графа.

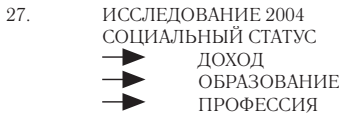
С формальной точки зрения каждое КФР может трактоваться не только как отношение «один-ко=многим», но и переход «родитель-дети», выражающий соподчинение узлов в древовидном графе. Особенностью КФР в качестве формальной структуры такого перехода оказывается указание условий или контекста, в рамках которого осуществляется межуровневое соподчинение узлов графа.

Так, рассмотрим традиционный двухуровневый древовидный граф, представляющий собой экземпляр условного понятия СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС.

Рис. 9. Иерархия исследовательских понятий.

Этот граф может быть представлен в виде двух КФР, которые имеют один и тот же контекст, обозначенный понятием ИССЛЕДОВАНИЕ 2004. Такое указание контекстов означает, что концепты СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС и ДОХОД разъясняются в одних и тех же условиях, которые, судя по их названию, соотнесены аналитиком с исследованием, выполненным в 2004 году.

Рис. 10. КФР как отношение «родитель-дети».

Рис. 11. Еще одно КФР как отношение «родитель-дети».

Не составляет труда по структурам, показанным на рис. 8 и 9 алгоритмически воспроизвести граф, оформленный как рис. 7. При этом дополнительно окажется, что этот граф соотнесен с контекстом, обозначенным понятием ИССЛЕДОВАНИЕ 2004 (на рис. 7 не отражено). Однако ситуация принципиально меняется, если в одном из КФР изменить контекст. Например, посчитать, что структура рис. 7, т.е. определение социального статуса по-прежнему относится к проектам 2004 года, а представление о доходе развито в рамках других проектов, скажем, 2003 года.

В данном случае такое изменение контекста или рамок исследовательских действий вполне отчетливо: в одном году решали проблемы определения доходов, в другом — изучали социальную структуру населения. Однако в традиционной структуре древовидного графа возможность подобного учета просто отсутствует.

Теперь вместо КФР, показанном на рис. 9, возникает новое КФР (рис. 10):

Рис. 12. Контекст разъяснения меняет само контекстно-фиксированное разъяснение

В общем случае, т. е. в практике качественного исследования, такое изменение контекстов вовсе не является надуманным. Наоборот, оно структурно отражает действительное и постоянное смещение исследовательского внимания, характерное для детализированного учета мнений информантов, затрагивающих чрезвычайно большой спектр «качественных свойств». И оказывается, что традиционная структура древовидного графа просто не дает возможности отражать такие контекстные смещения исследовательского интереса.

Вновь возникшая декомпозиция графа, показанного на рис. 7, т. е. два КФР, изображенных на рис. 8 и 10, уже не позволяет с легкостью построить единую древовидную структуру, игнорируя тем самым контекст исследовательских действий. Для того чтобы такая возможность возникла вновь, аналитику приходится разъяснять не только отношения между «предметными» концептами — СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, ДОХОД и др., но и между понятиями ИССЛЕДОВАНИЕ 2003 и ИССЛЕДОВАНИЕ 2004, которые именуют контексты, в которых используются «предметные» концепты.

Таким образом, оказывается, что структурная необходимость учета контекстов побуждает аналитика к большей скрупулезности в своей концептуальной работе. Вместе с тем связность результатов концептуализации может быть проверена алгоритмически за счет возможности построения на основе отдельных КФР единого древовидного графа. Покажем, как выглядит такой граф для случая концептуализации приведенных выше рассуждений молодого человека о плюсах и минусах проживания с родителями.

Связность контекстно-ориентированной концептуализации

Вспомним, что концептуализация анализируемого текста выполнена в виде системы разъяснений, показанной на рис. 7.

Для любой системы разъяснений может быть алгоритмически сгенерировано семейство древовидных графов. Это семейство с той или иной степенью детализации¹ связывает между собой вновь введенные понятия, которые объединены аналитиком в КФР, составляющие систему разъяснений.

Будет или не будет система разъяснений связной, и если будет, то в какой степени, зависит от того, насколько успешно исследователь разъяснил введенные им представления.

---

¹ Степень детализации зависит от «эвристических» усилий аналитика, который волен кристаллизировать свои контекстно-ориентированные конструкции по своему усмотрению. В КО АКД всегда прослеживается связь между понятием и применяющим его актором, поэтому сюжет описывается с точностью «до субъективных понятий», т. е. разъясняется конкретным актором. В количественной методологии разъяснение проводится с точностью до значений понятий, т. е. экземпляров общепринятых представлений. «Показателем» получаемой «точности» контекстно-ориентированной концептуализации оказываются не характеристики, основанные на значениях, а индивидуальный актор, предложивший систему разъяснений.

В нашем случае система разъяснений такова, что позволяет связать между собой все понятия, предложенные для концептуализации анализируемого текста. На рис. 13 показано семейство графов, которое выражает результат выполненной концептуализации.

На основе этого алгоритмически полученного семейства возможно построение различных дополнительных мер связности, рассмотрение которых требует отдельного изложения.

Описав всю схему операций, осуществляемых при КО АКД, особо подчеркну разграничение функций между человеком и компьютером, которое в принципе объясняет, как решается проблема «большого контекста», препятствующая построению критериев качества качественного исследования. В предлагаемом методе человек изъясняет своей «информационный айсберг» через поименования, ограниченные в своем «информационном масштабе», но обязательно привязанные к конкретным условиям. Формальная структура КФР, используемая в данном случае, в практическом применении имеет порядка пяти-семи позиций, т.е. как раз то число одновременно задействованных «единиц», которое рекомендовано методиками анкетирования.

Отношение между контекстами также устанавливается за счет КФР, т.е. при тех же методически одобренных «масштабах человеческого внимания». Человек не принуждается к невозможным для него концептуальным подвигам, состоящим в мысленном охвате таких «концептов» как «человек» или «общество». Все концептуальное агрегирование выполняется алгоритмически, а в случае программной реализации КО АКД — с помощью компьютера. Именно этот интеллектуальный ресурс самого человека нагружается задачей оперирования с тысячами понятий и отношений между ними с тем, чтобы собрать разъяснения отдельных ситуаций в концептуальное целое. Но чтобы компьютер стал способен на такую масштабную работу, ему приходится предъявлять человеческие свидетельства в форме научных понятий, т.е. делать социологию наукой.

Обсуждение

Откуда появляется прозрачность аналитических процедур?

Основной смысл предлагаемых контекстно-ориентированных схем концептуализации состоит, с одной стороны, в повышении ответственности аналитика при формировании концепции. С другой, — в увеличении объемов информации, получаемой в ходе АКД. Алгоритмический критерий качества концептуализации нужен для побуждения акторов к непротиворечивому и детализированному изложению своей позиции безотносительно к методологии, которой они придерживаются. Контекстно-ориентированное кодирование представляет собой конструктивный инструмент, автоматически делающий аналитические процедуры прозрачными. Прозрачность в КО АКД — это не дополнительное требование к методологии качественного исследования, а свойство самих структур концептуализации (ср. [Готлиб, с. 122]).

Почему отсутствие компьютерной реализации тормозит развитие КО АКД?

Насколько работоспособна контекстно-ориентированная концептуализация, показано только на ограниченном числе примеров, именно из-за того, что процесс кодирования, как обычно, трудоемок. Принципиальный вывод по результатам выполненной контекстно-ориентированной концептуализации — она практически бессмысленна без компьютерной поддержки: слишком велики объемы артикулируемой информации. При ее детальном изъяснении в контекстно-ориентированных терминах результат достигается за счет двух принципиально разных ресурсов. Во-первых, новые инструментальные возможности, облегчающие процесс кодирования за счет: повышения эффективности работы с массой концептуальных представлений, специальные средства ассистирования, расширение возможностей повторного использования создаваемых структур. Во-вторых, принуждения актора за счет алгоритмических критериев концептуализации к связному изложению своих аналитических выводов.

Конечно, больший объем получаемой информации сопряжен с большими объемами аналитической работы. Однако, это является не изъяном контекстно-ориентированного подхода, а его преимуществом. Подход вынуждает любого автора в любых случаях изложения собственных взглядов или цитирования заимствуемых суждений, значительно более внимательно прорабатывать формируемые воззрения.

Дополнительные трудозатраты, возникающие на стадии формирования доктрины, компенсируются на стадии ее применения, во-первых, за счет того, что исполнителей теорий, инструкций и предписаний всегда значительно больше, чем их разработчиков.

Во-вторых, контекстно-ориентированные структуры (АП, КФР и др.), в которых существует получаемая информация, инвариантны по отношению к предметной области, в которой разрабатывается доктрина. В результате, в принципе, устраняется проблема межпарадигмальных различий. В частности, унифицируются форматы данных, используемые в различных исследованиях.

Как КО АКД соотносится с позитивной методологией?

Предлагаемый подход позволяет, в первую очередь, за счет неограниченного процесса разъяснений в совокупности с возможностью оперирования его результатами на каждом шаге, конструктивно вводить различные, сколь угодно сложные¹ концептуальные структуры, предназначенные для самоидентификации акторов.

Например, если «код» заменяется в ходе качественного исследования на «категорию» [Chagnaz; Готтлиб, с. 332], то такая замена выполняется не в виде тексто-

---

¹ Квалификация «сложные» соотносена с методическими рекомендациями анкетирования, касающихся пятипунктовых шкал. Однако не следует забывать, что эти рекомендации возникли в эпоху «карандаша и бумаги». В позитивном смысле эти структуры представляют собой собрания древовидных графов, наращиваемые в результате систематических усилий множества акторов, вовлеченных в концептуальные построения.

вых деклараций, а с помощью абстрактных понятий и их контекстно-фиксированных разъяснений, т.е. вновь в виде структурных моделей, значительно более операбельных по сравнению с текстом. Это как раз и создает новые ресурсы самоидентификации акторов.

Эти эффективные средства возникают в результате того, что наличие структурных моделей, делающих КО АКД позитивной методологией, позволяет использовать при его совершенствовании различные позитивные же подходы, развиваемые в других предметных областях. В частности, спецификация «категории» как некоторого более совершенного научного инструмента по сравнению с «кодом» может осуществляться на основе известных родовидовых отношений или прототипирования [Азарова].

Как КО АКД связан с социальной методологией?

В процессе разработки предложенного аппарата концептуализации автор учитывал методологические соображения исследователей, придерживающихся конструктивистских взглядов, например, К. Чармас. Однако основное внимание уделено решению «кибернетических» проблем инструментального аппарата современного АКД — «выражению неоднозначности представлений», «работе с понятиями», «повышению наблюдаемости анализируемых сюжетов», «детализации понятий с учетом контекстов их использования» и т.п. Это объясняется стремлением автора к безусловной конструктивности предлагаемых решений.

Контекстно-ориентированные структуры (абстрактное понятие, КФР, система разъяснений, инструменты и алгоритмы концептуализации) — это аппарат, предназначенный для использования в процессе социального теоретизирования вместо текста. Достоинствами контекстно-ориентированного кодирования являются: прослеживание умолчаний, детализированная фиксация контекстов высказываний информантов и аналитиков, обязательное соотнесение с актором, также наличие других средств, делающих аналитические процедуры «структурно прозрачными».

Теория¹ (результаты концептуализации) в контекстно-ориентированных терминах — это детально структурированная мнемоническая схема, которая организует когнитивный аппарат акторов, но не претендует на его моделирование. Например, в виде математических моделей или лексических, грамматических, семантических и иных правил функционирования.

Как КО АКД соотносится с традиционными критериями, используемыми для оценки методов социологического исследования?

Замена традиционного инструментального аппарата АКД в виде функций кодирования на контекстно-ориентированные структуры не имеет в качестве своей ос-

¹ Термин «теория» употреблен в связи с его распространенностью в англоязычной литературе, см, например, [MacMillan K, 1999], где он не выглядит так пугающе всеобщим, как в трудах отечественных авторов по методологии социальных наук.

новы никаких традиционных идей о «точности», «достоверности», «валидности» и т.п. критериях. В основе лежат соображения, призванные повысить наблюдаемость социальных сюжетов в соответствие с конструктивистскими установками — учета контекстов, прослеживания умолчаний, прояснения авторства и др. Эти соображения никак не задают вид самих структур.

Аргументом в пользу обращения к предложенным контекстно-ориентированным структурам являются оригинальные алгоритмические возможности контекстно-ориентированного подхода в виде критериев связности и инструментов анализа системы разъяснений. Эти возможности возникают как раз в результате применения контекстно-ориентированных структур.

Заключение

Главный научный результат изложенных взглядов — это новое научное направление в анализе качественных данных, позволяющее предложить критерии концептуализации нечисловой информации, не зависящие от методологического кредо исследователя.

Основные черты дальнейшего развития состоят в следующем: конструктивная реализация предложенного подхода в виде компьютерной программы анализа качественных данных; создание человеко-машинных методов построения системы разъяснений, построенных на критериях связности концептуализации нечисловой информации; внедрение КО АКД в исследовательскую практику в виде оригинальных компьютерных технологий.

Литература

- Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method // University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 1969.
- Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods. In Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln (Eds.), Handbook of Qualitative Research, 2nd edition (pp.509-535), Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000.
- Glaser B. Constructivist Grounded Theory? [47 paragraphs]. Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal], 3(3), 2002, September. Available at: <http://www.qualitative-research.net/iqs-texte/3-02/3-02-glaser-e.htm> (по состоянию на 01.05.2007)
- Glaser B. Naturalist Inquiry and Grounded Theory [68 paragraphs]. Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal], 5(1), 2003, October, Art. 7. Available at: <http://www.qualitative-research.net/iqs-texte/1-04/1-04glaser-e.htm> (по состоянию на 01.05.2007).
- Kelle U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. No. 2, [3.2]. <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (дата считывания 02.02.2007).

- MacMillan K. and McLachlan S. Theory-Building with Nud*Ist: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study // Sociological Research Online. 1999. Vol. 4. No. 2, <http://www.socresonline.org.uk/4/2/macmillan_mclachlan.html> (дата считывания 14.11.2003).
- Newman L. Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches. Boston: Allen and Bacon, 1991.
- Silverman D. Doing Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delphi: Sage Publications, 2000,
- Азарова и др. Компьютерный тезаурус русского языка типа WordNet // Труды Международной конференции Диалог-2003. М., 2003. С. 43–50
- Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том. 4. Норма. СПб. 2005.
- Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара, «Универс-групп», 2004.
- Каныгин Г.В. (а) Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб, Норма, 2006.
- Каныгин Г.В. (б) Конструируя конструктивизм // Социологические исследования. №11. 2006. С. 19-28.
- Каныгин Г.В. (в) Текст как инструмент социального теоретизирования // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144-160.
- Каныгин Г.В. Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология: 4М, № ???, 2007. С. ???
- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях: Учебное пособие /— М: Издательский дом «Новый учебник» 2004.
- Фливерберг Б. О недоразумениях, связанных с кейс-стади // Социологические исследования, №4, 2005. С. 110-120.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие, СПб. Наука, 2000
- Шюц А. Проблема рациональности в современном мире. А. Шюц Смысловая структура современного мира. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — 7-ое изд. — М.: «Добросвет», 2003.
- Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

НЕВОПРОШАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ ИЛИ НЕВЫКЛЮЧАЕМОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Этот текст родился как спонтанный, непредусмотренный программой доклад на последнем дне Голофастовских чтений 2007 г. Строго говоря, он является рефлексией на некоторые методологические ситуации, сложившиеся в современной социологии, и, поскольку он не претендует на какие-то широкие обобщения, четкие формулировки, то это, конечно, эссе, а не научная статья. Однажды, в процессе обсуждения с моим коллегой и старым другом Андреем Алексеевым, он назвал некоторые типы социологических дискурсов или текстов, — как бы мы это ни называли — социологическим фольклором. Я думаю, что этот текст, скорее всего, в этом направлении, в этом дискурсивном поле и пребывает. То есть это некое устное построение некоторой совокупности суждений, выводов и так далее, сделанное по такому же принципу, по которому сочиняет казахский акын: «что вижу, то пою».

Исходным в значительной степени обстоятельством для поиска названия этого направления — понятие «методологический» я бы сразу взял в кавычки — послужило то обстоятельство, что мне как-то пришло в голову одновременно, что слово «наблюдение» в социологической науке и практике связано, в общем, с очень многочисленными работами, которых, строго говоря, две. Это работа конца 60-х годов В.Б.Ольшанского, которая была построена на методе включенного наблюдения, и это часть фундаментальной работы А.Н.Алексеева, которая включена в его четырехтомник «Драматическая социология», и которую он сам назвал «Наблюдающее участие». И то, и другое было связано с тем, что исследователь, как наблюдатель, был включен в реальный коллектив, который он исследовал, фиксировал поведенческие или какие-то иные характеристики как результат исследования.

У меня как у урбаниста за все годы моей научной практики сложилась привычка такой оценки городского пространства, когда я первоначально это пространство тем или иным образом наблюдаю, затем из этих наблюдений выстраивается какая-то структурная матрица, и вот уже затем на этой матрице я начинаю работать как исследователь. Иногда эти матричные элементы складываются как результат зрительных впечатлений. И вот так сложился некий, я бы даже сказал алгоритм того, как рождается вот этот самый вывод — научным я бы его не назвал, он скорее существует на уровне здравого смысла, — а алгоритм в данном случае — это последовательность некоторых чисто психологических позиций, в рамках которых этот вывод рождается.

Если я сталкиваюсь с каким-то феноменом впервые, т. е. у меня его не было в опыте наблюдения, я фиксирую это как единичное наблюдение. Затем феномен может повторяться дважды или еще какое-то количество раз. С этого момента я начинаю обращать на него внимание. И когда уже количество переваливает за какую-то критическую цифру — скажем, более пяти-шести раз, или по два-три раза на дню я сталкиваюсь с каким-либо явлением, я его начинаю считать в первом приближении. Ну так, скажем, я первое время считал, сидя на остановках, в 90-х годах, когда

меня интересовало в каком темпе идет автомобилизация, я считал сто автомобилей, прошедших мимо меня за какое-то время и какое количество отечественных автомобилей и иномарок в этой сотне было. Вот это количество постепенно-постепенно приближалось к 20-30-40, затем стало составлять половину. Сейчас уже можно говорить о том, что отечественные машины занимают единичные позиции в этом транспортном потоке.

Поэтому одна из моделей, которую я хочу описать здесь, как предлагаемую форму вот этого наблюдения, связана с автомобилизацией. Я ею занимался довольно долго, и продолжаю заниматься сейчас, хотя не столь активно. Но это явление, которое для меня более-менее знакомо.

Суть заключается в том, что, к сожалению, наши социологи очень плохо сопрягают данные, полученные из разных областей. Например, одна из самых надежных моделей социальной структуры — это структура автомобильного парка в данном обществе. Конечно, при условии, если это общество обладает достаточно высоким уровнем автомобилизации. Этот высокий уровень начинается где-то со ста автомобилей на тысячу населения. У нас сейчас в Питере он достигает двухсот, в Москве трехсот автомобилей. И мы уже можем довольно четко представить себе, как структурировано наше общество, если мы знаем, как и по каким критериям структурировать автомобильный парк. Ну, в первом приближении там есть такие критерии, как стоимость, мощность, рабочий объем двигателя, количество всякого рода опций, разных элементов и так далее, ну и, наконец, модификация автомобиля. Поэтому автомобильный парк в этом смысле — если знать, как обращаться с этим массивом, а эти данные довольно широко публикуются, выходят каталоги, выходят результаты деятельности фирм, в которых указано все, начиная, конечно, от стоимости — можно считать аналоговой моделью социальной структуры.

Столкнулся я с одним феноменом, который меня заинтересовал, и я взялся как-то его пронаблюдать. В 1994 году я был на Конгрессе социологическом в германском городе Биллефельд, в тамошнем университете. Это было в июле, причем в Европе было очень жарко. Мы жили недалеко от города, в 30 километрах, и дважды в день — с утра рано и вечером попозже ездили в город Детмольд, где мы жили. Естественно, по дороге я наблюдал поток движущихся навстречу или в обгон автомобилей. Вдоль университета были расположены огромные трехэтажные парковки. И меня заинтересовал такой феномен, как автомобили класса «кабриолет». Это обычно двух- или четырехместные автомобили с откидным верхом. У нас эти автомобили распространения практически не имеют, а там они появлялись почти на каждом углу — ну, если не на каждом углу, то достаточно часто. И вот тогда у меня возник вопрос, во-первых, сколь часто, во-вторых, какую они имеют степень распространения, и я начал опять-таки этим же методом считать, сколько кабриолетов будет приходится на сто автомобилей. Считать на стоянках — вот сходил с автобуса возле университета и смотрел, сколько там, на паркингной площадке, стоит автомобилей, и сколько в этой сотне будет открытых автомобилей. Или на встречной полосе, когда в автобусе ехал в гостиницу на ночлег или, наоборот, утром на заседания. В общем, в сотне автомобилей, которые проходили мимо, я и смотрел, и пересчитывал. Оказа-

лось, что не так много — два-три на сотню. Вот дальше уже надо было подключать некое объективно полученное знание, которое было почерпнуто из разного рода источников, статистики и так далее.

Это был 1994 год, и тогда уровень автомобилизации в Германии плавно уехал за 400 автомобилей на 1000 жителей. Что из этого показателя извлекается? Кроме того, что 400 автомобилей промилле — это достаточно высокий уровень автомобилизации, учитывая среднюю численность европейской семьи, которая равна 3.3 человека, мы выясняем, что на семью приходится 1 — 1,3 автомобиля. То есть, проще говоря, из трех семей две обладают одним автомобилем, а третья может иметь еще и второй. Затем, кроме того, что около 30% семей имеют в распоряжении второй или более автомобилей, я заключил, что кабриолет может иметься в каждой 30-ой семье. Вот это результат первичного наблюдения.

Дальше к этому наблюдению подключаются какие-то вторичные факторы, и информация, которая находится в других источниках. Я подчеркиваю, что это наблюдение было проведено летом. Причем жарким летом. Затем я попадаю в Германию в следующий раз — поздней осенью, в холодное время. И вдруг выясняю, что, оказывается, что на кабриолетах, даже подняв верх (там есть жесткий или мягкий) — никто не ездит. Значит, это автомобиль сезонного использования, который, в принципе, понятно, что является, по крайней мере вторым, и даже, может быть, третьим автомобилем в семье.

Вот такой набор рассуждений. В этой всей совокупности представлений есть результаты наблюдения, есть объективное знание, почерпнутое в литературе, в статистических сведениях (это уровень автомобилизации и численность семьи), и, наконец, наблюдение в течение двух сезонов, когда стало ясным, что в холодное время года эти автомобили не используются. Значит это автомобили только сезонного ограниченного использования и так далее, то есть это относится к тому типу разного рода изделий длительного пользования ограниченного функционирования, к которому может относиться даже жилище.

Что такое второе жилище? Дача, так называемая по-русски, не используется, как правило, в холодное зимнее время. Только два-три месяца в году, может быть четыре. В остальное время она стоит пустая и является собственностью, не являясь функциональной собственностью.

Вот такая очень простая схема. Ее можно развивать как угодно, можно дополнять то, о чем я говорил, каталожными данными по автомобильному парку. Я наблюдал это в Германии. У нас это были бы какие-то другие автомобили, другие характеристики. Например, у нас, по сравнению с Европой, по целому ряду причин большее распространение имеют внедорожники. В Европе их в таком объеме, в таком количестве и в таком удельном весе по отношению ко всему автомобильному парку, нет. Там их гораздо меньше.

Вот это результат наблюдения, сопоставления с каким-то логическим знанием, упакованным в какую-то публикацию, и вот такой вывод. Итак, я получаю на основании моих рассуждений какие-то предшествующие предварительные выводы: каково место этого типа в структуре парка, на какое приблизительно количество семей он

может приходиться, ну и дополнительное наблюдение, о котором я не говорил, потому что я его не фиксировал — это то, что подавляющее большинство водителей, а это видно сразу невооруженным глазом, что называется, — это молодые люди в возрасте плюс-минус двадцати лет. Значит, это все-таки молодежный тип автомобиля. Сюда можно еще добавить гендерные характеристики водителей.

Другое наблюдение, в других условиях, по другому поводу совсем спонтанно и случайно сложившееся носило единовременный характер, произошло это в течение одного дня, но, по крайней мере, теперь я как бы набираю массив данных, присовокупляя его к результатам этого наблюдения. Что это был за феномен, что это было за событие?

Я однажды, возвращаясь на Юго-Западе из медсанчасти Кировского завода, решил проехать в центр на трамвае. Спустился по улице Лени Голикова под обрыв на шоссе к трамваю. Дойдя до края обрыва, я вдруг обнаружил слева, прямо на самом урезе этого обрыва, новый деревянный храм. Классический, северо-западный, рубленый, так называемый «восьмерик на четверике», двухъярусная деревянная церковь, которой там никогда до этого не было (я довольно хорошо знаю этот район). Вот это первое фиксированное впечатление. Что произошло дальше? Я проезжаю примерно три километра до Ленинского проспекта в сторону Автово. И вдруг обнаружилось, что, во-первых, отреставрирована старая церковь, разрушенная, которая находилась там же в рабочем городке. Она была ободранная, стояла без куполов, сейчас она в полном порядке. Затем в начале Ленинского проспекта стоит еще один храм, который меня немного озадачил по своему облику, но потом я выяснил, что это, оказывается, костел. И, наконец, вне ограды Красенького кладбища стоит кладбищенская церковь тоже новодельная, она не очень давняя. И получается, что на два километра появилось или отреставрировано, или вновь построено, четыре храма разных функций и разных конфессий. Понятно, что этот деревянный храм — это храм, конечно, приходской. Другая церковь, не помню, как она называется, тоже приходская. Понятно, что католическая тоже приходская, ну и кладбищенская имеет свои функции.

Что такое появление нового храма в наших условиях? Церковь отделена от государства, значит, строят ее не на бюджетные деньги, а на какие-то иные: на пожертвования, на спонсорские отчисления, может быть, на средства общины и так далее. Это первое. Второе: храм может построить первичная приходская община, двадцатка так называемая, которая формируется и регистрируется на территории. Но эта община должна вступать в какие-то лояльные отношения с властью. Потому что нужна земля, то есть землеотвод должен быть. Нужно утвердить проект, тем более, если это новый храм, то его утверждает районный архитектор или какая-то городская структура. Нужны какие-то отношения налоговые или еще какие-то иные. Из этого складывается какая-то совокупность людей, которая вокруг этого храма формирует эту общину, потому что кроме двадцатки еще есть приход. И появляется новый элемент, новая социальная группа на данной территории — будь это квартал или микрорайон: так получается, что это, скорее, микрорайон по размеру. Но это такое естественное сопряжение конфессиональной единицы — прихода и определенной деятельности прихожан — у них могут быть молебствия и прочие, разного характера действия,

включая, например, крестные ходы, пасхальные, рождественские события. И кроме того, прихожане должны на свои деньги или на деньги спонсоров нанимать священнослужителя в церковь.

Короче говоря, появляются какие-то элементы гражданского общества в такой христианской упаковке. Они формируют новый элемент социальной структуры или социальной реальности по признаку конфессиональной принадлежности. Сейчас без большого труда, передвигаясь в Петербурге и по районам северным, и по районам южным, обнаруживаю, скажем, монастырское подворье напротив метро Пионерская, или вновь построенный храм в районе Северного проспекта.

Пока этот текст дописывался, я получил дополнительную — визуальную и вербальную информацию. Визуальная состояла в том, что, перемещаясь по северной части города (первые описанные наблюдения касались юго-запада), я обнаружил еще ряд вновь построенных храмов — «новоделов». А в конце июля глава Администрации Приморского района Петербурга в интервью для радиостанции «Эхо Петербурга» рассказал, как и где планируется строительство новых церквей в районе, и как собираются средства на их строительство — от спонсорских взносов до добровольных пожертвований в «церковную кружку», которая стоит в вестибюле Администрации района.

Сейчас я с этими новыми элементами городской среды взаимодействую на уровне некоторого представления, накапливая впечатления, получая представления, сколь часто они распространены, сколь часто появляются какие-то новации в этом отношении, и как часто мы сталкиваемся в значительной степени с элементами нового в поведении горожан. В данном случае в конфессиональном поведении.

Еще раз напоминаю, что из этих четырех, первоначально наблюдаемых мною храмов, один был католический. Значит, на какую-то — ну, большую территорию, чем квартал — может быть, это городской район, имеется католическая община, которая к этому храму тяготеет, формирует его приход, образует условия для его функционирования.

Можно, в общем, набирать таких явлений во множестве. Весь вопрос заключается лишь в том — для чего? Это спонтанное наблюдение, абсолютно не имевшее никакой первоначальной цели, а появившееся просто как результат фиксации определенного рода явлений, которые вдруг в какую-то совокупность сложились. И которые как раз и представляют собой такую своеобразную основу поведения урбанолога, исследователя-социолога в городском пространстве. Вот эти явления наблюдаются как бы независимо от воли исследователя, просто в силу того обстоятельства, что они существуют. Они могут носить разный характер, они могут складываться в какие-то совокупности или иметь какую-то единичную форму проявления, но они есть.

Например, я длительный период времени жил в районе Исаакиевской площади, на Малой Морской улице, там я прожил 20 лет. Сейчас переехал, в том числе и по тому простому обстоятельству, что в квартале Малая и Большая Морская, до Мойки, постепенно стала исчезать повседневная инфраструктура, ориентированная на постоянных жителей. Скажем, там было три-четыре кафе, сейчас их больше двадцати разного рода точек. Почему? Да потому, что там идет большой поток так называе-

мого «суточного населения». Это люди, которые перемещаются между Эрмитажем, Русским музеем, Исаакиевским собором и началом Невского проспекта; это туристическая публика, временно приезжающая, на которую и ориентируется рынок. Он представляет условия в первую очередь для нее. А все жители, которые там пока еще живут — а их все меньше и меньше — они постепенно лишаются возможности, попросту говоря, в пределах пешеходной доступности приобретать какие-то товары повседневного спроса. Например, на Большой Морской ликвидировали два овощных магазина, и сложилась ситуация, когда жителям микрорайона ближе, чем на Сенном рынке, овощи было не купить.

Такие события тоже могут определенным образом наблюдаться, рассчитывать, исчисляться и так далее. В этом случае наблюдения не обязательно могут носить актуальный характер. Они иногда делаются, что называется, впрок, а иногда формируют представления о том, что в англоязычной традиции называется background, то есть фон, окружающий ландшафт, окружающий пейзаж.

И тогда вы можете изучать все, что угодно: конфессиональную активность, книготорговлю или какие-то специфические группы населения. Но вы должны представлять себе, в каких условиях они живут, что формирует их реальные пространственные условия жизни, кроме уличной сетки, транспортной сетки и т.д. Я не могу сказать, что эти явления актуализировались для меня в какой-то степени. Но зато я теперь знаю их масштаб в первом приближении, их динамику, потому что вижу как нарастает повседневно этот тип сооружений, или эта форма деятельности, и т.д. И это в значительной степени формирует мое представление о городе в целом, или о каком-то отдельном специфическом для него районе, квартале или микрорайоне. Тогда я приблизительно знаю, какие нужны показатели, какие параметры, для того, чтобы определить, что там есть, а чего там нет. Поэтому я себе четко представляю, что если мне придется исследовать, скажем, какие-то конфессиональные различия, конфессиональную структуру города, то я буду знать, что кластерами для этого могут стать районы, где появились в эти последние годы новые храмы.

Таким образом, в принципе, то, о чем я говорю, нельзя назвать исследовательской методологией. Это пред-исследовательское, пред-проектное, даже пред-пилотажное представление о каких-то фрагментах, частях, областях социального пространства, и об их насыщении, и об их функционировании естественным образом. Я, честно говоря, думаю, что, наверное, очень логично и понятно, что этот текст прозвучал как раз на Голофастовских чтениях. Потому что мы с Валерием иногда — я не буду говорить, что часто — времени от времени обсуждали вот такого характера вещи, которые возникали как спонтанные впечатления, как спонтанные наблюдаемые факты, и которые давали возможность или основание для каких-то социологических выводов.

Вот на этом я завершу цикл своих рассуждений, который имеет только первое приближение. Я даже не думаю, что он требует какого-то развития. Он, скорее, должен превратиться в какую-то учебную процедуру, для того, чтобы научить студента — поскольку я преподаю, и мне с этим приходится сталкиваться — в принципе уметь оценивать ту пространственную — или, как любит говорить Галина Саганенко, — социальную реальность, которая его окружает.

С другой стороны, в веберинской триаде основополагающих социологических принципов есть три составляющих: принцип понимания, идеальный тип, и теория социального действия. И принцип понимания оказался хуже всего разработан. Социальное действие операционализировано весьма серьезно, тут есть типология социального действия, есть все понятия и так далее. Идеальный тип тоже выделен — как исторический, так и социальный. А вот что собой представляет принцип понимания, процедурно не ясно. Что это значит, как вообще надо понимать социальную реальность, через какие способы, через какие процедуры, через какие практики. Потому что без понимания социальной реальности выходить на исследование конкретного феномена, на какую-то конкретную социологическую теорию довольно сложно. Нужно представлять себе как она существует по отношению к общему фону, к общему пространству. В прогностике существует такое понятие, как вот этот самый бэкграунд по отношению к профилю прогноза. Если я прогнозирую, допустим, развитие высшего образования, то я должен знать, какова ситуация демографическая в стране, какое количество молодых людей поставляет средняя школа, каковы экономические сейчас предпосылки, то есть на каком фоне развивается этот феномен сам по себе. Но вообще, строго говоря, этот принцип, как я его назвал «невывключаемого наблюдения», он в какой-то степени является процедурной составляющей принципа понимания. Вот основной вывод, который можно сделать из этих рассуждений.

СВЯТОЕ И СВЕТСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Елена Александровна ОСТРОВСКАЯ (СПб, ГУ)

СОВРЕМЕННЫЕ СУДЬБЫ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Центральная проблема, которую мы хотели бы здесь осветить — это проблема социологического изучения новых форм институционализации мировых религий в глобальном масштабе. В рамках предлагаемой статьи мы подробно рассмотрим основные составляющие процесса реинституционализации буддизма в России и шире — в пределах пространства глобальной культуры.

В социологической дискуссии последних десятилетий центральное место занимает осмысление таких категорий современной глобализированной реальности, как глобальное, локальное и транснациональное. Социологический анализ проблем современных обществ, таким образом, учитывает и выводит на первый план глобальный социальный и политический контекст — разнообразные сети социальной коммуникации, охватывающие весь мир, превращающие его в «единый социальный мир». Отделенные прежде, изолированные друг от друга общества, культуры, люди находятся теперь в постоянной и практически неизбежной коммуникации. Все нарастающее развитие глобального контекста коммуникации имеет своим следствием не имевшие прецедента социально-политические и религиозные конфликты.

Глобальная социальная реальность размывает границы национальных культур, а значит и входящих в их состав религиозных традиций. В этой связи теоретики глобализации ставят вопрос о тенденции и интенции процесса глобализации в отношении конкретных культур и религий. Изучение этой проблемы предполагает разработку принципиально нового подхода, позволяющего выявить формы институционализации религий в пространстве глобальной культуры¹.

Введенные в рамках дискуссии о глобализации понятия «глобальная культура», «этноскейп», «транснациональное», «локальное», «глобализация религий» послужили отправным пунктом для целого ряда исследований о новой глобальной идентичности, где одним из центральных стал вопрос о роли традиционных религиозных идеологий в формировании новой идентичности. В перспективе решения этого вопроса совершенно по-новому должна быть поставлена проблема изучения новых транснациональных религиозных сообществ и их связи с локальными религиозными

---

¹ Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. — 375 с.

меньшинствами. И говорить здесь следует прежде всего о формах институционализации мировых религий в пространстве глобальной культуры.

Предложенная нами теория институционализации традиционных религиозных идеологий позволяет по-новому взглянуть на проблему возникновения транснациональных религиозных сообществ, выявить и проанализировать смысловую и содержательную взаимосвязь этнодиаспор и религиозных меньшинств конвертитов. Эта теория предоставляет методологический инструментарий для изучения такого нового для многих европейских стран и России феномена, как конверсация европейцев в ислам, в буддизм, в индуизм, ролей и функций конвертитов в развитии «глобальной культуры».

В настоящей статье мы продемонстрируем применение предложенной нами теории и подхода к анализу процесса глобальной институционализации буддизма, неотъемлемой частью которого стали российские общины конвертитов. Нами будут освещены следующие вопросы.

Каков модус существования буддистов-конвертитов как в локальном, так и в глобальном контексте «единого социального мира»? Каковы статус и направленность социальной активности буддистов-конвертитов, составляющих в реальности часть транстерриториального религиозного сообщества, ядро которого — этнорелигиозное меньшинство тибетской диаспоры в Индии и Непале? Являются ли локальные меньшинства буддистов-конвертитов Европы, Америки и России институциональной частью глобальной коммуникационной сети буддизма?

Принципиально важно отметить, что указанные выше вопросы, как правило, не ставятся в отношении религиозных меньшинств конвертитов. Религиозные меньшинства изучаются на сегодняшний день в основном в рамках этнологии, этносоциологии, культурной антропологии и социологии религии. Этнологические и антропологические исследования религиозных меньшинств направлены по преимуществу на изучение более крупных проблем миграций, иммиграций и т. п. Именно в этом контексте предпринимаются попытки рассмотрения разного рода этноменьшинств в национальном государстве, современных форм национализма и религиозного фундаментализма. Религиозные меньшинства изучаются в основном как этнорелигиозные в их связи с конкретной локальной культурой, либо как детерриторизованные этногруппы в контексте национальных государств. Иными словами, центральным для исследователей оказывается вопрос об их потенциальной социальной и политической конфликтности. Но такая постановка проблемы провоцирует целый ряд методологических затруднений.

Сообщества конвертитов принято классифицировать как квази этнорелигиозные группы, социальная конфликтность которых может разворачиваться в пределах национального государства. Применительно к детерриторизованным этногруппам совершенно адекватно выглядит такой критерий конфликтности, как экспорт этнических проблем в сферу публичности принимающего государства, осуществляемый средствами религии. Конфликтность этнорелигиозных групп имеет локальный характер, поскольку связана с их стремлением воспроизводить собственную этнокультур-

ную традицию в пределах принимающего национального государства. В отношении религиозных меньшинств конвертитов эта проблема, как правило, не встает.

Таким образом, религиозные меньшинства конвертитов остаются по-прежнему на периферии научного внимания. Их оценивают как статистически крайне малые, политически неактивные культовые движения, религиозная деятельность которых не представляет особого интереса в аспекте глобализации религий. Такая оценка во многом обусловлена тем фактом, что конвертиты, будучи выходцами из европейской и российской культуры, проживая на территории своей родной страны, не сталкиваются с необходимостью в этническом и культурном самоутверждении, в сохранении своей этнической идентичности. Векторы их социальной, политической и религиозной активности направлены далеко за пределы национальных государств и локальных культур. Продемонстрируем этот тезис на материале наших собственных исследований общин буддистов-конвертитов¹.

Общины буддистов европейцев начали возникать в Европе и Америке в конце 1970-х гг. Пик их распространения пришелся на 1980-е и первую половину 1990-х гг. Именно в этот период западные социологи, религиоведы и этнологи впервые предприняли активное изучение общин буддистов-конвертитов в своих странах. В середине 1990-х гг. ученые пришли к выводу, что общины эти не могут быть отнесены к так называемым новым религиозным или культовым движениям, поскольку они прямо или опосредованно связаны с традиционными направлениями буддизма.

Общины буддистов-европейцев резко отличаются от традиционных общин: они построены по модели коммерческой корпорации. В своей совокупности они представляют глобальную коммуникативную сеть буддистов-мирян, религиозная, социальная и политическая деятельность которых подчинена целям популяризации буддизма в глобальных пределах.

Процессы глобальной институционализации буддизма затронули и Россию. В нашей стране, наряду с возрождением традиционных форм социокультурного функционирования буддизма (у бурят, калмыков, тувинцев), появились буддийские сообщества конвертитов. Большинство из них создано при участии зарубежных проповедников. Многие из существующих сейчас в Санкт-Петербурге, Москве и других городах России сообществ буддистов-конвертитов возникли на волне событий начала 1990-х гг., когда в страну хлынул поток зарубежных миссионеров различных конфессий. Наиболее многочисленными и популярными, особенно среди молодежи, стали общины буддистов-конвертитов тибетской ориентации. Номенклатура и формы социорелигиозной активности этих общин отражают процессы, происходящие в среде тибетской эмиграции в Индии и Непале, где различные школы тибетского буддизма борются за лидерство в сферах политической и религиозной жизни тибетской диаспоры.

Одной из главных отличительных особенностей этих новых для России буддийских сообществ конвертитов выступает их ориентированность на нетрадиционные для

¹ Островская-мл. Е.А. Тибетобуддийский социально-политический проект: история и современность. — М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2002. — 145 с.

буддизма как мировой религии формы организации религиозной жизни. По своей структуре, типу религиозности, обрядово-культовой практике они представляют собой уже закрепившуюся на Западе разновидность сообществ конвертитов. Они организуют свою повседневную религиозную жизнь по унифицированной схеме, принятой в среде буддистов-европейцев по всему миру.

В контексте глобальной буддийской сети разбросанные по миру религиозные меньшинства конвертитов могут быть рассмотрены в качестве «конструируемого» социорелигиозного института мирян. Религиозные наставники, проживающие в тибетской диаспоре в Индии и Непале, представляют социокультурный институт буддийского монашества.

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В «ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Общественно-политические и экономические изменения, произошедшие в России за последние десятилетия, демонстрируют включение страны в процессы мирового масштаба, в том числе и в сфере религиозных отношений. Глобализация охватывает не только сферу экономики, финансов и политики, но, и сферу общественного и индивидуального сознания людей. Она проявляется, с одной стороны, через «расширение» сознания до уровня планетарных представлений и выведение человека за пределы локальной, региональной, национальной замкнутости, а с другой, через универсализацию определенных особенностей, которые становятся общими для всех, превращаясь в базовые типические черты.

Планетаризация и индивидуализация сознания позволяют индивиду ощутить себя не только членом отдельного сообщества, но и гражданином мира, выйти за рамки семьи, города, национального государства. Вместе с тем чувство принадлежности к единому для всех людей миру сопровождается отказом от прежних ценностей и привязанностей, созданием индивидами особых миров, собственных «вселенных». (Э.Перро) Это формирует особую социальную систему, в которой каждый сможет самостоятельно выбирать свой путь и строить собственную систему взглядов или «мир личного выбора». (Кесслер Д.) В условиях интенсивной индивидуализации сознания активизируется поиск новой духовности, появляется потребность творчества в духовно-религиозной сфере. Этот поиск при сохранении религиозного чувства направлен на освобождение от различных догм, в том числе и религиозных, на попытку найти путь к Спасению (в религиозном понимании этого слова) самостоятельно без посредничества церкви².

Новые религиозные движения, возникшие сравнительно недавно, позволяют верующим сохранять свою религиозную свободу и удовлетворять религиозные потребности вне традиционных церквей. Некоторые из этих течений достаточно полно интегрированы в современную культуру, будучи социо-культурным звеном социо-культурных связей, они сами демонстрируют напряжение внутри современности.

Появление новых форм религиозности это несомненное свидетельство кризиса традиционных ортодоксальных религий и следствие процесса социо-культурных изменений, характеризующий современную реальность и охвативший все страны.

Опыт исследования социально-культурных процессов показывает, что они являются достаточно самостоятельными и отличаются от социальных изменений, прежде

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проектов «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и её граждан...», Комиссия Европейских сообществ СІТ5, № 028920, 2006-09 и., «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах» грант РГНФ № 07-03-00538а, 2007-09 г

² Новоженова И. С. Глобализация в сфере сознания и новые религиозно-духовные поиски европейцев. \ \ Актуальные проблемы Европы. Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. М., 2000, 4. С.156—191.

всего, относительной непредсказуемостью социально-культурных механизмов. Это обусловлено тем, что культура в значительной степени связана с традициями, которые очень медленно изменяются. Действие социально-культурных механизмов можно проследить только в перспективе глобальных и долговременных тенденций. Это становится особенно очевидным при сопоставлении их с социально-экономическими различиями как в пределах одной культуры, так и в межкультурном пространстве, в условиях, когда универсализация и гибридизация культуры оказывают серьезное влияние на образ жизни людей в разных странах и регионах¹.

Однако не менее важной оказывается и другая сторона процесса глобализации — ее неразрывная связь с локализацией, т.е. сохранением и поиском различий, особенностей, локальных идентичностей. Это проявляется в стремлении людей определить свои базовые ценности, исследовать свои корни и культурное наследие².

Анализируя неоднородность социально-культурных изменений в российской действительности последнего десятилетия, можно выделить два основных потока этих изменений. Первый поток связан с новациями власти, с ее политическими шагами и решениями. Второй — с новациями массового общества, массового производства и проникновения в российскую действительность мирового массового рынка.

Несмотря на то, что этот поток обусловлен политическими решениями, в частности объявлением политических, экономических и культурных свобод, он имеет независимый, долговременный, повсеместный характер, затрагивает все слои населения, почти каждого человека³. По мнению французского исследователя Э.Перро происходит «процесс интеграции разнообразных культур в единую рыночную логику»⁴.

В ходе социально-культурных изменений не только общество изменяется под воздействием религии, но и сама религия трансформируется под влиянием социальных факторов. Она становится более лояльной к изменившимся условиям, идет на компромисс и приспособление, вносит коррективы в вероучение, социальные и этические доктрины, формы организации, методы деятельности. Кризис российской религиозности органично вписывается в мировой кризис религиозных институтов и, прежде всего, христианских. Для успешного выхода из этого кризиса западные христианские религии вынуждены эволюционировать в сторону гуманизма, их ритуалы и традиции теряют сакральную значимость, а компромисс с современностью становится все более глубоким⁵.

¹ Голофаст В. Б. Люди и вещи. Заметки о социально-культурных изменениях. // Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. С. 287—297

² Huntington S.P. Clash of Civilization and the Remaking of World Order, New York: Simon&Schuster, 1996, pp. 345

Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития. ЖССА, 2006, №3. С. 75—92

³ Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и контрасты. // Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. С. 298—310

⁴ Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «глобализация» // Актуальные проблемы Европы. Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. М., 2000, 4. С. 11—15

⁵ Кармадонов О. А., Особенности религиозной среды современной Америки: опыт социологического анализа. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002 т. У №4. С.

Свидетельством формирования новой религиозной среды служит появление различных религиозных организаций никогда ранее в России не существовавших. Так в начале 90-х на территории страны активно действовали мормоны, мунисты, новые баптисты, пятидесятники, появились нетрадиционные формы христианства. Еще сохранилось в памяти широко распространенное в те годы увлечение индийской религией, а также изотерикой и сенсорикой, нередко сочетающиеся с религиозностью. Люди активно посещали массовые религиозные собрания, которые также в те годы были достаточно частым явлением в Петербурге, различные церкви, домашние кружки, работали в «Армии Спасения». Таким образом, в городе были представлены религиозные движения достаточно широкого религиозного спектра. Многие из них не укоренились и почти полностью исчезли с религиозного ландшафта, другие, наоборот, действуют вполне успешно.

В качестве примера новой религиозной организации, которая сохранила свой статус и продолжает действовать, может быть названа Церковь Христа. Церкви этого направления были созданы американскими миссионерами в разных городах страны — в Москве, Новосибирске, Сыктывкаре, Барнауле, Вологде, Набережных Челнах и др., на Украине — Киеве, Донецке, Днепрпетровске, Казахстане и других странах СНГ и Балтии.

В Петербурге первая община «ЦХ на Неве» появилась в 1993 г. и была активно поддержана петербуржцами. На воскресные проповеди собиралось несколько сот человек, еще большее число составляло общину. На сегодняшний день Церковь Христа из разрозненных общин объединилась в достаточно многочисленную организацию. Она имеет свое благоустроенное помещение в центре города. Открыт Христианский колледж, который предоставляет учащимся общежитие, стипендии и различную материальную поддержку, члены церкви активно участвуют в международных программах.

Наблюдение за повседневной жизнью общины и анализ текстов полужформализованных интервью с ее членами, а также дневниковые записи и другие документы, позволили выявить и описать механизмы замены традиционной религиозности на более «светскую», проследить, как религиозные верования приспособляются к изменившимся условиям жизни, какие разнообразные и гибкие формы организации используются в работе. Это особенно интересно в условиях, когда выбор религии и религиозных практик становится личным делом верующих и их добровольных объединении. Подробно результаты исследования, мотивы и предпочтения, которыми руководствовались люди в своем религиозном поиске, изложены в моей статье в Журнале социологии и социальной антропологии¹.

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание на процесс укоренения экспортированных из других стран религиозных объединений в более широком социальном контексте, а именно в «глобальном контексте», который одним из первых в нашем институтском сообществе начал обсуждать В. Б. Голофастом. Этот подход

¹ Еремичева Г.В. Религиозный поиск и новые религиозные организации (на примере Церкви Христа в Санкт-Петербурге). // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005, т.УШ, №3. С. 174—192

позволяет рассмотреть процесс усвоения мировых культурных ценностей и вхождение России в мировое религиозное сообщество со всеми позитивными и негативными последствиями, свойственными глобализации в целом. Поэтому процессы, которые разворачиваются в стране, не могут быть поняты без осмысления опыта «исследования механизмов разлада институциональных религий под воздействием современности и механизмов создания новых форм религиозной веры», предложенного зарубежными авторами с учетом глобальных и долговременных процессов¹.

Собранный материал по истории и деятельности Церкви Христа позволяет этот научный багаж использовать. ЦХ довольно широко известна во всем мире. К 1997 г. она имела свои общины в 109 странах мира, которые насчитывали около 20 тысяч конгрегаций, с общим количеством прихожан, колеблющимся в пределах 2,5–3 млн человек². Судя по активным передвижениям американских миссионеров в настоящее время в такие страны как Китай, Новая Зеландия, Индия, Пакистан и другие, сейчас их гораздо больше.

Несомненно, рыночная экономика оказывает серьезное влияние на сферу религиозных отношений, приспособляя их к динамичному и прагматичному образу жизни верующих, а сама религиозность становится более комфортной. Приобщение к религиозному сообществу не нарушает интегрированности прихожан в светскую, деловую и культурную жизнь. Наоборот, способствуют формированию достигательных, активных жизненных ориентаций, добровольному сотрудничеству с близкими по интересам и религиозным предпочтениям людьми. Общение и взаимодействие становятся более значимыми, чем строгие обряды и ритуалы традиционных религий. Это повышает популярность такой организации в среде молодежи и людей среднего возраста, с более высоким уровнем образования, желающих приобщиться к западным культурным и христианским ценностям.

Следует также отметить, что в первые годы перестройки интенсивный религиозный поиск в России был направлен, прежде всего, на психологическую и социальную поддержку, а гуманитарная помощь миссионеров имела существенное значение для большинства прихожан. В настоящее время в Церкви Христа предпочтение отдается скорее харизматическим качествам лидеров, их профессионализму, деловой активности и уровню общей культуры. Особую значимость приобретают дискуссии на религиозные темы, неформальный стиль общения, дружеские контакты между членами общины, иностранными миссионерами и волонтерами, участие в различных международных программах.

Церковь Христа характеризует собственный культурный стиль, который связан с процессом проведения богослужений, проповедей, социально-культурной жизнью общины и который формирует собственную специфику и стратегию дальнейшего развития за счет привлечения все большего числа верующих и адаптации к существующей реальности. Это и проведение международных программ по бесплатному изучению английского языка, молодежное кафе с просмотром видео материалов как

---

¹ Эрвье-Леже Д., Социология религии во Франции. // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, т. П. С. 220–242

² Барнетт Дж. Церковь Христа. Кто эти люди? СПб., 1997

религиозного, так и светского содержания, совместные празднования религиозных и светских праздников (дни рождений, свадеб и других знаменательных дат членов общины и их семей), коллективные походы в театр и поездки за город.

Все это свидетельствует о том, что в общине всячески культивируются отношения коллективизма и братские эмоционально окрашенные отношения. В ЦХ, как и других новых религиозных организациях, достаточно свободно меняется состав прихожан. Это обусловлено, в первую очередь, ежегодным набором студентов в Христианский колледж, переходом прихожан из одной общины в другую (например, в ЦХ нередко приходят баптисты, пятидесятники и другие верующие) новые члены привносят свои идеи, изыскивают новые возможности и формы работы — издается электронный журнал, постоянная информационная компьютерная связь и т.д. В процессе тесного общения члены общины приобретают навыки коммунитарной жизни, опыт взаимопомощи и поддержки среди духовно близких людей. Внутри НРД происходит поиск новых форм «социальности» или «коллективности» на низовом уровне. Это позволяет рассматривать эти религиозные организации как поле социального экспериментирования, где создаются коммуны или группы, стремящиеся следовать отношениям первых христианских общин, но, безусловно, с современной спецификой соответствующей психологии человека конца XX века. Такие общины могут восприниматься как модель формирования социальных гуманных отношений, мультикультурных и интернациональных навыков общения. Следует подчеркнуть, что в настоящее время социальное экспериментирование НРД происходит в достаточно благоприятных условиях.

Исчезновение или ослабление влияния прежних коллективных структур «человеческого масштаба» таких как межпоколенная семья, соседство, церковный приход, трудовой коллектив значительно повышают значимость этих организаций в обществе¹.

С другой стороны, для выживания в условиях жесткой рыночной экономики религиозные организации вынуждены формировать специфическую «религиозную экономику», в которой могут действовать соответствующие отношения и методы. Как пишут американские исследователи, кроме различных стратегий рекрутирования новых членов, в конкуренции за число прихожан используются все доступные способы расширения ассортимента предлагаемых услуг и т.п. При этом подходе прихожане выступают в роли клиентов и потребителей услуг, а церкви рассматриваются как религиозные предприятия «фирмы», чьей главной целью является создание, поддержание и предложение религий отдельным лицам и группам. В целях специализации «фирма» обслуживает определенные «рыночные сегменты», а точнее различные социальные группы с их религиозными предпочтениями. Например, большая часть социальной программы церкви направлена на благотворительность и материальную поддержку, если основной контингент церкви люди пожилые и мало имущие. Если же прихожане в основном люди с достаточно высоким уровнем образования и материальным достат-

¹ Новоженова И.С. Глобализация в сфере сознания и новые религиозно-духовные поиски европейцев. // Актуальные проблемы Европы. Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. М., 2000, 4. С. 156–191

ком, то большее внимание уделяется социально-культурной работе, светским и культурным мероприятиям (диспуты, беседы, занятия языками или рукоделием и т. п.).

Следует заметить так же и то, что не все западные исследователи так однозначно принимают такое восприятие религиозного плюрализма и концепцию «рынка религий». Она вызывает достаточно много возражений в среде ученых, журналистов, религиозных деятелей¹.

Однако, в последние годы, в деятельности религиозных организаций трудно не заметить воздействия рыночных механизмов, экономических подходов и решений, использование практик менеджмента и коммерции, которые соответствуют корпоративной культуре. Среди них наиболее распространенные это — отношения и методы управления, развитие диалога между управлением (менеджментом) и руководством (лидерством). Все чаще исследователи, изучающие факторы успеха корпораций и организаций, указывают на то, что адекватные концепции руководства людьми имеют важнейшее значение для всех корпораций, предприятий, некоммерческих ассоциаций и других организаций, и с успехом могут быть применены для таких организаций, как религиозные.

Такие понятия как — понимание различий и связи между руководством и управлением; партнерское руководство и партнерское управление; образ будущего; система ценностей; новаторство и творчество; движущая сила; миссия (задача, соответствующая предназначению организации); высшая цель (цель, определяемая предназначением организации), стратегия; корпоративное преимущество; формирование рабочего коллектива; доверие; информирование; изменения; глобализация; рыночная ориентация; корпоративная среда и окружающая среда — все чаще встречаются в западной специальной религиозной литературе и лексике представителей современных религиозных организаций².

На наш взгляд, это вполне оправдано, поскольку естественно, что церкви не могут существовать только на спонсорские деньги и ограничиваться только действием фондов, складывающихся из пожертвований прихожан. Если они не выработают собственной «экономической» стратегии выживания и перспективного развития, сохранить жизнеспособность таким религиозным объединениям становится крайне проблематично. Свидетельством этого предположения является, наблюдаемая сегодня, «плавающая» существования организаций подобного типа, высокая степень «текучести» числа прихожан, попытки участвовать в коммерческой деятельности.

В заключении хочется подчеркнуть, что проблемы адаптации и перспективы эволюции новых религиозных образований представляют серьезный исследовательский интерес к «плавающим» формам религиозности, и привлекают внимание ученых, журналистов и специалистов широкого профиля к вопросам не только религиозных поисков представителей различных слоев населения, но и к их моральным, психологическим настроениям, состоянию духовной сферы в целом современного общества.

---

¹ Bainbridge W:S, The sociology of religious movements. -New York- London: Routledge, 1997. P. 474

² Ian Fair. Leadership in the Kingdom. Sensitive Strategies for the Church in a Changing World. Abilene Christian University Press, USA, 1996, 409 pp.

**СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:
ПОЭТ РУССКОГО АНДЕГРАУНДА ИГОРЬ ХОЛИН
И ЕГО «ПОНИМАЮЩАЯ ДЕВИАНТОГРАФИЯ»**

Обзор российских социологических журналов последних 20-ти лет показывает, что в них чрезвычайно незначительно представлены такие отрасли социологического знания, как социология искусства и социология литературы. Примерно так же обстоит дело и с тематикой кандидатских и докторских диссертаций по социологии. Между тем, литература (художественная, мемуарно-дневниковая, документально-публицистическая и др.) способна, при методологически выверенной социологической транскрипции, служить источником добротной социальной информации.

Поскольку социология литературы — научная дисциплина с явно выраженной прагматической ориентацией, то для нее литература — не самоценность, а всего лишь источник социальной информации, инструмент познания внелитературной реальности, в том числе тех многообразных форм социальности, на которые социолога выводит литературный текст.

Исследователь может выступать в качестве социолога-универсала и выжимать из интересующего его литературного текста всю социальную информацию, какая в нем содержится. Но одновременно для него открыт также путь и более избирательного отношения к литературно-социологической информации. Если его, скажем, интересует религиозная проблематика, то он вполне может рассматривать социологию литературы как социологию религиозности. Подобный подход будет выглядеть как самостоятельное направление междисциплинарного исследования, позволяющее свести воедино аналитические интенции таких дисциплин, как социология, литературоведение и религиоведение. И подобное направление будет достаточно перспективным, поскольку литература действительно является носителем ценнейшей информации, касающейся таких сложных сфер, как индивидуальная и массовая религиозность. В литературных текстах венаучного характера нередко содержатся такие фактографические сведения и типологизирующие констатации, касающиеся религиозной жизни личности и общества, которые либо в свое время успели ускользнуть от внимания ученых, либо вообще пока еще не попадали в круг научных интересов социологов.

**Андеграундная социография
советских нравов**

Один из самых ярких представителей русского андеграунда — поэт Игорь Сергеевич Холин (1920–1999). «Биография Игоря Холина, — пишет критик Е. Лобков, — мифологична, где и как прошли детство, отрочество и юность — неизвестно» (Лобков Е. «Страшный мир» Игоря Холина (Гипертекст «Барачные») — mtmbers.tripod.com/barashw/zerkalo/23/Lobkov.html). Доподлинно известно немногое: Хо-

лин — выходец из дворян, участник Великой Отечественной войны, в годы советской власти не публиковался, однако был широко известен в «самиздатовской» среде.

В творчестве Игоря Холина присутствует фермент некоей загадочности. Это поэт, которого мы еще не поняли должным образом. Тот уровень понимания, в соответствии с которым некоторые критики произвели его в летописцы советского барачного быта («барачной цивилизации»), лежит на поверхности и является самым незамысловатым. Но помимо него существуют и другие уровни, в том числе социологический, метафизический и теологический. Однако до них наше понимание еще не добралось.

Невооруженным глазом видно, что Холин — поэт-нонконформист, чья мировоззренческая и художественно-эстетическая позиция имеет протестный характер. В содержательном отношении эта протестность дозирована: Холин не доходил до политического антисоветизма, держался в отдалении от официальной идеологии и политики и ограничивался демонстративной аполитичностью. Энергия отрицания устремилась у него в значительной степени в область формы стиха, распространилась на синтаксис, приняла вид периодически демонстрируемого пренебрежения знаками препинания. И, конечно же, дух протеста присутствует в том выборе тем и сюжетов, который существенно отличает его от других поэтов советской эпохи.

Холина можно считать полноправным участником процесса общественного самопознания, стоящим в одном ряду с самыми видными летописцами послевоенной советской истории. Он сумел создать свой литературно-художественный мир — причудливое и вместе с тем чрезвычайно точное отображение легко узнаваемого социального мира советской барачной повседневности. Перед читателем предстает целая вселенная смыслов и ценностей, откуда пути ведут в множество социогуманитарных аналитических направлений — социологию, антропологию, психологию, философию и даже теологию.

Холин — создатель социокультурной модели особой разновидности советского человека — «человека барачного». Этот последний предстает у него не просто носителем определенной субкультуры, но, прежде всего, жертвой устрашающей своими масштабами антропологической катастрофы. Поэт сумел придать выведенному им типу как художественную, так и познавательную значимость. Его можно назвать создателем оригинальной социально-художественной кунсткамеры, а созданные им поэтические миниатюры — настоящей коллекцией социальных уродств, разнообразных типов девиантного бытия, примеров недолжного социального существования. За их россыпью отчетливо просматривается трагическая по своей сути социальная реальность, где деформации-девиации прочно утвердились в жизни миллионов людей и стали нормой,

Игорь Холин как бы ведет протяженный поэтический репортаж из недр барачного «подполья», где абсурд — такая же осязаемая реальность, как, скажем, консервная банка или бутылка из-под водки. Нам сегодня легко увидеть абсурдность той, уже отошедшей в небытие советской повседневности. Мы находимся далеко за ее пределами, на расстоянии полувековой удаленности, рассуждаем о ней, судим ее из другой страны, над которой развевается трехцветный флаг и реет двуглавый орел, где нет КПСС и есть частная собственность. Но увидеть, понять и изобразить эту абсур-

дность, находясь внутри нее, было очень не просто. И надо отдать должное Игорю Холину: он справился с этой задачей блестяще. В этом ему помогли в первую очередь обстоятельства его собственной жизни. Проживая в 1950-е гг., подобно многим его современникам, в типичном советском бараке, он невольно оказался в ситуации включенного наблюдения. Поэтому он как никто знал содержимое этого социального питомника девиантных форм существования.

Холизм поэтического «подполья» Холина

Игорь Холин создал свой художественный мир, целую вселенную смыслов, откуда открывается путь в социологию, психологию и философию. Можно говорить о характерном для этого мира принципе всеобщей системности и целостности. По странной прихоти обстоятельство философы называют этот принцип холизмом (англ. holism — философия целостности). Он предполагает, что в пределах одной системы все явления и процессы могут находиться в отношениях взаимных структурно-функциональных зависимостей и составлять единое целое.

Холизм поэтического мира Игоря Холина вполне очевиден. Этот мир не фрагментирован, а чрезвычайно целостен, хотя целостность эта и особого свойства, поскольку связана с андеграундной природой всего творчества Холина, то есть с авангардистским пренебрежением стереотипными художественно-эстетическими нормами и с эпатажирующим интересом к различным социальным девиациям.

Хотя среди культурологов и литературоведов и считается, что понятие андеграунда возникло в США в 1950-е гг., нельзя не отметить характерный литературный факт: впервые это понятие вошло в литературу на сто лет раньше. Оно в виде его русскоязычного аналога (англ. underground — подполье, подземелье, подвал) было введено в название знаменитой философской новеллы Ф. М. Достоевского «Записки из подполья». «Подполье» не было у Достоевского простой метафорой; писатель придал ему существенный экзистенциальный смысл. Он обозначил с его помощью те подспудные глубины человеческой природы, в которых таится все темное, докультурное, brutальное, имморальное, что человек цивилизованного общества вынужден скрывать от окружающих и даже от самого себя, но что способно иногда прорываться на поверхность в виде разнообразных поведенческих девиаций, повергая в смятение свидетелей этих прорывов.

В мировом искусстве певцов «подполья» как реальности особого типа было не так уж много. Одни из них описывали жизнь того темного подполья, которое имеется в пределах каждого человеческого «я», другие изображали разные виды «подполий», имеющих у больших общественных систем — жизнь ночлежек, притонов, тюрем, концентрационных лагерей и прочих локальных ареалов социального дна.

Поэзия Холина — это презентация двух типов «подполья». С одной стороны, это безблагодатный внутренний мир несчастного в своем духовном убожестве «совка», не имеющего представления об истинных смыслах бытия, не знающего для чего он существует, не способного вразумительно ответить на вопросы кто он, откуда он, куда он идет. С другой стороны, это гигантское социальное «подполье» — «барач-

ное пространство» советской цивилизации, где во тьме духовной несвободы отбывают пожизненное заточение представители особого социального типа — «человека барачного». В целом же «подполье» Игоря Холина — это мир уродливых социально-антропологических типажей, тиражированных советской действительностью на одном из ее самых нижних уровней — барачно-коммуналом.

Обе воспроизводимые Холиным реальности, антропологическая и социальная, наиболее успешно могли бы быть описаны в терминах девиантологии. Но поскольку Игорь Холин — не ученый, а поэт, то он пользовался своим языком, а точнее, той его версией, которая, на его взгляд, а наибольшей степени подходила для решения стоявших перед ним творческих задач — языком поэзии русского андеграунда.

Подобно тому как «барачная цивилизация» — это социальный «антимир», так и «барачная поэзия» — это, по сути, «антипоэзия», состоящая из «антистихов», строящихся на основе принципов «антиэстетики» и стилизованного косноязычия.

Последнее имеет глубокие социальные корни. Еще в XIX веке культура, начавшая вхождение в стадию модерна, сразу же почувствовала, что тема художественно-поэтического косноязычия для нее почти родная. Одним из первых об этом заговорил О. Мандельштам. «Надо мной и многими моими современниками, — писал он, — тяготеет косноязычие рождения. Мы учились не говорить, а лепетать — и лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык» (Осип Мандельштам. Стихотворения. Избранная проза. Волгоград. 1991. С. 379).

Справедливости ради следует заметить, что истоки того косноязычия и той «антиэстетики», которые характерны для Игоря Холина — не только социальные. Понятно, что поэт изображает тот «антимир», в который превратился «дивный, новый мир» социалистических утопий. Но одновременно, как бы исподволь, он подводит читателя к пониманию того, что это мир, который нельзя назвать ни вполне Божьим, ни вполне человеческим. Божьим его нельзя назвать, поскольку в нем нет Бога. Человеческого в нем крайне мало из-за его чрезвычайной немилосердности по отношению к человеку. Он нечто, напоминающее мир картин Иеронимуса Босха, где человеческое вытеснено античеловеческим — зооморфным и демоническим. Вместо Бога, света и «образа и подобия Божия» в нем заняли совсем иные реалии, чья отталкивающая и устрашающая низменность позволяет предположить, что они представляют темную, запредельную реальность инфернального происхождения.

Из всех писателей советской эпохи с Холиным наиболее сходен Андрей Платонов — по мироощущению, проблематике, языку, стилистике. Тексты Холина можно рассматривать, подобно текстам Платонова, как собрание кусткамерных образчиков недолжного социального существования, как коллекцию моделей девиантного бытия. За их пестрой россыпью просматривается трагическая по своей сути реальность, где девиации стали нормами, прочно утвердившимися в жизни миллионов людей.

Но сразу же возникает вопрос: а какова природа этих отклонений или, иначе говоря, от чего они отклонились? Не углубляясь пока в анализ возможных вариантов ответа, сразу же сформулируем гипотезу, суть которой состоит в следующем: девиантными являются все те формы индивидуального и общественного бытия, которые вписываются в контекст парадигмы богооставленности.

Следует отдать должное Холину: он сознавал и болезненно переживал эту богооставленность советского мира и советского человека. И это выводит его за пределы тех цеховых рамок поэта андеграунда, в которые его уже успели вписать литературоведы.

Темные недра барачно-коммунального «подполья»

Игорь Холин — создатель собственных социокультурных моделей «барачной цивилизации» и «человека барачного» как представителя «барачно-коммунальной субкультуры» и как особого социального типа. Полновесная художественная презентация этих моделей и типов имеет несомненную эстетическую и познавательную значимость.

Первое впечатление от поэтических миниатюр Холина, будто это всего лишь непритязательные зарисовки сцен примитивного советского быта 1950–1960-х гг., обманчиво. Во многих его мини-стихотворениях отчетливо присутствует критическая социальная рефлексия по поводу сложной системы зависимостей отдельного человека от множества общественных и государственных институтов, надстроженных над барачным «подпольем».

Барак предстает у Холина как впечатляющий своими масштабами социальный институт. Его негармоничные, уродливые формы заполняют собой почти все экзистенциальное пространство жизненных миров героев Холина. В бараках они рождаются, вырастают, женятся, рожают детей, старятся и умирают. Барак — это социальный космос, это альфа и омега, начало и конец того типа цивилизации, в которую был погружен самый «простой советский человек», который не был ни ударником, ни «стахановцем», ни «гагановцем». Для него малое барачное время слабо связано с большим историческим временем. «Человек барачный» не рефлексировал по поводу этих связей; они для него как бы не существуют. В своем барачном мирке он погружен в самую непритязательную повседневность, лишенную малейших признаков духовности, и занят лишь тем, что прозаично и приземленно изживает свою незамысловатую жизнь.

*Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор.
18 квартир.
На стене лозунг:
МИРУ МИР!
Во дворе Иванов
Морит клопов,
Он бухгалтер Гознака.
У Романовых пьянка,
У Барановых драка.*

(с. 27)¹

¹ Здесь и далее указываются только страницы издания: Холин И. С. Избранное. Стихи и поэмы. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Или:

*Пили. Ели. Курили.
Пели. Плясали. Орали.
Сорокин лез целоваться к Оле.
Сахаров уснул на стуле.
Сидорова облевали*

(с. 32)

«Человек барачный» не интересуется политикой, ему безразлично, как называется господствующий в его стране строй, социализмом, коммунизмом, демократией или как-то еще. Он далек от политических материй и твердо знает только одно: в его жизни царит один строй, имя которому — «баракократия». И власть этого строя незыблема, абсолютна и пожизненна.

«Человек барачный» как «подпольный человек»

«Человек барачный» — это низший подвид «*homo soveticus*». Он стоит даже ниже мещанина, ошельмованного советской пропагандой. У этого последнего есть хотя бы свой дом, его «крепость» с налаженным бытом, геранью на подоконнике, слониками на комод, а зачастую и оставшиеся от родителей иконки, спрятанные в том же комод под кипами выстиранного и выглаженного постельного белья. У обитателя «барачного подполья» отнято все — Бог, свобода, смысл жизни, достоинство, право на человеческое существование.

«Человек барачный» — результат той чудовищной и роковой инволюции, которая стала возможной в результате смены социального строя и построения атеистического государства и общества. Богоборческая политическая система создала весь комплекс необходимых социальных предпосылок, чтобы эта инволюция двигалась максимально возможными темпами и захватила как можно большее число людей. Однако далеко не все индивидуумы оказались способны эволюционировать в том направлении, какое требовалось властям. Не из всех получались образцовые «строители коммунизма». Тот «человеческий материал», на котором явно проступали следы социального брака, оказался в значительной степени сконцентрирован в барачных поселениях, располагавшихся в рабочих поселках на окраинах больших городов.

Дмитрий Карамазов у Достоевского говорит: «Широк русский человек, слишком широк — я бы сузил». Один из современных критиков (Е. Лобков) резонно заметил, что в XX веке для России пришло такое время, когда подобное «сужение» стало в ней одной из главных государственных задач.

Типичным примером русского человека, которого удалось максимально «сузить», предстает «человек барачный». Живя в условиях «барачной цивилизации» как девиантной формы человеческого общежития, он явил собой социальный тип, для которого девиантность стала его сущностью. Барачный мир предстает как некий социальный отстойник, где оказались в огромном количестве сосредоточены «анти-

поды коммунистической морали», то есть девиантные личности — пьяницы, хулиганы, распутницы, мелкие ворюжки и т. п.

Все они, вместе с их законопослушными соседями, — жертвы антропологической катастрофы, в которую оказалась ввергнута страна. Игорь Холин — ее летописец и социограф: перед читателем проходит целая галерея образов жертв этой катастрофы, мужчин и женщин. Встречаются миниатюры-эпитафии, в которых просматривается образ будущей демографической катастрофы XXI столетия:

*Здесь зарыто Марусино тело.
Замуж не выходила,
Говорят, не хотела.
Сделала 22 аборта.
К концу жизни была похожа на черта.*

(с. 29)

Или сходная ситуация:

*Умерла в бараке 47 лет
Детей нет.
Работала в мужском туалете.
Для чего жила на свете?*

(с. 24)

Образы обитателей барачного «подполья» в основном безлики и чем-то напоминают те мертвые души, которые населяют дантовский ад. Они ни на что не надеются, не ждут облегчения своих страданий. В каждом из них очень трудно отделить грех от грешника, поскольку грех составляет его сущность, а греховность заполняет его почти до краев. По крайней мере, сам поэт не делает ни малейшего шага в направлении подобного отделения. Он изображает мир тех, кто забыт Богом и уже при жизни получает свое наказание. Оно может быть не слишком устрашающим по своему внешнему виду. Устрашает другое — ощущение безысходности, состояние обреченности, в которое человека погружает закольцованность его повседневного безрадостного существования.

*Рыба. Икра. Вина.
За витриной продавщица Инна.
Вечером иная картина:
Комната,
Стол,
Диван.
Муж пьян.
Мычит:
— Мы, бля-я...
Хрюкает,*

*Как свинья.
Храпит.
Инна не спит.
Утром снова витрина:
Рыба. Икра. Вина.*

(с. 30)

Такова экзистенциалогия безысходности и бессмысленности жизни. Здесь приземленный социальный контекст замкнут, закольцован таким образом, что возникает впечатление полного отсутствия выхода из него. Герои обречены на пожизненное заключение в тюрьме советской повседневности.

Так выглядит у Холина советская модель пенитенциарной системы для законопослушных граждан, которые, не веря в посмертное воздаяние, уже при жизни, как бы в назидание, получают возмездие за свое неверие.

Знакомясь с зарисовками, подобными этой, никак нельзя сказать, что социография Холина асоциальна. Совсем напротив: его миниатюры, при всей их демонстративной аполитичности, заряжены гигантской дозой социальности и представляют большой интерес для социологов.

Социальная модель инфернального мира

Образ ада занимает в поэтике Холина одно из главных мест. И это не случайно: ведь ад — это тоже «подполье», только не социальное, а трансцендентное. Холина весьма занимает тот тип социальной реальности, к которой понятие ада приложимо в качестве метафоры. Земной ад для него существует в двух видах — бытовом и производственном:

*Адам
Токарь-инструментальщик
Ева
Слесарь-лекальщик
Место работы
Завод «Пеношлак»
Место жительства
Общежитье
Барак
Хуже Ада
Ни водопровода
Ни газа
Комендант зараза
Закрыв красный уголок
Заявил
Превратили в бардак
Она скучает
Он злится
Негде встречаться*

(с. 53)

Слова Адам, Ева, ад вносят особый настрой в этот внешне незамысловатый стих. Они позволяют рассматривать бытовую зарисовку в качестве советской версии одной из картин дантовского «Ада». Только здесь все выглядит более гнетущим, поскольку герои Холина оказались в аду уже при жизни. И это ад посюсторонний, рукотворный, социальный. Более того, это ад узнаваемый, российско-советский, созданный самими «строителями коммунизма». Барачное «подполье» предстает в качестве типично советского варианта всеобъемлющей пенитенциарной системы.

У Холина этот земной и одновременно полунинфернальный мир имеет не только бытовую, но и производственный характер:

*Врата Ада
Металлургического завода
Там
В цехах
В печах
Зреет металл
Автоматы
Куют вал
Создают машину
Махину
Таран
Невиданного размера
Он
Может
Одним ударом
Уничтожить
Марс
Юпитер
Венеру
Вот плод идей
Миллионов людей*

(с. 71)

Здесь налицо смешение двух начал — адского огненного мрака с вавилонским строительством гигантских, металлических монстров, обладающих сатанинской разрушительной силой. И это ад не трансцендентный, а рукотворный — плод мыслительных и деятельных усилий людей.

Самая прозаическая информация, неважно, взята ли она из жизни московских обывателей или почерпнута из военной сводки, может у Холина неожиданно устремиться в мистическое русло, а ее обыденный смысл трансформироваться в смысл религиозно-инфернальный:

*Мост,
По которому шел эшелон*

*Взорван
Сообщалось в донесении
Погибло
Несколько сот солдат
Враки
Поезд
Изменил направление
И ушел в Ад*

(с. 178)

Метафизическая тьма, окутывающая героев Холина, густая и плотная. Ее присутствие в жизненном пространстве «барачного человека» избыточно. И все же она не всеобъемлюща и не может поглотить его целиком. Если бы человек был порождением тьмы и она являлась его родной стихией, то он был бы совершенно другим существом, и это проявлялось бы на всех уровнях — физическом, антропологическом, психическом и т. д.

*Если бы мы
Жили
Во тьме
Мы бы ползали
На животе
Мы бы обнюхивали
Все
Как собаки
Натываясь
На острые углы
Во мраке
Мы бы
Вытягивали шеи
Мы бы
Шипели
Как змеи*

(с. 194)

Впрочем, временами Холин готов признать, что существование его героев носит вполне скотский, свиный характер. И даже самого себя он не всегда отделяет от них. В подобных случаях даже его попытки ввести спасительный парадокс о низменном существовании, приближающем человека к Богу, не выглядят убедительными:

*Я постепенно опускаюсь
На дно
Туда
Где люди
Хрюкают*

*Мычат
И скотский образ жизни
Для них
Единственная форма
Существования
Чем ниже опускаюсь я
Тем ближе к Богу*

(с. 134)

Даже если признать здесь наличие все той же дантовской логики погружения в ад, оборачивающейся в итоге приближением к раю, читатель вряд ли поверит в ее действительность. Слишком далеко отстоят в данном случае друг от друга художественный мир поэта-христианина Данте Алигьери и советская богоборческая реальность XX века.

Земля с людьми, погрязшими в пороках, — данность, с которой не понятно, что делать. Хорошо было бы вообще как-нибудь избавиться от нее. Холин не находит ничего лучшего, как перевести это свое желание на язык откровенно-вульгарной «бытовухи»:

*Вася
Убери свою Вселенную
Она воняет
Как воняли когда-то портянки
Нечистоплотного человека*

(с. 208)

Та странная личная религиозность, которую Игорь Холин демонстрирует во многих своих стихотворениях, не может быть оценена однозначно. Ее нельзя назвать христианской, как его самого не назовешь христианином в точном смысле этого слова. Вместе с тем, он, конечно же, не атеист и тем более не богоборец. Доминирующее состояние его духовного, творческого, экзистенциального «я» может быть охарактеризовано, скорее всего, как маргинальное. Он пребывал в некоем «ничейном» духовном пространстве, находясь одновременно в заметном отдалении и от эпицентра советского официального атеизма, и от полновесного христианства. Поэт был чужим как среди атеистов, так и среди воцерковленных христиан. Его мировоззренческая позиция, будучи периферийной по отношению и к первым и ко вторым, делала его весьма типичной фигурой советского времени.

Религиозность Холина, подобно религиозности многих его современников, складывалась из элементов полуневерия и полуверы. Пребывая в социокультурном разломе между различными ценностно-нормативными системами, христианской и богоборческой, они не находили в себе достаточных духовных сил, чтобы окончательно самоопределиться и выбраться из этого маргинального состояния мировоззренческой промежуточности. Осколки обеих систем складывались внутри них в странно-

причудливые картины сущего и должного, похожие на путаные ребусы. А это в свою очередь свидетельствует о том, что «простой советский человек» был отнюдь не так прост, каким его пытаются иной раз изображать современные историки и социологи. Это был отнюдь не штампованный «винтик», вышедший из-под пресса тоталитарной государственной машины. К нему больше подходит определение жертвы глобальной социально-антропологической катастрофы, т. е. существа с деформированными, полуразрушенными, но не уничтоженными духовными структурами. В искалеченных духовных органах этого социально-исторического инвалида-мутанта сохранялась остаточная способность к религиозному мировосприятию. И поэзия Игоря Холина — неординарное тому доказательство.

Поэтика анонии

В поэтике Холина налицо абсурдистское, аномийное начало, истоки которого следует искать в той реальности, внутри которой существовало его социальное и этическое «я». И хотя советская модель абсурдности масштабна и широкозахватна, все же она не тотальна. Пропитавшая, казалось бы, большинство ареалов сущего и должного, она не способна охватить весь мир. Бытие в целом, несмотря ни на что, имеет смысл. И хотя Холина он не ведом, интуиция подсказывает ему, что он существует:

*И жизнь потухшего огня
И жизнь подохшего коня
И жизнь разрушенной стены
И жизнь заглаженной вины
И жизнь пролитого вина
Кому-то видимо нужна.*

(с. 125)

Для Холина очевидны те роковые моральные последствия, которые влечет за собой господство абсурда в социальной и духовной жизни. Социологи обозначают всю совокупность этих последствий понятием анонии. Мир, для которого не существуют десять библейских заповедей, неизбежно оказывается погружен в состояние политического беззакония и моральной вседозволенности. Потому в нем возможны те ситуации, о которых пишет поэт:

*Сын
Убил кошку
Папа сказал
Хорошо
Сын
Изнасиловал девочку*

Папа сказал
 Хорошо
 Сын
 Донес на друга
 Папа сказал
 Хорошо
 Сын
 Убил человека
 Папа сказал
 Хорошо
 Сын
 Убил папу

(с. 205)

Девиантная религиозность «простого советского человека»

Тех немногочисленных отечественных критиков, которые пишут о Холине, проблема его религиозных воззрений совершенно не занимает, поскольку никакой особой религиозности они в нем и в его творчестве не замечают. Это выглядит достаточно странно, поскольку не видеть религиозного контекста холинской поэзии практически невозможно. Критиков, очевидно, сбивает с толку то обстоятельство, что стихи Холина совсем не похожи на духовные стихи русских поэтов прошлого. Именно поэтому задача их религиозно-теологической интерпретации кажется на первый взгляд невыполнимой. И все же следует заметить, что попытки такого рода возможны. Когда-то Пауль Тиллих высказал в своей «Систематической теологии» мысль о том, что экзистенциализм помог ему заново открыть классическую христианскую интерпретацию человеческого существования¹. Перефразируя Тиллиха, можно сказать, что теология, т. е. библейско-христианский взгляд на бытие, позволяет самым серьезным, даже радикальным образом обновлять понимание привычных для нашего секулярного общества культурных феноменов. Появляется возможность как бы заново открывать дополнительные смысловые измерения в творчестве известных поэтов, художников, композиторов. При этом как будто обнаруживается некое резервное зрение, а с ним и возможности обновленного понимания казалось бы очевидных вещей. Холину конечно же следует отдать должное: его религиозность, как и все у него, носит не совсем обычный характер. Чтобы понять ее специфику, необходимо учитывать своеобразие той социальной среды, внутри которой поэт жил и творил. На эту специфику еще в 1922 г. обратил внимание богослов Георгий Флоровский. Находившийся тогда уже за пределами России, он утверждал, что в бытии его народа совершился глубинный духовный сдвиг, и что у абсолютного большинства русских людей изменилось мировосприятие. Жизнь в их глазах утратила свой трансцендентный смысл и превратилась в нечто стихийно-природное, в череду естественных рождений и умираний. В размышлениях о «Переписке из двух углов» М. Гершензона и Вяч. Иванова Флоровский так писал о духовной жизни вчерашних соотечественников:

¹ Тиллих П. Систематическая теология: В 3-х т. Т. 1–2. М., 2000. С. 310

«Какая-то духовная работа «там» продолжается... ни бытовой развал, ни житейские тяготы, ужасы и потрясения не усыпили, не оглушили, не затуманили тревожных и вопрошающих. Пусть это совершается подспудно, пусть разрозненно, — лишь в немногих, «избранных» душах: ни делание душевное статистическому учету не подлежит, и не на путях этого учета устанавливается его вес, смысл и значительность. Понять и сознать ту творческую духовную работу, которая совершается ныне в России, — есть задача настоятельная и властно требующая к себе самого пытливого внимания»¹.

В современной литературе существует достаточное количество работ о психологии, морали, ментальности «советского человека». Что же касается его религиозности, то исследований этой сферы не слишком много. Более того, сама постановка этой проблемы выглядит, на первый взгляд, не совсем уместной. Ведь, как известно, «советский человек» — это убежденный атеист, воинствующий безбожник по определению.

Это, конечно, верно, но только до известных пределов. Необходимо учитывать, что кроме истинной религиозности, предполагающей глубокую личную веру и воцерковленность, существуют иные ее формы, иногда превратные, искаженные, деформированные внешними социальными обстоятельствами, политическими условиями, каждодневным и повсеместным идеологическим прессингом. Эти девиантные формы обнаруживают себя там, где естественная религиозность человека не может развиваться должным образом, нормальным путем — через воспитание в семье, школе, через воздействие культуры и проч. Когда же на пути человека к Богу возникают почти непреодолимые социогенные преграды, выставленные богоборческим режимом, то естественная религиозность начинает, подобно растению, помещенному в тесное, похожее на футляр, пространство, деформироваться и приобретать уродливые пропорции.

Даже самая грубая и примитивная социальная материя может представлять интерес для поэзии и теологии в силу того, что она является носителем определенных значений и символов. Посредством этих последних позиционируют себя весьма сложные социальные и духовные реалии. Поэзия Холина именно этим и примечательна: за видимой брутальной девиантностью коммунально-барачного быта просматривается драма существования, отчужденного от Бога, трагедия социального и духовного распада, ставшего уделом гигантского человеческого сообщества, именовавшегося Советским Союзом.

Странная религиозность Игоря Холина

Поэтический мир Игоря Холина раздваивается на две сферы. Одна из них — это та «барачная цивилизация», где нет Бога, и где никто не думает Ему подчиняться, где люди ведут преимущественно стихийно-природное существование, о котором писал Г. В. Флоровский. Но есть и другая сфера, где религиозная жизнь еще полностью

---

¹ Флоровский Г. В. В мире исканий и блужданий. — Он же. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2005. С. 122

не затоптана, где она продолжает подспудно существовать, хотя бы в и превратных формах, испытывающих на себе откровенный гнет брутальной социальной среды. В данном случае эта сфера оказалась дислоцирована в пределах творческого «я» самого поэта. Из его стихов видно, что лично для него Бог не «мертв» и Его требования продолжают сохранять для поэта свою императивность. Однако поэтическое сознание Холина, присутствующее одновременно в обоих этих мирах, вынуждено раздваиваться между ними. Поэтам вообще часто свойственно попадать в ситуации внутреннего раздвоения. Об этом красноречиво писал еще Пушкин в стихотворении «Пока не требует поэта...», изображая конфликт между священным служением музам и мелкими «заботами суетного света»,

У Игоря Холина обнаружился особый тип раздвоения, невозможный для русских поэтов прошлых поколений, — между диктатом секулярной среды барачных обитателей и теми остаточными формами религиозности, которые продолжали существовать внутри него. Холину удается объединить эти два типа противоречащих друг другу реалий посредством использования парадигмы богооставленности. В стихотворении «Плач» он говорит о том планетарном состоянии всеобщего плача, в которое погружен человеческий род. Его пронзает ощущение тотальной несчастья, в которой пребывает Вселенная, оставшаяся без Бога:

*...Я о всемирном плаче
Когда содрогается
Вселенная
Когда все сливается
В единый
Вскрик
Вздых*

(с. 150)

Во вселенной Холина, как и во вселенной Иеронима Босха, нет живых существ, которые могли бы радовать человека, но зато она наполнена примитивными и низменными тварями, преимущественно насекомыми-паразитами. Среди них вынуждены вести свое богопротивное существование обитатели барачного «подполья».

Если социально-поэтическое «я» Холина — носитель естественной, бессознательной религиозности, то сам он — бессознательный богоискатель, которого можно сравнить с той децеребрированной лягушкой, о которой писал академик А. А. Ухтомский. Она, лишённая мозга, умирает от голода и жажды, несмотря на то, что окружена водой и пищей. Тот библейско-христианский Бог, Которого всегда можно призвать, к Которому можно в любую минуту обратиться посредством молитвы, для поэта недосыгаем. Бог Игоря Холина — это не личный Бог, с Которым могли бы установиться личные отношения. Он не похож на Бога Авраама, Исаака и Иакова, а представляет собой нечто аморфное, неопределенное. И поэт не знает, как к Нему обращаться и стоит ли вообще это делать. Он понимает, как и многие из его соотечественников, что над людьми, наверно «что-то такое есть». Он даже готов признать шекспировскую

онтологию бытия земного мира как театра, где люди играют свои роли на жизненной сцене, и где в качестве режиссера выступает Бог:

*Роль
Директора
Ждановского райпромкомбината
Роль
Продавицы
Газированной воды
Роль
Министра юстиции
Роль
Убийцы
Роль постового милиционера
Роль
Водителя троллейбуса...*

И далее в этом же ритме идет перечисление ролей корреспондента, футболиста, штукатура, колхозника, учителя, мужа, «московского трепача». Заканчивается перечень неожиданным отрывом от этого достаточно монотонного списка и взлетом мысли ввысь:

*...И другие
Роли
Исполнители
Люди
Подмости
Земля
Режиссер Бог*

(с. 109)

В данном случае наивная холинская социология переходит в столь же наивную теологию, а теория социальных ролей оказывается в подчинении у теоцентрической картины мира.

В другое стихотворение Холина элементы мировоззренческого теоцентризма проникают иным путем. Он изображает их в виде старушечьих пересудов:

*По городу разнеслась весть
Взорвалась лаборатория
В ней расщепляли атомы тория,
Старухи говорят: «Божья месть».*

(с. 26)

Мышлению Холина не чужды апокалипсические умонастроения, хотя они, как правило, имеют у него отнюдь не христианский вид. Для него конец мира — это абсолютный финал всего сущего без всякой, казалось бы, надежды на спасение.

*И будет дан условный знак
И Землю
Начнут топтать слоны
Подбрасывать сверху
Как футбольный мяч
И будет это продолжаться
115 миллионов лет
И будет дан условный знак
Слоны уйдут
А три останутся
Возьмут на спины
Землю
И будет это продолжаться
115 миллионов лет
И будет дан условный знак
И эти три слона уйдут
Земля
Помчится в пропасть
И потеряв опору
Сгорит
И будет это продолжаться
115 миллионов лет*

(с. 111)

Перед нами причудливая мешанина из древних мифологем и собственных поэтических фантазий. Из противоречивых, трудно совместимых друг с другом представлений о земном и потустороннем складывается странная картина конца мира.

Бессознательный исихазм

Странности холинской религиозности этим не ограничиваются. Путешествие читателя по текстам поэта внезапно оборачивается столкновением с циклом стихотворений, которые могли бы быть помещены в рубрику под названием, допустим, «Теология света». Литератор откровенно боготворит свет, ибо чувствует, что в нем скрыто самое главное из того, что есть в мире. О характере его отношении к свету красноречиво свидетельствует такое стихотворение:

*Свет
Свет
Свет
Свет
Свет*

*Свет
Свет*

(с. 194)

В данном случае это не простой повтор, а нечто, похожее на заклинание. Одновременно оно напоминает Иисусову молитву (ее самый краткий вариант: «Господи, помилуй!»), многократно повторяемую монахами-исихастами, жаждущими узреть сияние божественного света. Не зная Бога, не имея представления об исихазме, Холин, однако, превозносит свет как таковой, и это помогает ему избрать верное направление духовного поиска.

В другом стихотворении поэт, не чающий увидеть океан божественного свет, молит хотя бы об его «капельке»:

*Дайте мне
Капельку Света
За это
Я станцую рок-н-ролл
Уступлю
Свою квартиру
Превращусь в кролика
Прыгну
С высотного здания
Обругаю
Начальника
За одну капельку
Света*

(с. 195)

Еще в одном «исихастском» стихотворении Холин выстраивает свое воображаемое родословие, как бы заявляя во всеуслышание: «Я родом не из тьмы! Я не хочу иметь ничего общего с тьмой!»

*Свет
Во всем и везде
Свет
Идущий
От Земли к Звезде
Свет
Из глаз подъемного крана
Свет
Из глубины океана
Свет
Создавший
Нашу Планету
Свет
Родивший поэта*

(с. 195)

В цикле религиозных стихотворений Холина есть одно, которое не может не вызвать изумления. Оно звучит так:

*Отче наш
Сущий
На небесах
Да святится
Имя Твое
Да придет
Царствие Твое
Да будет
Воля Твоя
И на земле
Как на небе*

(232)

Строго говоря, это не стихотворение, а точное воспроизведение евангельской молитвы «Отче наш» (Мф. 6, 9–10). В нем не изменено ни одно слово, лишь отсутствует окончание молитвы: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь» (Мф. 6, 11–13).

Здесь читатель убеждается в том, что неконформистская независимость холинского поэтического «я» от множества условностей позволяет ему просто взять из Евангелия от Матфея главную христианскую молитву и поставить ее в один ряд с другими стихотворными излияниями своей души. То, что выглядит как нонсенс с точки зрения элементарных норм обычного стихотворчества, вполне оправдано в свете того духовного поиска, который вела душа поэта. Получается, что в своих исканиях она в один прекрасный момент наткнулась на это средоточие абсолютных истин христианства и не смогла ни отвергнуть этот духовный оплот, ни обогнуть его, ни переварить его содержание, и потому сочла самым лучшим простое дословное воспроизведение этих удивительных слов, которые вот уже почти две тысячи лет непрерывно звучат по всей земле, произносимые миллионами христиан в их каждодневных молитвах.

И уже не удивляет, что в поэтическом мире Холина-авангардиста нашлось место и Христу, и антихристу:

*Поэма
На тему
Снятие Христа
С креста
Часть народа
О Иисус
Христос
Вознесусь*

*Первый купец
Издав вздох
Второй купец
Издав
Первосвященник
Покарали боги
Офицер
К стражникам
Снять Христа
С креста
Раздобыть дроги
К народу
По домам
Первый стражник
Пора и нам
Второй стражник
А он
Первый стражник
Слезет сам*

Но если о Христе поэт говорит так, как будто погружается в событие двухтысячелетней давности, то об антихристе он пишет совершенно иначе, признавая его своим современником, понимая всю социальную значимость этой устрашающей фигуры:

*Человечество
Никем не руководимо
Как нива
Солнцем
Палима
Но вот появляется
Привидение
В образе
Гения
Идея гения
Позволяет половине людей
Превратить
В удобрение
Другая половина
Орошает
Своим потом
Молодые всходы
Расцветают
Народы
Вывод
Вожди
Нужны
Как дожди*

(с. 113)

Стихийная социология

Обращает на себя внимание способность Холина вместить в малую форму художественной зарисовки из нескольких десятков слов весьма значительное содержание, почти всегда схватывающее нечто чрезвычайно существенное из жизни своих современников. За внешней незамысловатостью, грубоватостью и даже намеренной, брутальной «топорностью» холинского стиха кроется удивительная меткость наблюдений и констатаций, цепкая точность подмеченных деталей, необычайная чуткость мировосприятия, отличающая прирожденных поэтов и одаренных психологов.

Если учитывать, что одно из свойств социологического рассудка — это ориентированность на выявление типического, массовидного, то Игорь Холин занят в своих зарисовках сцен барачных нравов именно этим — выявлением типического. Но он делает это при помощи не научно-теоретических, а художественно-образных средств, проникая при этом на достаточную глубину понимания изображенных им типов, вполне сопоставимую с научно-социологическим проникновением.

Изобразительная поэтика Холина построена на демонстративном отсутствии оценочных суждений. Критики утверждают, что к его творчеству применимы такие определения, как «протокольный реализм» и «литература факта». Действительно, поэт никого не обличает, не осуждает, не обвиняет, не клеймит, не шельмует. Не предлагает он и никаких альтернативных выходов из того планетарного «тупичка Дрянинга», в который уткнулась советская «барачная цивилизация». Перед нами, казалось бы, чистая, беспримесная дескрипция, вполне индифферентная социография обыденных нравов в их внешне незамысловатой подаче.

Вместе с тем его личное, субъективное понимание изображаемых реалий никуда не исчезает. Оно явно присутствует и пронизывает весь образный строй его социально-поэтических картин. Творческое «я» поэта занимает наблюдательный пункт в таком месте, где структуры социальной реальности не довлеют над ним, а напротив, он сам диктует этим структурам тот строй и порядок, в соответствии с которым они располагаются в создаваемых им картинах социального мира.

логом, точнее, социологом мольеровско-журдэновского типа, не знающим о том, что он — социолог. А еще точнее, он — представитель особого направления социально-художественной аналитики, которое можно определить либо как «понимающую социографию», либо как «понимающую девиантографию».

К началу XXI века улековеченный Игорем Холиным «человек барачный» не исчез. Он не остался в далеком прошлом в качестве некой «ошибки прогресса». Несколько поколений жертв антропологической катастрофы успели оставить многочисленное потомство. Многие из тех «русских мальчиков», которые некогда родились в бараках или в околобарачных пространствах советской империи, сумели на рубеже столетий прорваться во власть, забаррикадироваться в Кремле, в Госдуме, в «Единой России», занять прилегающие к ним олигархические и губернаторские высоты. Их роднит и объединяет то, что практически у всех у них серьезно и непоправимо повреждены самые тонкие духовные структуры. Почти все они в духовном отношении тяжело больны, поскольку унаследовали от «барачно-коммунальной цивилизации»

социальное заболевание, которое можно назвать «подпольной болезнью». Ее суть в том, что их социальное, моральное, политическое поведение детерминируется не светлым, возвышенным духом, не правовыми, нравственными, религиозными мотивами, а низменными позывами, идущими из индивидуального темного «подполья». А это, в свою очередь, сохраняет возможность превращения подвластной им постсоветской империи в «подполье» мировой цивилизации с царящей в нем духовной тьмой.

АКТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕГОДНЯ

Ирина Ильинична ЕЛИСЕЕВА (СПб, СИ РАН)

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: МЕЖПОКОЛЕННЫЕ СВЯЗИ

Составляющие демографического воспроизводства — рождаемость, смертность, брачность, разводимость, миграция, проявляясь на макроуровне как тенденции, возникают в семье, в домохозяйстве. В семье принимается решение о рождении ребенка, о смене места жительства; от отношений в семье существенно зависит здоровье ее членов, устойчивость межсемейных и межпоколенных связей.

Социальная и личностная значимость супружеских отношений, родительства, отношений с прямыми родственниками старшего поколения в той или иной степени претерпевают изменения на каждом переломном этапе развития общества. Сегодня в российской семье продолжаются те радикальные изменения, которые были начаты великим процессом нуклеаризации семей в результате массового жилищного строительства в «хрущевское» время. Но характеризовать современную семью только как йуклеарную не достаточно: возникли новые нормы сексуального поведения, приводящие к формированию невиданной до сего времени в России сетевой структуры, ядром которой может выступать семья.

Межпоколенные связи подвержены воздействию ~ личностных и семейных характеристик как «взрослых детей», уже создавших свою семью, так и их родителей, таких как уровень образования, возраст членов молодой семьи и семьи родителей, состав семей старшего и младшего поколений. Немаловажное влияние на характер межпоколенных связей, как было показано нами в работе (Ружке, Елисеева, Кадибур, 1983), оказывают условия жизни, включая пространственную дистанцию между семьями прямых родственников разных поколений.

В условиях «экономики дефицита» важной формой межсемейного (межпоколенного) взаимодействия было обеспечение продуктами питания, помощь в уходе и воспитании внуков. «Немаловажную роль во взаимоотношениях поколений родственников имеют традиции, ориентации, индивидуально-психологические характеристики, нормативные представления родителей и детей» (Голофаст, с.66) Значителен был эффект жилищных условий: проживание в коммунальной квартире, где добавлялось влияние соседских отношений; совместное проживание в одной квартире семей разных поколений, связанных прямым родством или же проживание в отдельных

квартирах. В современный период проявился еще один фактор, оказывающий влияние на межпоколенные связи: быстрое внедрение научно-технических достижений в повседневную жизнь, которое в России наложилось на изменения в отношениях собственности и последующие изменения в социальной структуре общества, его социальной дифференциации.

И. Ильин в книге «Религиозный смысл философии» писал: «...человек начинает свою жизнь в такой семье, которую он сам не создавал; это семья, учрежденная его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением. Он получает эту семью как некий дар судьбы, ...семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного... Каждый из нас остается в течение всей своей духовной жизни представителем своей отечески материнской семьи и как бы живым символом ее духа» (Ильин, 1994). Значимость родительской любви для всей последующей жизни человека общепризнана. Но благодарность родителям не означает переноса всех стереотипов «отеческой» семьи на свою семью. Может произойти их частичное или полное отрицание, усиливаемое внешними изменениями. Вхождение в жилище компьютерной техники и информационных технологий привело к возникновению новой коммуникативной среды, воспринятой молодым поколением, но в большинстве случаев чуждой для их отцов, матерей, бабушек и дедушек («буммеры» и «геймеры»). Социологи признают большую, если не образованность, то во всяком случае информированность молодого поколения (Отцы и дети, 2006, с.45). В постперестроечный период проявил свое мощное воздействие на человеческие и прежде всего родственные отношения такой фактор как деньги, роль которого в российских условиях практически не исследована.

Каждый из внешних и внутренних факторов требует специального изучения и оценки его влияния на личность, семью и межпоколенные связи. Надо признать, что мы не располагаем надежной и качественной информацией о современных российских семьях. Как известно, источником сведений о семье могут служить только материалы переписей населения и специальных обследований. Первый источник хорош тем, что он позволяет получить единообразные данные по всей стране и каждому региону, но перепись не предназначена для целей социологического исследования. Второй источник может быть исключительно ценным для выявления разных аспектов внутрисемейных и межсемейных (межпоколенных) связей, но имеет лишь локальное значение в силу ограничений выборки. Этот обычный дефект материалов выборочного обследования, по-видимому, будет преодолен в проекте «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выполняемом с 2004 г. НИСП под руководством Т.М.Малевой как часть международной программы «Поколения и гендер», результаты которого начинают докладываться на конференциях и семинарах, но пока что не дают возможности получить полное представление о характере трансформации российской семьи. Итоги ВПН-2002, при всем признании их важности, иногда скорее вызывают вопросы, чем отвечают на них. Например, на фоне усиления миграционных процессов как-то не очень верится тому, что доля россиян, проживающих в семьях, выросла, однако данные переписей свидетельствуют именно об этом (табл. 1).

Таблица 1. Доля лиц, проживающих в семье, по данным переписей в процентах к общей численности населения России

	1979	1989	2002
Все население	87,4	88,4	90,2
Городское население	86,5	88,0	90,0
Сельское население	89,3	89,4	90,9

Возможно, это было вызвано неудачными вопросами об «отдельно проживающих членах семьи». Средний размер российской семьи не изменился и составил 3,2 человека по данным переписи 2002, в том числе 3,1 человека для городского населения и 3,4 — для сельского.

От переписи к переписи в совокупности семей увеличивается удельный вес малых семей, состоящих только из двух человек, а доля крупных семей, насчитывающих в своем составе 5 и более человек, сокращается. Если в 70-е годы в период активного расселения семей разных поколений мы связывали такого рода динамику с процессом нуклеаризации семей, то теперь главными факторами становятся малодетность, отсутствие супружеского ядра в семье и, наконец, бездетность.

Сравнение данных переписи 2002 г. с данными переписи 1989 г. показывает сокращение на 12 процентных пунктов доли полных нуклеарных семей, состоящих из брачной пары с детьми. Несколько сократилась доля сложных семей, имеющих в своем составе две и более брачных пар (их доля в структуре семей в 2002 г. составила 3,3 %). Заметно ускорился рост доли неполных семей и домохозяйств прочих типов (Итоги ВПН, с. 370–373).

Можно утверждать, что процесс нуклеаризации российских семей практически завершился, при этом брачная пара, традиционно рассматриваемая как ядро семьи, присутствует далеко не всегда. Возможно, такой результат был получен как следствие реакции населения на официальную регистрацию брака в условиях, когда все большее распространение получает новый тип семейно-брачных отношений — так называемых фактических брачных союзов. В Санкт-Петербурге, например, с 1999г. растет доля детей, родившихся вне брака, однако процент новорожденных, зарегистрированных по заявлению обоих родителей растет: если в 1999г. он составлял 49 %, то в 2004 г. — 58 %. Эти тенденции свидетельствуют о формировании в российской обществу новых норм в сфере семейно-брачных отношений, которые, по-видимому, скажутся и на деторождении. На процессы экономической трансформации наложились последствия совпавшей по времени сексуальной революции, уходят в прошлое жестко фиксированные роли и статусы, происходит усиливающееся отрицание власти мужчин.

Под влиянием изменений социальных норм изменяется структура семьи, в которой такой признак как родственные отношения все чаще сочетается с сетевыми отношениями. Это выражается в плюрализации модели семьи. Растет прочность неформальных союзов, отношение населения к сожительству становится все бо-

лее толерантным. Не располагая данными собственных исследований современной российской семьи, приведем результаты Н. Соколова, относящиеся к исследованию петербургских домохозяйств, проведенного Центром социологических исследований факультета социологии СПбГУ в 2002-2004 гг, Вот как описывают респонденты состав своих домохозяйств:

«Я, жена, друг. К другу приходит девушка каждый вечер, а на выходных остается ночевать.

Я, две дочери и внучка. Бывшая жена часто заходит, помогает по дому.

Я, брат, друг брата, подруга друга брата. Мама, мамина сестра почти каждый день приходят.

Я, мама, сестра, бабушка.

Я, дочь, муж, сестра, муж сестры, две дочери сестры.

Я, дочь, внучка, жених внучки. «(Соколов, с. 35).

Эти ответы свидетельствуют о значительном включении современных семей в сетевые структуры, о доминировании домохозяйства над семьей. В конечном итоге это является следствием индивидуализации лиц, связанных родственными отношениями. Перед социологами стоит непростая задача анализа неформальных сетевых отношений семей вне пределов семейного ядра. Важно понять, кто выступает внешней референтной группой для членов семей: друзья, соседи, товарищи из групп интересов, сексуальные партнеры; какова роль старших родственников; выяснить, насколько параметры ближайшего внесемейного окружения формируют характеристики современной российской семьи. По-видимому, прежде всего эти задачи актуальны для изучения городской семьи. Предстоит выяснить, каковы ориентации членов семьи и ближайшего внесемейного окружения в отношении старших родственников, признается ли ценностью сам факт их наличия, каковы реальные проявления межпоколенных контактов и насколько они важны в современном рыночном обществе.

Последняя задача приобретает все большее социальное значение. Нынешние бабушки и дедушки принадлежат к многочисленному поколению, родившемуся в конце 1940-х — в начале-середине 1950-х гг. Семьи их дочерей и сыновей были малодетными. С учетом этого фактора, а также огромной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин в России, наше общество все более пополняется престарелыми женщинами. Часть из них сохраняет активность и способна при желании вносить вклад в семейные дела родственников и друзей, а также реализовывать свои культурные интересы. Другая же часть нуждается в заботе, в патронаже. И здесь дилемма — семья (домохозяйство) или государство — становится очевидной. Ее осознание приводит к решениям, различающимся своей социальной эффективностью. В любом случае необходим поиск спектра способов выражения ответственности молодого поколения перед своими предками. Сетевые связи, сопрягаясь с межпоколенными, вызывают новые доселе неизученные эффекты в таких демографических событиях как рождаемость, смертность, стабильность/нестабильность партнерских связей. Все это составляет огромное поле перспективных междисциплинарных исследований.

Источники:

Голофаст Валерий. Социология семьи. Статьи разных лет. / под ред. О. Б. Божкова. - СПб.: Алетейя, 2006.

Ильин И. Религиозный смысл философии. - М.: Русское слово, 1994, т.3.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.6. Число и состав домохозяйств—М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. - М: Новое литературное Обозрение.

Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С. Структура и функции семейных групп. — М.: Финансы и статистика, 1983.

Соколов Николай. Петербургские домохозяйства в начале XXI века. — Телескоп, 2005, 1—с. 35-39.

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

В предлагаемом вниманию читателей тексте анализируется участие петербуржцев в культурной жизни города. Анализ основан на результатах инициативного исследования «Мониторинг приобщенности петербуржцев к культурной жизни города», проведенного социологическим научно-научно исследовательским центром (СНИЦ) в период с 1991 по 2000 гг.¹ и данных исследований, выполненных СНИЦ в ноябре 2005 и 2006 годов по заказу государственного учреждения культуры и дополнительного образования «Институт культурных программ» с целью изучения приобщенности населения Петербурга к культурной жизни города. Метод исследования — телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга (18 лет и старше); объем выборки — 1000 респондентов в 2005 г. и 1022 — в 2006 г. Репрезентативность выборки на всех этапах обеспечивалась методом случайного отбора телефонных номеров из массива петербургских домашних телефонов. Относительно генеральной совокупности параметры выборки контролировались по полу и возрасту. Отклонения контролируемых показателей в пределах допустимых значений (максимальное отклонение — 2,2%). Таким образом, представленные результаты могут использоваться для анализа и оценки поведения всего взрослого населения Петербурга.

Анализ активности горожан в сфере художественной культуры основан на ответах респондентов на вопрос об их фактическом посещении музеев, спектаклей, концертов и т. д. («Сколько раз за последние 12 месяцев Вы были ...?»).

Полученные результаты показывают устойчивость данных для всего периода наблюдений, начиная с 1991 года. Минимальная доля вообще не посещавших театры, концерты, музеи ни разу не опускалась ниже отметки в 57% (доля ни разу не посещавших музеи и выставки в 1993 году). Наилучшие показатели посещаемости приходятся на 1991 год: по всем годам наблюдений минимальная доля респондентов, не посещавших различные культурные мероприятия приходится на этот год (за исключением музеев и выставок, по которым минимум непосещений приходится на 1993 год). Наиболее неблагоприятен 1995 год — на него приходится самое большое число пиков непосещений. Таким образом, с одной стороны, устойчивость данных позволяет предполагать, что мы зафиксировали базовое деление горожан по критерию активности в сфере культуры, но, с другой стороны, тот факт, что в 1991 году, предшествующему началу реформ, мы имели самый низкий уровень непосещений различных учреждений культуры говорит о том, что наблюдаемая устойчивость, воз-

---

¹ Телефонные опросы проводились: октябрь 1991 г. (опрошено 722 человека), июнь 1993 г. (1254 чел.), июнь 1994 г. (1177 чел.), июнь 1995 г. (1039 чел.), июнь 1996 г. (1056 чел.), июнь 1998 г. (979 чел.), июнь 2000 г. (950 чел.).

можно, обманчива и является следствием специфики функционирования искусства и условий жизни населения в последние пятнадцать лет.

По данным 2006 года подавляющая часть респондентов вообще не посещает учреждений культуры: доля нигде ни разу не побывавших за последние 12 месяцев колеблется от 61 % (музеи) до 97 % (народная музыка). Посещаемость концертов музыки академических жанров (симфоническая, камерно-инструментальная, вокальная и т. д.) зафиксирована в этом году на самом низком уровне за весь период наблюдений: 92 % респондентов ни разу не были на таких концертах и только 4 % были два и более раза в течение года, при этом наибольшая доля «меломанов» зафиксирована среди респондентов в возрасте 60 лет и старше, в группе обычно наиболее пассивной. Немногим лучше и данные о посещаемости оперных и балетных спектаклей.

Заметный рост посещаемости в 2006 году зафиксирован по драматическим спектаклям, концертам популярной музыки и кино. Посещаемость кинотеатров растет наиболее интенсивно, хотя до уровня 1991 года пока еще далеко, да и вряд ли он может быть достигнут при современном уровне развития техники для домашнего просмотра кинофильмов. В том году только 35 % петербуржцев ни разу в течение года не были в кино, и на одного взрослого горожанина приходилось в среднем 3,86 посещения в год. Максимальное падение посещаемости было зафиксировано в 1998 году, когда доля не посещавших выросла до 90 % и на одного петербуржца приходилось 0,3 посещения в год. В 2006 году вообще не были в кино 68 %, и на одного горожанина приходится 1,8 посещения в течение года — рост к 1998 году в 6 раз.

Наряду с анализом частоты посещений горожанами различных учреждений культуры мы фиксируем и интегральный показатель, который условно называется индексом приобщенности к культурной жизни. Индекс получен в результате суммирования

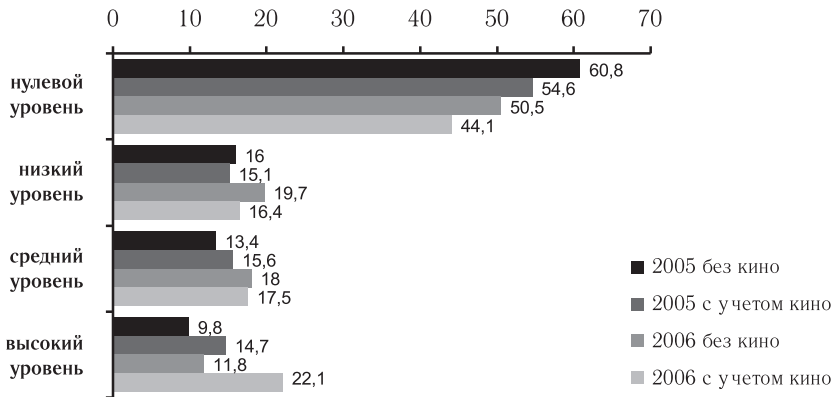
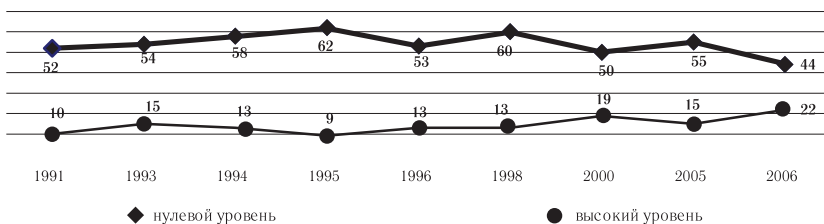

Рисунок 1. Интегральный показатель приобщенности к культурной жизни, % от всех опрошенных

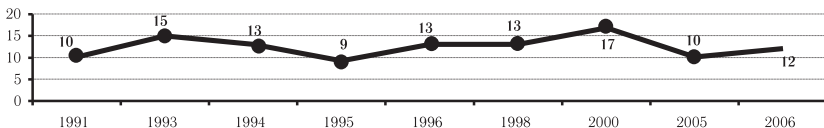
посещения населением музеев, концертов, театров и т. д. Выделяются четыре группы респондентов по критерию приобщенности:

1. Нулевой уровень — респонденты, которые не были ни разу, или были только один раз в течение года в театрах, на различных концертах и выставках;
2. Низкий уровень — респонденты, побывавшие где-либо в течение года от двух до четырех раз;
3. Средний уровень — от пяти до девяти посещений;
4. Высокий уровень — респонденты, побывавшие где-либо в течение года десять и более раз.

До 2000 года в расчет не бралось посещение кинотеатров, поэтому для правильного понимания динамики происходящих изменений на рис. 2. приведены данные, не учитывающие посещение кинотеатров.

Рисунок 2. Динамика нулевого и высокого уровней приобщенности, % от всех опрошенных

Рисунок 3. Динамика доли респондентов с высоким уровнем приобщенности к культурной жизни без учета посещений кинотеатров

Итак, можно говорить об устойчивости деления взрослого населения по критерию приобщенности к культурной жизни Петербурга за весь период наблюдений. Группа с нулевым уровнем приобщенности составляет от 50 до 62% населения за весь период наблюдений (без учета кино), что позволяет утверждать, что не менее половины взрослого населения города не пользуются преимуществами проживания в культурной столице России. Правда, по сравнению с прошлым годом, мы можем говорить о некотором улучшении показателей приобщенности. На 10,5% процентов (с 54,6% до 44,1%, если учитывать кино) сократилась доля респондентов с нулевым уровнем приобщенности, на 7,4% (с 14,7% до 22,1%) выросла доля наиболее активных горожан. Следует отметить, что если не учитывать посещение кинотеатров,

то рост группы с высоким уровнем приобщенности составляет всего 2%. В целом рост уровня приобщенности обеспечен за счет увеличения числа посещений кинотеатров, музеев, концертов популярной музыки и драматических спектаклей.

Таблица 1. Взаимосвязь индекса приобщенности с социально-демографическими характеристиками респондентов, 2006 г., % по столбцу

Социально-демографические характеристики респондентов		Индекс приобщенности к культурной жизни				
		нулевой уровень	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень	Доля группы в общем числе респондентов
Пол	мужской	44,4%	49,1%	42,5%	39,1%	43,5%
	женский	55,6%	50,9%	57,5%	60,9%	56,5%
Возраст — группы	18 — 29 лет	15,3%	23,3%	31,0%	40,9%	24,9%
	30 -39 года	10,7%	19,6%	23,6%	20,9%	16,6%
	40 — 49 лет	16,4%	19,6%	16,7%	16,8%	17,1%
	50 — 59лет	20,0%	17,8%	20,1%	11,8%	17,8%
	60 лет и старше	37,6%	19,6%	8,6%	9,5%	23,6%
Уровень образования	неполное среднее	8,9%	2,5%	1,1%	1,4%	4,8%
	среднее	60,0%	57,1%	51,7%	39,7%	53,5%
	выс. или нез. высшее гуманитарное	14,2%	18,4%	25,9%	33,8%	21,2%
	высшее или нез. высшее другое	16,9%	22,1%	21,3%	25,1%	20,5%
Социальный статус	рабочие	16,5%	25,3%	14,5%	8,3%	15,5%
	служащие без высшего образ.	9,2%	8,6%	12,1%	13,4%	10,6%
	специалисты с высшим образ.	11,4%	28,4%	32,9%	35,0%	23,5%
	прочие работающие	4,6%	2,5%	5,8%	8,8%	5,5%
	студенты	4,8%	7,4%	14,5%	18,4%	9,8%
	пенсионеры	39,6%	24,1%	14,5%	11,1%	26,2%
	прочие неработающие	14,0%	3,7%	5,8%	5,1%	9,0%
Продолжение таблицы на следующей странице						

Продолжение таблицы 1.						
Душевой доход группы	до 3500 рублей	17,8%	15,3%	9,8%	6,4%	13,3%
	3501–4500 рублей	19,4%	13,5%	11,5%	4,5%	13,9%
	4501–6000 рублей	13,7%	17,8%	19,0%	12,7%	15,2%
	6001–8000 рублей	11,8%	12,3%	8,6%	15,0%	11,8%
	8001–10000 рублей	8,4%	11,7%	13,8%	18,6%	12,3%
	10001 рубль и более	4,6%	9,2%	8,0%	14,1%	8,2%
	отказ от ответа	12,3%	6,7%	11,5%	10,5%	10,8%
	затруднение в ответе	12,1%	13,5%	17,8%	18,2%	14,5%
Всего	44,1%	16,4%	17,5%	22,1%	100,0%	

По-прежнему в наибольшей мере отчуждены от культурной жизни пожилые люди, люди с низким уровнем образования и низкими доходами; по социальному статусу это пенсионеры, рабочие и неработающие (инвалиды и домохозяйки). Отчетливо проявилась связь уровня приобщенности с доходами респондентов: так среди опрошенных, чей душевой доход не превышает 4500 рублей в месяц, почти 40% входят в группу с нулевым уровнем приобщенности и только 11% — в группу с высоким уровнем; среди респондентов с доходами 8000 рублей и более только 13% имеют нулевой уровень и 33% — высокий уровень приобщенности (см. табл. 1).

Наиболее активны в посещении учреждений культуры молодежь (доля респондентов в возрасте 18–29 лет в группе с высоким уровнем приобщенности составляет 41%), люди с высшим (особенно гуманитарным) и незаконченным высшим образованием, но и среди этой части населения достаточно большое количество людей никогда и нигде не ходит.

Анализ показал, что наиболее активны в посещении учреждений культуры коренные петербуржцы и мигранты, петербуржцы в первом поколении¹ практически по всем направлениям культурной жизни города демонстрируют меньшую активность, что отражается и на интегральном показателе приобщенности к культурной

¹ К коренным петербуржцам отнесены респонденты, у которых оба или хотя бы один родитель уроженец Петербурга (Ленинграда); к петербуржцам в первом поколении — респонденты, родившиеся в Петербурге, но оба их родителя — мигранты.

жизни. Так, среди петербуржцев в первом поколении респондентов с высоким уровнем приобщенности 14%; среди мигрантов — 22%, а среди коренных петербуржцев — 26% (с учетом кино, см. табл. 3). Заметно меньше, по сравнению с коренными петербуржцами, среди петербуржцев в первом поколении и «знатоков» истории культуры города¹.

Каких-либо существенных различий в социально-демографических характеристиках коренных петербуржцев и петербуржцев в первом поколении мы не фиксируем (см. табл. 2). Можно только обратить внимание на то, что среди петербуржцев в первом поколении на 6,5% больше рабочих по сравнению с коренным населением. Статистически это различие незначимо, но оно интересно тем, что аналогичные результаты были получены в декабре 2001 года в исследовании компании «ТОЙ-Опинион» в рамках реализации совместного проекта «ТОЙ-Опинион» и журнала «Телескоп», который назывался «Петербуржцы о городе и горожанах». Тогда мы тоже получили на шесть процентов больше рабочих в группе петербуржцев в первом поколении, но кроме того, в том исследовании на 11% меньше было и людей с высшим и незаконченным высшим образованием. Тогда, пытаясь найти объяснение этому феномену мы писали: «Представляется не лишним смысла для объяснения этого факта следующее предположение. Мигранты все-таки специфический тип людей. Далеко не каждый может решиться покинуть привычный, знакомый мир своей малой родины и уехать жить в чужой город, да и не каждому удается прижиться в нем. Для этого надо иметь если не мужество, то по крайней мере сильный характер, высокий уровень мотивации изменить свою жизнь и добиться чего-то большего, другими словами, если воспользоваться теорией Л. Гумилева, нужно обладать достаточно высоким уровнем пассионарности. И они едут учиться и работать, не жалеют сил для реализации своих намерений и закрепляются в большом городе. Но, вероятно, значительность усилий, прикладываемых для адаптации в новых условиях, не оставляет достаточного количества сил и времени для занятий с детьми, а бабушек и дедушек рядом нет, кроме того сказывается нехватка символического капитала (попросту говоря — связей), вследствие чего дети мигрантов существенно реже получают высшее образование по сравнению с коренными жителями.»² Сейчас различий в образовании мы не фиксируем, но ощутимы различия в культурной активности и в вопросах знания истории культуры Петербурга, то есть специфичность группы петербуржцев в первом поколении опять проявилась, и можно снова повторить ту же гипотезу, но для ее подтверждения требуются дополнительные исследования.

¹ Индекс знания истории культуры Петербурга получен на основе ответов на вопросы: «Кто из скульпторов является автором памятника Петру Великому, более известного под названием «Медный всадник»?»; «Кто из архитекторов является автором проекта Александринского (Пушкинского) театра в Петербурге?»; «Кто из поэтов является автором этих строк «...И не пуская тьму ночную/ На золотые небеса/ Одна заря сменить другую/ Спешит, дав ночи полчаса ...»?»; «Кто из композиторов является автором оперы «Пиковая дама»?»

² См. М. Илле, Н. Ядов Петербуржцы. Откуда мы родом? «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», № 3, 2002 г.

Таблица 2. Социально-демографические характеристики горожан различного типа

Социально-демографические характеристики респондентов		Тип горожанина			
		Мигранты	Петербуржцы в 1 поколении	Коренные петербуржцы	Доля группы в общем числе респондентов
Пол	мужчины	42,1	16,1	43,2	43,5
	женщины	57,1	53,9	56,8	56,5
Возраст	18–29	18,5	29,7	27,5	24,9
	30–39	14,0	16,4	18,9	16,6
	40–49	20,8	16,8	14,3	17,1
	50–59	16,9	18,1	18,5	17,8
	60 и старше	29,8	19,0	20,8	23,6
Образование	неполное среднее	5,9	5,6	3,5	4,8
	среднее	51,4	55,0	54,5	53,5
	высшее или незаконченное высшее гуманитарное	21,9	19,9	21,3	21,2
	высшее или незаконченное высшее не гуманитарное	20,8	19,5	28,6	20,5
Социальное положение	Рабочие	15,6	19,7	13,2	15,5
	Служащие без высшего образования	11,3	12,7	8,8	10,6
	Специалисты с высшим образованием	22,7	25,0	23,4	23,5
	Прочие работающие	3,7	3,1	8,3	5,5
	студенты	7,1	11,8	11,9	9,8
	пенсионеры	32,6	21,9	23,1	26,2
	Прочие неработающие	7,1	5,7	12,3	9,0
Душевой доход	До 3500 р.	14,9	15,1	11,1	13,3
	3501-4500 р.	15,4	11,6	13,9	13,9
	4501 – 6000 р.	15,4	15,9	14,5	15,2
	6001 – 8000 р.	12,6	10,3	12,0	11,8
	8001 – 10000 р.	11,2	9,1	15,0	12,3
	10001 и более	9,0	6,5	8,5	8,2
	Отказ от ответа	7,9	11,2	12,9	10,8
	Затруднение в ответе	13,5	20,3	12,0	14,5
Всего		34,9	22,7	42,4	100,0

Таблица 3. Взаимосвязь уровня приобщенности и знания истории культуры Петербурга с типом горожанина

Характеристики приобщенности к культурной жизни и знания истории Петербурга		Тип горожанина (% по столбцу)			
		Мигранты	Петербуржцы в 1 поколении	Коренные петербуржцы	Доля группы в общем числе респондентов
Индекс приобщенности к культурной жизни	нулевой уровень	47,7	45,4	42,1	44,1
	низкий уровень	14,7	21,6	15	16,4
	средний уровень	17,5	18,9	16,7	17,5
	высокий уровень	22,1	14,1	26,2	22,1
Индекс приобщенности без кино	нулевой уровень	51,3	53,5	48,2	50,5
	низкий уровень	16	21,5	21,9	19,7
	средний уровень	19,2	16,7	17,8	18
	высокий уровень	13,5	8,3	12,1	11,6
Индекс приобщенности культуры Петербурга	ни одного правильного ответа	34,5	21,6	20,8	25,7
	один правильный ответ	24,6	28,6	20,2	23,6
	два правильных ответа	18,6	24,7	21,6	21,2
	три правильных ответа	9,3	14,3	16,9	13,6
	все ответы правильны	13	10,8	20,6	15,7

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ О ВОЗМОЖНЫХ СЛЕДСТВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Введение

Валерий Борисович Голофаст часто обращался в своих работах к теме взаимодействия социального и технологического порядков в современных обществах¹. Он указывал на большое значение технологий как системных условий функционирования социума². Особенно его внимание привлекали информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)³.

В эссе «Электронная среда или новые пещерные люди» Голофаст высказал очень важную для моего исследования идею о возникновении на базе современных ИКТ новой «информационной среды»: «Она принуждает изобретать новые формы общения, проникая во все институты, взламывая формы приватности, деформируя привычные культурные нормы и установки поведения»⁴.

Исследование социальной роли мобильной телефонии⁵, результаты которого представлены в данной статье, во многом было вызвано желанием изучить социальные трансформации «информационной среды», о которой писал В. Голофаст.

Жизнь современного общества тесно связана с развитием и массовым распространением информационно-коммуникационных технологий. Они имеют большое значение для социальной организации. Мануэль Кастельс отмечал, что «ядро социально исторической трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с технологиями обработки информации и коммуникацией»⁶. Статистические данные говорят, что за последние сто лет скорость передвижения на транспорте увеличилась в 10^2 раз, темпы обработки информации увеличились в 10^6 раз, а скорость работы систем связи возросла

¹ См., например, Голофаст В. Электронная среда или новые пещерные люди// Телескоп, 2002. №2. С. 13–17. Голофаст В. Глобализация и место морали// Телескоп, 2004. № 2. С. 2–11, или Голофаст В. Отвлечение социологии (по поводу публикации в НЗ доклада Лорана Тевено и продолжающейся дискуссии)// Неприкосновенный запас. 2004 — <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=25011133>, а также Голофаст В. Мегамшины и повседневность// Телескоп, 2005. № 1. С. 49–56.

² «Сегодня технология... становится универсальным посредником между человеком и миром, вооружает его новыми способностями и возможностями» (Голофаст В. Электронная среда или .... - С. 14).

³ К ИКТ автор относит мобильную (включая SMS) и проводную телефонию, интернет (e-mail, ICQ, ICR), традиционную почту, телеграф и факс.

⁴ Голофаст В. Электронная среда или .... - С. 15.

⁵ Исследование «Молодежное общение и новые каналы коммуникации», проводилось автором статьи в 2003–2006 гг. при поддержке и участии Telenor, France Télécome, ЦНСИ и ЕУСПб.

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУВШЭ, 2000. С. 51.

в 10^7 раз¹. Следовательно, наиболее динамично развивающимся технологическим направлением XX века были системы связи.

Данные, представленные различными аналитическими агентствами, показывают, что самой массовой информационно-коммуникационной технологией в России сегодня становится мобильный телефон (рост количества пользователей интернет примерно в четыре раза ниже)². В настоящий момент Россия занимает первое место в мире по динамике роста рынка услуг мобильной связи³. Только в Петербурге, где по данным Госкомстата проживает 4,67 млн человек, в 2004 году насчитывалось 4,24 млн пользователей мобильных телефонов. Данные января 2005 года говорят, что на тот момент у каждого девяти из десяти жителей города есть SIM-карта мобильного телефона, а у каждого сотога петербуржца их две. К концу 2005 года в средних городах России сотовой связью пользуются не менее 65% населения, а в сельской местности — около 42%⁴.

Поскольку мобильный телефон стал частью повседневной жизни значительного числа людей, кажется важным описать и проанализировать социальные следствия распространения этой коммуникационной технологии на микроуровне быденной жизни. В рамках данной статьи нашей задачей будет интерпретация изменений повседневных практик молодых людей, которые произошли в результате их включения в сети мобильной телефонии.

В статье описаны основные инновации повседневной жизни, которые производит мобильная телефония. Предметом анализа являются практики повседневного использования мобильной телефонии жителями мегаполиса, а также социальные следствия широкого распространения этих практик.

Исследование проводилось качественными методами с применением пока еще редкой для российской социологии методологической триангуляции. Данные по каждому из исследованных случаев (14) собирались посредством совокупного применения методов глубинного интервью, спровоцированного дневника «повседневной коммуникации» и анализа документов повседневной жизни.

¹ Еляков А. Д. Информационная перегрузка людей//Социологические исследования. - 2005. - № 5. С. 114—121. — С. 115,

² Телефон для среднестатистического россиянина пока доступнее компьютера. По оценкам информационно-аналитического агентства J'Son & Partners в 2004 году недельная аудитория российского сегмента сети составляла 8,1 млн человек, а к концу 2005 года она должна увеличиться до 10,5 млн. См. в Кодачигов В. Равняется четырем Даниям// Коммерсантъ. — 05.05.2005.

³ «По данным компании iKS-Consulting, на конец 2004 года российские операторы мобильной связи обслуживали 74,5 млн абонентов на территории РФ и СНГ. Таким образом, Россия оказалась второй в Европе и пятой в мире страной по количеству «мобилизованных» граждан. По итогам первого квартала 2005 года с 85,5 млн абонентов Россия оказалась на одном уровне с Японией... впереди только Китай и США» (там же: Кодчигов В. Равняется четырем Даниям... — 2005).

⁴ Сапогова Е. Мобильник идет по планете// интернет-газета «Взгляд». — 10.10.2005. см. <http://www.vz.ru/society/2005/10/10/9337.html>

Исследовательская процедура заключалась в том, что сначала информант давал глубинное слабоструктурированное интервью, затем неделю заполнял «дневник коммуникации», где отмечал все свои повседневные контакты в течение недели. Потом проводилось второе лейтмотивное интервью по материалам дневника и данным записной книжки мобильного телефона.

Форма дневника представляла собой таблицы, где информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта.

Второе интервью фокусировалось на интерпретации коммуникативных практик, зафиксированных в интервью, а также на анализе композиции социальных сетей информантов, которые реконструировались с помощью данных дневников и материалов записных книжек мобильного телефона. В заключении информант размещал членов своей персональной сети в схеме «кругов близости», где 1 кругу соответствовали наиболее эмоционально близкие отношения, а к 7-му кругу относили наиболее отдаленных альтеров.

Таким образом, исследование проводилось качественными методами в русле стратегии множественного case study. Оно не может претендовать на репрезентативность, однако позволяет сформулировать некоторые предположения о социальных последствиях внедрения новой технологии связи. Описанные в статье тенденции в дальнейшем можно будет проверить количественными методами, что особенно актуально в условиях тотального распространения мобильной связи в крупных городах¹.

Основной акцент в работе делался на анализе отдельных случаев. Каждый случай детально изучался посредством глубинного двухстадийного интервью, при помощи «дневникового метода» и анализа документов повседневности², которыми в данном случае являлись записные книжки мобильных телефонов. Критерии отбора информантов были продуманы заранее³. В исследовании было проанализировано 7 женских и 7 мужских случаев. Информанты (от 20 до 30 лет) принадлежали к разным экономическим, образовательным и профессиональным группам, имели различный семейный статус и опыт пользования ИКТ. Среди них были коренные жители Петербурга и мигранты. Массив интервью и дневников был собран на протяжении 2003–2004 годов⁴.

---

¹ Данные аналитических агентств указывают, что к концу 2006 года в Петербурге уровень проникновения технологии мобильной связи достиг 100%. См. например, справку в статье «Телефон»// Хроника, №1 (38). 2005. 14 янв.

² См. о анализе документов повседневности у Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. - М.: Гнозис, 1996.

³ Информанты должны были максимально отличаться социальным опытом и статусной позицией, чтобы продемонстрировать наиболее широкий спектр повседневных практик, связанных с использованием мобильного телефона.

⁴ Этот период кажется особенно важным для изучения социальной роли мобильной телефонии, поскольку именно на 2003–2004 года приходится общероссийский бум роста ее новых пользователей.

Социальные следствия «мобильной телефонизации»

В российской социологической дискуссии исследования социальной роли ИКТ еще только начинают развиваться. Важно отметить, что пока они фокусируются лишь на одной, пусть и чрезвычайно важной ИКТ, — интернет¹, тогда как круг пользователей мобильной телефонии значительно шире². Пока в отечественной социологии, помимо Валерия Голофаства, к проблематике социального значения мобильной телефонии обращались всего три исследователя³, что неизмеримо меньше, чем в Западных странах. Анализ литературы по теме исследования продемонстрировал, что в большинстве стран Европы, а также в обеих Америках и Японии уже более 10 лет активно формируется новое поле социальных исследований, фокусирующееся на изучении различных аспектов «общества мобильной связи». Последние пять лет каждый год появляется более сотни публикаций, посвященных социальному измерению мобильной телефонии⁴.

¹ См. например: Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации// Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4 (4). С. 67–81; Иванов Д. В. Виртуализация общества. - СПб., 2000; он же: Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. — СПб., 2002; Ро О. С. Передовые технологии коммуникации и организация// Социологические исследования. 2001. №3. - С. 64–73; Чугунов А. В. Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. — СПб., 2000 и др.

² По данным агентства РосБизнесКонсалтинг число пользователей сотовой связи в России в 2005 г. вырастет на 38% и достигнет 100 млн человек. Об этом сообщил министр информационных технологий и связи Леонид Рейман на всероссийском совещании по итогам работы отрасли связи 6 апреля 2005 года. Он также отметил, что на конец 2004 г. количество абонентов сотовой связи выросло более чем на 50% и составило около 70 млн человек. На сегодняшний день сотовой связью в РФ пользуются уже более 80 млн человек, что в три-четыре раза больше пользователей интернет. См. в: «Число абонентов сотовой связи в 2005 г. вырастет на 38%»// ИА РосБизнесКонсалтинг - 2005. 6 апр.

³ См. Vershinskaya O. Mobile Communication. Use of Mobile Phones as a Social Phenomenon — The Russian Experience// Revista de Estudios de Juventud. — 2002. — № 57. — P. 139–149 и статью Николаевой Е. В., Николаевой Т. Н. Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре// Этножурнал. — 2004. — № 9, март.

⁴ См. наиболее цитируемые: Agar J. Constant Touch: a Global History of the Mobile Phone. — UK: Icon Books, 2003; Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J.L., Sey A. The Mobile Communication Society: Across — cultural analysis of available evidence on the social uses of wireless communication technology. — 2004; Geser H. Towards a Sociological Theory of Mobile Phone// <http://geser.net/home.html> — March 2004, Release 3.0; Haddon L. Youth and Mobiles: The British Case and Further Questions// Revista de Estudios de Juventud. — 2002. — № 57. — P. 115–124; Ling R. Mobile Connection: the Cell Phone's Impact on Society. — San Francisco, 2004; Crabtree J., Nathan M., Roberts S. MobileUK. Mobile phones and everyday life. — London, 2003; Perpetual Contact. Mobile Communication, Private Talk, Public Performance/ Eds. by Katz J. E., Aakhus M. Cambridge, 2002; Thumb culture: The meaning of mobile phones for society/ Eds. by Bertschi S., Glotz P. — Bielefeld, 2005.

Психологическая зависимость от мобильной телефонии

Эмпирические материалы, собранные в рамках исследования показывают, что люди, включившиеся в практики пользования мобильными телефонами, рассматривают этот аппарат как значимую часть своей жизни. Все информанты, участвовавшие в исследовании, не видят для себя возможности отказаться от мобильной связи. Она стала неотъемлемой частью их повседневности. Материалы интервью показывают, что отсутствие мобильного телефона воспринимается информантами болезненно:

«Я вообще сейчас не могу себя представить без сотового телефона. И дело даже не в том, что меня кто-то не может найти, а в том, что когда я без него нахожусь, я чувствую себя потерянным» (муж., 28 лет, юрист).

Можно предположить, что такого рода зависимость вызвана особой ролью, которую получил мобильный телефон в молодежных сетях. Он стал почти обязательным атрибутом для самых разнообразных групп петербургской молодежи. Он символизирует собой «современность», «свободу», «мобильность»:

«Я сторонник технического прогресса. А еще я просто понял, что это просто очень удобно. <...> Ну, в таком смысле, что если я договариваюсь созвониться с человеком, я не должна сидеть и ждать звонка. Я могу идти куда хочу. Я могу сказать просто: позвони мне! И я уверена, что он мне дозвонится, где бы я не была. Ну, практически везде. Потому что в метро не везде есть связь. Ну, я там еду не больше минут двадцати и, когда я выйду, он мне дозвонится. И не надо быть привязанным к месту. Это рождает определенную свободу» (жен., 29 лет, переводчик).

Информанты говорят, что свои мобильные телефоны они всегда носят с собой: кто-то в сумке, кто-то в кармане, а некоторые пытаются демонстрировать свои телефоны публике. Тогда их носят на специальных шнурках на груди, или же в чехлах на поясе. Мобильный телефон не только средство связи, но и определенный маркер, даже часть идентичности владельца: «Я очень серьезно отношусь к модели и дизайну телефона. Он всегда на виду, поэтому важно, чтобы аппарат выглядел достойно» (муж., 20 лет, системный администратор). Телефон в молодежной среде как бы представляет своего владельца другим людям. Это символическое измерение мобильного телефона подробно рассматривается в статье Николаевой Е. В. и Николаевой Т. Н.¹

Последние несколько лет рынок аксессуаров для мобильных телефонов динамично развивается. Люди каждый год тратят все больше денег на приобретение шнурков, чехлов, съемных панелей, рингтонов и логотипов. Молодежь активно интересуется этим рынком, чтобы «индивидуализировать» свой телефон. Пример из интервью: «Ну, хочется, конечно, чтобы у тебя какой-то особенный звук или картинка были... Это развлекает. Я, честно говоря, раза три в месяц мелодию меняю» (жен., 20 лет, студентка).

---

¹ Николаева Е. В., Николаева Т. Н. Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре // Этножурнал. 2004. № 9, март.

Молодые люди эмоционально привязаны к своему мобильному телефону. Ему уделяется много внимания и средств. Как отмечают корреспонденты «Независимой газеты»: «На данный момент львиную долю мобильного контента составляют мелодии звонков и логотипы, но специалисты считают, что этот сегмент рынка со временем уступит лидирующие позиции мобильным играм. Среди тех, кому еще нет 16, мобильные игры загружали себе на телефон более 40%, а среди молодых людей чуть постарше (16–19 лет) этим занимается почти каждый третий»¹. Отсутствие у человека мобильного телефона воспринимается нашими информантами как нонсенс, как нарушение устоявшейся коммуникационной нормы.

Очевидно, что теперь мобильная телефония проникает всюду. Во многих учреждениях появились плакаты, которые запрещают пользование мобильным телефоном. Автор наблюдал их в музеях, церквях, учебных заведениях и театрах. Перед началом спектакля служащие театра несколько раз предупреждают зрителей о необходимости выключения мобильных телефонов. Широкое распространение мобильной телефонии косвенно указывает на то, что эта технология принимает на себя значительные социальные функции, от которых пользователи обычно уже не способны отказаться.

Переход контролирующих функций от государства и организаций к социальным сетям

С развитием новых коммуникационных технологий контроль в современном обществе на разных уровнях сохраняется и даже усиливается². Персонализация новых ИКТ, таких как электронная почта и мобильный телефон содействует как росту персонального контроля со стороны доминирующих, так и развитию стратегий уклонения, основанного на всевозможных языковых играх, со стороны доминируемых³.

Еще недавно, в середине XX века, эффективные системы связи были доступны только для государственных или крупных капиталистических институтов. В социалистических государствах контроль над ИКТ осуществлялся партийной номенклатурой. Например, в СССР в 1962 году была разработана система «Алтай» (инженеры А. П. Биленко, М. А. Шкуд, Л. Н. Моргунов, Г. З. Рубин, Г. А. Гринев, В. М. Кузьмин). Эта радиально-зональная сеть обеспечивала подвижность в пределах сот внутрисетового размера и использовалась для связи членов Политбюро, руководителей министерств и крупных предприятий. Абонентов у этой сети было немного, аппараты устанавливались на правительственные автомобили и железнодорожные вагоны⁴.

¹ Делицин Л., Секретарев Н. Человеческое лицо конвергенции: технология опережает психологию// Независимая газета. 2005. 12 авг.

² Кастель М. Информационная эпоха... - М., 2000.

³ Rule J. B. From mass society to perpetual contact: models of communication technologies in social context/ Perpetual Contact. Mobile Communication, Private Talk, Public Performance// Eds. by J. E. Katz, M. Aakhus. - Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002. - P. 242–254.

⁴ См. в Косицкая Н. Питер – родина российского мобильника// Комсомольская правда в СПб. 2004. 2 янв.

Материалы интервью и дневников дают основания полагать, что пользователи на каком-то уровне осознают дисциплинарное значение мобильной телефонии. Косвенным свидетельством осознания информантами возможности государственного контроля посредством мобильной телефонии может служить осторожное отношение молодых людей к передаче конфиденциальной информации с помощью мобильного телефона. При необходимости ее разным образом кодируют. Например, одна из информанток (24 года, помощник редактора), рассказала такой случай. Они с друзьями курили марихуану, а один из участников вечеринки решил выйти прогуляться, забыв выложить наркотическое средство из кармана куртки. Встревоженные друзья стали слать ему SMS-сообщения: «Петя, будь осторожен, ты забыл выложить из кармана воблу», опасаясь, что приятеля арестует милиция. Но код был прочитан Петей неправильно, что ясно из SMS, посланного им в ответ: «Маша! Какая вобла?! Ложись спать». В связи с приведенным примером, где можно наблюдать попытку кодирования информации о наркотиках, интересно замечание Поля Вирилио. В своей книге, посвященной новым ИКТ, он писал: «мобильный телефон представляется одним из технических изобретений, способствующих как присущей метрополии властной концентрации, так и разбросу основных социально опасных явлений: полицейские Лос-Анджелеса оказались беспомощными перед произвольно назначаемыми встречами пользующихся мобильными телефонами, дилеров запрещенных наркотических средств и их покупателей, появляющихся то здесь, то там, неизвестно где, всегда где-то в другом месте»¹. Похоже, что пользователи мобильной телефонии осознают ее контролирующий потенциал и стараются избегать открытой передачи информации, способной заинтересовать надзорные институты государства.

Помимо государства, первыми, кто оценил властные возможности ИКТ, были бизнес-структуры. Используя новые технологии, они значительно повысили качество взаимодействия головного и периферийных офисов, а также расширили область контроля над сотрудниками, в специфику работы которых входило частое перемещение в пространстве². С одной стороны, это серьезно сократило бюрократические издержки и повысило эффективность, но с другой — вызвало к жизни стихийные процессы дезинтеграции и уклонения сотрудников от их непосредственных обязанностей.

В нашем исследовании есть всего несколько примеров подобного поведения, но они достаточно показательны. Например, консультант в юридической фирме в процессе заполнения дневника решил сменить место работы. Он перестал прилежно исполнять свои профессиональные обязанности. В течение рабочих недели он уехал на дачу к друзьям, отвечая на телефонные звонки из офиса, что он в командировке. Другим примером служит информантка, работающая дизайнером на производстве кожаных сумок. Данные ее дневника, подтвержденные потом во втором уточняющем интервью говорят, что она часто пользовалась мобильным телефоном (выданным ей администрацией предпри-

---

¹ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. - М.: Гнозис, 2002. — С. 17.

² Уверенность в том, что служащий всегда находится в пределах досягаемости — почти обязательная часть современной организационной культуры. (Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. - М.: изд-во Весь Мир, 2003 - С. 155).

ятия) для уклонения от своих профессиональных обязанностей. Поскольку закроечный цех, цех кожгалантереи и офис, из которого осуществляется руководство, находятся в разных зданиях на арендуемой площади огромного завода, она всегда имела возможность находиться где-то между корпусами, проводя время в перекурах и разговорах с подругами. Третьим примером осуществления ненормативного поведения в рамках организационной структуры высшего образования является перманентная SMS-переписка, практикуемая студентами в ходе аудиторных занятий, которая была отражена в дневниках студентов, которые приняли участие в исследовании.

Данные дневников повседневной коммуникации указывают на тенденцию постепенного разрушения институализированных систем контроля. Однако они же демонстрируют рост и расширение контроля на уровне индивидуальных взаимодействий пользователей мобильной телефонии.

Если рассматривать дисциплинирование посредством мобильной связи на уровне межличностного взаимодействия, то здесь прямой и очевидный контроль затруднителен. Здесь каждый раз придумывается формула его обоснования. В сети социальных отношений вас не контролируют, наоборот, за вами ухаживают, за вас беспокоятся. То есть контроль приобретает мягкую форму заботы.

Анализ всего массива повседневных контактов посредством мобильного телефона позволяет сделать вывод, что основным содержанием мобильной коммуникации становится координация. Иногда она воспринимается информантами как дисциплинирующее взаимодействие, в ходе которого участники согласуют свои возможности и планы. Технология мобильной связи позволяет постоянно переиначивать временной и пространственный контекст взаимодействия. В пространстве горизонтально организованных социальных сетей она дает возможность доминирующему осуществлять более полный контроль над доминируемым. Например, в случае заполнения дневников социальной коммуникацией семейной парой (аспиранты одного из петербургских вузов 23 и 24-х лет). Взаимодополняющие материалы дневника и интервью описывают случай, когда информантка, опаздывая на встречу, демонстрирует мужу свою огорченность ситуацией опоздания, выражая свою озабоченность в процессе продвижения к месту встречи с супругом:

«Вопрос: А 31 марта ты указываешь как контакт «серию коротких звонков мужу для координации. Что это была за ситуация?»

Ответ: Да, это было несколько звонков, я уже и не помню. Звонка три, четыре может быть, вот так. Это такого рода: «Ты где? Я там, на углу», предположим, «А я вот еще из метро выхожу».

Вопрос: Странная ситуация получается, вы только что договорились о встрече, а дальше эта серия звонков. То есть буквально обговаривается каждый шаг?

Ответ: Это, по-видимому, я опаздывала. То есть такая ситуация возникает, когда кто-то опаздывает. Может быть, он опаздывал, или я. Вот. Когда договоренность не срабатывает, приходится ее вот так на ходу корректировать» (жен., 23 года, аспирантка).

В контексте подобной координации звонки информантки были формой оправдания, тактической уловкой, сглаживающей нарушение договоренности. Звонки ее

мужа, ожидавшего ее у метро, можно прочесть как контролирующую заботу (пять звонков с одним вопросом: «Где ты?»).

Еще более очевидным проявление властной потенции заботы становится при анализе «ухаживающих звонков». Данные исследования показывают, что чуть меньше четверти от всех контактов за неделю (22%) составляли так называемые «ухаживающие звонки». Они представляют собой очень интересный феномен сообщений не несущих прямой фактологической информации, а направленный на поддержку эмоциональной связи между звонящим и абонентом.

До распространения такой ИКТ, как мобильный телефон, люди не имели возможности в любом месте и в любое время подчеркивать свою эмоциональную связь с пространственно удаленными «значимыми другими». Материалы исследования показывают, что сейчас «ухаживающие звонки» стали повседневной практикой подавляющего числа пользователей мобильной телефонии. Бессмысленные на первый взгляд обращения «Где ты?» или «Все у тебя хорошо?» подчеркивают эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно становятся нормой взаимодействия.

Очень часто функцию «ухаживающих звонков» берут на себя SMS-сообщения. Из всех SMS, посланных и полученных информантами в течение недели заполнения дневника 38,5% носили характер «ухаживающих».

Самыми распространенными SMS-сообщениями являются тексты, обозначенные в дневниках информантов следующим образом: «Спросил ее, как себя чувствует ее мама, не выписали ли ее из больницы» (муж., 30 лет, программист) или «Спросил, как она себя чувствует после гулянки» (муж., 20 лет, спортсмен), или «Вова пожелал мне доброго утра» (жен., 20 лет, студентка). Дневник 20-летней студентки является характерным примером дисциплинирующих возможностей, которые открывает для пользователей мобильный телефон.

Эта девушка получила мобильный телефон в подарок от своего молодого человека, уезжая из родного города на учебу в Петербург. Год жизни в общежитии, новые знакомства, новый ритм жизни мегаполиса несколько ослабил ее эмоциональную вовлеченность в оставшиеся в городе N социальные сети. Однако ее молодой человек не прекращал попыток сохранить их эмоционально близкие отношения, регулярно напоминая о себе SMS-сообщениями. Вот выдержки из ее дневника: «Вова поздравил с прошедшими праздниками и поинтересовался моими делами»; «Вова спросил, когда я приеду в N.»; «Вова пожелал мне доброго утра»; «Вова пожелал мне спокойной ночи». Если бы девушка в этом случае не имела мобильного телефона, то ее жених из другого города имел бы значительно более ограниченные возможности регулярно напоминать о себе, поскольку стационарного телефона в общежитии нет, а коммуникация посредством традиционной бумажной почты не создает возможности дистанционного соприсутствия «здесь и сейчас».

Можно сказать, что одним из социальных следствий широкого распространения мобильной телефонии становятся расширение возможностей для осуществления межличностного надзора, который часто принимает форму заботы и выражается в постоянной координации действий и обилии «ухаживающих» звонков и SMS. Особенность заботы, выражаемой посредством мобильных телефонов, заключается в

том, что для нее не существует ни временных, ни пространственных границ, поскольку пользователи мобильной телефонии исповедуют «императив доступности» о котором подробнее будет сказано ниже в п. 2 Д.

В условиях, когда дисциплинарные попытки государства по осуществлению территориального и информационного контроля наталкиваются на ограничения, созданные массовым распространением ИКТ¹, когда под воздействием мобильной телефонии разрушаются дисциплинарные иерархии организационных структур², контролирующие функции смещаются от государства и организаций к социальным сетям. Результаты данного исследования подтверждаются мнением европейский социологов: «Мобильный телефон, — пишет Кеннет Герген, — способствует сокращению вертикальных властных отношений. Учитывая привилегию, предоставленную мобильным телефоном для выбора немногих «близких» абонентов», пользователи мобильных телефонов меньше склонны двигаться в сторону поверхностных отношений. Скорее, время связи все более и более тратится на «тех, кто имеет значение»³. В этой связи можно выдвинуть предположение, что мобильная телефония, выступая как инструмент микрофизической власти, лишенной координирующего ее центра, приводит к смещению контролирующих функций от государства и организаций к социальной сети.

Размывание границ публичного и частного пространства пользователей мобильной телефонии

Изначально мобильный телефон — это устройство, которое предназначено прежде всего для использования в поездках⁴. Сегодня нет необходимости двигаться от стационарного телефона к стационарному телефону, чтобы посылать и получать сообщения. Мобильный телефон учитывает нюансы координации перемещения таким образом, что встречи могут быть устроены, поручения могут быть выполнены, и люди могут быть в постоянной доступности. При этом постоянная доступность не предполагает специфических отличий в использовании мобильного телефона в публичных или частных пространствах⁵.

¹ См. об этом в Rheingold Н. Smart Mobs: The Next Social Revolution. - Cambridge, 2002.

² Подробно в: Manning P.K. Information Technology in the Police Context: The Sailor Phone// Information Systems Research. - 1996. - № 7, (1). — P. 52—62.

³ Герген К. J. The Challenge of Absent Presence// Perpetual Contact. Mobile Communication, Private Talk. Public Performance/ Eds. by J. E. Katz, M. Aakhus. - Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002. - P. 238, 227—241.

⁴ Ling R., Haddon L. Mobile telephony, mobility and the coordination of everyday life// [http://www.telenor.no/fou/program/nomadiske/articles/rich/\(2001\)Mobile.pdf](http://www.telenor.no/fou/program/nomadiske/articles/rich/(2001)Mobile.pdf) - 2001, — P. 3.

⁵ «Когда пешеход, человек за обедом или пассажир поезда поглощены разговорами по мобильному телефону, они прекращают быть полными участниками непосредственного контекста. Это - фатальное воздействие такого отвлечения внимания, которое теперь заставляет множество государств объявить вне закона использование мобильных телефонов во время вождения автомобиля. /.../ Израильский водитель был недавно арестован, потому что он ру-

Появление и массовое распространение мобильных средств коммуникации трансформирует «архитектурно-пространственное доминирование»¹ общественного порядка. Материалы исследования демонстрируют, что пользование мобильным телефоном часто становится антидисциплинарной тактикой в условиях сдачи экзамена (когда правильные ответы передаются с помощью SMS), в ситуациях прохождения бюрократических барьеров (для форсирования очередей) и даже при арестах милиции — для мобилизации поддержки со стороны социальной сети задержанного.

Несмотря на попытки запрета или ограничения пользования мобильными телефонами, которые формулируются различными «табличками» и «плакатами» в организациях, настаивающих на полной вовлеченности «здесь и сейчас» или не предполагающих постороннего шумового вмешательства (в учебных заведениях, библиотеках, театрах, церквях) молодые люди и девушки смело пользуются своими аппаратами в публичных пространствах:

«Вопрос: Ты где-нибудь отключаешь свой телефон?»

Ответ: Нет. Он у меня всегда включен. Это не проблема. Можно, если что, вежливо выйти и поговорить. А чего? У нас и преподавателям на лекции звонят. Они тоже выходят» (жен., 21 год, студентка).

Молодые люди не затрудняются, если им нужно вести приватные разговоры в публичных местах. Возможно, представления о приватном и публичном видоизменяются под воздействием технологий сотовой связи. Похоже, что вторжение приватных разговоров в публичное пространство разрушает его дисциплинарное единство. Как отмечал Кеннет Герген: «когда мы слушаем голоса издали, происходит разрыв отношений и этического поведения с локальным»². Возможно, мобильные телефоны приводят к более, чем когда-либо прежде, приватному поведению в публичных местах, к постепенному сокращению количества ограничений в том, где и когда люди могут использовать свои мобильные телефоны. Как отмечал Э. Гидденс: «отношения с теми, кто физически отсутствует, предполагают социальные механизмы, отличные от тех, кто работают в ситуации сопresутствия»³. «Отсутствующие другие», которые могут посредством мобильного телефона в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя мобильной телефонии, создают предпосылки для переопределения приватного и публичного, близкого и далекого. «Несмотря на то что «совершенные обстоятельства сопresутствия» существуют исключительно в ситуации непосредственного контакта между физически присутствующими людьми, в наши дни, благодаря электронным коммуникациям и особенно телефону, стали возможны

лил коленями, поскольку обе руки у него были заняты мобильными телефонами» (Gergen K. J. The Challenge of Absent Presence... - P. 239, 227–241.).

¹ Термин используемый Foucault M. How is Power Exercised?// Michel Foucault. Beyond Structuralism and hermeneutics/ Eds. by H. Dreyfus, P. Rabinow. - Chicago, 1983.

² Gergen K. J. The Challenge of Absent Presence... - P. 232, 227–241.

³ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. - М.: Академический проект, 2003. - С. 84.

и опосредованные контакты, допускающие тесную связь и близость, характерные для условий соприсутствия»¹.

Наличие небольшого мобильного средства дистанционной коммуникации создает условия для новых сложных форм социального взаимодействия как с «присутствующими», так и с «отсутствующими другими»: «Сценическое управление может стать весьма сложным. Подобно живописи кубистов, говорящий по мобильному телефону видится из двух перспектив»²:

«С ним (другом информанта — Б. Г.) стало невозможно общаться. Мы в пятницу пили в одном гадюшнике на Удельной, так за час ему позвонили наверное раз двадцать. То один телефон к уху прижмет, то другой — стакан скоро нечем держать будет...» (муж., 28 лет, юрист).

Развитие электронных коммуникационных и информационных систем позволяет все более уменьшать зависимость между пространственной близостью и выполнением функций повседневной жизни: работой, покупками, развлечениями, заботой о здоровье, образованием, коммунальными услугами, надзором за детьми и т. п.³ Например, 20-летний системный администратор говорит в интервью:

«У меня сейчас нет уже четкого представления, как там у моего отца было, что дома — это только отдых. Нет. Я спокойно работаю дома. Даже с удовольствием. Поскольку у меня работа такая... можно сказать творческая, в офисе меня тоже никто особенно не контролирует. Могу в интернете копать, могу по телефону болтать, сколько мне нужно».

Подобная ситуация стирает различия между домом и рабочим местом, между частным и публичным пространством. Домашний частный мир может вторгаться в публично-рабочий и наоборот. Схожие тенденции имеют место и в западных обществах, как отмечают, например, Кац и Аакус в введении к международному сборнику социологических статей о мобильной телефонии: «распространение новых ИКТ действительно создало некоторые проблемы, потому что граница между частной жизнью и рабочей деятельностью была сломана, приведя к тому, «мобильный телефон был обвинен в потере досуга»⁴. В этом смысле частная жизнь может бесконтрольно вторгнуться в рабочую среду с помощью мобильного телефона. И симметрично, звонок из офиса может быть получен, несмотря на час и контекст, в котором находится сотрудник. Анализ дневников повседневной коммуникации указывает, что у пользователей мобильной телефонией частные и публичные миры постепенно перемешиваются в сложной пропорции. Практически это означает разрушение гра-

¹ Там же. - С. 121.

² Ling R. "One can talk about Common Manners!" The Use of Mobile Telephones in Inappropriate Situations// Communications on the Move: The Experience of Mobile Telephony in the 1990s./ Ed. by L. Haddon. - COST248 Report, Telia, Farsta. — 1998. - P. 12.

³ Кастельс М. Информационная эпоха... — М., 2000. С. 370.

⁴ Katz J. E., Aakhus M. Introduction: framing the issues// Perpetual Contact. Mobile Communication, Private Talk, Public Performance/ Eds. by J. E. Katz, M. Aakhus. - Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002. — P. 8, 1—14.

ниц между частным и публичным, что ведет к некоторым реальным напряженным отношениям между этими двумя сферами жизни¹.

Прерывистость временного режима пользователей мобильной телефонии

Помимо пространства еще одной фундаментальной характеристикой повседневного взаимодействия является время. «Большинство аспектов социального взаимодействия укоренено во времени, — пишет Гидденс, — их смысл становится очевидным только тогда, когда мы принимаем во внимание их рутинный, повторяющийся характер»². «Время — недостающая переменная в современном социологическом анализе»³.

Наше общество сильно структурировано конструктом линейного поступательного времени. Многие современные социологи приходят к выводу, что постиндустриальные общества характеризуются тенденцией сжатия и уплотнения временного режима. Например, Зигмунт Бауман приходит к выводу, что «сейчас» становится девизом жизненной стратегии, к чему бы таковая не относилась. Он подчеркивает: «Мы живем в обществе кратковременных перспектив»⁴.

Повседневность наполнена сиюминутными, текущими, повторяющимися изо дня в день заботами и обязанностями, в ней время локализуется в настоящем, а не в прошлом или будущем. Для повседневности актуальны хронологически близкие отрезки временной оси⁵. При этом зона актуального настоящего времени расширяется в процессе исторической модернизации общества.

Как показывают данные нашего исследования, мобильная телефония сыграла существенную роль в преодолении «временного фронта»⁶. Звонки мобильных телефонов вторгаются не только в любое пространство, но и почти в любое время. Никто из наших информантов не имеет привычки отключать мобильный телефон на

---

¹ Sherry J., Salvador T. Running and grimacing: The struggle for balance in mobile work// Wireless world: Social and interactional aspects of the mobile age/ Eds. by B. Brown, N. Green and R. Harper. London, 2002. - P. 118, 108–120.

² Гидденс Э. Устроение общества... - М. 2003. - С. 214.

³ Hassard J. Introduction. The sociological study of time/ Ed. by J.Hassard //The sociology of time. — Basingstoke. 1990. — P. 1.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. - С. 197.

⁵ Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. - СПб.: С-П-ский гос. Ун-т культуры и искусств, 2002. - С. 106.

⁶ «Последний великий фронтр человеческого иммиграции проходил во времени. Он заключался в распространении бодрствования человека на все двадцать четыре часа суток. Появились различные формы сменной работы на предприятиях, возникло круглосуточное патрулирование, телефоны стали использоваться в любое время. Появилось большое число постоянно функционирующих больниц, аптек, авиарейсов, гостиниц, круглосуточных ресторанов, пунктов проката автомобилей, автозаправочных станций и ремонтных мастерских, кегельбанов и радиостанций» (Melbin M. The Colonization of Time// Timing Space and Spacing Time/ Eds. by Carlstein et al. - London, 1978. — P. 100).

ночь. Это приводит к таким ситуациям, как в случае 24-х летней девушки, живущей вдали от родителей:

«Моя мама, не задумываясь, звонит мне из Штатов. Я сплю — она звонит. Иногда я даже подозреваю, не специально ли она это делает? Такая дистанционная проверочка... Поэтому в дневнике есть разговоры поздно ночью» (жен., 24 года, помощник редактора).

Может быть, появление и массовое распространение мобильной связи приводит к измененному пониманию времени, то есть разрушению представлений о его линейной структурности. Тонкий наблюдатель повседневных взаимодействий Ирвинг Гофман писал: «Если несколько человек разговаривают, и вдруг один из них прерывает беседу и отвечает на телефонный звонок, то другие не могут быстро продемонстрировать свое невнимание к подобному разрыву коммуникации. И продолжающийся между ними разговор становится на некоторое время прерывистым и неуверенным»¹. Анализ практик пользования мобильным телефоном указывает на его способность привносить в повседневную коммуникативную практику «прерывистость», вероятность в любом месте и в любое время быть как бы вырванным из коммуникации, или, лучше сказать, отключенным от окружающего социального контекста. Во время разговора по мобильному телефону, человек впадает в пространство «отсутствующего присутствия». Время его разговора по мобильному телефону течет в ином режиме, чем окружающее его время. Темпоральные характеристики повседневной событийности включают такие показатели, как скорость течения событий и частота смены одного события другим². Люди, включающиеся в сети мобильной телефонии, увеличивают для себя частоту смены одного события другим. Они неспособны планировать что-то долгосрочно.

Анализ дневниковых записей показывает, что постоянное перепланирование становится привычной формой повседневного взаимодействия, которое все больше превращается из взаимодействия в координацию, то есть в процесс перманентного сопоставления своего повседневного порядка с порядками других членов социальной сети³. Мобильная телефония производит преобразование социальных систем от «твердого» состояния жесткого планирования к «мягкому» (гибкому) состоянию постоянно продолжающихся процессов динамической координации и пересмотров.

Как показывают собранные нами эмпирические данные, больше половины всех разговоров по мобильному телефону направлены на координирование совместных

¹ Goffman E. *Behaviour in Public Places*. — N. Y.: Free Press, 1963. — P. 156ff.

² Лелеко В. Д. *Пространство повседневности...* — С. 42.

³ К схожим результатам приходят в своем исследовании Р. Линг и Б. Йттри: «С использованием мобильных систем связи необходимость договариваться, чтобы встретиться в определенное время и месте становится необязательной. Скорее, те встречи могут регулироваться в зависимости от необходимости. Кроме того, мобильные системы связи учитывают возможности для перенесения встреч, чтобы отвечать нуждам социальных групп» (Ling R. Yttri B. *Nobody Sits at Home and Waits for the Telephone to Ring: Micro and Hyper-Coordination through the Use of the Mobile Telephone/ Telenor Forskning og Utvikling, FoU Rapport*. - №30/99).

действий. Таким образом, можно сказать, что мобильный телефон, в основном, применяется для соотнесения себя во времени и пространстве с другими членами социальной сети.

Материалы нашего исследования согласуются с тезисом Мануэля Кастельса о том, что новый «режим времени» связан с развитием коммуникационных технологий¹. Нужно только добавить, что под воздействием распространения технологии мобильной телефонии «режим времени» стал прерывистым, а время стало пониматься как гибкое и нелинейное. В этой связи один из информантов, 29-летний компьютерный дизайнер в интервью сказал: «Как-то знаешь... больше успеваешь сделать, когда телефон всегда в руке. Но жизнь при этом такая пестрая стала. Постоянно то одно, то другое...».

Возможно это результат того процесса, о котором писал Кастельс: «в современном обществе линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски»².

Эмпирические материалы, собранные в рамках данного исследования, показывают, что люди, пользующиеся мобильной телефонией, выстраивают для себя гибкий режим социального взаимодействия, который характеризуется прерывистостью и краткосрочностью.

«Императив доступности» и атомизирующие свойства мобильной связи

В ходе исследования был обнаружен интересный феномен, который можно назвать «императивом доступности». Он выражался в том, что никто из информантов ни дома, ни на работе, ни ночью, ни днем, ни в приватном, ни в публичном пространстве не отключает свой мобильный телефон. В лучшем случае отключают звук звонка, находясь в публичных местах, где требуется соблюдение звукового режима (в студенческих аудиториях, на концертах, в театре). Но, как показывает анализ обыденных практик пользования мобильной телефонией, переход на тихий режим пользования мобильным телефоном в публичных местах тоже не является общепризнанным правилом. Телефоны включены фактически всегда и везде. Молодые люди очень привязаны к возможности «быть застигнутыми» внезапным звонком или сообщением.

«Вопрос: А есть время, когда нельзя звонить тебе на мобильный?»

Ответ: На сотовый телефон? На сотовый телефон можно звонить круглосуточно.

Вопрос: Ты его все время носишь с собой?

Ответ: Да.

Вопрос: То есть стараешься его не отключать?

Ответ: Я даже скорее отключу домашний, но сотовый у меня будет работать. Всегда могут возникнуть обстоятельства, когда нужно позвонить срочно. Не мне самому позвонить, а до меня дозвониться» (муж., 28 лет, юрист).

«Императив доступности» требует от владельца телефона быть в постоянной готовности ответить на вызов: «Мне очень важно всегда быть на связи. Когда я выхожу

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха... – М., 2000. - С. 400.

² Там же. – С. 402.

из дома, забыв телефон, я чувствую какую-то незащищенность или, лучше сказать, дискомфорт, как будто какая-то часть меня осталась дома» (жен., 24 года, помощник редактора). Уверенность в том, ты всегда находишься в пределах досягаемости других членов социальной сети, становится обязательной для современной городской молодежи. 20–30-летние пользователи мобильной телефонии постоянно готовы к коммуникации, их телефоны ожидают звонков. Похожее наблюдение сделал шведский антрополог Томас Эриксен: «Абсолютная досягаемость заразительна. Если один встает на этот путь (будь то фирма или отдельный человек), другие вынуждены последовать его примеру, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе. Я как-то услышал о мужчине, игравшем в футбол в парке со своим пяти-шестилетним сыном. За те полчаса, что они гоняли мяч, он не разу не отнял от уха мобильный телефон»¹.

Возможно «императив доступности» можно объяснить через другую важную характеристику нового коммуникационного стиля слияния с мобильным телефоном. Анализ данных показывает, что молодые люди, принявшие участие в исследовании, в два с половиной раза чаще общались посредством технических устройств, чем «лицом-к-лицу», что позволяет предположить возникновение в их среде особой коммуникационной модели, где общение организуется в стилистике «тет-а-тет». Групповое общение, характерное для молодежных компаний прошлого, постепенно вытесняется дистанционным общением «один-на-один».

Можно говорить о том, что распространение мобильных телефонов приносит в повседневную жизнь их пользователей возможность постоянного контакта с узким ближним кругом в ущерб широкой публичной коммуникативной практике. Как показывают данные дневников, 72% всех разговоров по мобильному телефону происходит с людьми, входящими в первый и второй «круги близости». Этот процесс препятствует созданию количественно больших молодежных компаний. Доступность для ближних становится важнее новых связей и делает ненужным расширение социальных сетей, что, в свою очередь, способствует замыканию молодых людей в малых группах, а в итоге может рассматриваться как один из аспектов процесса индивидуализации российского общества.

Эмпирические данные нашего исследования говорят о том, что молодые жители Петербурга действительно общаются преимущественно в узком круге друзей и родственников, что значительная часть этого общения происходит посредством мобильного телефона. «Императив доступности» обязывает каждого члена узкой социальной сети постоянно поддерживать контакты со своей референтной группой. И мобильный телефон в такой ситуации незаменим. Он не привязан к локальным точкам телефонными кабелями, он работает в достаточно большом пространстве (сигнал пропадает только в малонаселенных районах). Как писал Зигмунт Бауман: «Сотовый телефон, предлагающий независимость даже от кабельных сетей и разъемов, нанес завершающий удар по тем претензиям на духовную общность, которые могла бы предъявить пространственная близость»². То есть для пользователя мобильного телефона более

¹ Эриксен Т. Х. Тирания момента... — С. 155.

² Бауман З. Индивидуализированное общество... — С. 48.

актуальны дистанционные связи со «значимыми другими», чем возможность коммуникации «лицом к лицу» с эмоционально менее близкими окружающими. Ситуация сопричастия перестает быть условием соучастия в социальном взаимодействии.

«На настоящий момент я почти отказалась от бумажных книг. В метро так тесно. Но телефончик у меня маленький. Пока еду на работу в этой толкучке, читаю, что туда закачала или музыку в наушниках слушаю. Книгу просто неудобно таскать, а видеть все эти морды в нашем метро не хочется» (жен., 23 года, студентка).

Эту стратегию избегания окружающей обстановки Кеннет Герген назвал «отсутствующим присутствием»¹. Мобильный телефон может служить развитию разнообразных стратегий «отсутствующего присутствия», которые Ирвинг Гофман понимал как «демонстративное экранирование вовлеченности»². Примеры Гофмана обычно касаются журналов и газет: «типичный «экран» от взаимодействий в современной городской жизни — газета, которую принято читать в общественном транспорте»³. Данные нашего исследования показывают, что в молодежной среде экранирование вовлеченности осуществляется уже не посредством газеты, а с помощью мобильного телефона. Он используется информантами как игрушка, как плеер, как радиоприемник, как дневник, и даже в качестве библиотеки, куда закачиваются литературные произведения для чтения в транспорте. Западноевропейские исследователи утверждают, что мобильная телефония постепенно приводит к тому, что «в действительности, сейчас наблюдаются только остатки «лицом-к-лицу сообщества», для которого телефон служит в качестве протеза»⁴. Наши данные косвенно подтверждают эту тенденцию:

«Я всегда чувствовал себя неуютно в малознакомых компаниях. Я как-то замыкался и обычно скучал... Но сейчас в таких ситуациях я частенько балуюсь своим мобильным. Сижу себе и SMS-ки рассылаю» (муж., 30 лет, программист).

Можно предположить, что одним из социальных следствий широкого распространения мобильной телефонии станет все возрастающая социальная атомизация пользователей мобильных телефонов, а также замыкание их социального взаимодействия в «ближних» кругах социальной сети.

Заключение

Анализ полученных данных приводит к заключению о серьезной трансформации различного рода повседневных практик у людей, которые начали пользоваться мобильными телефонами.

Это вызвано тем, что пользователи делегируют ему очень широкий спектр полномочий или социальных функций. Мобильный телефон применялся пользователями

---

¹ Gergen K. J. The Challenge of Absent Presence... - P. 233, 227–241.

² Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. - М.: ИС РАН, 2003. — С. 38.

³ Там же. — С. 39.

⁴ Gergen K. J. The Challenge of Absent Presence... — P. 237, 227–241.

для организации шести различных типов социального действия. 1). В исследованных случаях мобильный телефон чаще всего используется как инструмент социальной координации. 2). Второй по частоте тип социального действия, осуществляемого посредством мобильного телефона, касается эмоциональной поддержки внутри социальной сети с помощью особого типа «ухаживающих звонков». 3). Кроме того, мобильный телефон применяется как инструмент контроля, но также 4) является гарантом безопасности. Функционально мобильный телефон может использоваться и 5) как рабочий инструмент, и 6) для рекреативных целей. Имея столько направлений практического использования, мобильный телефон становится важным агентом социальных изменений. Эмпирические материалы, собранные в рамках исследования показывают, что пользователи мобильных телефонов испытывают психологическую зависимость от этого коммуникативного средства, а постоянное его применение приводит к деформации привычных категорий и повседневных практик.

В исследованных социальных сетях выявлено три основных социальных следствия широкой мобильной телефонизации.

1. Как показывают данные исследования, чаще всего по мобильному телефону общаются с родственниками и друзьями. Мобильные телефоны сужают диапазон отношений, в которые включен человек, до близкого круга «значимых других» в ущерб широкой публичной коммуникативной практике. Получается, что возможность коммуникаций расширилась, а круг тех, с кем мы общаемся, сузился. Пользователи сотовой связи предпочитают общаться с близкими референтами и закрываются этими разговорами от публичной коммуникации с «неблизкими» окружающими¹. Используя термин Ноберта Элиаса², можно сказать, что широкое распространение мобильной телефонии может привести к изменению привычной конфигурации общения: ситуация соприсутствия перестает быть условием соучастия в социальном взаимодействии.
2. Несмотря на попытки запрета или ограничения пользования мобильными телефонами, молодые люди смело пользуются своими аппаратами в публичных пространствах. Вторжение частных разговоров в публичное пространство разрушает его дисциплинарное единство. Распространение мобильной телефонии приводит к размыванию границ публичного и частного пространства, что ведет к появлению напряженности между этими двумя сферами жизни.
3. Использование мобильного телефона преобразует систему связей внутри социальной общности, переводит ее из режима жесткого планирования в режим мягкой, гибкой, динамической координации.

¹ Валерий Голофаст, обращаясь к теме локального и глобального, также отмечал, что технические посредники укрепляют и стимулируют тенденции атомизации и замыкания индивидов в ближних кругах (Голофаст В. Глобализация и место морали// Телескоп, 2004. № 2. — С. 4).

² «Фигурация - определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей» (Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. — М., СПб.: Университетская книга, 2001. — С.43).

Постепенное накапливание непреднамеренных следствий широкого распространения мобильной телефонии приводит к трансформации социального порядка и появлению новых правил социального взаимодействия. Резюмируя их, можно сказать, что для пользователей сотовой телефонии (а их с каждым годом становится все больше) характерно замыкание в ближайшем кругу социальной сети, разрушение прежних представлений о приватном и публичном пространстве, а также ощущение уплотненного, но в тоже время прерывистого временного режима.

КАДРОВЫЙ КРИЗИС НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ИХ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Цель статьи¹ — показать, что в ходе реформирования российских промышленных предприятий возникли кадровые процессы, которые привели в настоящее время к серьезным социальным последствиям. Главным таким последствием стал кадровый кризис в промышленности.

В основе статьи лежат результаты экономико-социологических исследований, которые проводит наш коллектив (Р. Рывкина, Л. Косалс, Ю. Симагин и автор доклада) с 1995 года по настоящее время. Мы проводим ежегодный панельный анкетный опрос директоров оборонных предприятий России, а также неформализованные интервью с директорами промышленных предприятий. Исследования позволяют отслеживать перемены, которые происходили (и происходят в настоящее время) на промышленных предприятиях.

Что такое кадровый кризис в промышленности?

Это социально-экономическая ситуация, когда большинство промышленных предприятий испытывают нехватку работников тех или иных специальностей и квалификации, без которых они не могут производить профильную продукцию, расширить производство, или же оказываются перед опасностью остановки.

Действительно, в последние годы директора промышленных предприятий в массовом порядке стали жаловаться на нехватку рабочей силы. Оказалось, что на рынке труда большинства промышленных городов России трудно найти грамотных инженеров и работников еще недавно популярных рабочих профессий: станочников, маляров, электриков и др.

Проявление кадрового кризиса не только в том, что на предприятиях общая численность работников может быть достаточной для выполнения необходимых работ, но и в том, что ощущается нехватка работников определенных профессий или квалификаций. В нашей «Анкете директора», по которой мы ежегодно опрашиваем директоров оборонных предприятий имеется вопрос: «Есть ли у вас на предприятии нехватка каких-либо категорий работников? Если да, то, каких кадров не хватает?» В 2005 году ответы оказались следующими: только на 5% предприятий нет дефицита кадров. Каких именно работников не хватает? 80% опрошенных директоров указали на нехватку инженеров высокой квалификации; 70% — на нехватку квалифицированных рабочих; 34–36% — на дефицит специалистов по маркетингу, менеджеров, руководителей среднего звена; 11% — экономистов, финансистов, бухгалтеров. Даже на тех предприятиях, на которых наблюдается значительный избыток кадров, острый дефицит квалифицированного труда — как инженеров, так и рабочих, сохраняется.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 06-03-00309а).

Кроме дефицита кадров тех или иных специальностей, существует также проблема качества имеющихся на предприятиях кадров. Критерием «дефицита качества» являются ситуации, когда работники предприятий, например, фрезеровщики или инженеры-конструкторы, неспособны квалифицированно выполнять работу в соответствии с требованиями современного производства.

По данным проводимых нами ежегодных опросов, доля работников, которые, по мнению руководителей, соответствовали современным требованиям, сохраняется в среднем на уровне 40%. Это значит, что более половины состава трудовых коллективов их предприятий не соответствуют современным требованиям, то есть их квалификация недостаточна для участия в современном производстве.

Главный вывод, вытекающий из сложившейся ситуации — переход к рынку в России осуществлен разрушительно для промышленности. Что же происходило с промышленными предприятиями и с их кадрами?

Этапы реформирования промышленности и ее обеспеченность кадрами

Обобщая теперь уже 15 лет, прошедших с начала рыночных реформ, можно выделить три основные этапа.

Первый этап — 1992—1994 гг.: столкновение предприятий с рынком, падение промышленного производства и возникновение огромного избытка кадров в промышленности.

Второй этап — 1995—1998 гг., адаптация промышленных предприятий, их выживание в новых условиях, продолжающийся переток промышленных кадров в другие сферы экономики, процессы дезорганизации труда на промышленных предприятиях.

Наконец, третий этап — с 1999 года по настоящее время: оживление промышленного производства, нарастающий дефицит квалифицированных кадров.

Попробую дать характеристику этим трем этапам.

Главная составляющая начального этапа — разгосударствление собственности, в ходе которой предприятиям была дана свобода хозяйствования. Для того, чтобы предприятия могли воспользоваться обретенной свободой, им нужны были эффективные собственники и грамотные управленцы. Вопрос стоял так: Как работать в новых условиях? Жизнь требовала незамедлительных шагов по реформированию большинства промышленных предприятий, однако такие шаги не предпринимались. Как наладить маркетинг продукции, что производить на имеющемся оборудовании, какая продукция может покупаться, как рекламировать свою продукцию, где найти средства для закупки нового оборудования? Требовалось массовое обучение умению работать в рыночных условиях как руководящего состава, так и рядовых работников. Судьба ряда промышленных предприятий сложилась успешно благодаря тому, что в начале 1990-х их управленцы прошли обучение в Германии, в Великобритании, в Италии и др., после чего переобучили персонал и смогли более или менее безболезненно войти в рынок.

Но на большинстве промышленных предприятий возникли номинальные собственники. Суть в том, что формально большинство приватизированных крупных промышленных предприятий стали принадлежать их работникам. Трудовые коллективы предприятий не смогли стать их эффективными собственниками, потому что невозможно (да никто и не был в этом заинтересован) в такие кратчайшие сроки научить работников «рынку», а именно — как назначать грамотных менеджеров, как решать эффективные вопросы управления большими предприятиями, и уж тем более как инвестировать в развитие производства. Поэтому в российской промышленности начался период перераспределения собственности, отъема у трудовых коллективов предприятий их собственности. А сделать это можно было двумя путями: 1) вынудить работников продать акции и последующей массовой скупке этих акций и 2) обанкротить предприятие и забрать его целиком (или частично) за долги. Оба эти пути реализовывались на практике. Но оба они лежали через спад производства на предприятиях, умышленное доведение их до плачевного состояния.

Неэффективным собственником было и государство. Для государственных предприятий, в первую очередь для оборонных, переход к рынку был крайне тяжел. Руководители предприятий, привыкшие к тому, что все решают «вышестоящие органы» (начиная от заказа на выпускаемую продукцию и кончая тем, кому именно произведенную продукцию отгружать) столкнулись с новой для них реальностью. Это падение объемов госзаказа, неоплата предоставленного госзаказа, снижение спроса на выпускаемую продукцию и, соответственно, последовавший резкий спад производства, рост задолженности предприятий и др.

Забота о кадрах была отодвинута на задний план. Промышленные предприятия были вынуждены выживать в новых, рыночных условиях. И естественно, что опасность остановки производства заслоняла собой кадровые проблемы. На предприятиях начали закрываться убыточные цеха, распродалось неиспользуемое оборудование, происходили сокращения персонала, резко упала оплата труда. Коллективы предприятий начали распадаться, работники массово уходили с промышленных предприятий в торговлю, в охрану, в финансово-кредитные организации и др. Это было не просто резкое сокращение численности кадров в промышленности, но и вымывание наиболее квалифицированной его части.

Результаты проводимых нами исследований показывают, что за последние 10 лет средняя численность кадров оборонных предприятий упала в 3 раза, то есть в 2005 году численность работающих составляла 30–35% от уровня 1995 года. Такое резкое падение численности кадров сопровождалось не повышением эффективности, а наоборот, падением объемов производства, закрытием цехов, распадом целых предприятий.

В дальнейшем незначительная доля предприятий осуществляла модернизацию производства, маркетинг и освоение новых видов продукции и др., большинство же промышленных предприятий продолжало снижать издержки путем передачи объектов соцкультбыта на баланс местных властей и жило в значительной степени за счет непроизводственных доходов, таких как продажа или сдача в аренду неиспользуемых мощностей.

Фактическое сокращение численности кадров на обследованных нами предприятиях составляло около 10% ежегодно. Более четверти работников обследуемых

предприятий находились в состоянии трудовой мобильности, то есть либо приходили на предприятия, либо увольнялись с них. При этом на каждого нового работника, пришедшего на предприятие, приходилось 2–3 уволившихся. Если в 1992–1993 гг. многие работники выражали недовольство низкой зарплатой, нерегулярностью ее выплат и т. п., но боялись увольняться, боялись остаться без работы, то вскоре они разобрались в тех возможностях трудоустройства, которые им доступны и которые может предоставить им рынок труда.

Руководители предприятий тоже проходили школу рынка — учились брать кредиты, а в кризисных ситуациях договариваться о реструктуризации долгов.

После кризиса 1998 года на промышленных предприятиях стали появляться заказы на производство продукции, на выполнение тех или иных работ. Резко возрос спрос на продукцию отечественных производителей. В 1999 году сокращение численности работников остановилось. И тогда оказалось, что на 25% предприятий численность имеющихся работников была недостаточна для выполнения заказов. В 2000 году более 40% предприятий испытывали кадровый дефицит, естественно, что они стали активно набирать новых работников. При этом, в первую очередь, они старались вернуть своих же бывших работников.

В 2004 году 1/3 обследованных нами предприятий испытывали кадровый голод. Испытывали дефицит кадров как экономически благополучные предприятия, так и те, экономическое положение было плохим, на грани банкротства.

По-прежнему сохраняется большое число предприятий с избыточной численностью кадров: в 2004 году их было 45% от числа обследованных нами предприятий (в 1999 году таковых было 60%). Нестабильность экономического и финансового положения вынуждает директоров предприятий проводить, казалось бы, нецелесообразную кадровую политику, то есть держать избыточное количество работников. Но отказ от такой политики опасен: ведь в 1990-е годы потеря трудовых коллективов привела к распаду многих предприятий.

Разрушение системы подготовки, привлечения и закрепления кадров в промышленности

Сейчас наступило время, когда жизнь снова заставляет вернуться к проблеме «человеческого» фактора производства. Что значит вернуться? В СССР кадровому составу предприятий уделялось огромное внимание. Забота о людях, о трудовых коллективах была важной, а зачастую и главным звеном в работе руководства предприятий. В стране достаточно эффективно работала система профподготовки, привлечения и закрепления кадров в промышленности. Для этого существовал институт распределения специалистов после их обучения, а предприятия строили и содержали детские сады и профилактории, здравпункты и пионерские лагеря, давали жилье работникам и пр. для того, чтобы обеспечить себя стабильными квалифицированными кадрами.

С началом рыночных реформ эта система начала рушиться. Конечно и сейчас есть предприятия, на которых привлекательные условия труда, они готовят квалифициро-

ванные кадры для собственного производства, к ним идет на работу молодежь. Но это единичные случаи. Если говорить в целом о промышленности, то система обеспечения ее кадрами не работает, и доказательством этому служит кадровый кризис, который в настоящее время и наблюдается.

Если вернуться назад, к началу рыночных реформ, то дефекты реформирования промышленности привели к тому, что предприятия не только перестали набирать (как прежде) молодых специалистов, а наоборот, были заинтересованы в сокращении численности своих кадров, в снижении своих издержек на персонал, в том числе в передаче объектов соцкультбыта местным муниципалитетам. Это послужило толчком к переменам, которые начали происходить в других, но взаимосвязанных сферах общества.

Одной из таких сфер стало образование. Серьезные перемены произошли в сфере подготовки квалифицированных кадров для промышленности. Большинство высших, а особенно начальных и средних учебных заведений, наблюдая на разрушительные процессы, происходящие в промышленности, в значительной степени переориентировались на подготовку кадров не для промышленного производства, а для кредитно-финансового и других секторов экономики. В то же время появились негосударственные образовательные учреждения, росло как число образовательных заведений, так и число студентов. Но этот рост не подкреплялся адекватным ростом профессорско-преподавательского состава этих образовательных учреждений, а, наоборот, их дефицитом. Итог этих процессов — снижение качества профессиональной подготовки специалистов.

Реформа образовательного процесса в России (ориентированная на модель западного типа) привела к откату качества подготовки специалистов как минимум на одну ступень. ПТУ готовили квалифицированных рабочих, техникумы советского типа готовили специалистов, которых теперь называют «бакалаврами», а вузы — тех, кого сегодня называют «магистрами».

Другая важнейшая сфера, от которой зависит обеспеченность квалифицированными кадрами промышленности — это идеология, система ценностей населения в части оценки престижности и выбора профессии и места работы. Произошедшие в этой сфере перемены нашли отражение в падении престижа труда на производстве в первую очередь у молодежи. Государство все эти годы продолжало готовить кадры для промышленного производства, вот только работать по полученным профессиям молодые специалисты не шли.

В итоге советская система обеспечения кадрами рухнула, а рыночная не стала работать в пользу промышленности.

Пути преодоления кадрового кризиса в промышленности

В настоящее время многие экономисты видят наличие дефицита кадров на промышленных предприятиях в слабости рыночных механизмов. Суть в том, что неконкурентоспособные предприятия продолжают оставаться «на плаву», испытывают де-

фицит кадров потому, что не в состоянии предложить работникам привлекательные условия труда. Если бы эти неэффективные предприятия закрылись, то высвободили бы работников для других, работающих эффективно. Таким образом, дефицит кадров нивелировался бы рыночным способом, без активного вмешательства государства.

Наши исследования показывают, что дефицит кадров испытывают не только неэффективные предприятия. Его испытывают и успешные в экономическом плане предприятия, хотя в целом положение российской промышленности сегодня нельзя назвать благополучным. Дефицит кадров — это системная социальная проблема, и не только в промышленности, но и в медицине, в науке. И сегодня для нормализации положения с кадрами нужны экстраординарные меры.

Решать проблему кадров в промышленности хирургическим путем опасно. Если проследить судьбы многих российских промышленных предприятий, то именно то, что в состоянии тяжелейшего для них кризиса эти предприятия смогли сохранить трудовые коллективы, помогло им в последствии подняться на ноги и эффективно работать в настоящее время. Это и Челябинский тракторный завод, Нижнетагильский металлургический комбинат и многие другие.

ДИАГНОСТИКА БЕДНОСТИ И СИСТЕМА ЖИЛИЩНЫХ СУБСИДИЙ¹

В этой публикации рассматривается богатейшая информация о малообеспеченной части населения, которую органы госуправления собирают и используют для диагностики нуждаемости домохозяйств в социальной поддержке, предоставляемой в виде жилищной субсидии при оплате жилья и коммунальных услуг. Массивы этой информации не включены в научный оборот, и социологи к ним практически не обращаются, хотя проблема бедности и социальной поддержки малообеспеченных остается актуальнейшей, а возможности ее полевых исследований в наших условиях довольно ограничены.

Служба предоставления жилищных субсидий (ЖС) существует уже более 10 лет, реализуя новый для постсоветской России адресный подход оказания социальной поддержки/помощи семьям и гражданам с доходом ниже установленной границы нормы бедности². В контексте данной публикации мы не рассматриваем различные научно обоснованные подходы к определению бедности, их плюсы и минусы. Для этого мы отошли, например, к глубокому исследованию Центра Карнеги³, а здесь лишь согласимся с отношением семей, за которыми признается право на социальную поддержку в одном из базовых расходов на жизнеобеспечение в жилищной сфере, к числу бедных.

В Петербурге служба жилищных субсидий подчинена Жилищному комитету и состоит из Городского центра жилищных субсидий и сети из 76 имеющихся во всех районах города пунктов приема граждан. Деятельность службы жилищных субсидий обеспечивается двумя вычислительными центрами — крупным городским центром (ВЦКП), занимающимся всеми жилищными расчетами для большинства домохозяйств города⁴, и центром поменьше, считающим жилищные субсидии на основе документальной информации об ее получателях.

По данным статистики за 2005 год жилищную субсидию получили 182 тысячи семей на общую сумму свыше полутора миллиардов (1683,8 млн) рублей⁵. Число получивших ее семей к декабрю 2006 года (почти за год) составило 106 тысяч. Всего же в Петербурге домохозяйств порядка 1 млн 700—800 тысяч⁶. Здесь необходимо сделать

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проектов «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и её граждан...», Комиссия Европейских сообществ СИ5, № 028920, 2006-09 и., «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах» грант РФНФ № 07-03-00538а, 2007-09 г

² Социально-экономические проблемы России: Справочник / ФИПЭР. (2-е изд.) — СПб.: Норма, 2001, с. 125.

³ Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. (Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги; Вып. 24). — М., 1998, 282 с.

⁴ Не пользуется услугами ВЦКП значительная часть ЖСК и ТСЖ.

⁵ Санкт-Петербург. (Статистический ежегодник). — СПб.: Петростат, 2006, с. 71.

⁶ Там же

пояснение: получателей субсидии называют и домохозяйствами, и семьями. Дело в том, что в СМИ, в управлении, говоря о жилищной субсидии, чаще называют ее получателей «семьями», хотя точнее было бы говорить о «домохозяйствах» — с учетом того, кто по правилам включается в их состав. Это не только родственники, но и ведущие общее хозяйство при совместном проживании. Часто это одинокий человек. Поэтому далее преимущественно используется понятие «домохозяйство».

Узнать, кто в Петербурге является получателем жилищной субсидии, социальный адрес субсидирования — довольно сложно. Такой информации в городских статистических справочниках и профильных изданиях нет. На интернет-сайте ВЦКП можно найти распределение получателей субсидии по 15 учетным категориям¹ (далее они будут рассмотрены). Но существенно, что это те же категории, которые служба субсидий использовала в 2002 году, когда адресность этого вида социальной поддержки была подробно изучена автором в рамках экспертизы для Леонтьевского центра и Госстроя РФ, ведавшего тогда жилищной системой. С учетом этого и сведений о деятельности системы жилищных субсидий в настоящее время, можно утверждать, что многие данные об информационном обеспечении этой системы и практике диагностики нуждаемости (бедности), полученные 5 лет назад, остаются актуальными и сегодня. В силу ряда причин ранее они не публиковались.

Прежде чем перейти к рассмотрению информации о домохозяйствах-получателях ЖС в городских базах данных, кратко рассмотрим критерии права на ее получение. Они определены Жилищным кодексом и целым рядом законов и положений. Решение о предоставлении субсидии и ее расчет определяются, прежде всего, отношением платы за жилье и коммунальные услуги (по региональным нормативам) к совокупному доходу семьи/домохозяйства, с учетом данных о среднем душевом доходе в домохозяйстве, который соотносится с прожиточным минимумом. В Петербурге на субсидию в настоящее время могут претендовать семьи, где суммарная плата за жилье и коммунальные услуги составляет 18% и более от суммарного дохода².

Нельзя не сказать, что в июле прошлого, 2006 года местным законом введен еще один способ поддержки в оплате жилья, оказываемой нескольким категориям семей с устойчиво низким доходом (состоящим только из неработающих пенсионеров, инвалидов, детей, и еще в двух структурных ситуациях)³. Эту новую форму называли компенсацией (для отличия от субсидии), она может начисляться одновременно с субсидией и по размеру существенно выше. Но это совсем новый механизм, и, по-видимому, рано говорить о его действии. Для дальнейшего важно, что информационная база осталась практически не измененной, и далее идет речь только о субсидии, которая была объектом анализа при экспертизе.

---

¹ <http://www.vckp.spb.ru/d/1473/index.jhtml>

² Во время проведения экспертизы эта граница находилась на уровне 15%.

³ Закон Санкт-Петербурга «О порядке и условиях предоставления отдельным категориям граждан компенсации расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг в Санкт-Петербурге» №387-58 от 20.07.2006.

Порядок предоставления и расчета субсидии довольно сложен и учитывает многие обстоятельства, помимо величины дохода семьи и платы за жилье. Это характеристики жилища: площадь; отдельная или коммунальная квартира; частная или государственная, и т. п. Численность домохозяйства — для состоящих из одного, двух, трех и более человек — разные социальные нормативы потребления коммунальных услуг. Отдельный блок информации обо всех составляющих дохода семьи. Эти сведения хранятся в виде документов в папках-делах (здесь максимум информации), и без ряда деталей (например, о должностях, месте работы) — в двух электронных базах данных: жилищной и доходной. В обоих случаях это матрицы данных. В жилищной базе строка — данные о домохозяйстве. В доходной базе строка — данные об одном виде дохода одного члена домохозяйства. Все сведения регулярно обновляются и являются актуальными.

Вернемся к уже упоминавшимся 15 категориям семей, получающих субсидию на оплату жилья и коммунальных услуг. Они представлены в табл. 1. Сразу видна странность: категории семей звучат так, как если бы относились к персоналиям. Это «рабочие», «служащие», «многодетные» и «одинокие матери», «студенты» и т. п. Оказалось, что обычно семье присваивается категория того ее члена, который приносит в Центр субсидий документы за всех. Или, что тоже практикуется, это категория члена семьи с наибольшим доходом. Или как-то иначе. Ясно, что такая «категоризация» не содержит информации о социально-демографических координатах домохозяйства, о его составе. И как, например, при существующем порядке может быть учтена семья из шести человек — пенсионера по возрасту, трех детей, работающей матери (служащей) и инвалида-отца? Ответ на это вопрос будет дан чуть позже, но уже можно констатировать, что действующая система учета производит некий артефакт, не отражая состав семьи.

Второе, на что можно обратить внимание (табл. 1) — сходство распределений получателей субсидии по категориям в 2006 и 2002 годах. Это можно определить как воспроизводимость артефакта.

И третье. При таком учете преобладают категории: «пенсионеры» (в каждом втором случае) и «служащие», «рабочие». Очевидно, это в лучшем случае информация о тех, кто чаще приходит от семьи с документами на субсидию.

Для выяснения того, как работают (вернее, не работают) официальные категории, обратимся к первичной информации в базах данных о многодетных семьях и семьях с инвалидами. Так многодетность (наличие в семье трех и более детей) выявляется по числу получателей в семье детских пособий и/или по наличию у семьи соответствующей льготы по оплате (для многодетных). В табл. 2 представлены данные анализа для двух районов. Процент совпадения категорий учета многодетных по субсидиям и по льготам — на уровне 40%, при этом ошибки определения семьи связаны именно с системой субсидий. Видно, что многие многодетные (60%) были учтены как «рабочие», «служащие» и др.

Еще выше процент расхождений при учете семей с инвалидами (табл. 4). Их среди получателей жилищной субсидии в Адмиралтейском районе было 3254 (по данным о льготах), но из них лишь 373 (или 11%) были учтены Центром субсидий в категории «инвалид», а остальные оказались в иных категориях, в основном среди «пенсионеров». Все эти находки характеризовали крайне низкий методический

уровень определения адресатов жилищной субсидии. Материалы экспертизы, включая предложения по изменению учета, тогда же, пять лет назад, были представлены руководству Жилищного комитета, Центра субсидий, а также главным методологом жилищной реформы из московского Фонда «Институт экономики города». Однако по-прежнему оценка социальной адресности системы субсидий возможна лишь на основе первичных данных, содержащихся в документах и в рабочих, ведомственных электронных базах данных.

Большой объем не проанализированной по своему содержанию информации — в базах данных о доходах семей. Сведения о доходах семьи, хранимые в электронном виде, показаны в табл. 3. В ней данные обо всех доходах за один месяц семьи из четырех человек. В строке — один вид дохода одного человека и данные о нем. В столбцах — регистрационный номер домохозяйства, учетный номер члена семьи, сумма его дохода конкретного вида, наименование и код дохода, категория члена семьи и ее код. Из таблицы 4 видно, что семья состоит из неработающего пенсионера; второго пенсионера, работающего (его доходы — пенсия и зарплата); ребенка, получающего детское пособие и алименты; и, по-видимому, его неработающей матери-инвалида, получающей пенсию по инвалидности. Это реальный фрагмент базы данных о доходах семьи за один месяц. Раньше при подаче заявления на субсидию требовались данные о доходах за 3 последние месяца, последнее время — за шесть месяцев, и все они включены в базу данных. Оценить уровень дохода этой семьи на момент исследования можно с учетом, что прожиточный минимум составлял тогда в среднем 2234,7 рублей. Средний доход на человека в этой семье — в два раза ниже. Очевидно, это следствие крайне малого размера социальных пособий и пенсий. Это глубокая бедность, которая из-за ограниченной или полной нетрудоспособности всех членов семьи имеет устойчивый характер. Однако и для такой семьи новый, более сильный социально-защитный механизм — жилищная компенсация — не доступен из-за того, что один из пожилых пенсионеров работает.

Спектр и средний размер доходов всевозможных видов показаны в табл. 5 на примере данных о получателях жилищной субсидии в Адмиралтейском районе. Около трех тысяч домохозяйств и более шести с половиной тысяч конкретных источников дохода. В таблице представлены все 25 учитываемых видов дохода. В третьем столбце — средняя величина каждого и (рядом) процентная доля каждого вида дохода (по частоте случаев) во всей совокупности доходов. Справа на диаграмме показан относительный вес дохода каждого вида для всех получателей субсидии. Он рассчитан как произведение величины дохода на его частоту. Видно, что в рассматриваемой выборке определяющими являются два источника наполнения бюджета — пенсия и зарплата, низкие, около половины прожиточного минимума. И видно, сколь малы многие другие виды денежных поступлений в бюджет домохозяйств-получателей жилищной субсидии и, очевидно, любых семей с социальными пособиями тех же видов.

Эти данные — численная иллюстрация к известному факту практически имитационного характера многих видов социальной поддержки.

Кратко покажем возможности анализа информации о получателях жилищной субсидии в простом сюжете, связанном с вопросом о численности/размере домохозяйств-получателей. Следующая таблица-диаграмма (табл. 6) позволяет увидеть, что

половина получателей субсидии — одинокие пенсионеры. Количество домохозяйств с ЖС при росте числа их членов образует убывающую геометрическую прогрессию. Причем в обоих районах (Центральном и Адмиралтейском) распределения практически одинаковы. Вероятно за счет сходства жилищной ситуации и структуры населения в этих районах, а также за счет большого размера массивов данных (13 и 9 тыс. домохозяйств). При взгляде на эти распределения возникает вопрос: каков процент домохозяйств-получателей субсидии в каждой группе домохозяйств с разным числом членов? Где чаще встречается субсидия — в малых или в больших домохозяйствах?

Ответ на рис. 1: с увеличением числа членов домохозяйств процент получающих субсидию снижается, с 21% среди одиноко живущих граждан до 6-7% среди самых больших семей. При этом оказывается, что среднедушевой доход у одиночек выше, чем в семьях, а не ниже, как можно было бы ожидать, исходя из логики помощи наиболее нуждающимся. Комментируя это, можно сказать, что по нашим данным малообеспеченной семье труднее получить жилищную субсидию, чем одинокому человеку, поскольку нередко возникают проблемы при сборе необходимых документов¹. На рис. 1 показан также размер субсидии для домохозяйств разной численности.

Еще один пример анализа баз данных о получателях субсидии — в табл. 7. В ней приведены рассчитанные по первичным данным значения среднедушевого дохода (СДД) домохозяйств разной общей численности (строки табл. 7) и с разным числом иждивенцев-детей (столбцы табл. 7). Для этого анализа исходно были взяты данные о более чем 11 тысячах домохозяйств всех типов. Домохозяйства, состоящие только из неработающих пенсионеров выделили в отдельную группу, которая не представлена в табл. 7. Таких оказалось около половины (5882 домохозяйств), а их душевой доход был выше, чем у второй части домохозяйств (5461) всех иных вариантов состава и разной численности. Вторая часть исходного множества и представлена в табл. 7. В первом столбце — данные для домохозяйств без иждивенцев. Во 2-м, 3-м и 4-м столбцах — о домохозяйствах с иждивенцами-детьми (таких домохозяйств около четверти от исходного множества). Именно эта группа домохозяйств должна быть объектом внимания политики поддержки малообеспеченных семей с детьми. Видно убывание СДД с увеличением доли иждивенцев, факт, впрочем, для России известный².

Сведения о получателях жилищной субсидии могут быть использованы для выявления сегрегации населения в городском пространстве, выражающейся в формировании зон с обитателями сходного уровня доходов, состоятельных в одних частях города и бедных — в других. Пилотная работа такого рода была выполнена нами с использованием геоинформационной системы MapInfo 6.0 и электронной карты Пе-

¹ Н. Корнев, Доступность жилищной компенсации семьям с низким доходом и развитие ситуации с их задолженностью за жилье в 2000 году. Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, №2, 2001. С. 22.

² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 // Под ред. Федорова Ю.Е. — М.: Права человека. 1998. С. 37.

тербурга¹. В качестве территориальной единицы усреднения показателей населения был выбран квартал. На рис. 2 представлена картограмма Центрального района Петербурга, построенная по значениям доли домохозяйств, получающих жилищную субсидию. По этому показателю кварталы разделены на пять групп, окрашенных на рис. 2 разными оттенками серого. Черным окрашены кварталы с наиболее высокой долей получателей субсидии — 15% ДХ и более. Таких кварталов во всем районе — 33 (это значение приведено в круглых скобках рядом со шкалой обозначений). Кварталы с долей получателей субсидии от 13 до 15 процентов окрашены темно-серым цветом, следующим по плотности за черным. Таких — 50. И так далее. В результате хорошо видна структура района, известная по данным рынка недвижимости² и подтвержденная нами также с помощью картирования с использованием в качестве показателя-проявителя сегрегации величины жилой площади, приходящейся в среднем на человека в квартале³. Зона преимущественно состоятельного населения, где менее всего получателей субсидии — в начале Невского проспекта, до реки Фонтанки (так называемый «золотой треугольник»⁴). Бедное население наиболее отчетливо сконцентрировано в малопrestiжных кварталах противоположной части района, прилегающей к Синопской набережной с расположенными там промзонами. Но более типичной на момент нашего исследования являлась более высокая неоднородность территорий, проявляющаяся в соседстве кварталов разного цвета (и доли получателей субсидии). На этом примере видно, какие возможности для изучения социальной структуры города дает соединение современных компьютерных технологий и рассмотренных в этой статье баз данных о населении Петербурга.

Эта статья имеет своей целью скорее привлечь внимание социологического общества к возможностям различного анализа состава и бюджета малообеспеченных семей/домохозяйств на основе данных, используемых в текущей работе органами управления жилищной системы, чем показать эти возможности сколько-нибудь полно. Приведенные примеры анализа данных о получателях жилищной субсидии были довольно простыми. Самые интересные возможности связаны, вероятно, с построением распределений различных показателей получателей жилищной субсидии. Большой объем выборок позволяет это сделать. Также возможен сравнительный анализ учитываемых данных о группах домохозяйств, выделяемых по разным критериям (по составу, численности и др.). За рамками рассмотрения оказались вопросы о том, как соотносятся характеристики получателей жилищной субсидии и более широкого множества малообеспеченных домохозяйств. Тех, кому субсидия не достается, не-

---

¹ Эта работа выполнена совместно с Ю.П.Коровяковским (ВЦКП) в рамках программы «Социальная политика: реалии XXI века» Независимого института социальной политики при финансовой поддержке Фонда Форда (грант № SP-01-1-14).

² Современный Санкт-Петербург: градостроительство, инвестиционный потенциал, население. Атлас. (Под ред. Е.А.Бондарчука). — СПб.: ЦГИ. 2002, с.15.

³ Н. Корнев, Сегрегация по-петербургски — поиски реальности. Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. №2, 2004. С. 14.

⁴ Д. Губин, Л. Лурье, И. Порошин. Реальный Петербург. — СПб.: Лимбус-Пресс, 1999. С. 28.

Таблица 1. Распределение домохозяйств С.-Петербурга, получавших жилищную субсидию в 2002 г. (■ п=259904 на 09.2002) и в 2006 г. (□ п=106129 на 12.2006), по 15 категориям, используемым для учета в Жилищном комитете.

Код	Категория	Доля, %	Код	Категория	Доля, %
1	Пенсионеры	51,48	9	Одинокие матери	4,43
		58,27			5,86
2	Безработные	0,61	10	Студенты	1,40
		1,07			1,39
3	Рабочие	15,95	11	Учащиеся	0,39
		12,78			0,28
4	Служащие	16,66	12	Военнослужащие	0,18
		12,53			0,03
5	Инвалиды-пенсионеры	6,20	13	Предприниматели	0,06
		4,29			0,05
6	Иждивенцы	1,58	14	Неработающие	0,60
		1,90			0,86
7	Сироты	0,06	15	Прочие	0,01
		0,03			0,13
8	Многодетные матери	0,39			
		0,52			

Таблица 2. Распределение многодетных семей (с льготой при оплате жилья) по категориям Кжс в качестве получателей жилищной субсидии в ГЦЖС.

Район	Число многодетных семей, отнесенных при назначении жилищной субсидии к учетной категории Кжс :								всего семей:	% совпадающей категории льготы и учета ЖС
	Кжс =1 пенсионер	Кжс =3 рабочий	Кжс =4 служащий	Кжс =6 иждивенец	Кжс =8 многодетная мать	Кжс =9 одинокая мать	Кжс =10 студент	Кжс =14 неработающий		
Василеостровский	1	8	17	1	22	9	1	1	60	38%
Адмиралтейский	-	23	27	3	36	2	-	1	92	39%

смотря на нуждаемость, из-за каких-то требований к документальному оформлению сведений о доходах всех членов семьи, из-за имеющегося долга по оплате жилья, в силу иных причин. Выход с помощью опросов за пределы круга получателей субсидии способен дать ответы на многие возникающие вопросы. Постоянная актуализация баз данных делает возможным мониторинг нуждаемости в жилищной субсидии, изменений в структуре доходов ее получателей.

Информационный Клондайк системы жилищных субсидий еще ждет своих изыскателей. Авторитетные исследовательские социологические организации, думаю, могут получить доступ к этой информации в рамках проектов и программ, связанных с изучением бедности, социальной политики. Важным прикладным результатом такого обращения может стать повышение качества диагностики нуждаемости в социальной поддержке. А общественная потребность в этом существенно возрастет в ближайшее время в результате отмены системы льгот по оплате жилья и перехода лишь на адресное предоставление жилищных субсидий и компенсаций. Организационные шаги в этом направлении в Петербурге уже сделаны, в том числе в этом, 2007 году. И, по-видимому, часть ответственности за качество диагностики бедности в жилищной системе ляжет на социальных исследователей, которые могут способствовать методическому обеспечению этой сложной задачи. Одновременно с продвижением к высокой цели научного познания общества, благодаря включению в научный оборот представленной выше обширной информации о части населения, находящейся на нижних уровнях социальной иерархии.

Таблица 3. Структура базы данных городского Центра жилищных субсидий о доходах домохозяйств

Регистрационный номер ДХ	Учетный номер члена ДХ	Категория члена ДХ	Код категории члена ДХ	Вид дохода	Сумма дохода члена ДХ, руб.	Код дохода
12/2630	1	пенсионер	1	пенсия	1164,59	2
12/2630	2	пенсионер	1	пенсия	869,91	2
12/2630	2	пенсионер	1	зарплата	1226,28	3
12/2630	3	инвалид 1,2 гр.	5	пенсия	717,72	2
12/2630	4	иждивенец	6	пособие	70,00	6
12/2630	4	иждивенец	6	алименты	200,00	7

Таблица 4. Сопоставление двух систем категоризации семей с инвалидами: при предоставлении льготы (ЛГ) по оплате жилья и коммунальных услуг и при назначении тем же семьям жилищной субсидии (ЖС). (Данные по Адмиралтейскому району С.-Петербурга)

	Число семей, имеющих категории $K_{ин}$ льгот по инвалидности:					
	участник ВОВ ($K_{ин}=2$)	защит- ник Л-да ($K_{ин}=3$)	прирав- ненный к ин- валиду ВОВ ($K_{ин}=11$)	1 ин- валид в семье ($K_{ин}=91$)	2 инва- лида в семье ($K_{ин}=92$)	всего:
	101	767	181	1863	342	3254
Из них в системе ЖС отнесены к категории:						
Пенсионер ($K_{жс}=1$)	72 71 %	555 72 %	128 71 %	1102 59 %	217 63 %	2074 64 %
Безработный ($K_{жс}=2$)	-	2	1	2	1	6
Рабочий ($K_{жс}=3$)	5	50	15	201	43	314
Служащий ($K_{жс}=4$)	9	67	14	169	25	284
Инвалид 1–3 гр. ($K_{жс}=5$)	9 9 %	62 8 %	14 8 %	252 13,5 %	36 10,5 %	373 11,5 %
Иждивенец ($K_{жс}=6$)	-	10	2	45	8	65
Сирота ($K_{жс}=7$)	-	-	-	1	-	1
Многодет. мать ($K_{жс}=8$)	-	-	-	2	-	2
Один. мать ($K_{жс}=9$)	2	8	3	37	3	53
Студент ($K_{жс}=10$)	4	9	3	26	6	48
Учащийся ($K_{жс}=11$)	-	1	1	13	2	17
Предприниматель ($K_{жс}=13$)	-	-	-	1	-	1
Неработающий ($K_{жс}=14$)	-	3	-	12	1	16

Т а б л и ц а 5. Учетные категории дохода домохозяйств-получателей жилищной субсидии: средняя сумма дохода (руб./мес.), частота (%) каждой категории и диаграмма вкладов разных доходов в группе получателей. (Адмиралтейский р-н, $N_{дх.}=2961$, $N_{нет.дох.}=6677$)

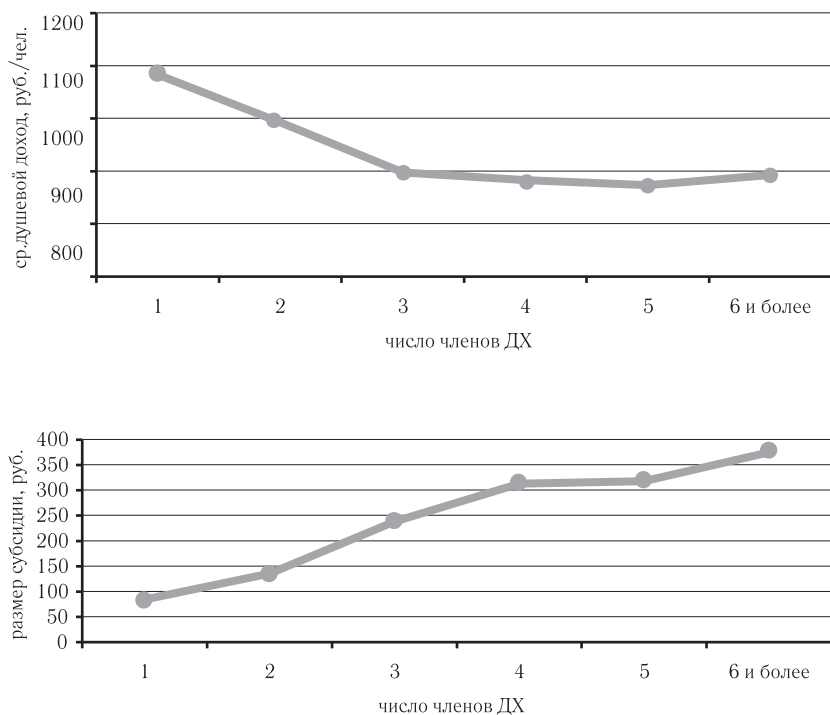
Код дохода	Категория дохода	Ср. сумма, руб. и частота источника дохода, в %		Вклад в доход группы
1	нет дохода	0,0	2,6 %	0
2	пенсия	1016,7	35,3 %	358,9
3	зарплата	1212,1	29,4 %	356,4
4	пособие на ребенка до 1,5 лет	158,2	0,2 %	0,3
5	пособие на ребенка до 3 лет	127,4	0,4 %	0,5
6	пособие на ребенка до 16 лет	68,3	14,0 %	9,6
7	алименты	321,6	3,2 %	10,3
8	пособие по безработице	491,2	0,7 %	3,4
9	пособие на ребенка одинокой матери	131,5	2,5 %	3,3
10	пособие по утрате кормильца	492,5	1,9 %	9,4
11	пенсия инвалида 1 или 2 группы	617,3	0,6 %	3,7
12	помощь родственникам	713,8	0,3 %	2,1
13	питание	92,8	1,0 %	0,9
14	случайный доход	210,9	0,1 %	0,2
15	доход мужа	776,6	2,3 %	17,9
16	доход жены	574,1	1,3 %	7,4
17	пособие по уходу за инвалидом	137,0	0,1 %	0,1
18	пособие на детей розыск. родителей	99,7	0,1 %	0,1
19	неполное гос. обеспечение	112,8	0,3 %	0,3
20	стипендия	203,2	2,7 %	5,4
21	доход собственника	283,0	0,1 %	0,3
22	совокупный доход	835,3	0,7 %	5,8
23	помощь юр. лица	147,3	0,1 %	0,1
24	опекунское пособие	1020,8	0,1 %	1,0
25	пенсия инвалида 3 группы	441,4	0,1 %	0,4

Таблица 6. Доля домохозяйств (ДХ) различной численности среди получателей жилищной субсидии в двух районах центра С.-Петербурга

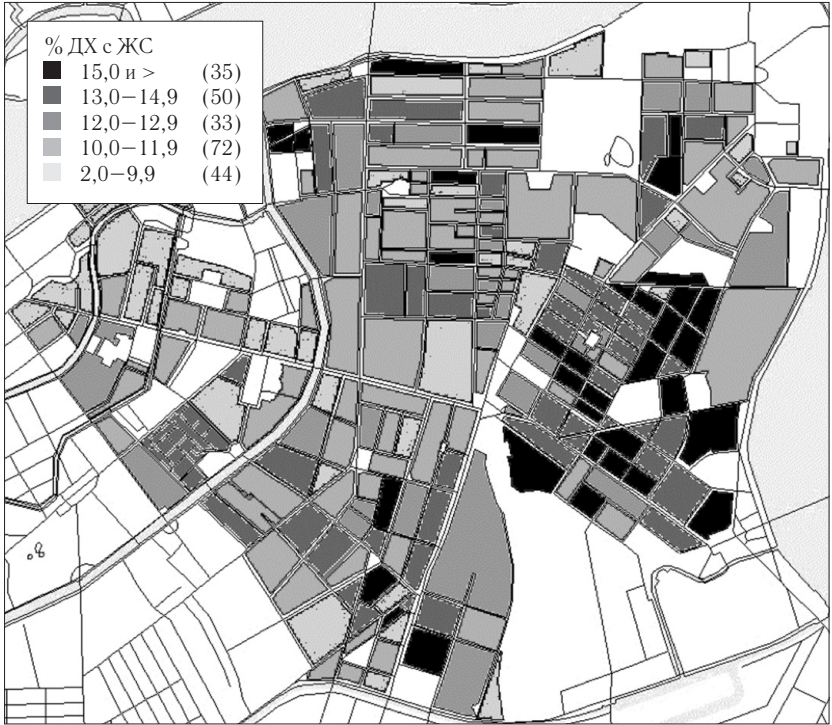
Число членов ДХ	Доля ДХ данной численности среди ДХ с ЖС, в % Центральный р-н ($N_{жс} = 13474$ дх)	Число членов ДХ	Доля ДХ данной численности среди ДХ с ЖС, в % Адмиралтейский р-н ($N_{жс} = 9454$ дх)
1	51,1%	1	51,1%
2	26,6%	2	26,3%
3	12,6%	3	12,0%
4	6,8%	4	7,6%
5	2,0%	5	2,0%
≥6	0,8%	≥6	0,9%

Таблица 7. Зависимость среднего душевого дохода в 5461 домохозяйствах, получающих жилищную субсидию, от их демографической структуры: при разном общем числе членов домохозяйств и иждивенцев. В таблицу не включены 5882 домохозяйства, состоящие из неработающих пенсионеров (группа-1 получателей ЖС; СДД=1141±6 руб./чел.).

число иждивенцев число членов домохозяйства	Средний душевой доход, руб./чел. (± ср.кв.откл. среднего)			
	0	1	2	≥3
1	821 ± 16 N = 965 17,7 %	514 ± 115 N = 16 0,3 %		
2	920 ± 13 N = 1131 20,6 %	760 ± 15 N = 843 15,4 %	396 ± 133 N = 90,2 %	
3	856 ± 21 N = 419 7,7 %	819 ± 16 N = 713 13,1 %	686 ± 27 N = 232 4,2 %	288 ± 86 N = 4 0,1 %
4	1010 ± 42 N = 87 1,6 %	893 ± 42 N = 336 6,2 %	771 ± 22 N = 329 6,0 %	608 ± 53 N = 42 0,8 %
5	952 ± 92 N = 18 0,3 %	914 ± 51 N = 79 1,4 %	764 ± 45 N = 93 1,7 %	692 ± 64 N = 52 1,0 %
≥6	1148 ± 137 N = 5 0,1 %	815 ± 130 N = 12 0,2 %	816 ± 85 N = 27 0,5 %	639 ± 56 N = 49 0,9 %
показатели по столбцу	893 ± 9 N = 2625 48,0 %	808 ± 10 N = 1999 36,6 %	738 ± 16 N = 690 12,6 %	640 ± 33 N = 147 2,8 %

Рис. 1. Домохозяйства (ДХ) разной численности в Центральном р-не С.-Петербурга: % получателей ЖС, средний душевой доход ДХ с ЖС и величина ЖС

Рис. 2. Распределение жилых кварталов Центрального района С.-Петербурга по доле домохозяйств (ДХ), получающих жилищную субсидию (ЖС).

Примечание: в круглых скобках — число кварталов, в которых доля домохозяйств-получателей ЖС находится в указанном диапазоне значений.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА ГОДЫ РЕФОРМ

Цель данной статьи¹ — охарактеризовать отношение населения России к ее современной политической системе в сравнении с его отношением к двум другим политическим системам, а именно, к советской системе, которая существовала в России до начала 1990-х годов и к демократии западных стран.

Идея провести такое сравнение была навеяна мне одной из публикаций Левада-Центра, в которой авторы сопоставляли оценки населения, полученные в ответах на вопрос: «Какая политическая система кажется Вам лучшей: советская (та, которая была у нас до 90-х годов), нынешняя система или демократия в западных странах»². Опрос касался периода 1997–2006 гг., то есть 10-ти лет российских реформ.

Из приведенной ниже таблицы видно, что во всех восьми временных точках, охватывавших десятилетний период, больше всего «голосов» (39–45%) опрошенные давали советской системе. То есть во всех восьми проведенных опросах наибольшие доли составляли те респонденты, которые считали, что из трех оценивавшихся ими политических систем лучшей является советская система.

На втором месте по величине полученных голосов оказалась «демократия западного типа»: 22–32 % опрошенных оценили как «лучшую систему» именно ее. И лишь на третьем, последнем месте оказалась «нынешняя российская система».

Годы	Считают, что лучше система:			
	Советская	Демократия западного типа	Нынешняя российская	Не знают
1997	45	26	10	19
1998	43	32	5	20
1999	45	29	13	13
2000	42	26	11	21
2003	48	22	18	12
2004	41	24	19	16
2005	42	24	19	15
2006	39	27	19	15

Таким образом, если считать полученные оценки показателями приоритетности сравниваемых систем, то получается, что в 1997–2006 гг. население предпочитало советскую систему двум другим системам — западной и нынешней российской.

¹ Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 06-03-00309а).

² ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ-2006, Ежегодник. Аналитический центр Юрия Левады («ЛЕВАДА-ЦЕНТР»). Москва. 2006. С. 18

Этот вывод (который по-существу сделан не мною, а сотрудниками Левада-Центра, которые опубликовали приведенные выше цифры) представляется парадоксальным. Ведь перестройка 1985 г. и последующие реформы 1990-х годов своим «острием» были направлены именно против советской системы. И тут вдруг выясняется, что значительные доли населения считают лучшей именно ее. В связи с этим, естественно, возникает вопрос — чем это объясняется?

Секрет описываемого явления раскрывает известный афоризм: «Все познается в сравнении». Людям предложили не просто рассказать о советской системе, а предложили оценить ее в сравнении с двумя другими политическими системами — с демократией западного типа и с нынешней российской системой. Главным объектом сравнения оказалась, конечно, современная Россия. Именно в результате сравнения с нею население пришло к выводу, что советская система была не так уж и плоха! Что она была лучше, чем та, которую жители России имеют сегодня. Что привело людей к этому выводу?

Конечно, сработали многие неблагоприятные обстоятельства, многие негативные стороны современной российской жизни. И неудачные реформы, и провалы экономической и социальной политики государства, и рост преступности, и обострение отношений с новыми государствами на территории бывшего СНГ и др. Из всего этого складывается один очень остро ощущаемый населением дефицит — дефицит порядка.

В 2002 г. основному массиву опрошенных тем же коллективом Левада-Центра задавался вопрос: «Как Вы считаете, что сегодня важнее для России: демократия или порядок?». Структура ответов оказалась следующей (%):

Важнее порядок — 74

Важнее демократия — 9

Затруднились ответить — 17

Это распределение ответов чрезвычайно информативно. Ведь демократия — это одна из главных ценностей, ради которых проводились российские реформы. И если по итогам проведенных реформ ее приоритетность признают лишь 9% опрошенных — это значит, что у населения страны произошла некая переоценка ценностей. Что имелись серьезные причины для такой переоценки. Каковы же они?

Российские реформы проходили (и сегодня проходят) в обстановке социальной дезорганизации. Под нею я понимаю обстановку в обществе, характеризующуюся нарушением нормальных условий жизнедеятельности населения. Проявлениями дезорганизации с начала рыночных реформ были такие процессы, как обнищание населения, задержки зарплат, порождавшие массовые забастовки в регионах страны, безработица, рост преступности и ослабление безопасности населения, беспризорность и бездомность, финансовые махинации и появление «обманутых вкладчиков», жилищные махинации и появление «обманутых дольщиков», ухудшение качества лекарств и продуктов питания и т. д. К этому надо добавить периодически вспыхивающие общественные протесты — митинги, демонстрации, марши и т. п. И совершенно очевидную беспомощность властей в решении актуальных проблем страны, неспособность государства справляться с кризисными явлениями, их глухоту к нуждам населения.

Все это вместе взятое рисует российское общество как находящееся в состоянии социальной дезорганизации. С учетом этого понятно, почему престиж нынешней, постсоветской политической системы в сознании граждан России весьма низок. Сегодняшний низкий престиж государства и власти явился следствием, накопленным результатом всех дефектов управления, всех провалов политики реформ, которые люди наблюдали на протяжении последних 15-ти лет.

За годы реформ население России пересмотрело свое отношение к альтернативе «рынок — государственное регулирование экономики». В начале 1990-х годов приоритетным было рыночное регулирование. Но, по оценке Левады, только в 1992 году сторонники рыночной экономики численно преобладали; в последующее же десятилетие, вплоть до 2006 г., доли населения, положительно оценивавшие государственное регулирование экономики, были большими, чем доли сторонников рыночной экономики. Это было реакцией на дефекты российского капитализма, в первую очередь — на появление в России олигархического капитала.

Наблюдая те процессы, которые происходили в России в первые годы реформ, когда экономическое положение миллионов людей ухудшалось, граждане ужесточили свои требования к государству в части проведения социальной политики. По оценке социологов, в конце 1990-х годов 40–45 % опрошенных тогдашним ВЦИОМом жителей страны считали, что «необходимо изменить направленность реформ — в первую очередь обеспечивать социальную защиту населения» (1). И сегодняшние события в Санкт-Петербурге показывают, что этот настрой набирает обороты.

Само по себе изменение приоритетов для общества, которое за 15 лет реформ по-существу стало другим — вполне естественно. Но в России этот процесс имеет свои особенности. Его главная особенность — недоверие к реформаторской деятельности государства, к проводимой им политике реформ. Более того, не будет преувеличением считать, что именно эта политика становится фактором «революционизации» общества.

Сегодня многочисленные оппозиционные группировки активно обсуждают будущее политической системы России. В центре их внимания — борьба конкурирующих политических партий и конкурирующих претендентов на лидерство. Но практически совсем не звучит обсуждение каких-либо социальных и политических программ, направленных на решение тех проблем, которые стоят в стране. Удивительно, но претенденты на лидерство не предъявляют обществу свои политические программы. По-существу будущим избирателям предлагается руководствоваться лишь своими личными симпатиями или антипатиями к тем или иным политикам, претендующим на лидерство. Это значит, что оппозиция не готова к доведению начатых реформ до конца. Оппозиция сконцентрирована на критике сложившегося режима, но сама по себе критика не решает проблем страны. Для их решения нужны конструктивные программы.

НАРКОТИЗМ И АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В России для оценки общей численности актуальных потребителей и, в частности, численности потребителей наиболее опасных наркотиков в целом по стране и в отдельных ее регионах в различных источниках и официальных документах предлагались и до сих пор предлагаются показатели, существенно различающиеся между собой, что не может не вызывать сомнений в их достоверности. Еще менее достоверны приводящиеся в различных документах показатели динамики численности потребителей различных наркотиков, которые можно определить лишь как весьма противоречивые догадки.

Существенным для эмпирического исследования наркотизма является то, что само по себе употребление наркотиков сопряжено, как правило, с различными формами административного и уголовного преследования, а также с различными видами негативного социального санкционирования и осуждения. Следовательно, для получения достоверной информации исследователю необходимо преодолевать очень высокую латентность изучаемого явления. При этом социокультурный контекст, в котором приходится работать, существенно отличается от того, на который ориентировались американские и европейские исследователи при разработке своих методик, лежащих в основе многих российских исследований. В российской ситуации труднее обеспечить достоверность сообщаемой информации, гарантировать респонденту анонимность и конфиденциальность.

Методики эмпирического исследования социальной детерминации наркотизма

Эмпирической базой работы было исследование социальной детерминации наркотизма (социально-демографические характеристики потребителей наркотиков, «бывших» потребителей и тех, кто никогда не употреблял наркотики; особенности социализации; ценностные установки и пр.) и выявления уровня причастности респондентов к реальной практике потребления наркотиков. Разработанная для уличных опросов (авторская методика Л.Кесельмана, предполагающая личное анонимное интервью) серия уточняющих вопросов позволила получить односторонний континуум шестипунктовой шкалы, аналогичной упорядоченной шкале Л. Гуттмана, предназначенной для ранжирования свойств социальных объектов в одном параметре.

В соответствии со сценарием интервью каждый следующий «уточняющий вопрос» задавался лишь тому респонденту, который своим предыдущим ответом сам «спровоцировал» соответствующее уточнение. Согласно методическому замыслу возникала ситуация, способствующая освобождению респондента от психологического состояния «допрашиваемого» (такое освобождение усиливалось к тому же

анонимностью контакта). Кроме того, определенный методический прием позволил достаточно надежно разделить всю наблюдаемую совокупность на шесть групп, упорядоченных по степени вовлеченности в потребление наркотических веществ: от никогда не пробовавших использовать наркотические вещества в немедицинских целях до регулярно пользующихся какими-либо тяжелыми наркотиками в настоящее время. Использованная шкала позволила не только выстроить достаточно дробный континуум, но и дала возможность дифференцировать как не потребляющих наркотики (первые три градации), так и актуальных их потребителей (последние три градации). При этом первые три градации для получения данных о природе наркотизма и понимания социальных механизмов его функционирования оказались более информативными, нежели три последующие.

С помощью этой шкалы в репрезентативных для населения Петербурга опросах выявлялась степень приобщенности к потреблению наркотических средств различных социальных групп городского населения. Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях, а также характеристики социального самочувствия опрашиваемых.

Важную роль играли и общие социально-статусные характеристики людей, попавших в выборочную совокупность: пол, возраст, образование, профессиональная принадлежность, сфера занятости и т.д. Фиксация этих характеристик позволила не только контролировать параметры выборки, но — главное — получить представление об общности и специфике интересующего нас отношения к наркотикам в различных социальных группах.

Выборка в Санкт-Петербурге была случайной, составляла 2500 опрошенных и являлась репрезентативной по полу, возрасту, образованию и району проживания. Указанные параметры выборочной совокупности совпадали с соответствующими параметрами генеральной совокупности (параметры генеральной совокупности определялись на основе данных статистики) либо отклонялись от нее не более чем на 2%. Репрезентативность выборки позволила считать, что в ходе описанного опроса были получены надежные данные не только об общем отношении жителей Петербурга к рассматриваемому вопросу, но и о специфике этого отношения в отдельных социальных группах.

Как уже было сказано выше, в ходе исследований была получена информация о половозрастной структуре наркопотребления, о возрасте первой пробы, а также о регулярности потребления. В ряде работ, опубликованных авторами исследования, анализировалась дифференциация между теми, кто ограничился первой пробой, перешел к регулярному потреблению, являлся потребителем на момент опроса, а также теми, кто прекратил употреблять наркотические средства.

В данном докладе будет рассмотрен такой аспект как степень принятия на себя ответственности за собственное материальное положение, а также за складывающуюся судьбу и образ жизни в целом («интернальности/экстернальность» атрибуции ответственности и локуса контроля).

Распространенность наркопотребления среди населения Петербурга

По данным Центра изучения и прогнозирования социальных процессов, полученных в ходе репрезентативного исследования методом анонимных уличных интервью, 81,5% жителей Петербурга никогда не пробовали наркотических веществ в медицинских целях. Остальные — 18,5% — обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков (см. таб.1)¹.

Необходимо подчеркнуть, что само по себе знакомство со вкусом того или иного наркотического средства не может служить основанием для отнесения человека к наркозависимым, и уж тем более к наркоманам. В 2000 г. для значительной части — 6,5% опрошенных (примерно треть из 18,5% сообщивших о наличии у них опыта употребления наркотиков), это были разовые, практически никогда не повторявшиеся эпизоды, и еще 6,0% хотя и употребляли наркотические средства неоднократно, но в достаточно отдаленном (не менее года) прошлом. Только оставшиеся 6,0% жителей Петербурга (при 18,5% имеющих опыт употребления наркотиков) прибегали к ним с той или иной регулярностью и в момент опроса.

Таким образом, в Петербурге актуальные потребители наркотических средств в 2000 г. составляли лишь около половины всех их неслучайных потребителей и примерно третью часть всех когда-либо пробовавших наркотики в немедицинских целях².

Т а б л и ц а 1 . Приобщенность к потреблению наркотиков в различных возрастных группах населения Петербурга (весна 2000 года, N=2628)

Возраст	Степень активности			
	Никогда	Пара эпизодов	Раньше активно	Сейчас активно
<19 лет	50.0	22.8	7.4	19.8
20–24	51.3	14.7	14.7	19.4
25–29	70.0	9.0	8.6	12.4
30–34	78.2	5.7	9.2	6.9
35–39	82.9	6.2	8.9	1.9
40–49	92.6	3.5	2.5	1.5
50–54	94.6	2.0	2.5	1.0
55–60	97.6	0.6	1.8	—
>60 лет	98.4	0.5	1.1	—
Все возраста	81.5	6.5	6.0	6.0

¹ Кесельман Л.Е. Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. - СПб.: Медицинская пресса, 2001, с.25.

² Похожее соотношение фиксировалось и среди опрошенных по той же методике в Самаре (1998 и 2000 гг., руководитель исследования — В.Звоновский) и республике Татарстан (2003, 2005 гг., руководитель исследования — Ю.Комлев).

По данным опроса свыше семи тысяч представителей учащейся молодежи, проведенного осенью 1997 года в Санкт-Петербурге, примерно для половины (46,6%) всех имеющих опыт употребления каких-либо наркотических средств, приобщенность к миру наркотиков ограничена единственным эпизодом, то есть не имела никакого продолжения после первой пробы¹. Для сравнения укажем, что, по данным петербургского исследования Я.Гилинского и В.Афанасьева, в 1991 году «собственное наркотическое потребление» отметили около 1% респондентов², то есть в шесть раз меньшая, нежели у нас, часть опрошенных. Отличие этого показателя от полученного в опросе Центра изучения и прогнозирования социальных процессов можно было бы объяснить временными обстоятельствами. Вместе с тем, определенную роль играет в этом и методика получения первичной информации — петербургские данные 1991 года были получены в ходе анкетного опроса по месту жительства, не обеспечивающего, как уже отмечалось, того уровня анонимности, какой может дать уличное интервью.

Конечно, не лишено оснований предположение, что некоторым актуальным потребителям наркотиков признаться в прошлых «грехах» было проще, чем в нынешних, и поэтому актуальных потребителей наркотиков все же больше, чем признавших это в ходе уличных опросов. Однако техника уличного интервью обеспечивает респонденту максимально возможный (по сравнению с телефонными опросами или с опросами по месту жительства, работы или учебы) уровень психологического чувства анонимности. Кроме того, сценарий интервью исходно строился в расчете на собственную «исповедальную активность» респондента, который уже в самом начале разговора о наркотиках мог самостоятельно избрать приемлемый для себя уровень доверительности сообщаемой информации. Иначе говоря, в случае недоверия к интервьюеру, респонденту проще было скрыть свое прошлое увлечение наркотиками, нежели сначала признаваться в этом увлечении, а затем отсылать его в прошлое.

Кроме того, в заключение беседы, затрагивавшей, в соответствии со сценарием, самые разные темы (от материального благополучия до политических предпочтений собеседника), респонденту задавался «контрольный» вопрос о его доверии к социологическим исследованиям. Проверка показала, что общий уровень знакомства с наркотиками среди доверяющих социологам и не доверяющих им практически не различается. При этом показатель актуальной приобщенности к наркотикам наиболее доверяющих социологам (доля нынешних актуальных потребителей наркотиков) оказался даже несколько ниже, нежели у наименее доверяющих социологам.

Приведенные данные наших и некоторых других опросов существенно противоречат широко распространяемой версии о неизбежности возникновения наркотичес-

---

¹ Итоги социологического исследования наркотизации среди молодежи Санкт-Петербурга. Научный отчет НИИКСИ СПбГУ.- СПб., 1998, с.7.

² Афанасьев В.С., Гилинский Я.И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества, с. 53; Гилинский Я.И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи перестройки//Мир России, 1995, №2, с.129.

кой зависимости и практической невозможности выхода из нее¹. Как свидетельствуют приведенные цифры, такая зависимость обнаруживается максимум в одном из трех случаев знакомства с наркотиками и примерно в каждом втором случае относительно регулярного их потребления. Однако и эти цифры, как представляется, значительно выше действительного соотношения численности имеющих опыт относительно регулярного употребления наркотических средств, с количеством наркозависимых. Стоит отметить, что в опросе получена только информация о том, что примерно половина из всех относительно активно употреблявших когда-либо наркотические средства оставила это увлечение в прошлом; но нет никакой информации о том, какая часть актуальных потребителей находится в сколько-нибудь жесткой наркотической зависимости и не способна отказаться от своего нынешнего увлечения.

Следует отметить также, что, вопреки широко распространяемой версии о крайней сложности (почти невозможности) отказа от наркотиков (выхода из наркотической зависимости) после их относительно регулярного (многократного) употребления, не менее половины общей численности всех неслучайных потребителей наркотиков составляют бывшие относительно активные потребители, чье увлечение ушло в прошлое. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть не для того, чтобы обосновать представление о безобидности приобщения к наркотикам (чего опасаются сторонники «ослепляющей» антинаркотической пропаганды), а для того, чтобы поиск защиты от угроз активного наркотизма опирался на реальные факты.

В Петербурге в 1998 году больных с диагнозом наркомания состояло на учете 4633 человека, что составляет примерно 98 на 100 тысяч, или 0,098% населения города; в том числе 122 подростка или 63,1 на 100000 подростков. Кроме того, на профилактическом учете в наркологических диспансерах в связи со злоупотреблением наркотическими средствами, состояло 1486 человек, в том числе 424 подростка. В Самарской области на начало 1997 года в наркологических учреждениях состояло на учете 6220 человек², или примерно 0,05% от населения области. Как видим, петербургские данные (даже очищенные от тех, чье знакомство с наркотиками было случайным или же ушло в прошлое) примерно в сто раз, т.е. на два порядка, выше, нежели фиксируемое официальной статистикой количество наркоманов. Такой же порядок расхождений отмечают и многие другие исследователи реальных масштабов наркотизма³.

¹ Афанасьев В. С., Гилинский Я. И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества, с. 53; Гилинский Я. И. Девиантное поведение в Санкт-Петербурге: на фоне российской действительности эпохи перестройки//Мир России, 1995, № 2, с.129.

² Астахов М.В., Вершина С.В., и др. Молодежь Самарской области в 1996 году. - Самара: Областной фонд социальных исследований, 1997, с.110.

³ Наркомания с точки зрения социолога, врача, правоведа и журналиста // Социологические исследования, 1989, № 2, с.38-51; Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий... - СПб: Ночлежка, 1994, с. 96-101; Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России // Социологические исследования, 1994, № 6.

Распространенность наркопотребления среди различных социальных групп населения Санкт-Петербурга

Общий уровень приобщенности к наркотикам в различных социальных группах имеет свои отчетливо выраженные особенности. В первую очередь, следует выделить возрастную и стоящую за ней поколенческую специфику (табл. 1). Среди тех, кому на момент опроса было не более 25 лет, опыт употребления каких-либо наркотических средств имел практически каждый второй. Но уже среди 25–30-летних такой опыт обнаруживало менее трети. Численность знакомых с наркотическими средствами в каждой следующей возрастной группе была ниже, чем в предыдущей. А среди людей старше 60 лет количество тех, кому приходилось хоть раз в жизни употреблять в немедицинских целях какие-либо наркотические средства, находится в пределах 1,5% от общей численности этой возрастной группы¹.

Вместе с тем, во всех возрастных группах (в том числе и среди самых молодых) у большинства знакомых с наркотиками это знакомство — либо случайный эпизод, либо «увлечение», оставшееся в прошлом. Даже среди наиболее молодых относительно регулярные потребители наркотиков составляли много меньше половины всех, попробовавших их вкус. Еще меньшую долю от числа когда-либо пробовавших наркотики составляли «актуальные потребители» в последующих возрастных группах.

Показатель общего знакомства с наркотиками у самого старшего поколения примерно в десять раз ниже среднего по городу и практически в тридцать раз уступает аналогичному показателю у самых молодых. Поколенческая специфика наркотизма проявляется и в том, что если на долю родившихся после 1970 года (находившихся на момент опроса в возрасте 18–30 лет) приходится немногим более четверти (28%) всех опрошенных, то среди тех, кто имеет хотя бы разовый опыт употребления наркотиков, люди этого возраста составляют примерно две трети.

Если сузить возрастные и социальные рамки, то относительно скромные показатели общей наркотизации в нашем обществе приобретут более выраженный вид. В Петербурге среди молодежи в возрасте до 25 лет численность пробовавших те или иные наркотики почти втрое выше средних для всего населения. То есть концентрация внимания исследователей наркотизма на молодежи вполне обоснованна. По мнению, например, И.Гурвича, «в России наркопотребление на сегодняшний день носит преимущественно молодежный характер, т.е. локализовано в возрастной группе до 25 лет»².

В проводившихся в начале двухтысячных годов исследованиях было выявлено, что, например, в Москве хотя бы раз в жизни пробовали наркотик около 30% под-

¹ Аналогичная картина наблюдалась и в данных самарского исследования, а также в Татарстане.

² Гурвич И., Цветкова Л., Щур Н. Наркопотребление в студенческой среде: поведенческие особенности.

ростков¹, в Петербурге — около 50%², в Самаре — около 30%³, в Казани — от 20 до 26% в разные годы⁴. Похожая ситуация наблюдалась во многих крупных городах. В целом в России, согласно данным 2002 г., 29,8% молодых людей в возрасте 11-24 лет пробовали какие-либо наркотики хотя бы раз в жизни⁵.

Следует отметить, что среди самых молодых девиантологи отмечают относительный максимум активности по большинству видов отклоняющегося поведения. А «коэффициент криминальной активности» по многим видам правонарушений в группе 14–17-летних в два-три раза превышает соответствующий показатель соседней группы 18–24-летних и почти на порядок — группы от 30 до 49 лет. На молодежь в возрасте до 30 лет приходится свыше половины всех правонарушений⁶. Различные исследователи объясняют этот феномен и повышенным энергетическим потенциалом, и не завершившейся социализацией, и неопределенным (переходным) социальным статусом, и желанием утвердиться в мире взрослых, и целым рядом других причин⁷. Каждая из них имеет за собой вполне реальные основания, но главной детерминантой этой повышенной возрастной девиантности являются, скорее всего, обстоятельства незавершенной (завершающейся) социализации.

Вместе с тем, как видно из таблицы 1, во всех возрастных группах (в том числе и среди самых молодых) у большинства знакомых с наркотиками это знакомство — либо случайный эпизод, либо прошлый опыт. Даже среди наиболее молодых, родившихся после 1980 года, актуальные относительно регулярно употребляемые наркотики составляют много меньше половины всех успешных узнать их вкус. Еще меньшую долю от числа когда-либо пробовавших наркотики составляют нынешние их потребители в последующих возрастных группах.

В то же время, как отмечает Я.Гилинский, представители старших возрастных групп в ответе на данный вопрос, скорее всего, не учитывают возможный прошлый опыт употребления таких наркотических средств как кодеин, кодтерпин, ноксирон, псевдоэфедрин и т.п., легально продававшиеся в аптеках еще в 50-е гг. XX в. Кроме того, вплоть до второй половины 90-х гг. без рецепта врача в России продавались некоторые транквилизаторы (элениум, феназепам, назепам, радедорм, димедрол и др.);

¹ «Первое сентября», 2005, № 8. www.ps.1september.ru. (Данные Национального научного Центра наркологии Министерства здравоохранения).

² Кесельман Л., Мащкевич М. Социальное пространство наркотизма. — СПб: Изд-во «Медицинская пресса», 2001. С. 31 (Данные петербургского Центра изучения и прогнозирования социальных процессов).

³ Там же, с. 32 (данные самарского областного Фонда социальных исследований).

⁴ Комлев Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. — Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. С. 48.

⁵ Шереги Ф., Арефьев А. Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. — М.: Изд. Дом «Генжер», 2003. С.61.

⁶ Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. - Казань: Экоцентр, 1997, с.1.

⁷ Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление/научное издание. - СПб.: Алетейя, 2000. — 384 с.

а также запрещенные к тому времени в других странах противопростудные препараты и средства «для похудения», в состав которых входили амфетамины и псевдоэфедрин. Выявление потребителей таких легальных в прошлом наркотических средств — задача самостоятельного исследования.

С возрастом отход от активного потребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга знакомых с их вкусом. Так, например, по сравнению теми, кто моложе 20 лет (родившимися после 1980 года), круг пробовавших наркотики сужается к 30 годам (среди родившихся в 1970-1975 гг.) примерно на треть (с 50% до 30%); а численность их актуальных потребителей — почти в два раза: с 19,8% до 12,4%. Хотя, как свидетельствуют данные, за пределами 25-летнего возраста актуальный интерес к наркотикам заметно ослабевает, наркотики, пусть в относительно скромных пропорциях, все же присутствуют в образе жизни даже тех, кому за пятьдесят. Свыше трети — 35,5% — всех относительно активных («актуальных») потребителей наркотических веществ в Петербурге составляют люди, перешагнувшие порог своего тридцатилетия.

Приведенные данные противоречат широко распространенной «медицинской» версии о том, что большинство (или, по крайней мере, значительная часть) однажды познавших вкус наркотических средств обречено на непреодолимую наркозависимость и они почти непременно умирают¹. В ситуации заметно расширяющегося среди молодежи круга случайных потребителей наркотиков, имеющих незначительный, но собственный опыт их использования, прямое запугивание и запретительство ведет, как правило, к романтизации наркотизма и закреплению за ним функции внутригрупповой и «поколенческой» солидарности.

Сам по себе показатель широты знакомства представителей какой-либо социальной группы со вкусом наркотика никоим образом не является, как это утверждают некоторые исследователи, свидетельством имеющихся в этой группе «резервов распространения наркотиков». Более того, эта широта, соотношенная с показателем актуальной вовлеченности в относительно регулярное потребление наркотиков, может свидетельствовать уже не о зависимости, а о степени освобождения этой группы от возможности наркотизации. Ведь из двух групп с одинаковым уровнем актуальной вовлеченности в потребление наркотиков, больший уровень освобождения от них демонстрирует именно та, в которой выше относительная численность случайных и прошлых потребителей.

По данным сотрудников Института социальных исследований Мичиганского Университета (Апп Арбог) Л.Джонстона, Дж.Бекмана и П.О'Малли (L.Johnston, J.Bachman, and P.O'Malley), осуществляющим на протяжении последних 25 лет про-

---

¹ Табиани А. Наркомания: горькие плоды сладкой жизни // Социологические исследования, 1987, № 1, сс. 48-53; он же: Наркотизм: Вчера и сегодня. - Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988; он же: На краю пропасти: наркомания и наркоманы. - М.: Мысль, 1990; Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России // Социологические исследования, 1994, № 6; Шакиров М. Ш. Наркобизнес в России. Человек и закон. - М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1998. - 425 с.; Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России - шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования, 1998, № 8, с. 65-68.

ект «Мониторинг будущего» (Monitoring the Future Study), в рамках которого начиная с 1975 года ежегодно опрашивается примерно по 45 тысяч выпускников государственных и частных школ по всем Соединенным Штатам, опыт как минимум разового употребления наркотических веществ обнаруживают в каждом из таких опросов от 41% до 65% учащихся выпускных (11–12) классов¹. Эти, весьма достоверные, показатели², хотя и заметно выше отечественных, однако, вполне сопоставимы с ними.

Если обратиться к европейским данным, то можно увидеть, что, например, в Финляндии хотя бы раз в жизни пробовали наркотики 10% взрослого населения, а в Дании и Англии доля этих лиц достигает 25% и 30%, соответственно. В целом по Европе эта цифра колеблется вокруг 20% (Бельгия, Германия, Испания, Ирландия и Нидерланды).³ Среди молодежи уровень потребления примерно вдвое выше, чем среди более старшего поколения. Так, например, коноплю пробовало употреблять примерно 15% молодежи в Финляндии и Швеции, 28–40% в Дании, Франции, Ирландии, Нидерландах, Испании и Великобритании; амфетамины, экстази и кокаин 1–6% (в Великобритании эти цифры выше — 16% (амфетамин) и 8% (экстази)).⁴

Вместе с тем, если в Соединенных Штатах наркотики уже тридцать лет назад были распространены среди подростков примерно так же, как и сейчас, то в нашей стране наркотики являются относительно новым элементом в жизненном опыте населения. Среди тех, чье отрочество и юность завершились до начала 80-х годов (лица старше 35 лет), знакомых с наркотиками существенно (в два-три раза) меньше, чем среди завершавших базовую социализацию в годы перестройки или после нее. Еще в меньшей мере знакомы с наркотиками поколения, социализировавшиеся в 50-е годы и раньше. Среди них тех, кому приходилось пробовать какие-либо наркотики, примерно в десять раз меньше, чем в перестроечном и постперестроечном поколениях.

Многие исследователи проблемы наркотизма придерживаются точки зрения, что степень приобщенности молодежи к наркотикам определяется не столько их предложением (доступностью или недоступностью), сколько спросом, обусловленным соответствующими установками. Силовые методы лишь отвлекают общество от реального противостояния наркотикам, которое возможно только на поле ценностно-нормативных приоритетов. Но даже если удастся достичь максимума возможного — найти и реализовать способ снижения уровня общей приобщенности подрастающего

¹ Johnston, L.D., O'Malley, P.M., & Bachman, J.G. National survey results on drug use from the Monitoring the Future study, 1975-1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998, p. 94; Они же: Release on Drug Use, 2000. Они же: Release on Drug Use, 2003. \www.monitoringthefuture.org.

² при $p=0,95$, доверительный интервал для сообщаемого потребления наркотиков в течение жизни, в течение последнего года, последнего месяца и ежедневного употребления составляет $\pm 1,5\%$, данные валидны.

³ EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA), 2002; EMCDDA. 2004 Annual report. \ www.emcdda.eu.int

⁴ EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs.

поколения на 2-3% в год, как это удалось на какой-то недолгий период Соединенным Штатам, достигнуть полной «свободы от наркотиков», скорее всего, не удастся. Однако общее расширение численности знакомых с наркотиками не тождественно росту актуального наркотизма населения, означающего увеличение численности относительно регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающих свою связь с наркотиками несколькими случайными «дегустационными» эпизодами. Более того, в случае реализации эффективных мер противостояния наркотикам не исключена такая ситуация, когда общее для всего населения расширение круга знакомых с наркотиками будет сопровождаться сужением круга их актуальных потребителей.

Распространенность наркопотребления и атрибуция ответственности

Представление человека о причинах происходящих с ним событий, локализация этих причин в себе или во внешних обстоятельствах является одной из важнейших характеристик, определяющих личность. Если человек видит причины происходящих с ним событий по преимуществу в себе самом, объясняя их своими склонностями, характером, способностями или своими конкретными поступками, то это свидетельствует о наличии у него внутренней (интернальной) локализации контроля, или внутренней атрибуции ответственности. Если же он склонен видеть причины происходящих с ним событий в судьбе или случае, в других людях, начальстве, государстве или окружающей среде, то это говорит о наличии у него внешней (экстернальной) локализации контроля, или внешней атрибуции ответственности¹.

Данное свойство личности получило название локуса контроля. Начало научному использованию этого термина было положено в 60-е гг. прошлого века американским психологом Дж. Роттером². Самый общий (базовый) уровень интернальности/экстернальности задается индивиду характеристиками той культуры, в рамках которой происходит его социализация (ее способами миропонимания, нормативными предписаниями и ценностями). Это глубоко усвоенное представление определяет и его отношение к себе и миру, и почти все наиболее значимые намерения и поступки, и большую часть навыков повседневной жизни. Ощущение (не обязательно осознанное) доминирующей причинности собственной судьбы и ответственности самого человека за основные события своей жизни, сформировавшись в определенном возрасте, в дальнейшем почти в неизменном виде сопровождает человека практически всю жизнь.

Иначе говоря, интернальность-экстернальность задается не только, и даже не столько, индивидуально-психологическими свойствами личности, сколько культурно, то есть ценностно-нормативными характеристиками того социального пространства, в котором формируется (социализируется) личность. И уже в рамках этого формиру-

---

¹ Муздыбаев К. Психология ответственности. - Л., 1983.

² Rotter J. B. (1966) Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs*, 80 (entire No. 609)

ется индивидуальная (психологическая) и групповая (социальная и социально-психологическая) дифференциация интернальности/экстернальности.

В своих представлениях о доминирующей причинности происходящего различаются не только отдельные люди, но и социальные группы, и даже целые общества. Освоение адекватных форм ответственного поведения предполагает соответствующее этому поведению сознание, которое у каждого взрослого (социализированного) человека крайне инерционно и очень трудно трансформируется. Аналогичная инерция присуща и социальному сознанию¹.

Для «вступающих в жизнь» проблемы их адаптации в пространстве обновляющихся социальных норм и ценностей, в принципе, мало отличаются от общих проблем социализации². Другое дело — интернализация новых ценностно-нормативных систем индивидами, чья социализация произошла ранее. Такая интернализация, как правило, сильно осложняется наличием относительно целостной (внутренне непротиворечивой) системы мироотношения, ценностно-нормативных представлений и поведенческих навыков, сложившихся прежде³.

Атрибуция ответственности, в значительной мере детерминируемая условиями первичной социализации личности, в свою очередь, сама является одной из важнейших детерминант, так или иначе участвующих в формировании стратегий поведения практически во всех сферах человеческой деятельности⁴. И отношение к наркотикам не исключение.

По мнению В.В.Шабалиной, основными ресурсами, препятствующими обращению к наркотикам, являются чувство ответственности за свою судьбу и позитивные ценности: образование, хорошая работа. Наличие таких ценностей (целей) и формирование соответствующих моделей поведения предполагают отказ от наркотиков, которые очевидно препятствуют реализации таких целей⁵.

На первый взгляд, данные, полученные в 2000 г. Центром изучения и прогнозирования социальных процессов, противоречат этой точке зрения. Среди ярко выраженных экстерналов, отсылающих к внешним обстоятельствам основную ответственность за собственное благополучие, общий уровень приобщенности к опыту

¹ Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологические исследования, 1994, №3, сс. 4-19; Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990; Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton University Press, 1997; Tellegen, A. Differential Personality Questionnaire. University of Minnesota, 1979.

² Кон И.С. Социология личности. М.: Мысль, 1967.

³ Левада Ю. Пятилетние группы - пятилетние сдвиги (опыт ретроспективного лонгитюда) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999, №2. С. 19–24.

⁴ Звоновский В., Мацкевич М. Локализация ответственности за материальное положение // Социальная реальность, 2006, № 4. С. 85–89.

⁵ Шабалина В.В. Психология зависимого поведения: На примере поведения, связанного с употреблением наркотиков и других психоактивных веществ. — СПб: Изд-во С-Петербург. Унта, 2004, С. 79–80.

потребления наркотических средств в полтора раза ниже, чем в среднем (в Петербурге: 11,8% против 18,5%). Как видно из таблицы 2, значительно ниже у них и уровень актуального наркотизма (3,5% против 6% среднегородских).¹

Т а б л и ц а 2. Приобщенность к потреблению наркотиков в различных группах интернальности (Петербург, весна 2000 г., N=2427)

Группы экстернальности/ интернальности-	Степень активности			
	Никогда	Пара эпизодов	Раньше активно	Сейчас активно
Благополучие зависит...				
В основном не от себя (экстерналы)	88,2	4,5	3,8	3,5
Скорее не от себя	82,7	6,5	3,8	7,0
В равной мере от себя и не от себя	82,2	4,5	6,6	6,6
В основном от себя (интерналы)	74,1	9,4	8,7	7,8
В целом (по городу)	81,5	6,5	6,0	6,0

У тех, кто делит ответственность за свое благополучие между собой и внешними обстоятельствами примерно поровну, а также тех, кто отсылает вовне немногим больше половины всей этой ответственности, показатели общего и актуального наркотизма практически не отличаются от среднего по городу. При этом среди интерналов показатель общего наркотизма значимо больше, чем в любой другой группе (выделенной по этому же состоянию), и вдвое больше, чем у ярко выраженных экстерналов. Примерно так же соотносятся и их показатели актуального наркотизма.

Иначе говоря, на первый взгляд, получается, что чем меньше человек готов принять на себя ответственность за свое благополучие, тем ниже вероятность его причастности к наркотикам; и наоборот — чем больше он принимает на себя ответственность за свое благополучие, тем выше вероятность его причастности к наркотикам. Эта закономерность просматривается в исследованиях различных групп молодежи. При отсутствии возможности сравнения с другими возрастными группами, делается вывод о том, что наркотизации способствует внутренний локус контроля, т.к. это означает «приписывание себе вины за жизненные неудачи»². Ниже будет предложена другая интерпретация выявленной зависимости.

Необходимо учитывать, что наркотики — сравнительно новое явление в жизни нашего общества. Они присутствуют по преимуществу в жизни младших поколений, завершавших свою социализацию после середины 80-х годов. С другой, — эти поколения отличает относительно высокий уровень общего и особенно актуального наркотизма. В результате, эмпирические данные, полученные на общей выборке,

¹ Здесь и далее данные приводятся по: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. — СПб: Медицинская пресса, 2001, сс. 107-109.

² Гурвич И., Цветкова Л., Щур Н. Наркопотребление в студенческой среде: поведенческие особенности.

репрезентирующей все население города, показывают, что высокому уровню интернальности соответствует относительно высокий уровень общего и актуального наркотизма. И наоборот — повышение уровня экстернальности ведет к понижению уровня наркотизма.

Однако в данном случае наблюдается возрастной эффект: молодежь по своей интернальности значительно превосходит тех, чья социализация происходила до начала перестройки (см. таблицу 3), а среди тех, кто хотя бы раз в жизни пробовал нелегальные наркотические средства, молодые люди в возрасте до 30 лет составляют две трети.

Т а б л и ц а 3. Атрибуция ответственности в различных возрастных группах населения Петербурга (2000 год, N=9560)

Возраст	Количество (в % %)			Численность группы	Индекс интернальности
	Экстерналы	Средняя группа	Интерналы		
До 19	37.1	18.4	44.5	614	1,20
20-24	29.3	26.0	44.7	1000	1,53
25-29	34.2	25.2	40.6	853	1,19
30-34	34.3	24.8	40.8	926	1,19
35-39	32.2	27.6	40.3	1132	1,25
40-49	44.7	22.2	33.1	1843	0,74
50-54	50.5	25.0	24.5	913	0,49
55-60	63.0	19.3	17.7	789	0,28
старше 60 лет	77.8	10.9	11.3	1489	0,19
В целом	46.5	21.8	32.0	100%	0,69

При этом, среди актуальных потребителей, которые в настоящее время с той или иной регулярностью обращаются к каким-либо «тяжелым» наркотикам (отличным от производных конопли: анаши, плана, марихуаны и т.п.), интерналов в два-три раза меньше, чем среди имеющих лишь случайный или оставшийся в прошлом опыт употребления наркотических средств; и в полтора раза меньше, чем среди тех, кому никогда не приходилось употреблять каких-либо наркотических средств (среди последних значительную часть составляют родившиеся до начала 60-х гг.). С другой стороны, как видно из таблицы 17, экстерналов и тяготеющих к ним среди актуальных потребителей «тяжелых» наркотиков заметно больше, чем в любой другой группе, выделенной по ее отношению к наркотическим средствам.

Как видим, несмотря на то, что в целом нынешняя молодежь по своей интернальности значительно превосходит тех, чья социализация происходила до начала перестройки, те представители молодежи, которые сохраняют в своем образе жизни наркотические вещества, более тяжелые, чем производные от конопли, по своей способности принимать на себя ответственность за собственное благополучие

заметно уступают не только своим сверстникам, но и большинству представителей предыдущих поколений. Иначе говоря, первой «жертвой» этих относительно более тяжелых наркотических веществ оказывается способность нести ответственность за собственную судьбу.

Заключение

Для получения достоверной информации об уровне наркотизма необходимо преодолеть очень высокую латентность изучаемого явления. В России для оценки общей численности актуальных потребителей и, в частности, численности потребителей наиболее опасных наркотиков в целом по стране и в отдельных ее регионах до сих пор предлагаются показатели, существенно различающиеся между собой, что не может не вызывать сомнений в их достоверности.

Эмпирической базой работы было исследование наркотизма, проведенное Центром изучения и прогнозирования социальных процессов, осуществленное на основе репрезентативной выборки методом анонимных интервью face-to-face (так называемый «уличный опрос») в Санкт-Петербурге в 2000 г. Целью исследования было получение данных, на основе которых можно было выявить тенденции развития, социально-демографические характеристики и социальные факторы потребления наркотических средств.

В репрезентативных для населения опросах выявлялась степень приобщенности к потреблению наркотических средств различных социальных групп городского населения. Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях, а также характеристики социального самочувствия опрашиваемых. В данной работе рассматривался такой аспект как степень принятия на себя ответственности за собственное материальное положение, а также за складывающуюся судьбу и образ жизни в целом («интернальности/экстернальность» атрибуции ответственности и локуса контроля) и его связь с распространенностью наркотизма в различных социальных группах.

Выяснилось, что чем меньше человек готов принять на себя ответственность за свое благополучие, тем ниже вероятность его причастности к наркотикам; и наоборот — чем больше он принимает на себя ответственность за свое благополучие, тем выше вероятность его причастности к наркотикам. В работе предлагается следующая интерпретация этой связи: не приписывание себе вины за неудачи в жизни (внутренний локус контроля) как фактор наркотизации, а возрастной эффект. Среди тех, кто хотя бы раз в жизни пробовал нелегальные наркотические средства, молодые люди в возрасте до 30 лет составляют две трети. В то же время, уровень интернальности молодежи значительно выше, чем у тех, чья социализация происходила до начала перестройки.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

В статье предпринимается попытка анализа интервью с руководителями сельских администраций и сельскохозяйственных предприятий в тверской деревне¹, содержащие материал и по истории советской деревни, и по проблемам поколений.

Для первого аспекта существенно то, как нынешние оценки, мнения сельских жителей о советском периоде аграрной истории, открывают нам, обществоведам, нечто новое в наших представлениях обо всей истории деревни (и даже не только деревни) второй половины XX в.

Второй, поколенческий, аспект — это попытка проследить различия в восприятии прошлого, настоящего и будущего респондентами разных социальных качеств, объединенных «лишь» особым положением в политической и хозяйственной жизни села.

Социальные процессы и явления в современной деревне — прямое продолжение (или следствие) процессов и явлений советского периода, а также — фактор, существенно изменяющий оценку советской истории деревни как сельскими руководителями, так и обществоведами-аграрниками.

Сельские руководители как продукт советской «эпохи»

Начну с самого главного, может быть, с состава семей, в которых выросли респонденты. Несмотря на размывание сельских традиций воспроизводства, особенно в послевоенные десятилетия, почти все респонденты — из полных местных семей, причем несколько человек — из многодетных. Их собственные семьи немногочетны, но они — полные! Не в этом ли одна из причин успешного становления их в профессиональном и социальном плане? Т. е. данную традицию сельские руководители продолжают воспроизводить.

Не случайно, видимо, лишь один из респондентов потомок «30-тысячника», то есть городского специалиста, коммуниста или комсомольца, посланного партией в середине 1950-х гг. на село.

Различий в происхождении между респондентами почти нет. Они — «плоть от плоти, кость от кости» среднестатистического труженика советской деревни. Лишь один — председатель, сын председателя, который еще в детстве сказал себе: «Буду председателем колхоза!» (интервью № 43). Ни на какую потомственность элиты и намек нет. А вот о продолжении детьми респондентов родительской привязанности к селу — есть! И это — новое, незнакомое нам, советским обществоведам. Потому, что все внимание

---

¹ Исследование финансировалось РГНФ, руководитель этих проектов и. о. зав. сектором социально-культурных изменений СИ РАН О. Б. Божков.

уделяли покинувшим деревню и готовым к этому. А изучать надо было прежде всего остававшихся, — и не от невозможности отъезда, а по привязанности к деревне.

Относительно прямым оказался путь к «кормилу» местной власти (точнее — самоуправлению) у нескольких женщин-служащих, кои по разным причинам из учителей, других сельских специалистов превратились в конторских работников сельской администрации, узнали механику этого дела и естественно перешли со вторых — третьих ролей на первые.

О знании и незнании родной истории

Примерно с 1960-х годов было усилено внимание к истории родного края. И в сельских школах приветствовалось собирание материалов, запись воспоминаний для школьных музеев. Формировался в сознании нынешних сельских жителей, бывших тогда школьниками, образ малой родины, славной своими героями и передовиками. Незаметно по материалам интервью, чтобы эта работа имела результатом знание истории своей деревни, ближайшей округи. Прямые оценки того или иного этапа советской аграрной истории в интервью встречаются редко. На вопросы о прошлом своего хозяйства или административной единицы не все респонденты перечисляют названия колхозов, вспоминают, когда они были укрупнены, преобразованы в совхозы и т.д. Говорится лишь о том, что видел, помнит сам респондент, его родители. Встречается упоминание о безуспешных поисках материалов по истории своей «малой родины».

Учились все респонденты в советских школах, читали советскую прессу, изучали документы партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Однако никаких следов чеканных формулировок того времени в интервью нет. Историческое сознание респондентов базируется на их собственном жизненном опыте, отчасти — на семейном «предании».

Об оттоке населения из деревни в город

Несмотря на все усилия по закреплению кадров на селе, миграция в города, начиная с «оттепели» происходила быстрее, чем наращивание материально-технической базы сельхозпроизводства. Изучение миграции по линии «деревня — город» было с 1960-х гг. одним из заметных направлений сельской социологии и демографии. «Деревенская проза» горькие слезы лила по поводу ухода молодых (да не просто молодых, а грамотных, активных, не пьяниц) на стройки, в промышленность. Году в 1983-84-м появились признания демографов относительно замедления (наконец!) оттока людей из деревни, потому что она, деревня, отдала уже все, что могла.

Что же видим теперь? Почти во всех интервью признана невиданная прежде безработица, в том числе — среди молодежи. На солидную учебу нет денег, ребята идут в ПТУ, девушки «устраиваются кое-как». /инт. № 36/. Исключение — те места, где чудом уцелели крупные хозяйства. Естественно, респонденты видят прямую связь между распадом прежней производственной структуры и резким сокращением количества рабочих мест в деревнях Нечерноземья.

А нам, обществоведам-аграрникам, все это напоминает о социальной гуманности (пусть даже разлагавшей трудовую активность) колхозно-совхозного строя, при коем работа была для всех. Во всяком случае — в колхозах, где в отличие от государственных хозяйств, не было и не могло быть штатного расписания.

О трудовых ресурсах села и их использовании прежде и теперь

Читая материалы интервью о безработице в деревне, историк должен вспомнить о становлении капитализма в России XIX века. У экономистов, земских статистиков тогда накапливался материал промышленных сел, о целых регионах сельского ремесла! На заре капитализма (не только в России) формой соединения рабочих рук с крупным неаграрным производством была рассеянная мануфактура. Теперь, через 100—150 лет, при нынешней автомобилизации всей страны, при крайней заинтересованности новых хозяев жизни в дешевой рабочей силе, почему не везут они станки и станочки, сырье в деревню? Хотя часть деревенских людей уже непригодна для нормальной работы? И все же...

Чрезвычайно затрудненным было в советское время колхозное ремесленное «предпринимательство» для рынка или по заказам предприятий. Видимо, власть боялась, что научившись зарабатывать деньги посредством подсобных промыслов, колхозы ослабят внимание к удовлетворению нужд государства в продукции сельского хозяйства. Но полностью «изжить» подсобные сельские предприятия не удавалось из-за потребности колхозов в деньгах для перекрытия убытков от основной деятельности.

В интервью встречаем упоминания о том, что малая часть жителей законно кормится от леса, работая на мелких и мельчайших сельских дереворазделочных частных предприятиях (пилорамах). В основном же потерянная часть мужского населения занимается от случая к случаю браконьерством, тут же пропивая вырученные за лес деньги. Возможно, кто-то из них вернулся бы к нормальной жизни, если бы городские предприниматели раскинули сеть мелких производств по деревообработке.

О «союзе» рабочих и крестьян и о «шефстве» города над селом

Не случайно в интервью нет развернутых воспоминаний о «шефстве», выродившемся в посылке горожан «на картошку» и на заготовку кормов. Очень долгое время в научной печати на эту тему был наложен негласный запрет. Тема казалась скользкой — «село (социалистическое!) де не справляется с объемами работ.

Теперь ясно: объем работ, а с ним и объем продукции сельского хозяйства, особенно в овощеводстве и картофелеводстве, а также в кормопроизводстве, во многом держался тогда на «шефах». Не стало их — и деревня резко снизила уровень производства. Плюс к тому, конечно, конкуренция, нехватка государственных дотаций и льготного кредитования.

В современных условиях «ножниц цен» на продукцию аграрного и неаграрного секторов (например, молока и дизельного топлива, упоминаемых во многих интервью), в условиях сельской безработицы — воспоминания об организованной посылке горожан на село просто неактуальны.

Судьба сельской культуры и интеллигенции

...Историки культурного строительства в советской деревне писали и о другом шефстве, без кавычек — культурном. Например — о количестве спектаклей, концертов данных областными театрами и филармониями в сельских Домах культуры, о помощи в организации народных музеев, и даже колхозных картинных галерей... В наших интервью обо всем этом нет ни слова. Если бы не телевидение, то по уровню информационного и культурного обслуживания деревня оказалась бы отброшена на многие десятилетия назад.

Что стоит за постоянно упоминаемым в интервью закрытием сельских школ, фельдшерско-акушерских пунктов, клубов? Только ли культурные потери, неудобства и опасности для жизни и здоровья деревенских жителей? Нет. За этим неизбежным при сокращении населенности процессом следует размывание тонкого культурного слоя сельских специалистов. В результате глава сельской администрации становится еще и «массовиком-затейником», чтобы как-то скрасить беспросветную жизнь односельчан. Молодежь еще собирается у заброшенного клуба к ночи, чтобы «танцевать», жрать, выпивать и тут же гадить...

Одна из респонденток (интервью № 32) прямо и верно говорит: «...многое изменилось и за последние годы в общественной жизни (с 1992 года — Ч. С.). Утрачено влияние партийных и профсоюзных органов по созданию и воспитанию людей. Образовался вакуум в формировании общественного сознания. Именно эту нишу своей деятельностью и заполняет администрация сельских округов. Мы решаем не только административно-хозяйственные вопросы, но и вопросы воспитания и формирования личности в рамках сложившихся общественных отношений. Широкая общественная поддержка органов местного самоуправления свидетельствует о ярко выраженных общих интересах и затронутых проблемах, нравственных приоритетах ...».

В советское время не было Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству, где не затрагивался бы вопрос о социально-культурном обеспечении аграрной политики! Беда нашей страны в том, что спохватывались слишком поздно. Какую-то часть потенциальных мигрантов из деревень можно было удержать на какое-то время, если бы огромные капиталовложения нашлись для села не в 70-е, а в 50-е годы... И если бы многочисленная агропромышленная служба не вырывала бы куски изо рта самих сельхозпредприятий...

Одним из свидетельств неэффективности советского строя было отсутствие в стране и в партии влиятельной силы, которая защищала бы интересы сельского хозяйства как отрасли и деревни в целом как подсистемы общества.

Нет такой силы и теперь.

Станет ли деревня полем выращивания ячеек гражданского общества?

В отличие от времен, когда классовый враг — помещик, затем кулак — был налицо, и деревня объединялась против него (в Крестьянский союз 1905-07 гг., в Пар-

тию социалистов-революционеров, в земельные, крестьянские комитеты и Советы, в кассы взаимопомощи, в кооперативную сеть), то после коллективизации Хозяин-государство стал недосыгаем для критики. КПСС и Советское государство «выражали волю и интересы всего советского народа», но практически — преимущественно городского населения. С 1990-х гг. различия, и даже противоречия интересов классов и социальных слоев снова обозначились открыто. Общественные организации, движения, партии множились...

Читая современные интервью, видим, что сельхозпредприятия поставлены в невозможные условия. Объединилась ли масса тружеников, или хотя бы головка в свою партию? Защищает ли она их интересы? Нет! Теперь и партии аграриев нет, она растворилась в какой-то безликой надклассовой Справедливой России. Только в одном интервью проскользнуло упоминание о партийности руководителя хозяйства, его членстве в «Единой России».

Так что один из главных выводов из интервью: деревня в политическом плане — выжженная земля. Она может откликнуться на зов политической силы, которая сумеет доказать серьезность своих намерений по защите интересов села, сельского хозяйства. Тогда ячейки такой партии (движения, профсоюза и т.д.) могут появиться в каждом селе. Но, похоже, политики и политологи давно списали деревню со счетов. Может быть, эта форма расселения непригодна для выращивания ячеек гражданского общества?

Прочитав всего 17 текстов интервью, вижу понимание респондентами печального, но неизменного факта: это уже не деревня. То, что недоразрушили советские эксперименты и измывательства, еще легче и быстрее вымел нарождающийся «капитализм» с нечеловеческим лицом.

Оценки прошлого, настоящего и будущего в представителями разных поколений

Рассмотрим поколенческие особенности восприятия респондентами настоящего своего и всей деревни, предприятия состояния, сравнения его с прошлым, и представления об обозримом будущем.

Гипотезы:

- а) «возрастно-политическая» — чем старше, опытнее руководитель, чем больше он застал советских мудрований и загибов в аграрной политике, тем мягче его оценка настоящего, ибо пути административной системы отброшены;
- б) «статусная» — не возраст, а степень личной успешности играет главную роль в оценках прошлого, сего дня и будущего;
- в) «целевая» — чем больше настроен респондент в своей деятельности на улучшение положения всей округи, всех своих работников, тем радужнее его представления о не столь трудных советских временах, прежде всего — «застоя».

Слабость первого предположения очевидна при знакомстве с речами 70-летнего участника опроса. Н. А. на посту председателя колхоза находился к моменту опроса 48 лет! Рад он нынешней свободе хозяйствования? Не ясно. Напротив, его оценка

прошлого — самая положительная (*Было интересно жить и руководить, нас ценили, награждали...К 1985 г. мы окрепли. А теперь руководитель никому не нужен. Меня ждут болезни и пенсия алкоголика.*)

Оплата труда Н. А. была при коммунистах в 6 раз выше! И дело не только в таланте руководителя, но и в выгодном расположении колхоза. Отчасти это выручает и теперь. Н. А. «решает все» и твердо сохраняет преимущества социализма для колхозников (всеобщую занятость, общественные фонды потребления на базе коллективной собственности). Сколько этот рай продлится? Пока жив Н. А. Он понимает это. (Спаси деревню уже нельзя, даже деньгами. Народа нет, некого спасать). О «демократии» Н. А. ясно, какого мнения. Но местную администрацию поддерживает. Отношение к СМИ — соответственное (Не пишут о труженике).

Это крик души, отданной без остатка родному хозяйству. Вот кого надо награждать званием «Герой России».

С другой стороны, при встрече напомнил бы Н. А. вот о чем. Когда он справедливо кричит: «Будущего нет, села нет, Газ кончится — и все. Прожираем страну!», почему же не вспомнит, когда это проедание нефтедолларов началось. А началось-то в 1970-е годы. И отчасти благодаря этим деньгам удалось поднять вложения в сельское хозяйство...

В этой же возрастной категории — 64-летний (на момент интервью) председатель сельского производственного кооператива (СПК) Виктор Иванович.

Он тоже сын погибшего фронтовика, гордится своим трудовым (с 9 лет) детством, крестьянским корнем (Дело не в образовании. Я все принял от предков). И тоже хвалит советское время, когда были дотации, техника, шефы; когда вместе были, а не каждый за углом.

В отличие от Н. А., Виктор Иванович возглавляет небольшое хозяйство, сильное тем, что все 28 человек делают все, не считаясь, а также тем, что все теперь НАШЕ, кроме земли. То есть В. И. возглавляет хозяйство нового типа, без лишних «работников», чье иждивенчество родилось в годы застоя, а в новых условиях развилось в воровство.

Человек, видимо, суровый, как требует время (У руководителя не может быть друзей).

Оценка настоящего — как у всех опрошенных (Виновато правительство, ввоз дешевой продукции. Нас душат..., перспектив никаких, все погубили — лес, сельское хозяйство).

Но тут же — о нормальной жизни своих товарищей-подчиненных (Можно жить) О требуемом качестве жизни: «Руководитель должен иметь «Волгу», чисто одеваться, знать новости из СМИ». Для души — журнал-газета «Моя семья». Иной раз — три семьи сходятся вокруг шашлыка, на берегу...Зимой — рыбалка...

Нет перспектив? А ради чего живут? (- Помогаю сыну, он в милиции служит после армии, ничего не имеет...)

Нет, наверно, не только ради детей живут сельские руководители. У них тяжелая, но интересная работа и чувство ответственности за свой коллектив. Под конец, как и у Суворова — мощный возглас-предупреждение: «Не будет села — не будет и государства!»

В следующей возрастной категории 50–60-летних — бывший и нынешний руководитель колхоза, поднимавшийся до уровня одного из руководителей района Н. С. Бьется за жизнь хозяйства, которое вывел из долгов, сохранил посевные площади, купил 3 единицы техники. Кодирует пьяниц, чтобы не выгонять. Оценка прошлого и настоящего:

Да, был контроль райкома. Зато теперь — вседозволенность, распродажа, развал. Мы заброшены государством и местной властью. Упираемся в вопрос: Почему на протяжении всей истории, при всех властях наша деревня была мучима, обираема, и безгласна? Классики историографии давно ответили и определено: Власть, вынужденная постоянно мобилизовать огромные средства для защиты (затем — для модернизации) страны могла брать их только или преимущественно с крестьянства в виде всего прибавочного, а иногда — и части необходимого продукта. Крестьянство на Западе не знало такой эксплуатации, ибо природные условия, а следовательно и производительность крестьянского труда, там были иными.

Интервью № 40, женщина, 56 лет, равнодушно-усталая, также из местных (медсестра — председатель поселкового Совета — глава сельской администрации). Не единственный медик среди сельских администраторов.

Разделение сельских руководителей по полу и профессии, кажется, есть. Женщины из сельской полу-интеллигенции, в том числе непроездовой, — стали главами администраций. Мужчины же посамостоятельнее и с крепкими нервами, из механизаторов и специалистов с/х — возглавили хозяйства.

О масштабах сельских драм говорят два числа: зарплата главы администрации — 5 тысяч, а мужа, совхозного механизатора — 237 рублей... Как ему прикажете относиться к прошлому и настоящему? Подчеркну важное замечание респондентки: «невыгодно не только общественное или фермерское хозяйство, но даже личное подсобное, т.к. в одиночку до рынка продукцию довозить дорого».

Существенное наблюдение Е. И.: молодежь остается в селе, т.к. школу кончает «со справкой», а не аттестатом, т.е. не освоив основы наук. Путь для продолжения учебы закрыт.

— Будущее? — Лучше не будет. Это раньше, в 1960-е я верила в счастливое будущее... Причина бед — незнание законодателями сельского хозяйства.

Женщина, 52 года, бывший учитель, председатель сельсовета с 80-х годов! Не говорит — плачет о сельском хозяйстве: Будущее пугает.

Перехожу к тем, кто встретил перестройку в 30–40-летнем возрасте, то есть кто полжизни прожил при Советской власти.

Мужчина, 50 лет, механизатор, получивший необходимое образование, и не случайно возглавивший округ. В оценках сдержан, конкретен. Одну из бед видит в отвычке молодежи от конно-ручных работ.

Послужной список другой 50-летней респондентки: учитель — работник детского сада — секретарь администрации — завхоз больницы — Председатель сельсовета — глава Администрации.

В ее рассказе о происхождении снова проскальзывает некая оппозиционность бабушки, так и не вступившей в колхоз. В советское время это был поступок. (Нам

уже встречался руководитель из мягко, без репрессий раскулаченных. Но не следует из этого, что сельские руководители новой России — из семей, пострадавших от прежней власти.)

Особенность рассказа — ценное обобщение поколенческой и в целом социальной ситуации: «в округе из 547 человек 263 пенсионера и 169 безработных. И 7 точек по обмену краденых овощей на спиртное... В деревне остались старые да пьющие с множеством слабых детей, бросающих школу после 4–6 класса. Причем после 70-летних, отсчитывая назад — провал, т. к. этот слой уехал из села; затем много 50-летних.

Прикидываю — кто же эти уехавшие. Это — мои ровесники 1940-х гг. рождения, которые могли начать уезжать самостоятельно на учебу, затем — на работу примерно с 1960 года — на строительство ГЭС, объектов большой химии, да и просто в города на слабозаполняемые горожанами рабочие места, начиная с жилкомхоза, милиции и кончая заводскими профессиями.

О будущем: Нас задавят крупные предприятия. Все делается, чтобы мы не существовали, через 10 лет моего округа не будет.

Поистине удивительно такое состояние деревни не в 1946 г., не в стране, только выползшей из мировой войны, а через 5–6 лет после начала разумных контр-реформ В. В. Путина. К сожалению, о деревне было забыто. Решали, и не без успеха, другие проблемы.

Минуя, по недостатку места, интервью 41–50 летних, перехожу к текстам бесед с людьми в возрасте 40 лет и моложе. (Пропуск целой когорты допустим в данном случае, т.к. в оценке нынешнего положения деревни представители всех поколений едины. Разница лишь в том, что у старших есть, с чем сравнивать — с дореформенным прошлым.)

Главная их особенность как руководителей в том, что в доперестроечное время они покомандовать не успели, их трудовая жизнь только начиналась. А вот благ развоятого социализма они вкусить могли. Так что не удивлюсь, если их оценка прошлого будет сравнительно мягкой, а настоящего — самой жесткой. В будущее же, в лучшее, они могут верить скорее, т.к. есть запас времени предстоящей жизни. Итак:

Мужчина 40 лет (дитя эпохи застоя, чья армия — ВУЗ пришлось на 1980-е гг.), председатель СПК. «Никакой, обыкновенный» — пишет о нем в отчете интервьюер.

Нет, — говорю я. Это типичный новый русский, занявшийся в 90-е сомнительными операциями с таким товаром, что потом ноги уносить пришлось от дележа сфер влияния между преступными группами! Зачем ему ЛПХ (личное подсобное хозяйство), если он в рамках или вне рамок СПК продолжает свои махинации?

Поколенческое отличие представлений В. А. от 70-летнего Н. А. — если для последнего фермеры есть мразь, то для этого респондента в них будущее (Если будут дотации сельскому хозяйству).

Интервью № 5, (мужчина 39-ти лет) поражает тем, что человека оставляли на кафедре после вуза, а он вернулся в деревню. Инженер-механик, возглавлял сельскую администрацию, теперь — СПК. Тоже «проворачивает операции», имеет доходы не-

называемые... «Новый русский барин в вымирающей деревне» — страшновато звучит, не правда ли? Для исследователя поколений ценна фраза респондента о том, что вокруг — руководители — приятели, так как — в основном — одного поколения!

К этому поколению принадлежит и С.В. руководитель КФХ (крестьянско-фермерского хозяйства). Хозяйственные результаты его КФХ не столь впечатляющие. Удивляюсь противоречию между не лучшей оценкой интервьюером личности респондента («отвечал трудно, односложно; видимо — пьющий, от забот...») и — насыщенным, мудрым и СТОЙКИМ образом респондента и содержанием беседы.

Ему 37 лет. Закончил 3 курса сельхозинститута. 11 лет проработал механизатором. Понимает, что надо доучиться, но на вопрос, какое образование нужно руководителю, отвечает: «Главное, чтоб родом был к земле поближе».

Это — ключевая фраза если не для всего исследования, то для биографической его части.

Доходы семьи С.В. ниже, чем у многих респондентов, поэтому в «свободное» время много сил уходит на личное подсобное хозяйство. Очень близка поневоле к земле и заботам отца 3-летняя дочка С.В. Из-за отсутствия дачи ездит с ним целый день по полям...

В КФХ все висит на нем. Поднял его из развала. Объединил трезвых, не ворующих. Несмотря на почти убыточность, собирается увеличивать поголовье скота!

Ключевыми для экспертной части исследования считаю фразы, точнее жизненные принципы людей такого склада, как С.В.

— Уехать? Нет, надо кому-то и здесь...

— А если здесь заглохнет? Будем держаться, чтоб не заглохло...А заглохнет — будем на себя работать...(!)

— Как вижу будущее? — Никак. Перспектив у сельского хозяйства нет.

Еще раз подчеркиваю: почти все респонденты — местные, и деваться им некуда. Потому и держится на них умирающая деревня.

В интервью с другой главой администрации (женщина 30 лет, полная семья, бывший учитель, получает второе высшее образование в Академии госслужбы), оценки прошлого, настоящего и будущего есть:

При колхозах было налаженнее, дружнее, ответственнее. Люди были отзывчивы. Сейчас живут обособленно, не откликаются на просьбы. Общество расслоилось на классы и катится по наклонной плоскости. Озлобленно, мстительно.

Какой ей видится позиция власти?

— Авось через несколько поколений все образуется, перемелется.

Легко сказать: через несколько поколений. А если в этой цепи вырваны звенья?

Об этом говорит Т. А. — глава администрации — (27-ми лет, человек, умеющий считать, с цепким взглядом, из относительно благополучной округи, где сохраняется колхоз со 150-ю работниками):

— Ну как бы население стареет, работающих, ну вот хорошо хоть какая-то молодежь приходит иногда. А так как бы слоями. Вот есть сейчас слой кому от 50 и дальше, подойдет время, когда они состарятся, и вот потом промежуток как-то вот тут немного. И вот потом уже идет слой, кому от 30 до 40.

Т. А. самая молодая из респондентов. В разгар перестройки ей было 10 лет, а в год «дефолта» — 20. Благодаря колхозу, люди вокруг живут сравнительно неплохо. Но: школ нет, детсада и не было, клуб отключен от электросети за неуплату; народ — на волейбольной площадке. Хорошо, что колхоз дает большую часть средств на нужды сельского общественного быта.

О будущем: — Только бы не хуже. Народ — молодец, держится.

Итак, из трех высказанных в начале раздела гипотез подтвердилась отчасти только последняя, об определяющем влиянии настроения на общественную пользу. В поколенческом аспекте обобщение одно, простейшее:

- оценки будущего безнадежны почти у всех;
- настоящее видится неизмеримо трудным всем;
- о пороках советской системы на селе не вспоминают, особенно старшие по возрасту, ибо нынешнее игнорирование нужд деревни высшей властью, определяющей аграрную политику, заслонило беды, изъятия советского прошлого.

Главное, что дали беседы с сельскими руководителями — это представление об их видении проблем сегодняшней деревни, об их отношении к государству и обществу, которые оставили село почти без помощи, как не раз уже было в отечественной истории...

Тексты интервью разносторонне характеризуют ускорившееся в пореформенной России движение деревни к прекращению ее традиционных функций как расселенческой, социально-экономической и культурной подсистемы общества.

Интервью подтверждают живучесть тех элементов сельской подсистемы, во главе которых — крепкие люди, готовые «стоять до конца». Исследование отвечает на вопрос о том, что собой представляет этот костяк сельского общества. При всех различиях, объединяет их то, что они, как правило, уроженцы этих мест, и не мыслят себе жизни где-либо еще.

Велико значение текстов интервью и как косвенного источника по истории советской деревни, от коей (истории), сравнивая, постоянно отталкиваются респонденты.

Знакомство с текстами интервью, с социально-демографическими характеристиками респондентов напоминает, что при всей «специфике» советского периода, на протяжении его лишь продолжались процессы, начавшиеся еще в XIX веке, как урбанизация общества, переход к современному типу воспроизводства населения.

Из глубины пропасти, в которой оказалась сегодняшняя деревня респондентам видно, что Советская аграрная система имела запас прочности и немалые перспективы. Нужен был «только» еще один НЭП и ослабление диктата по хозяйственным вопросам. В качестве ошибок справедливо называли, например, гонения против религии и церкви. Никто из респондентов не хулит советское прошлое предперестроечного этапа в целом.

Думаю, и обществоведам советскую аграрную историю надо переоценивать с учетом того, что о ней помнят и знают сегодня люди на селе.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

СЛОВО В. Б. ГОЛОФАСТУ

ЗАЧЕМ НУЖНА СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НА 15-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ СИ РАН, 18 ОКТЯБРЯ 2004 Г.)¹

Все-таки мне бы хотелось бросить несколько камешков в ту мозаику, которая составляется из всех выступлений, и я хочу добавить эти камешки в ответ на вопрос: а зачем нужна социология в современном мире? И в этом отношении я хочу чуть-чуть приподнять взгляд над нынешним юбилеем.

Александр Васильевич² уже упоминал, что недавно мы читали книжку, изданную в 1971 году Гоулднером, «Грядущий кризис западной социологии», где проводится такая идея... Гоулднер ведь был левак и писал после экономического бума 60-х годов, а также после бузы, которую устроили студенты в Европе и в Америке в 1968 году. Он считал, что как академическая версия социологии, так и марксистская версия социологии, к которой он испытывал большую симпатию — это, действительно, светская идеология и мировоззрение среднего класса, утверждение его успеха в общества, осуществление его требований относительно того, как должен быть устроен общественный порядок. В этом, по-мнению Гоулднера, и состоит миссия социологии. Но теперь, я думаю, эта мысль стала слишком узкой, она устарела. И чтобы убедить вас в этом, я хочу вспомнить о двух-трех других событиях.

В августе в Сан-Франциско состоялось собрание американской социологической ассоциации. Когда-то Андрей Григорьевич ездил на такие собрания, и, может быть, кто-то еще из наших коллег. В Америке сейчас 12000 профессиональных социологов. Американская социологическая ассоциация была единственной профессиональной ассоциацией, которая консолидировано выступила как ассоциация, как профессиональное сообщество, против американской войны в Ираке. Нынешний президент, Майк Боровой пригласил в августе китайского, индийского, африканского, арабского и кого-то еще... если не ошибаюсь, латиноамериканцы там почти дома — очень известных ученых. Для обсуждения... для демонстрации своим американским коллегам, что мир радикально изменился, и что существует реакция на тот каток глобализации, с которым связано было утверждение социологии в современном мире.

---

¹ Это последнее публичное выступление Валерия Голофаства состоялось на юбилейном банкете. Боюсь, что под звон бокалов оно было плохо услышано и нечетко воспринято (О.Б.)

² А.В. Тихонов, в то время — директор СИ РАН.

Второе. У меня нет детальных сведений, кто был на том съезде (единственном законном съезде, а не самозахватном, как это сделали недавно ЛГУ и МГУ). Но там была статистика. Это была последняя статистика по социологическим кадрам в Советском Союзе, и последняя статистика, которая мне известна в России. Тогда членов Советской социологической ассоциации было — в Америке 12000, у нас — 2200. Теперь мы наверняка догоняем Америку по тысячам людей, которые считаются социологами, а также социальными работниками и т.д. Ничего удивительного, что мы не пользуемся престижем и известностью в этом очень расширившемся социологическом сообществе.

Но, если посмотреть отечественные учебники по социологии — они все повторяют то, что мы проходили в 60-70 годы. Это — трансплантация американской академической социологии по преимуществу. Против этого бунтуют сами американцы, как видите. Против этого, как известно, есть очень мощное движение в Европе. Вообще, если говорить о том, кто наш союзник в современном мире, и зачем нужна социология, какова ее миссия — то это вовсе не судьба среднего класса. Это совсем другая судьба.

Сохранится ли социально-культурное своеобразие Европы? Имеет ли какой-то шанс на выживание социально-культурное своеобразие России? Что делать арабскому миру? Что делать китайцам, индийцам, японцам — вот это становится социальной функцией не только социологии, но и некоторых других социальных наук.

Поэтому наши союзники — может быть, конечно, из числа радикальных, или каких-нибудь очень уважаемых академических социологов Америки, которые давным-давно перестали к нам приезжать. Но наши естественные союзники, на мой взгляд, — это Европа, это Китай, это Индия.

В фокусе внимания современной социологии вовсе не средний класс в нашей стране, потому что он теряет позиции в Европе, он (средний класс) теряет позиции в Америке. И ему благодушную сказку от социологии нельзя предложить. Основная проблема совсем другая: будет ли унификация в современном мире, или социально-культурное — не техническое, не технологическое, не экономическое — но именно социально-культурное своеобразие останется, или оно исчезнет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВ Андрей Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН

БАЧИНИН Владислав Аркадьевич — доктор социологии, ведущий научный сотрудник СИ РАН

БОЖКОВ Олег Борисович — и.о. зав.сектором социально-культурных изменений СИ РАН, руководитель Биографического фонда.

ВИНОГРАДОВА Елена Юрьевна — аспирант Самарского государственного университета, Самара

ГЛАДАРЕВ Борис Сергеевич — кандидат социологии, научный сотрудник ЦНСИ

ГОТЛИБ Анна Семеновна — кандидат социологии, зав. кафедрой Самарского государственного университета, Самара

ДЕМИНА Наталья — научный сотрудник ИС РАН, Москва

ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, независимый исследователь, США

ЕВДОКИМОВА Елена Петровна — научный сотрудник СИ РАН

ЕЛИСЕЕВА Ирина Ильинична — чл.-корр. РАН, директор СИ РАН

ЕРЕМИЧЕВА Галина Васильевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН

ИЛЛЕ Михаил Евгеньевич — главный редактор журнала «Телескоп»

КАНЫГИН Геннадий Викторович — кандидат экономических наук, зав.сектором СИ РАН

КОЗЛОВА Лариса Алексеевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИС РАН, зам. главного редактора Социологического журнала, Москва

КОЛЕННИКОВА Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, научный сотрудник ИСПИ РАН, Москва

КОРНЕВ Николай Ростиславович — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН

МАКСИМОВ Борис Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН

МАЦКЕВИЧ Мария Георгиевна — кандидат социологии, руководитель группы СИ РАН

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологии, СПб ГУ

РЫВКИНА Розалина Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, Москва

СЫМОНОВИЧ Чеслав Эрастович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ГМИР, член Союза ученых.

ТЕМКИНА Анна Адриановна — кандидат социологии, доцент Европейского университета в СПб

ТРАВИН Игорь Иванович — кандидат философских наук, зав. сектором городского образа жизни СИ РАН

ЦВЕТАЕВА Нина Николаевна — научный сотрудник СИ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

- Сергей Самуилович Рапопорт (Вильнюс)*
Частный человек Валерий Голофафт
как ценность культуры 5
- Борис Зусманович Докторов (США, независимый исследователь)*
История в биографиях и биографии в истории..... 7
- Наталья ДЕМИНА (Москва, ИС РАН)*
Этос науки в перспективе В. Голофафта 14

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Олег Борисович Божков (СПб, СИ РАН)*
Валерий Голофафт о проблеме человека
и его статусе в социологии 29
- Анна Семеновна Готлиб (Самара, Сам ГУ)*
Новая функция социологии
или какая социология нам нужна 38
- Е. Ю. Виноградова, (Самара, Сам ГУ)*
Коммуникация в научном сообществе как условие легитимации
социального знания 46

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Елена Петровна Евдокимова (СПб, СИ РАН)*
Глобальное и локальное
в жизненном пространстве индивида 54
- Борис Иванович Максимов (СПб, СИ РАН)*
Девятый вал глобализации? 64

МЕТОДОЛОГИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Лариса Алексеевна Козлова (Москва, ИС РАН)</i> О возможностях социолого-биографического исследования русской социологии.....	76
<i>Анна Адриановна Темкина (ЕУ в СПб)</i> Сексуальные биографии: стратегии исследования и исследовательские сомнения.....	85
<i>Андрей Николаевич Алексеев (СПб, СИ РАН)</i> Многообразии писем и полифункциональность письма.....	97
<i>Нина Николаевна Цветаева (СПб, СИ РАН)</i> Социально-культурные изменения сквозь призму биографических нарративов.....	102
<i>Геннадий Викторович Каныгин (СПб, СИ РАН)</i> Контекстно-ориентированный анализ качественных данных.....	116
<i>Игорь Иванович Травин (СПб, СИ РАН)</i> Невопрошающая Социология или Невыключаемое Наблюдение.....	148
СВЯТОЕ И СВЕТСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	155
<i>Елена Александровна Островская (СПб, ГУ)</i> Современные судьбы традиционных религиозных идеологий.....	155
<i>Галина Васильевна Еремичева (СПб, СИ РАН)</i> Новые религиозные организации в «глобальной культуре» современной России.....	159
<i>Владислав Аркадьевич Бачинин (СПб, СИ РАН)</i> Социология литературы: Поэт русского андеграунда Игорь Холин и его «понимающая девиантография»	165

АКТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕГОДНЯ

<i>Ирина Ильинична Елисеева (СПб, СИ РАН)</i> Современная семья: межпоколенные связи.....	187
<i>Михаил Евгеньевич Илле (СПб, «Телескоп»)</i> Петербуржцы и культурная жизнь города	192
<i>Борис Сергеевич Гладарев (СПб, ЦНСИ)</i> Социологическая рефлексия о возможных следствиях распространения мобильной связи	200
<i>Ольга Владимировна Коленникова, (Москва, ИСЭПН РАН)</i> Кадровый кризис на промышленных предприятиях как последствие их реформирования	219
<i>Николай Ростиславович Корнев (СПб, СИ РАН)</i> Диагностика бедности и система жилищных субсидий	225
<i>Розалина Владимировна Рывкина (Москва, ИСЭПН РАН)</i> Изменение социально-политических приоритетов населения России за годы реформ	238
<i>Мария Георгиевна Мацкевич (СПб, СИ РАН)</i> Наркотизм и атрибуция ответственности	241
<i>Чеслав Эрастович Сымонович (СПб, Союз ученых)</i> Социологическое интервью как источник для изучения истории советской деревни	255

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Слово В. Б. Голофасту Зачем нужна социология в современном мире? (Выступление на 15-летнем юбилее СИ РАН, 18 октября 2004 г.)	265
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	267
----------------------------------	-----

Редакторы

Олег Божков, Борис Божков

Обложка, оригинал-макет

Борис Божков

Подписано в печать 15.12.2008. Формат 60×88 1/16. Усл.-печ. л. 16,6.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 1024.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Бильбо»,
Санкт-Петербург